

Татьяна Абалова

ЛАБИРИНТЫ РОУЗ

ПРОЛОГ

— Петушок! Петушок! Подожди меня!

— Не называй меня Петушком. Я — Петр. Сколько раз тебе говорить? — пятнадцатилетний граф резко обернулся, стоя на лестнице, ведущей к самому верху Башни молчания. Он ждал пока эта запыхавшаяся малявка Роуз, которой едва исполнилось двенадцать, догонит их с принцем. Генрих был почти на год младше его, но сравнялся в росте с Петром, который являлся зачинщиком многих игр троицы, жившей с самого рождения в столичном дворце королевства Эрия. Свон, которую Петр считал своей матерью, воспитывала детей в строгости, поэтому, когда летом они выезжали в Северную Лорию навестить старую королеву Беатрис Шестую, переставали сдерживаться и, словно три разбойника, с криками носились по тихим анфиладам дворца. Мама с прабабушкой находились в прохладных отношениях, но в детях старуха-королева не чаяла души и позволяла озорникам творить что угодно.

Сегодня с утра юноши прятались от малявки в библиотеке и хихикали, слыша, как она протяжно выкрикивает их имена. Убегая от подошедшей совсем близко принцессы, они столкнулись друг с другом в одном из книжных лабиринтов и, разлетевшись в разные стороны, качнули высокие шкафы, обрушив на пол лавину из томов и фолиантов.

Книгу в черном переплете с золотым тиснением Петру показал Генрих. Она, упав с высоты, раскрылась на красочной гравюре, где в бою сошлись оседланные людьми драконы. Друзья так увлеклись чтением, что не заметили, как к ним подкралась Роуз. Они вздрогнули от ее победного крика, но не оторвались от истории войны с Бахриманами.

— Кто такие Бахриманы? — заглянув в книгу, спросила Роуз.

— Жрецы, умевшие передвигаться по миру с помощью порталов. Колдуны из Сулейха, — брат перевернул страницу, и две вихрастые головы опять склонились над рисунком.

— Но Сулейх — это страна, где правит наместник Роквэлл Блэк, старый друг родителей, и там нет никаких колдунов, — уверенно заявила Роуз.

Ей нравилось блистать знаниями перед Петром. Хотя они воспитывались вместе, граф Пигеон часто сбегал с уроков и порой не знал простых, как ей казалось, вещей. В глазах принцессы он выглядел бунтарем, и примерной девочке очень нравилась его вольная натура.

Роуз часами могла наблюдать, как Петр самостоятельно упражняется во владении холодным оружием или фехтует с Генрихом. Занятия по укреплению тела граф предпочитал сидению над учебниками. Принц тоже любил физические упражнения, но уступал в мастерстве старшему товарищу, что в последний год особенно стало заметно по стати юношей: длинный и нескладный принц бледно смотрелся против мускулистого и подтянутого графа.

Если бы Роуз оказалась старше, она поняла бы, что нескладность Генриха временная — принц обещал стать высоким и красивым юношей. Рано сформировавшийся Петр с годами, скорее всего, уступит принцу в росте, но физически все равно будет превосходить его в силе.

Несмотря на свой малый возраст, Роуз верила, что никогда не встретит юношу лучше и красивее, чем Петр. Она любила его, пусть по детски, но искренне, и ее сердце изнывало от тоски по несносному графу, который не обращал на принцессу никакого внимания, а только бегал от нее вместе с Генрихом.

Друзья хранили свои взрослые секреты. Малышка Роуз ревела всю ночь после того, как случайно увидела фрейлину матери, крадущуюся под утро из комнаты Петра, а позже принцесса разглядела на шее той дамы тщательно замазанные следы от поцелуев.

— Шла война против Бахриманов, и всех колдунов уничтожили. Тут написано, что предводителем пяти королевств выступал ваш отец — принц Эдуард Эрийский, — Петр рассматривал картинку, на которой белые драконы дрались с черными, а на Башне Молчания стояла одинокая женская фигура. Ее волосы развевались на ветру. Художник точно передал, что нарисованная девушка готовилась прыгнуть.

— Но почему нам не рассказывали о войне со жрецами, когда мы изучали историю? — Роуз мысленно сопоставила даты. — Получается, наши родители еще не поженились.

— Смотри, тут написано, что Бахриманы могли открывать порталы одним взмахом руки!

— Вы что здесь делаете, озорники? — скрипучий голос старого библиотекаря заставил детей подпрыгнуть от неожиданности. — Вы раскидали книги! Что скажет на это ваша бабушка-королева?

Юноши резко поднялись и со смехом понеслись прочь из библиотеки. Роуз задержалась, чтобы подхватить оставленную ими «Историю о коварных Бахриманах и победе над ними Союза пяти королевств», и побежала следом. Книга оказалась тяжелой, но принцесса не хотела ее бросать. Неразлучные друзья опять спрячутся, но теперь ей хотя бы не придется бесцельно бродить по дворцу, пытаясь отыскать их. У нее есть чем заняться. Она хочет всё знать об истории войны с Бахриманами.

Девочка интуитивно угадала в нарисованной фигурке на Башне молчания свою маму.

Будто нарочно, юноши побежали в ту самую башню. Лестница серпантином вилась вверх, и из-за тяжести книги Роуз все больше отставала от приятелей.

— Петр, ты бы помог мне нести книгу? — крикнула она в гулкий проём. В ответ раздался протяжный стон графа, но звук шагов не прекратился — друзья продолжали подниматься.

Тогда девочка решила их подкупить:

— А давайте я сама прочту вам историю войны с Бахриманами? Будет весело, — добавила она, сама удивляясь, почему сказала, что читать о войне весело.

— Никуда от тебя не деться, — зло кинул ей остановившийся Петр. Генрих, идущий впереди друга, обернулся и замер на лестничной площадке, с нетерпением ожидая, когда его друг отвяжется от сестры-зануды. — Вот бы, как Бахриманы, взмахнуть рукой, и перенестись от тебя куда подальше. Надоела.

Глаза Роуз моментально стали влажными. Она еле сдерживалась, чтобы не разреветься прямо здесь, перед ним. Но тогда она получит еще большую порцию насмешек. Чувство протеста заставило принцессу гордо вскинуть голову.

— Ты, Петушок, как ребенок. Веришь во всякую ерунду. Никакого бахримановского колдовства нет. Взмахом руки невозможно открыть дверь в пространстве. Никакие слова без амулетов не позволят творить волшебство. Даже дуракам это понятно.

— А вдруг получится? Что тогда? — Петр шагнул навстречу к Роуз, малявка разозлила его: — Кто тогда из нас окажется дураком?

Роуз чуть не упала, попятившись от нависающего над ней Петра, но тот вошел в раж.

— Что там нужно произнести? — обратился он к Генриху, стоявшему выше.

Принц тут же откликнулся:

— «Дорогу идущему Бахриману». Кажется так.

— Дорогу... идущему... Бахриману, — разделяя слова, с нажимом произнес Петр. Он ни на секунду не отводил взгляда от лица пигалицы, словно пытался выжечь на ее лбу буквы.

В дополнение к словам, граф сделал нарочито витиеватый жест рукой, показавшийся Роуз издевательским.

Они так и стояли, уставившись друг на друга: Петр, с застывшей на лице злой усмешкой, и Роуз, в глазах которой светилось отчаяние и упрямство, пока не услышали удивленный возглас Генриха.

Рядом с ними в стене мерцал проход, за которым клубилась тьма. И Петр, и Роуз, не сговариваясь, шагнули к portalу: граф исчез в нём, окутанный черной дымкой, а девочка, отстав всего лишь на шаг, стукнулась об вернувшуюся на место каменную кладку башни и упала на ступени лестницы.

Графа Петра Пигеон искали по всем королевствам, но так и не нашли: он не вернулся ни через год, ни через два.

Лишь юная принцесса, изучив все книги по истории войны с Бахриманами от корки до корки, верила, что последний Верховный жрец когда-нибудь объявится.

ГЛАВА 1

За окном бушевала весна, цвели яблоневые сады. Ветер, влетая в комнату, теребил легкий занавес, играл золоченой бахромой на парчовом пологe девичьего ложа и охлаждал красные от смущения щеки принцессы, которую вот уже третий час готовили к свадебной церемонии. Невесту мыли в ванне с розовыми лепестками, которые доставили рано утром из самого Сулейха, умащивали тело бальзамами, изготовленными желтолицыми кудесниками загадочного востока, завивали волосы цвета спелой пшеницы в локоны, одевали на сияющую красотой девушку тончайшее белье, сотканное и расшитое мастерицами Корпы.

Перед тем, как протиснуться в узкие рукава и быть застегнутой на все сто пуговиц верхнего платья, принцесса попросила о передышке:

— Пожалуйста, я хочу лишь на мгновение остаться одна.

— Но Ваше Высочество, жених вот-вот прибудет во дворец, — возразила Первая фрейлина ее матери. — Негоже задерживать церемонию, расписанную до мелочей.

— Мама, — взмолилась Роуз, обернувшись на входящую в комнату женщину, походившую на дочь только цветом волос. — Неужели солнце откажется светить или Руфф развернется и уедет, если я немного полежу?

— Нет, милая. Ничего такого не случится, — Свон опустила руки на плечи сидящей в центре комнаты полураздетой дочери, встав за ее спиной. — Я вижу, ты нервничаешь, и устала от гомона людей.

— Да, устала, — Роуз кивнула головой с мудрено заколотыми волосами и тяжелой короной. — Еще чуть-чуть — и я закричу.

Свон взмахом руки приказала слугам покинуть покои принцессы. Швеи, парикмахеры, фрейлины поспешили за дверь.

— Что случилось, родная?

Роуз поднялась с кресла и шагнула к кровати. Прохладные простыни давно манили ее, и принцесса застонала от удовольствия, когда прикоснулась к ним разгоряченным телом. Вот так бы и лежала весь день. Зачем куда-то идти? Не такую свадьбу она хотела.

Принцесса наслаждалась тишиной после того, как комнату покинули все женщины, помогающие ей одеться.

— Ты сомнешь прическу, малышка, — Свон ласково посмотрела на Роуз, невольно залюбовавшись ею — такой нежной в этом красивом белье, расшитом шелковыми розами и украшенном узкими атласными лентами. Нижняя юбка задралась, оголив острое колено, и Свон погладила его, прежде чем оправить подол.

«Дочь навсегда останется для матери ребенком, даже если на ней свадебный венец», — подумала она. Свон вспомнила, как увидела Роуз в первый раз.

Роды оказались сложными, мучительными и, вконец обессиленная мать потеряла сознание, как только услышала первый крик ребенка. Она даже не знала, кто родился: девочка или мальчик. Только через сутки ей принесли малышку, завернутую в ворох батистовых пеленок с каймой, расшитой белыми розами и атласными лентами.

— Роуз, познакомься с мамой, — произнес счастливый Эдуард, пристроившись рядом с женой, когда ей помогли сесть, обложив подушками.

Свон бережно взяла из рук кормилицы дочь и долго ее рассматривала, никак не решаясь вернуть ждущей прислуге.

— Она красавица. Такая же, как и ты, — Эдуард поцеловал жену в голову. — Я назвал ее Роуз. Ты не против?

Как она могла быть против? Выросшая сиротой, только в восемнадцать лет Свон узнала, как звали ее родителей. Роуз — имя ее трагически погибшей матери.

Свон заплакала. Ребенок, словно почувствовал ее настроение, тоже завозился, скривил лицо.

— Ну, что ты, родная? — Эдуард жестом показал, чтобы унесли дочь. Как только дверь за кормилицей закрылась, он поднял Свон на руки и сидел, укачивая ее, как малое дитя, пока она не уснула, вслушиваясь в мерный стук сердца любимого. Она была счастлива: у нее есть прелестная

малышка Роуз.

С тех пор любую вещь, принадлежащую принцессе, украшали розами: белыми, розовыми, желтыми, красными. Этот цветок стала своеобразным символом принцессы.

— Эту башню ты называешь прической? Я ненавижу ее. Почему я не могу одеться так, как хочу? К чему эта показная роскошь?

— Твой дед жаждет утереть нос бреужцам, которые оценивают, прежде всего, богатство.

— Руфф Бреужский полюбил меня вовсе не за золото в казне.

— Я знаю, милая, но его родители...

— Мам, я будущая правительница Северной Лории, а Руфф второй сын короля, который, став моим мужем, поднимется на ступень выше, чем мог бы рассчитывать в своем королевстве. Неужели мы не можем хотя бы отстоять право одеться невесте так, как ей хочется?

— Родная, не так всё просто, мы выполняем требования того двора, куда ты войдешь, став женой Руффа. Здесь, помимо дружественных отношений с восточным соседом, замешена политика: Бреуж входит в Союз пяти королевств. Цель твоего деда — не только создать сильную армию, способную справиться с любым врагом, но и скрепить правящие семьи родственными узами.

— О, мама, не надо повторять то, о чем мне твердят все последние годы. Я помню, что из пяти, лишь два королевства не имеют с нами общей крови, и не забываю об истинной цели свадьбы с Руффом Бреужским. После нас останется только Лунное королевство, где подрастает будущая невеста брата. Бедный Генрих, ему ждать долгие шесть лет, прежде чем он сможет жениться на крошке Эльзе!

— Как видишь, он не ропщет, — Свон села на постель и погладила плечо, лежащей на животе, дочери. — Тебе повезло, что ты влюбилась в Руффа, а он боготворит тебя. Надо ценить то, что тебе досталось, а не капризничать по пустякам.

— Я мечтаю, что бы у нас с Руффом была такая же глубокая любовь, как у тебя с папой, чтобы он смотрел на меня с нежностью в глазах, и даже спустя много лет не утратил ко мне интерес, чтобы я чувствовала себя за ним, как за каменной стеной ...

— Всё будет, милая. Жизнь только начинается.

— Мам, — Роуз села на кровати, обхватив руками колени. — Знаешь, как я хотела бы выйти замуж? Чтобы мои волосы были распущены и стелились волной по спине, заменяя прозрачную кисею, а на голове, вместо тяжелой короны, красовался венок из ромашек...

— Простых ромашек? Откуда такая фантазия?

Роуз не ответила, прикусив язычок. Ни к чему матери знать, что она с Евой — дочерью Сары и Бертрана — тайно бегала к предсказателю Рейвену, который показал ей в магическом шаре, какой она будет невестой: простоволосой, босой, в легком белом платье и с венком из полевых цветов на голове.

А теперь получается, что магический шар соврал. На ее голове высокая башня из переплетенных локонов, золотой венец с драгоценными камнями вместо ромашек, а платье из-за обилия шелка и бархата, весит столько, что в нем можно передвигаться лишь со скоростью той улитки. За этими нерасторопными существами Роуз как-то наблюдала в дворцовом саду.

Ни к чему матери знать и о том, что беспокоит юную принцессу больше всего: станет ли она счастлива с Руффом? Он вроде и добр с ней, и нравится ей так, что сердце щемит, но уж слишком часто в последнее время в его глазах разгорается гнев. Роуз списывала вспышки злой обиды Руффа на его нетерпеливое желание обладать ею так, как мужчина обладает женщиной. Принцессу уязвляло, что в их долгих беседах иногда прорывалось пренебрежение жениха к противоположному полу, он считал женщин существами глупыми и предназначенными лишь для плотских утех. Они не раз ссорились из-за того, что Роуз берегла девственность, хотя договору об их браке было более двух лет...

— Всё равно ты станешь моей, к чему такое упрямство? Ты же позволяешь себя целовать?

Роуз позволяла не только целовать. Под настойчивым напором Руффа она однажды позволила себя раздеть. Стыдясь наготы, цепляясь за оставшуюся на ней одежду, краснея чуть ли не всем телом, она терялась в словах, стараясь объяснить, почему ей важно прийти к свадебной ночи непорочной. Роуз пыталась увернуться от более откровенных ласк, впервые видя нагого мужчину, и страхась того, что может произойти, если они потеряют голову от сладких поцелуев.

Как рассказать маме, что встреча с будущей свекровью Эстер Бреужской закончилась обещанием Роуз выполнить условие первой брачной ночи. Правящей чете важно убедиться в непорочности невесты. Королева намекнула, что брат Роуз, принц Генрих, родился слишком быстро после свадьбы родителей, и она не хотела бы слышать, как моют кости ее сыну и невестке во всех пяти королевствах.

— Я надеюсь, что ты устоишь под давлением моего любвеобильного чада? Я говорю с тобой, надеясь на женское благоразумие в таких щекотливых вопросах.

Твердое «нет» в постели вызвало такую ярость жениха, что Роуз решила: их помолвке конец. Руфф выскочил из комнаты, едва одевшись, а она корила себя, что не подобрала правильные слова и допустила начало любовной игры. Со страхом она ожидала посла Бреужа со страшной вестью о разрыве помолвки, а потом долго плакала на плече Руффа, когда после недельного молчания он появился в ее комнате с цветами и извинениями.

Нежные поцелуи, осушившие слезы, закончились примирением, но всё равно Руфф не мог сладить со своей натурой и умудрился распустить корсет Роуз и залезть руками туда, где учащенно билось ее сердце.

— Я только поцелую, — шептал он, играя языком с соском, вызывая в Роуз желание и стыд. Каких сил стоило одернуть юбку, оказавшуюся задранной чуть ли не до талии!

— Нет, Руфф, нет!

Сегодняшняя брачная ночь позволит устранить преграды, и Роуз надеялась, что у них с Руффом не останется повода для ссор.

— Пора, девочка моя, — Свон встала с постели. — Слышишь музыку? Жених прибыл.

— Мама, осталось надеть лишь платье. Позволь мне собраться с мыслями и побыть немного одной?

Свон поцеловала Роуз в висок, но нечаянно поранила щеку об острый край свадебного венца дочери. Капля крови рубином засверкала на золоте короны.

Оставшись одна, принцесса подошла к зеркалу и прижалась к холодной поверхности лбом, чиркнув тяжелой короной по посеребренному стеклу. Сеть трещин моментально расплзалась, исказив и раздробив отражение.

— Не к добру бьется зеркало, — успела подумать Роуз, прежде чем потеряла сознание.

Оседая на пол, она не видела, что из разверзшейся мраком стены вышел мужчина, пересек в несколько шагов комнату и подхватил Роуз на руки. Бережно уложив ее на постель, он вернулся к двери и повернул в замке тяжелый ключ, отрезая невесту от служанок и фрейлин, вслух считающих до тысячи, как велели им Ее Высочество — мать принцессы Роуз, чтобы, наконец, одеть невесту и вывести ее к жениху, ждущему в тронной зале.

Мужчина, склонившись над кроватью, жадно рассматривал побледневшую Роуз, провел кончиками пальцев по ее лицу, закончив движение на накрашенных розовым блеском губах.

— Прости, малявка.

На пол полетело разорванное нижнее белье чужой невесты, не чувствующей, как мужчина совершает с ней то, в чем она так долго отказывала Руффу.

Когда фрейлины королевы попытались открыть дверь, она не поддавалась. Прибывшая королевская чета не смогла уговорить дочь впустить их. Сколько Свон не увещевала свою малышку, та отмалчивалась. Плотник, взломавший замок, едва успел убраться с пути рассерженного Эдуарда.

Плач Свон и шепот фрейлин подтвердили страшное подозрение: Роуз сбежала.

Прибывший по велению наследника, королевский сыщик Штрау определил, что принцесса не могла покинуть комнату иначе, как через главную дверь. Решетки на окнах оказались целыми, какой-либо потайной ход из комнаты не обнаружен. Штрау шепнул Его Высочеству, чтобы он велел дворцовому люду покинуть комнату принцессы, дабы не затоптали возможные следы.

Разбитое зеркало наводило на мысль, что принцесса не покинула комнату добровольно и возможно даже сопротивлялась похитителю. В том, что произошло преступление, не оставалось никакого сомнения, когда нашли капли крови, ярко окрашивающие смятые простыни.

Свон едва не потеряла сознание, заметив на полу с другой стороны кровати разорванное белье, сшитое специально для первой брачной ночи дочери. Мать поняла, что с ее девочкой случилась страшная беда, которую нужно скрыть от посторонних глаз. Она незаметно подняла с пола клочки

кружева и спрятала руки в складках платья.

Всем, кто заметил кровь на постели и начал активно строить предположения, быстро разъяснили ее происхождение царапиной на щеке Свон: окровавленный золотой венец — причина ранения, валялся у зеркала. Многие поверили, а те, кто усомнился, предпочли молчать, зная, что за длинный язык палач может укоротить шею.

Руфф и его родители, так и не дождавшись выхода невесты, начали беспокоиться. Вскоре пришло известие, что принцесса занемогла и свадьбу придется отложить. Болезнь оказалась настолько заразной, что к Роуз никого не пускали, даже Руффа, порывающегося заверить принцессу, что его намерения жениться на ней незыблемы.

Эдуард же, распространяя ложные сведения, просто хотел выиграть время, чтобы разобраться, как и куда могла исчезнуть его любимая дочь.

ГЛАВА 2

Роуз пришла в себя от того, что ее насильно поили. Горькая жидкость обжигала горло, лишала возможности дышать, лилась по шее. Кубок, прижатый к губам, грозился сломать зубы, а рука, державшая за затылок, не позволяла увернуться и перестать глотать дурно пахнущее варево.

— Давай, давай, малявка, — шептал мужчина, лица которого она не могла разглядеть из-за слез, обильно льющихся из глаз. — Ты ведь не хочешь забеременеть?

Убедившись, что в кубке не осталось ни капли, незнакомец отпустили Роуз. Послышался скрип двери, поворот ключа и удаляющиеся шаги, после чего наступила давящая тишина.

«Я хотела тишины», — подумала принцесса, еще не понимая, как она могла оказаться в темной комнате. Вместе с закрывшейся дверью исчез и тот малый источник света, который мог помочь оглядеться.

Не вставая, Роуз пошарила рукой вдоль тела. Грубые на ощупь простыни позволили определить, что она находится не в своей опочивальне.

Где же она?

Страх острым жалом кольнул в сердце.

Силясь вспомнить, что с ней случилось, Роуз с ужасом осознала, что не может полностью восстановить цепь событий. Важный кусок будто стерли из памяти: вот она лежит на прохладных простынях и с нежностью глядит вслед уходящей из покоев матери, а уже в следующее мгновение она находится в незнакомой комнате и кто-то насильно вливает в нее горький напиток.

В памяти вдруг всплыла странная картинка: множась трещины на любимом зеркале, а за спиной, на стене — быстро расплывающееся черное пятно, отражение которого она успела уловить краешком глаза перед тем, как к горлу подступила тошнота, и ноги отказались держать тело.

Тело? Попробовав пошевелиться, Роуз сделала еще одно страшное открытие: тело ее не слушалось, она могла лишь пошевелить руками. Ни сесть, ни лечь на бок. Роуз покрылась испариной, только представив, что мерзкое варево может быть отвергнуто желудком, и тогда она непременно захлебнется.

подавив нарастающую панику, принцесса постаралась сосредоточиться на том, что ей доступно: одеревеневшими пальцами прошлась по мокрому от слез лицу, лизнула губы, почувствовав вкус помады и небольшую припухлость. Просунула пальцы в спутанные волосы и убедилась, что венца нет, а «башня» из локонов растрепалась. Дотронувшись до ткани на груди, вздохнула с облегчением — на ней ее рубашка: вот ряд атласных лент по вырезу, под пальцами распускаются вышитые бутоны. Спустив ладонь вниз, к животу, Роуз попыталась понять, цела ли ткань. Затуманенное сознание подсказывало, что с ней случилась какая-то беда.

Почти успокоившись, что не нащупала никаких повреждений ни на ткани, ни на теле, Роуз вдруг вспомнила слова мужчины: «Ты ведь не хочешь забеременеть?»

Стон вырвался из ее груди. Какая беременность? Откуда?

Пальцы принялись лихорадочно поднимать подол, но принцесса вовремя себя остановила. Дотянуться до внутренней стороны бедер не позволит скованное тело, а лежать с задранной юбкой в незнакомом месте опасно.

Опять полились слезы, и заложило нос. Роуз старалась дышать через рот, но страх умереть от удушья не проходил. Мысли, на которые она не могла найти ответа, подогревали панику. Кто тот мужчина, что поил ее горьким отваром? Что он сделал с ней? Почему она почти ничего не помнит? Как похититель вынес ее из дворца, где кроме стражи присутствовали тысячи гостей?

Роуз закрыла глаза. От этого ничего не изменилось, но видеть темноту и сознательно отгородиться от нее — разные вещи. Постепенно девушка успокоилась и вернулась к тому моменту, когда по зеркалу в ее опочивальне пошли трещины.

Еще и еще раз она прокручивала цветную картинку. Последнее воспоминание — ключ ко всему.

Она видела себя в белой, просвечивающей на солнце, рубашке, руку, прижатую к прохладному серебру зеркала. Мысленно она проследила, как одна из трещин, множась, доползла до ее пальца.

Стоп!

Что за пятно расплылось на противоположной стене? Слабым отголоском в памяти мелькнуло, что

однажды она видела похожую клубящуюся тьму. Стены в ее комнате обшиты восточным шелком с нарисованными по зеленому полю белыми розами, а то пятно, о котором она только что вспомнила, расходилось по каменной кладке.

Открытие заставило Роуз вскрикнуть: она видела такое пятно в Башне молчания во дворце бабушки! В день, когда шагнул в клубящуюся тьму и исчез ее друг детства!

Роуз заплакала в голос. Сомнений не было, она знала, кто её похитил. Только граф Пигеон называл ее малявкой!

— Петушок! — всхлипнула она и ударила кулаком по кровати.

Рядом раздался спокойный голос:

— Я просил не называть меня Петушком.

Принцесса открыла глаза и различила фигуру мужчины, стоявшего над ней. Его силуэт освещал слабый свет, падающий из открытой двери. Занятая своими мыслями, она не заметила, как похититель вернулся.

Петр, между тем, тронул висящую над изголовьем кровати лампу, и магический кристалл озарил достаточно просторную комнату. Но Роуз не стала ее рассматривать, ее взгляд впился в лицо взрослого мужчины, каким стал ее Петушок.

Она узнавала его и не узнавала одновременно. Трудно судить о росте, лежа на кровати, но он показался ей очень высоким и с невероятным размахом плеч. Петр темной глыбой нависал над ней. И эта глыба грозила обрушиться и погрести ее под собой. Так, наверное, себя чувствуют путники в горной пещере, когда ее свод вот-вот упадет на них. Роуз даже услышала треск камней, но откуда ему взяться? Игра затуманенного воображения.

Роуз вглядывалась в лицо потерянного друга, стараясь найти знакомые черты. Где юношеская округлость лица, где озорной блеск глаз?

Глубокие складки, пролегли по щекам, и жесткий контур решительного лица делали его гораздо старше. Сколько сейчас графу? Двадцать один? Игра тени и света или непростые годы жизни на чужбине так сильно изменили его внешность?

Чтобы избавиться от страха и от тревожного чувства неопределенности, Роуз заговорила:

— Где я?

— В Тонг-Зитте. Что, малявка, не можешь вспомнить, что это за страна? — рот Петра скривился в усмешке, а глаза остались холодными.

Роуз слышала о загадочном королевстве, откуда постоянно исходила угроза войны. Отец не раз упоминал Тонг-Зитт с горечью в голосе. Королевские шпионы пытались проникнуть туда и по морю, и по суше, и по воздуху на драконах, но ни людей, ни драконов больше никто не видел. Торговые пути могущественного Форша обрывались у высоких крепостных стен, которые опоясывали недружелюбную страну со всех сторон.

Выжженные территории, остающиеся безлюдными после набегов тонг-зитцев, неуклонно ширились. Роуз видела карту в кабинете деда, на которой красными флажками отмечались погибшие селения, и она невольно сравнивала картину захвата с болезненной опухолью, растущей и съедающей здоровое прежде тело. С запада Тонг-Зитт омывался Огненным морем, а на юг от него пролегали безжизненные пески, поэтому хищник активно увеличивал свои территории на восток и север. Чем напрямую задевал интересы Союза пяти королевств: если после покорения Вольных земель падет торговый город Форш, откроется прямая дорога на Сулейх и остров Пигеон, который принадлежит Эрии.

С южных границ Союза пяти королевств поступали сведения об увеличивающемся потоке беженцев. Люди рассказывали о непобедимых воинах, появляющихся на красной заре и уходящих в багровый закат, и не оставляющих после себя ни единой живой души. Что было правдой в рассказах, бегущих от смерти людей, а что ложью, выяснить королевским дознавателям никак не удавалось. Боевые отряды Союза находили пепелища с обгоревшими трупами и иногда обезумевшую от страха скотину, неизвестно как сумевшую выжить в огненном смерче.

— Страна-лабиринт?

В памяти Роуз всплыло, что Тонг-Зитт надежно защищала растущая вширь стена лабиринта, служащая ему границей. Запутанные ходы не пропускали через себя ни пешего, ни конного. И не выпускали назад.

— Смотри-ка. Я всегда знал, что ты заучка.

— Зачем я здесь? — Роуз пропустила едкое замечание.

— Сам не знаю.

Петр в задумчивости стучал пальцем по губам. Его взгляд скользнул по лицу девушки, спустился вниз, задержался на вырезе рубашки. Роуз покраснела, вспомнив, что ткань тонкая и через нее просвечивают соски.

— Наверное, пожалел, — Петр, словно не замечая смущения принцессы, быстро скрестившей на груди руки, продолжал ее рассматривать. — Скоро к тебе вернется подвижность. Советую в дверь не стучать и не кричать. Я вернусь, как только смогу.

Станный ответ графа, что он ее пожалел, требовал уточнения, но сейчас Роуз волновало другое.

— Кто ты, Петр? — спросила она, не понимая, чего ожидать от того, кто прежде был ей другом, и кого оплакивала столько лет, считая погибшим.

— Я — Бахриман, — его откровенный взгляд достиг низа живота. На лице Петра появилась знакомая с детства полуулыбка, от которой когда-то замирало ее сердце. Почувствовав неладное, Роуз поспешила переместить руку вниз. О, Боже! Как она могла не заметить, что на ней нет белья, сшитого для первой брачной ночи?

Петр с интересом наблюдал, как к его пленнице приходит понимание, кто снял с нее белье.

Когда речь к ней вернулась, Петр уже шел к двери.

— Что ты сделал со мной?

Не оборачиваясь, он произнес:

— Провел дорогой Бахриманов.

Как Петр предсказал, вскоре к Роуз вернулась подвижность. Правда, тело слушалось плохо, кружилась голова, поэтому девушка так и не решилась встать с кровати. Усевшись, она облокотилась на спинку, подложив под поясницу подушку, и стала рассматривать висящий на противоположной стене дивно сотканный ковер. На него она обратила внимание сразу, как только похититель закрыл за собой дверь. Сначала Роуз показалось, что на ворсистой ткани повторяется геометрический узор, но присмотревшись, обнаружила тщательно вытканый лабиринт, в центре которого стоял красивый замок. Вокруг замка раскинулось пространство, свободное от строений, но украшенное полями, озерами, лесами, обозначенными на полотне соответствующими цветами: желтым, голубым, зеленым. Все великолепие центральной части окружал массив густо-зеленого цвета — сам лабиринт. Его плавные линии завивались и обрывались, дорожки то сплетались, то убегали в разные стороны путаной нитью.

Загадочный лабиринт немного отвлек Роуз бесконечного поиска ответов на вопросы. Зачем Петр похитил ее? Как он попал в Тонг-Зитт? Почему не вернулся в Эрию? Что сотворил с ней, чтобы пронести дорогой Бахриманов?

Как ни странно, но больше всего Роуз боялась получить ответ на последний вопрос.

Шесть лет назад, когда пропал крестник ее родителей, воспитываемый ими с младенчества и считающийся таким же родным, как и Генрих с Роуз, принцесса задалась целью узнать о Бахриманах если не всё, то, как можно больше.

Открывшаяся история жрецов поразила и возмутила своей женоненавистнической направленностью, хищным отношением к матерям их детей, нещадному истреблению рожденных дочерей. Отец — принц Эдуард Эрийский в ее глазах стал истинным героем, поднявшим королевства на войну с Бахриманами и уничтожившим государство колдунов.

У Роуз в голове не укладывалось, что их Петушок, мальчик, которого она любила всем сердцем — потомок Бахриманов, а если судить по царившей в Сулейхе иерархии, то и вовсе — последний Верховный жрец. Она даже винила родителей, скрывших тайну его рождения. Ей казалось, расскажи они правду, и Петр не стал бы рисковать и произносить слова, унесшие его в неведомую даль.

Роуз до мельчайших подробностей помнила тот злополучный день.

Беатрис Шестая слегла с сердечным приступом, услышав вопли испуганных детей. Она не подозревала, что в ее библиотеке хранится книга о Бахриманах с подробным описанием обряда перемещения. Королева хоть и находилась в тяжелом состоянии, и рядом с ней неотлучно дежурил

лекарь, быстро сообразила, что Петр, если попробует вернуться, может попасть под действие магических ловушек, распыляющих жрецов на мелкие частицы. По ее приказу королевская охрана начала срочный сбор пирамидок. Роуз и Генрих помогали находить ловушки, сверяясь с картой их расположения. Ловушки складывались в специальные ящики, которые сносились в дальнее подземелье и замуровались в толще горы.

Вскоре ловушки уничтожались по всему миру, не смотря на опасность появления скрывающихся жрецов. Сбор пирамидок проводился секретно, и короли пяти государств молились, чтобы оставшиеся Бахриманы не пронюхали о том, что предметов, сдерживающих их магию, больше нет.

Беатрис Шестая устроила дознание, но ни старый библиотекарь, ни его помощники не могли внятно объяснить, откуда взялась запретная книга.

Прибывшие на следующий день после исчезновения Петра, наследный принц Эрии с супругой тоже пытались выяснить происхождение книги. Как вскоре стало известно, она значилась в секретной описи и должна была храниться в труднодоступном месте.

— Я думаю, ее похитили и подложили в лорийскую королевскую библиотеку. Не знаю, кто это сделал, но враг действовал наверняка. С трудом верится в совпадение: из тысячи книг вдруг на головы детей падает самая опасная, хранящая запретные обряды Бахриманов. Без колдовства не обошлось. Похоже, заговоренная книга только ждала момента, когда рядом появится граф Пигеон — внук Верховного жреца.

Позже догадки Эдуарда о хищении из тайника подтвердились. На книге сохранились следы магии.

Когда-то Эдуард и Уильям тоже принимали участие в изъятии книг и документов, повествующих о жрецах. По решению правителей Союза пяти королевств все запретные бумаги снесли в магическое хранилище, куда могло войти ограниченное число людей.

— Проверить каждого, кто обладает правом доступа, — распорядился Эдуард, так как хранилище находилось на территории королевского дворца Эрии. — Не обращать внимания на чины и заслуги. Среди нас завелся предатель.

Эдуард собирался рассказать Петру о настоящих родителях только в день его совершеннолетия, и надеялся, что воспитанник правильно поймет, почему от него прятались знания и опасные книги. Но мальчишка Петр узнал тайну намного раньше, и случилось то, чего так боялась Свон: Бахриманы опять вмешались в судьбу своего последнего отпрыска.

Роуз находилась рядом с матерью, когда та билась в истерику, считая, что Петр погиб на месте, но Эдуард ее успокоил, показав карту ловушек. В Башне молчания никогда ни одна ловушка не стояла, кроме той маленькой, которую принесла Свон, убегая от преследователей. Но эту пирамидку давно оттуда унесли.

Дни проходили за днями, но Петр не возвращался. Успели ли убрать ловушки там, где он мог выйти из портала? Что, если портал открылся в воде? Или в жерле вулкана на далеких Иберских островах? Застывшее лицо матери, шепчущей молитвы, выбеленная сединой прядь волос на голове отца, замкнувшийся брат, считающий себя виноватым в исчезновении друга — такой была семья Роуз в то страшное время. Никто не препятствовал ее жажде изучения истории Бахриманов. Любая ниточка могла помочь вернуть Петушка домой.

В королевский дворец свозились книги со всего света, где хотя бы вскользь упоминался Сулейх. И в одной из них, купленной за баснословные деньги в Форше, Роуз вычитала невероятное: жрецы могли перемещаться через порталы не только сами, но и с сыновьями, отнятыми у обреченных на смерть матерей.

Принцесса тогда задумалась, почему же она не смогла вместе с графом пройти через портал, открывшийся в Башне молчания? Почему тьма оттолкнула ее? Как жрецы прыгали из портала в портал, путешествуя по свету со своими малолетними сыновьями, которые еще не могли самостоятельно произнести заклинание «Дорогу идущему Бахриману»? Может, все дело в том, что она — женщина?

Но читая, как освободили замок графини Леоль Пигеон, Роуз обратила внимание, что мужчины-наемники не уходили через портал вместе с Бахриманами. Они или сдавались в плен, или погибали, ругая сбежавших жрецов. Значит ли это, что через портал проходят только те, в ком течет кровь Бахриманов?

Много позже, уже отчаявшись найти Петра, Роуз принесли книгу о несчастной Асилии, жившей когда-то в Андауте. Из нее принцесса узнала, что жрецы проводили через портал не только сыновей. В книге описывался случай, когда женщина исчезла в разверзнувшейся тьме вместе с колдуном на глазах у десятка слуг.

История начиналась с того, что Асилия очень быстро стала сиротой. Сначала затонул в Огненном море корабль, на котором ее брат Лантер отправился на Иберские острова с тайным поручением короля Андаута. Потом, один за другим в течение трех лет, умерли все наследники по мужской линии, и, наконец, на ее руках от тоски скончалась мать. В горе сироту поддерживал друг ее брата Фарух. Это он принес страшную весть о гибели наследника.

Забота и внимание мужчины привели к ожидаемому результату — Асилия влюбилась. Вскоре Фарух сделал девушке предложение, которое она приняла, но прежде оговорила, что свадьба состоится только после окончания траура по матери. Их любовь была столь велика, что богатая наследница отдалась красивому черноглазому мужчине еще до свадьбы.

Но однажды, у порога родового замка появился путник, в котором слуги признали старшего брата Асилии. С криком «Милорд вернулся!», они побежали сообщить добрую весть хозяйке и переполошили весь замок. Фарух наотрез отказался встречаться со старым другом под предлогом того, что тот не одобрит их брак, и предложил Асии бежать, чтобы тайно пожениться. Сестра разрывалась между братом, которого не видела много лет, и любимым.

Услышав от слуг, что незамужняя Асилия делит постель с мужчиной, разгневанный Лантер поспешил в ее комнату, но увидел лишь, как клубящаяся тьма поглотила и лже-друга, и глупую сестру. В Фарухе он признал торговца, которому принадлежал затонувший корабль. Лантер, чудом спасшийся с горящего судна, попал в новую передрагу. Нашедшие его моряки оказались пиратами и продали пленника в рабство. Ему повезло еще раз — он сумел сбежать из Форша и долго добирался домой.

Безуспешно Лантер искал последнюю родную душу, желая спасти ее из рук Фаруха Бахримана. Асилия словно сквозь землю провалилась.

Однажды, возвращаясь из столицы в родовой замок, наследник держал путь через лес, где его конь, чего-то испугавшись, сбросил седока. Да так неудачно, что Лантер погиб, ударившись головой о камень.

Собравшиеся на похороны люди стали свидетелями магического события: из клубящейся тьмы появилась Асилия, а с ней Фарух, которого она тут же объявила законным супругом. Через год Асилия родила, но истекла кровью, оставив безутешного вдовца с новорожденным на руках. После победы над Бахриманами ни Фруха, ни его сына обнаружить не удалось. Казна древнего рода оказалась пуста, а замок и богатые угодья заложены ростовщикам.

Какой вывод сделала повзрослевшая Роуз из этой истории? Не обязательно иметь общую кровь с Бахриманом, чтобы пройти через портал. Догадку неожиданно подтвердила мама: женщина становится «своей», если жрец хоть раз разделит с ней ложе.

От такого воспоминания Роуз подпрыгнула. Она теперь точно знала, как действует портал, и как ее перенес Петр. Кровь или семя. «Ты ведь не хочешь забеременеть?» — раздался в голове его шепот.

Роуз моментально забыла о том, где она, и сможет ли выбраться из страны лабиринтов. Все беды отступили перед страхом, что она навсегда потеряла Руффа. Он не простит! Не поймет, что нет ее вины в потере непорочности. В его глазах она станет предательницей и падшей женщиной!

Новая порция слез и нежелание жить подкосили самообладание Роуз. Она скрутилась на кровати калачиком, утратив всякий смысл в борьбе за свободу.

ГЛАВА 3

Внезапно проснувшись, Роуз почувствовала, что находится в комнате не одна. Лампа над изголовьем кровати продолжала гореть, но яркость света кто-то убавил.

Поднявшись на локте, принцесса увидела, что в кресле, стоящем в темном углу комнаты, спал Петр. Ему было неудобно, и он крутился туда-сюда, лоя маленькую подушку, которая так и норовила упасть на пол, покинув место под его щекой. Кресло скрипело, мужчина вздыхал.

Словно почувствовав напряженный взгляд Роуз, Петр резко открыл глаза.

— Что ты здесь делаешь? — с вызовом спросила Роуз.

— Тот же вопрос я хочу задать себе: что в моей комнате делает малявка, и почему я не могу поспать как человек на своей постели?

— Станный разговор, — Роуз храбрилась. — Ну, если на то пошло, почему бы тебе, Петушок, не отнести меня назад? Может быть, я еще успею на собственную свадьбу?

— А вот этому не бывать никогда. Лучше я стоя посплю. И перестань называть меня Петушком, — устало ответил Петр и устроился на кресле так, чтобы не видеть Роуз.

Принцесса замолчала, размышляя над его последними словами. Что Петр имел в виду? Она никогда не вернется или никогда не выйдет замуж? Впрочем, и тот и другой вариант ее не устраивали. Роуз выпалась, и вместе со слезами и сном ушли мысли о смерти. Вернуться домой — вот главная цель, с остальными переживаниями она разберется позже.

Мерное дыхание Петра подсказало, что он, наконец, уснул. Девушка осторожно сползла с высокой кровати, решив размяться, а заодно осмотреться, обойдя достаточно просторную комнату.

Когда они были детьми, покои, отведенные Петушку в королевском дворце Эрии, слугам приходилось убирать чуть ли не дважды в день. Его легко увлекающаяся натура заставляла браться за все и сразу. Только что он лепил из глины макет крепости Дохо, но, увидев, что Генрих принес вырезанный из дерева фрегат, тут же бросал глину и начинал строгать дерево. Он мог вырезать паруса из занавесок, висящих в игровой комнате, а потом прикатить туда бочку из-под вина, натаскать из садового пруда воды, чтобы устроить с Генрихом морской бой. К вечеру ковры покрывал слой раскисшей глины, щепки и всяческий инструмент, которым он пользовался, мастера поделки.

Сейчас, находясь в чистом помещении, где каждая вещь лежала на своем месте, Роуз не могла поверить, что оно принадлежит Петру. Неужели с годами он стал настолько аккуратным? Или у графа оказались более строгие учителя, чем ее родители? Но и мама с детьми обходилась достаточно строго, и однажды после очередного погрома заставила Петра убирать комнату, не позволив слугам даже войти в нее.

Ночью, переживая за друга, маленькая принцесса прокралась к нему, но застала Петушка уснувшим со шпагой в руке среди хаоса, к которому добавились еще и перья. Он изрубил пуховое одеяло, сделав из него большую куклу.

Идя вдоль стены, Роуз разглядывала предметы, стоящие на длинных полках, заглянула в шкаф, обнаружив преимущественно темную, но чистую и приятно пахнущую весенними травами одежду. Следующий стеллаж содержал плотные ряды книг. Возле них она замерла, не веря глазам. Петушок редко интересовался книгами, а тут, какую ни возьми, везде торчали закладки и его мелким почерком были исписаны поля страниц: магическое искусство, тайны перемещения в пространстве, колдовские заговоры и яды, врачевание, механика, градостроение... Кто сотворил с Петушком такое чудо?

Осторожно обойдя кресло, в котором спал граф, Роуз подошла к огромному рабочему столу, где, наконец, обнаружила беспорядок. Но внимательно присмотревшись, поняла, что каждая вещь находилась на нужном месте, просто хозяина оторвали какие-то срочные дела, и он оставил свою творческую работу. Боясь дотронуться до чего-либо, она кружила вокруг стола, рассматривая один листочек за другим. На одних были начерчены фрагменты прямоугольных лабиринтов, на других кольцевидные, на третьих какие-то непонятные механизмы и странные сооружения. Среди множества чертежей выделялся один, на котором вся верхняя часть была выполнена в красках. Поднеся его ближе к свету, Роуз со удивлением разглядела на нем рисунок спящей девушки. Пшеничные волосы, на тон темнее ресницы и брови, приоткрытые во сне пухлые губы, плавная линия плеча, с которого сползла ночная сорочка с красными лентами, открыв упругую грудь.

— О, Боже! — прошептала Роуз, узнав в спящей девушке себя. Дотронувшись до кристалла в лампе, она усилила свет и убедилась, что рисунок сделан давно. Еще год назад ее любимую сорочку

испортила прачка, замочив ее в кипятке, отчего на белой ткани появились красные разводы.

Значит, уже тогда Петр наблюдал за ней? Получается, он не один раз появлялся во дворце? Как же так? Она до последнего откладывала свадьбу, ожидая его возвращения, боясь признаться даже себе, что так и не изгнала из сердца любимый образ, а он? Он все это время находился рядом и ни разу не показался, хотя видел, что в ее жизни появился другой. Да, Руфф тоже ей нравился, даже очень, но воспоминания о той детской любви оказались так сильны, что она невольно избегала близости с женихом, прикрываясь просьбой его матери.

«Смотри, кого ты не можешь забыть! — упрекнула она себя за неподобающие мысли. — Граф обесчестил тебя. Да, пришло время назвать случившееся своими именами: он похитил тебя и держит в заключении!»

— Ты животное, Петушок! — не удержавшись, вслух произнесла Роуз и тут же пожалела.

Он налетел на нее, словно вихрь, резким движением бросив на кровать. Забравшись сверху, придавил одной рукой за горло, другой вырвал акварельный рисунок и отбросил в сторону.

— Я просил не называть меня Петушком? — прорычал он, наклоняясь к лицу пленницы.

Роуз закрыла глаза, чтобы не видеть его страшный немигающий взгляд. Еще в детстве Петр переигрывал ее в «гляделки», но сдавались она не потому, что ей хотелось моргнуть, а от того, что черный взгляд графа завораживал и от него шел холодок по спине.

Она могла бы согласиться, что больше не станет называть его Петушком, но интуитивно поняв, что наказание все-таки не последует, решила приберечь обещание для другого, более опасного случая. Пусть ее молчание станет своеобразным протестом.

Зашуршала ткань, и тяжесть мужского тела пропала. Роуз опрометчиво предположила, что Петр вернется в кресло, но прозвучавшее: «Какого демона я не могу спать на своей кровати?» — похоронило ее надежды. Совсем чуть-чуть приоткрыв глаза, девушка обнаружила, что граф вытянулся в полный рост рядом и даже накрылся ее покрывалом. Лежать с ним в одной постели Роуз боялась, поэтому соскользнула с нее и демонстративно перебралась на его место — в кресло.

Принцесса сильно уступала в росте Петру, но и ей трудно было устроиться на не предназначенном для сна сиденье. Теперь она крутилась и вздыхала, ловила маленькую подушечку, выскальзывающую из-под щеки. Намучившись, девушка сползла на пол, где лежал шерстяной ковер, но сквозняк и отсутствие покрывала, заставили ее отказаться и от этой затеи. Вконец озябнув, сломленная неодолимым желанием спать, Роуз рассудила, что ничего страшного не случится, если она расположится с другой стороны кровати и отгородится от графа одеялом. Если бы Петр захотел причинить ей зло, она бы уже рыдала, а не металась по комнате.

Осторожно забравшись на кровать, она подцепила край стеганого покрывала и завернулась в него, словно гусеница-листовертка. Даже не успев распереживаться на тему «а вдруг», Роуз уснула.

Ее не разбудил шум, она не слышала сквозь сон голоса или шаги — принцесса открыла глаза, поняв, что выпалась. Несколько мгновений блаженного забвения сокрушили воспоминания о Петре и ее похищении. Роуз резко повернула голову, но к ее радости на постели никого не оказалось.

Пришлось потрудиться, чтобы выбраться из мягких оков одеяла, в которое она, опасаясь Петра, завернулась, словно гусеница в кокон. Опустив ноги на ковер, Роуз заметила, что ей принесли мягкие туфли без задника, а на кресле висел мужской шелковый халат. И туфли, и халат оказались настолько велики, что она почувствовала себя ребенком.

Безвылазно находясь в темной комнате, принцесса потеряла счет времени. Она не смогла бы ответить даже на такой вопрос: дни или часы она находится в заточении? Хотелось пить и есть, но ни крошки хлеба, ни кувшина с водой она не нашла, хотя проверила все многочисленные полки.

Ночью ее исследования закончились на рабочем столе, рядом с которым висел ковер с вытканым лабиринтом, поэтому Роуз решила осмотреть шкафы, стоящие с другой стороны кровати. Дернув резные дверки, принцесса обнаружила, что это своеобразные ставни, закрывающие проход на просторную веранду. Ей пришлось зажмуриться от слепящих лучей солнца. А она-то думала, что находится в подземелье! Ее поразило и другое открытие: веранда располагалась на невероятной высоте. Перед глазами предстал потрясающий вид, в точности повторяющий узор, вытканый на ковре. Вот поля, на которых пробилась ростки травы, напоминающие с такой высоты бархатистую ткань. Чуть левее виднеется лес, верхушки деревьев которого задевает вольный ветер, создавая иллюзию волнующегося зеленого моря. А вон стена лабиринта, отсюда кажущаяся сплошной, но она наверняка испещрена проходами и тайниками, если верить рисунку на ковре. Правда, на нем еще изображено озеро, но Роуз рассудила, что, скорее всего, оно находится с другой стороны замка. Нужно запомнить: водоем может стать ориентиром.

Грандиозность раскинувшегося перед ней лабиринта поражала. Его дальние кольца уходили за горизонт и пропадали в сизой дымке.

Роуз проверила, открываются ли окна, но не нашла ни одной задвижки. Сверившись с рисунком на ковре, она предположила, что скорее всего опочивальня Петра расположена в одной из башен того самого дворца, что выткан в центре.

«Чуть позже нужно обстоятельно изучить ковер», — решила Роуз, ведь она никогда не откажется от идеи побега и постарается найти способ вернуться домой. А пока ей нужно было найти туалетную комнату. Туда хотелось сильнее, чем пить и есть.

Вернувшись в опочивальню, Роуз заглянула в каждый угол, но ни потайных дверей, ни ниш не обнаружила, зато нашла под кроватью ночную вазу. Ваза ей понравилась — красивая, расписанная золотом. Девушка воспользовалась ею, ругая Петра на все лады.

Так и не утолив жажду и голод, и испытывая муки уже только по этому поводу, Роуз решила заглянуть в замочную скважину. Ее мучило любопытство, что же находится за дверью, в которую запретил стучаться граф. Но к ее разочарованию с другой стороны торчал ключ. Поднявшись с колен, она уперлась в дверь лбом, прикидывая, стоит ли покричать и напомнить о своем существовании, или лучше умереть от жажды. Пусть Петру будет хуже.

Еще мгновение — и принцесса кубарем вывалилась в распахнувшуюся дверь. Та просто напросто оказалась не заперта.

Поднимаясь с пола и в очередной раз ругая Петушка, Роуз обнаружила себя в комнате, обставленной изысканной белой мебелью. Мягкие диваны составляли композицию с креслами и пуфами. В небольшом камине весело потрескивали дрова, и веяло приятным жаром. На полу лежал ковер с таким высоким ворсом, что ноги утопли по щиколотку. Слева, у витражного окна, стоял сервированный стол с двумя креслами. Запах свежеприготовленной еды вызвал у принцессы неприличное урчание в животе.

Но не желанная пища сейчас занимала ум Роуз. Принцесса злилась: у камина стояли два одинаковых дивана, украшенных горой подушек, и на каждом спокойно мог разместиться крупный мужчина. Даже ножки не пришлось бы поджимать!

— Так зачем же ты, Петушок, мучился сам, а потом и меня заставил полночи крутиться на неудобном кресле? — задала она вопрос несуществующему собеседнику, но на всякий случай оглянулась. Вдруг Петр выпрыгнет откуда-нибудь из шкафа и опять потащит ее душить за ласковое «Петушок»?

Голодный спазм напомнил ей, что на полный желудок думается лучше, и она с удовольствием отведала нехитрую еду: хлеб, молоко, козий сыр, кусок отварного мяса.

Насытившись, Роуз подергала створки витражного окна. Оно тоже не открывалось, поэтому принцессе не удалось рассмотреть сквозь окрашенное во все цвета радуги стекло панораму противоположной стороны лабиринта. Осталось только догадываться по застывшим теням строений, что окно выходит во внутренний двор огромного замка.

В белой комнате не оказалось шкафов и полок, кроме еще одной двери, похожей на ту, первую. Подергав ручку, надавив на нее плечом, лбом, коленом, Роуз убедилась, что эта уж точно закрыта. Замочная скважина показала лишь часть лестницы с деревянными перилами и ни единой живой души на ней.

Не привыкшая сидеть без дела, принцесса вспомнила о замечательном ковре. Вернувшись в спальню, Роуз осторожно забралась на рабочий стол и принялась рассматривать рисунок. Он был так тщательно выткан неизвестными мастерами, что девушка легко нашла четыре башни, имеющие веранды. Они венчали углы крепостной стены. Грандиозное строение в центральной части внутреннего двора собственно и было дворцом. Получалось, она находилась в одной из башен, но пока не понятно в какой именно. Но... точно не в той, из которой видно озеро.

Роуз, рассматривая крепостные стены, заметила, что их рисунок повторяет вторая линия. В отличие от коричневых стен, она была выткана голубым цветом. Скорее всего, так обозначался ров, заполненный водой. Но обычно, насколько помнила принцесса, через ров прокладывался мост, и, как правило, он был подъемным. На ковре же она насчитала целых восемь мостов. В чем же смысл? Большое количество мостов представляет явную угрозу для обороны замка. Неужели люди, живущие во дворце, уверены, что зеленый лабиринт их защитит?

Роуз слышала от отца о трудной проходимости лабиринтов, но у нее есть такое преимущество, как точный рисунок! А это шанс вырваться на свободу! Осталось только незаметно выбраться из замка, переплыть ров, пересечь поле и вынырнуть с другой стороны загадочного строения! Роуз даже захотелось побегать по комнате, в такое возбуждение она пришла от идеи справиться с загадкой

лабиринта.

Принцесса водила пальцем по вытканному рисунку, но все время упиралась в тупик. Однажды она даже подобралась к внешней его части, но не смогла вспомнить с какого прохода начала движение.

Походив из угла в угол, Роуз сообразила, что можно срисовать этот участок лабиринта и уже на бумаге обозначить путь, по которому во время побега она будет следовать. Порывшись в бумагах на столе Петра, принцесса нашла чистый лист и карандаш, но нарисовать лабиринт оказалось не так просто. Роуз путалась, перескакивала с витка на виток, а дорисовав фрагмент, выясняла, что закончила его не тем куском хитросплетения. Испорченные листы она рвала на части, вкладывая в это действие столько чувств, будто только бумага была виновата в отсрочке побега. Следы своих художеств, исполненных графитом, она сжигала в камине, где продолжал полыхать жаркий огонь.

Вымотавшись, но так и не сумев сносно нарисовать ближайшую к замку часть лабиринта, принцесса присела у камина. Поправляя кочергой горящую бумагу, Роуз ворчала:

— Если так будет продолжаться, то мне придется до старости рисовать этот проклятый лабиринт. Должен же быть какой-нибудь выход!

Она понимала, что гораздо проще было бы воспользоваться порталом, но не затем ее похищал Петр, чтобы помогать сбежать.

Мысль, что если ей удалось один раз пройти дорогой Бахриманов, то получится и во второй, вызвала новый прилив сил. Может все не так сложно? Она произнесет нужные слова, махнет рукой и портал пропустит ее, как «свою»?

Роуз на разные лады кричала «Дорогу идущему Бахриману» и творила десятки пасов рукой, но портал так и не открылся. Идея оказалась бессмысленной.

Услышав шаги на лестнице, Роуз заметалась. Остаться здесь или бежать в спальню? Исписанная бумага сожжена, но она не успеет вернуть карандаш на стол. Нельзя, чтобы граф узнал о попытках перерисовать лабиринт. Приподняв край ковра у стены, она сунула под него грифель и быстро села в одно из кресел.

Дверь открылась настежь, и в комнату ворвался Петр. По взъерошенным черным волосам, завившимся на потном лбу в тугие спирали, по прерывистому дыханию, вздымающему широкую грудь, по небрежно расстегнутому вороту белоснежной рубахи Роуз догадалась, что весь путь до покоев граф бежал.

Ее поразила мужская красота лица, которую она смогла оценить при дневном свете. Разлет густых бровей, крупный, но такой правильный прямой нос, четко очерченные губы, имеющие привычку складываться в ироническую улыбку, хорошо знакомую с детства.

Появившийся от быстрого бега темный румянец окрашивал его тщательно выбритые щеки, а в глазах светилось то нетерпеливое ожидание, что свойственное человеку, спешащему увидеть некую диковинку.

«Диковинка» сидела в одном из кресел и пытливо рассматривала лицо похитителя.

Петр замер, словно споткнулся о невидимую преграду, едва сделав несколько шагов. Встретившись с пленницей глазами, граф постарался взять себя в руки и скрыть следы возбуждения. Губы сложились в ухмылку, которая когда-то бесила маленькую принцессу. Роуз точно знала, что сейчас последует издевка. Но неожиданно для себя она сделала поразительное открытие: Петр скрывал за ехидной улыбкой и обидными словами свой к ней интерес.

— Для разнообразия ты не пыталась посмотреть на себя в зеркало? — он с удовольствием проследил, как Роуз меняется в лице. Равнодушную маску, которую она нацепила на себя, как только Петр появился в комнате, сменила растерянность. Граф многозначительно поднял бровь, а Роуз, стараясь не терять достоинства, медленно поднялась с кресла и отправилась в спальню, где в одной из створок шкафа находилось зеркало.

Пока принцесса шла, волоча за собой полы длинного халата, она успела отметить сразу несколько смутивших ее вещей.

Во-первых, Петр оказался весьма высокого роста, почти такого же, как и ее брат Генрих. Проходя мимо графа, Роуз испытала ряд противоречивых чувств, сродни тем, которые переживает путник, вдруг оказавшийся у подножия нависающей над ним скалы: ощущения могущества дикой природы и ничтожности мелкой букашки. Во-вторых, что было самым ужасным и чего она, занятая делами, не замечала — в комнатах царил страшный беспорядок, устроенный ее собственными руками. Сдвинутые в кучу бумаги, на которых она еще и потопталась, разглядывая ковер, плохо прикрытые дверцы шкафов, лежащие на полу подушки, скинутые ею впопыхах, когда она увеличивала яркость

света в лампе, выдвинутая чуть ли не в центр комнаты ночная ваза с ее содержимым, прикрытым (хоть здесь не опозорилась) крышкой.

Чтобы спрятать смущение, Роуз еще больше задрала нос и королевской поступью приблизилась к зеркалу. На принцессу глянула та самая диковинка, с которой она себя недавно сравнила. Она в первое мгновение даже отшатнулась, не узнав свое отражение. Роуз увидела девушку с покосившейся на бок башней из спутанных волос, с лицом, измазанным сажей и карандашным грифелем. Картину довершал надетый наизнанку халат.

Роуз в растерянности взглянула на руки и все поняла: на них красовались те же пятна. Видимо, смахивая выбившиеся из прически волосы, в задумчивости потирая лоб, а то и хватаясь в азарте рисования то за рот, то за шею, она разукрасила себя на манер дикарей, живущих на Иберских островах. Одного такого привозил цирк, куда она с братом и Петром, будучи подростками, тайно пробирались, переодеваясь в простолюдинов.

Встретившись взглядом со стоявшим за ее спиной графом, Роуз прибавила к черным пятнам пунцовый цвет стыда.

— Ты бросил меня здесь с этим чертовым горшком, — Роуз сердито ткнула пальцем в сторону ночной вазы, — а теперь удивляешься, что я не умылась? Где по-твоему я могла бы это сделать? Плескаться в тарелке, поливая себе на руки водой из графина?

— Ах, Ваше Высочество! — театрально поклонился граф. — Прыгать как белка по кроватям и столам у вас сноровки хватило, а раскинуть мозгами и найти то, что находится под носом, вы не смогли? Берите горшок и следуйте за мной.

Петр прошел к веранде, закрыл двери, и Роуз увидела в углу комнаты арку, которая вела в небольшое помещение, где граф молча указал на столик со стеклянной чашей и кувшин с водой. На стене висело круглое зеркало, окаймленное рамой с таким же золотистым узором, что и на ночной вазе.

Каждая вещь в купальне была сделана в едином стиле. Узор повторялся и на кувшине, и на чаше, и на огромной лохани, что стояла чуть дальше, и на ширме, отделяющей угол, в котором пряталось специальное кресло, делающее ненужной ночную вазу.

— Горшок я использовал только для того, чтобы не тащить тебя сюда, пока ты находилась под воздействием обездвиживающей магии.

Услышав, что ей пришлось пережить, пока она была без чувств, Роуз с грохотом поставила горшок на пол и топнула ногой.

— Я не привыкла обходиться без служанок. Будь добр, пришли кого-нибудь, чтобы меня искупали и расчесали.

Глаз Петра потемнели:

— Скажи спасибо, что ты до сих пор жива. Если не хочешь резко сократить срок своей жизни, учись обходиться без посторонней помощи.

Уже направляясь к порогу, он ткнул пальцем в небольшой плоский шкаф:

— Поройся и здесь для разнообразия.

Дверь бесшумно закрылась, и Роуз осталась стоять в полной растерянности. Как она справится без служанок, которые с детства окружали ее?

— Ну, и хорошо! — громко произнесла она. — Ну, и ладно!

Она решительно направилась к двери, намереваясь запереть ее на ключ, но пыл Роуз остыл, когда она не нашла ни замочной скважины, ни щеколды.

Подпереть дверь оказалось нечем, поэтому принцесса бросила эту затею и направилась посмотреть, что хранит в себе плоский шкафчик. Открыв его, она обнаружила идеальный порядок. Баночки, бутылочки и горшочки с жидким мылом и пахучими маслами соседствовали с корзинками, заполненными цветными брусочками и камешками, о назначении которых принцесса не догадывалась. В красивых коробках лежали резные гребни, щетки и прочая мелочь, предназначенная для ухода за волосами. Ряд ловко скрученных в рулоны пушистых полотенец различного размера плотно заполнял верхнюю полку, и стоило принцессе вытянуть одно из них, остальные тут же обрушились вниз. Мгновение и принцесса стояла в ворохе цветных тряпок.

Не веря глазам, что сумела сотворить хаос и здесь, Роуз постаралась запихнуть полотенца на место,

но невысокий рост не позволил ей справиться с простой задачей.

— Ну, и пусть! Ну, и ладно! — шептала она, направляясь к лохани, наполненной водой.

Быстро скинув рубашку, принцесса шагнула в лохань и вскрикнула от неожиданности — вода оказалась ледяной.

Когда на ее крик в комнату влетел Петр, девушка, поняв, что стоит совершенно голая, быстро присела, да так неловко, что поскользнулась и опрокинулась в воду с головой.

Сильные мужские руки не позволили ей захлебнуться и одним рывком, ухватив за подмышки, вытащили из лохани и поставили на ворсистый ковер, который тут же намок.

— Ты что творишь? Кто купается в ледяной воде?

Но остановив взгляд на девушке, Петр не смог сдержать улыбки, очень скоро сменившейся раскатистым смехом. Было из-за чего смеяться.

Роуз только представила, в каком виде она стоит перед графом, и закричала зубами. А еще проклятая прическа намочила, и волосы свесились набок, закрывая половину чумазого лица. Единственный открытый глаз полыхал ненавистью. Большого унижения Роуз никогда не испытывала. Она обхватила себя руками, крупная дрожь начала сотрясать ее тело.

Продолжая посмеиваться, Петр направился к шкафу, вытащил один из цветных камней и бросил его в воду. Та, судя по пару, поднявшемуся над поверхностью, быстро стала горячей.

Открыв несколько стеклянных бутылочек, Петр вылил их содержимое в лохань и взболтал рукой воду, создавая высокую пену. По комнате поплыл нежный розовый запах. Развернувшись к Роуз, граф выдернул из ее рук полотенце, которым она успела прикрыться, подхватил на руки и опустил в воду.

— Роуз, ты, оказывается, такая неумеха, — вздохнул он, снимая с себя рубашку, которая намочила во время спасения утопающей. Принцесса напряглась, но Петр спокойно принялся вытаскивать многочисленные шпильки из прически неудавшейся невесты, потом плеснул из глиняного кувшина жидкое мыло себе на ладонь и начал втирать его в голову притихшей пленницы.

Горячая вода приятно ласкала тело, оказавшиеся нежными руки Петра осторожно массировали голову, а густая пена на время избавила от стыдливости, скрыв грудь и прочие места, которыми Роуз не желала больше красоваться перед графом.

Ей захотелось мурлыкать от нахлынувшего блаженства.

«Он похититель, насильник, враг» — напоминала себе Роуз, пытаясь отвлечься от такой неожиданно приятной возни с ее волосами. Хотя глаза она закрыла сразу же, как увидела голый торс мужчины, избавиться от возбуждающих мыслей ей никак не удавалось.

«Он похититель, насильник, враг».

Но какие у него руки!

— Дальше сама, — отвлек ее голос Петра. — Надеюсь, с лицом и прочим ты справишься лучше.

Он поднял брошенное полотенце, вытер руки, подхватил одежду и вышел за дверь.

Только сейчас Роуз позволила себе расслабиться. Она все время ждала подвоха, но ни во время совместного сна, ни теперь Петр и жестом не показал, что она интересная ему как женщина. Когда она пришла в себя в незнакомой комнате и поняла, что ее обесчестили, то боялась, что на этом Петр не остановится. Но он еще раз удивил ее, когда терпеливо возился с ней, будто она капризный, ничего не умеющий ребенок.

Чтобы оставаться честной с самой собой, Роуз признала, что понятия не имеет, откуда бралась горячая вода в ее родном замке в Эрии — греют ли ее на кухне и носят ведрами или бросают похожие камешки, моментально делающие воду горячей. Роуз вспомнила, как мама рассказывала, что видела магические горячие камни на корабле работорговцев. Но были ли они такими же или могли лишь поддерживать огонь в очаге, она не знала.

Закончив купание, Роуз не нашла своей одежды, поэтому завернулась в одну из простыней, лежащих в шкафу, переступила через гору полотенца и направилась в комнату.

Петр сидел за столом. На нем была застегнутая на все пуговицы свежая рубашка, что порадовало и несколько успокоило Роуз. На кровати лежал приготовленный для нее новый мужской халат, в который она быстро облачилась и туго завязала пояс. Пока она вытирала волосы, невольно

обратила внимание на то, чем так занят Петр, совершенно не замечающий ее появления в комнате. Приглядевшись, Роуз охнула и села на кровать: граф держал в руках сделанный ею рисунок фрагмента лабиринта. Видимо, клочок бумаги соскользнул под стол, и Роуз его не заметила. Она замерла в ожидании наказания и втянула голову в плечи, когда Петр развернулся к ней.

— Никудышная из тебя художница, — помахав бумагой, произнес он.

Вместо того чтобы вздохнуть с облегчением, ведь судя по добродушному тону Петра, гроза прошла мимо, Роуз в очередной раз задрала нос. Она решила схитрить.

— Я всегда получала по рисованию только отличные оценки. Вот если бы ковер лежал на полу, мне было бы легче повторить его необычный узор.

— Я рад, что ты нашла себе занятие, — Петр поднялся и легко запрыгнул на стол. Несколько движений руки и ковер тяжелой складкой сложился у стены, а граф подвинул мебель, чтобы расправить его на полу.

Пока Роуз топталась по ворсистой поверхности, рассматривая выбранный участок узора, Петр принес из соседней комнаты шкатулку, в которой обнаружились цветные нитки и игла.

— Отмечай проходы лабиринта стежками. Так будет легче перенести найденный путь на бумагу.

— Почему ты помогаешь мне? Ведь ты точно знаешь, для чего мне это нужно, — Роуз прищурила глаза, пытаясь прочесть правду на лице графа.

— Побег? — улыбнулся тот в ответ. И уже без улыбки добавил: — Он невозможен. Ты просто погибнешь.

Его забавляла наивность принцессы. Когда Петр шесть лет назад попал сюда, тоже занялся поиском выхода. Воспользоваться магией портала еще раз он не смог, сколько бы ни махал руками и ни произносил на разные лады волшебную фразу. Но принцессе не обязательно знать, какие трудности кроме ближайшего лабиринта встретятся на ее пути. Отвлекаясь на рисование, пытаясь найти выход, она даст ему время решить, что с ней делать дальше.

Если бы только Роуз догадывалась, какой опасности подвергается здесь, в замке! Но и перенести ее назад к родителям он не может. Это выше его сил. Еще один переход и ему придется убить ее. Или умереть самому.

Роуз не стала спорить. В ее голове созрел план, и она собиралась следовать ему, чего бы не говорил похититель. Она выберется на свободу. Пусть ей придется продвигаться к заветной цели мелкими шажками, но сама идея, что она станет ближе к своим спасителям, вдохновляла.

Чтобы не упасть в пропасть отчаяния, она отмела все сомнения, что ее могут не найти. За ее спиной стояли пять королевств, отец, брат и жених. Неужели они не перетрясут весь мир, чтобы вернуть ее? Холодок от мысли, что когда-то Петра так и не нашли, она старалась не замечать.

ГЛАВА 4

Последовала череда однообразных дней. Петр уходил рано утром, оставляя на столе нехитрый завтрак, а появлялся, как правило, поздним вечером, неся с собой корзинку с едой. Иногда он возвращался неожиданно. И, войдя в комнату, застывал над Роуз, ползающей по ковру. Он рассматривал проложенные ею стежки, ведущие к выходам из лабиринта. Да, их оказалось несколько. Принцесса не знала, с какой стороны замка она окажется, поэтому пыталась найти как можно больше путей, ведущих на свободу.

Они почти не разговаривали. Словоохотливая Роуз не оставляла попытки узнать о своем будущем и о том месте, где она находилась. Но Петр или делал вид, что не слышит ее, или отвечал односложно. Настойчивость принцессы вывести графа на откровенный разговор приводила к тому, что он останавливал ее ледяным взглядом или предлагал зашить ей рот. Роуз верила, что он может это сделать, поэтому прикусывала язычок и дулась весь остаток вечера.

При всем кажущемся спокойствии Петра, Роуз замечала, как он с каждым днем становился все мрачнее. Она списывала его замкнутость на свои успехи в прохождении лабиринта, но не могла понять, почему он не отберет у нее ковер и те рисунки, что она успела сделать.

И еще одна странность в поведении графа была отмечена Роуз: если он находился в комнате, то не отходил от нее ни на шаг, стараясь сократить расстояние между ними до вытянутой руки.

Она по-прежнему делила с ним постель. Конечно, с ее стороны были попытки перебраться на диван, но утром она обнаруживала, что спит в объятиях Петра. Словно неведомая сила притягивала графа к ней. С большой неохотой он уходил из башни и всегда бегом возвращался. Роуз видела боль в первом случае и облегчение на его лице во втором.

Сначала она рисовала себе, что Петр безумно в нее влюблен, но с его стороны почему-то отсутствовали всякие попытки сблизиться. Даже его объятия во время сна трудно было назвать любовными. Он просто оборачивался вокруг нее, словно старался сделать своей частью. А выпускал из объятий так и вовсе с таким зубовным скрежетом, как будто ему в этот момент вырывали сердце.

Страсть? Да. Но какая-то болезненная, необъяснимая.

Однажды вечером, когда они поужинали, и каждый занялся своим делом (Петр сидел у камина и читал одну из книг, а Роуз при свете жаркого огня рассматривала фрагмент лабиринта, который только что нарисовала), в дверь, ведущую на лестницу, постучали. По быстрым действиям графа Роуз поняла, что он скрывает ее существование от обитателей замка. Петр бесшумно метнулся к ней и зажал рот ладонью. Почти задышающуюся, он перетащил ее в соседнюю комнату, где кинул на кровать.

— Ни слова. Иначе умрешь, — прошептал он и закрыл дверь на замок.

Замочная скважина, к которой она тут же приникла, на этот раз оказалась без ключа. Через нее Роуз смогла разглядеть только спину Петра. Голоса заглушал неистовый стук ее сердца, который не позволил разобрать не только речь, но и пол собеседника. Ладони у Роуз вспотели. Она почти решилась закричать, чтобы привлечь внимание гостя, но за ним уже закрылась дверь.

Выпроводив посетителя, Петр коротко обернулся на ее дверь. Мгновения оказалось достаточно, чтобы она увидела гамму чувств, отразившуюся на его лице: злость, смятение, брезгливость, боль. Увиденное заставило Роуз отшатнуться. Чем вызван такой всплеск эмоций?

Когда она опять прижалась к замочной скважине, то увидела, как Петр коротко выдохнул, будто собираясь нырнуть, распахнул дверь на лестницу и вышел.

Уже более суток Роуз сидела взаперти, а Петр все не возвращался. Чтобы отвлечься, принцесса то перерисовывала лабиринт, то листала книги с заметками графа. В одной из них она нашла страницу с цветным рисунком лабиринта. Как Роуз ни выискивала, какой из участков лабиринта, вытканного на ковре, на нем изображен, сходства не находила.

Это был другой лабиринт!

Встревоженная открытием, измученная долгим ожиданием Петра и накатывающими приступами голода, принцесса разрыдалась. Она жалела себя, ругала Петра, наконец, понимая, почему он позволил ей рисовать лабиринт.

— Он не один! Лабиринтов два!

Поплакав в голос, и немного успокоившись, Роуз подошла к столу. Окинула взглядом бумаги, вздохнула. Какая же она глупая! Как она не догадалась сравнить рисунки, что нашла здесь в самый

первый раз? Пелена спала с глаз, когда она поняла, что на всех бумагах Петра нарисована, по крайней мере, дюжина разных лабиринтов!

А она увлеклась вытканым на ковре, что ей милостиво разрешили рассмотреть!

Какой из рисунков графа отображает лабиринт, раскинувшийся вокруг замка? Не перестраиваются ли лабиринты время от времени? К чему так много изображений вращающихся деталей, поворотных механизмов, потайных дверей? Неужели они все применяются?

Роуз от досады хлопнула ладонью по столу. Все ее детские попытки найти дорогу смешны!

О, как она ненавидела Петра!

Слезы душили, обида на коварного графа росла. Хотелось умереть.

Но есть хотелось больше.

Ее разбудил запах еды. Дверь оказалась открытой, а из купальни слышался плеск воды. Соскочив с кровати, Роуз кинулась туда. Злость на Петра заставила забыть о приличиях, и она ворвалась в комнату, в которой застала графа сидящим в лохани с водой.

Он поднял глаза на шум. Слова упрека, готовые слететь с языка Роуз, пропали, когда она увидела, в каком состоянии находится Петр.

Смуглая кожа казалась серой, на лице залегли глубокие морщины, словно неведомый зверь высосал из Петра всю жизненную силу. Роуз больше всего поразили его глаза. Не было в них ни огня, ни злости, ни усталости. Только пустота.

Слабая улыбка, скривившая губы Петра, больше походила на оскал, и Роуз попятилась к двери, так и не произнеся ни слова.

— Я сейчас, — бесцветным голосом произнес он.

Покинув купальню, Роуз так и не могла избавиться от странного ощущения большой беды, в которую попал граф. Сейчас она не видела молодого человека, это была тень Петра, пышущего еще накануне силой и здоровьем.

Нехотя поковырявшись в корзинке, которую граф оставил на столе, Роуз вытащила кусок хлеба и кувшин с молоком. Она ела лишь бы насытиться, не замечая вкуса, настолько ее ошеломил вид Петра. Что с ним случилось?

Скрипнула кровать, и Роуз отложила недоеденный кусок хлеба. Прислушалась. Тихий стон раненного человека. Она тут же забыла о своих обидах, о пленении. Ее сердце разрывалось от жалости к бывшему другу. Нахлынули воспоминания, как Петр, презрев опасность, спустился в расщелину в горах Северной Лории. Там застрял олень, испуганный камнепадом. Животное, обезумевшее в попытках выбраться, ударило Петра копытом в своем последнем прыжке на свободу, и сломало ему несколько ребер. Роуз забыла, насколько сильное наказание получили слуги и охрана за безрассудный поступок молодого графа, но прекрасно помнила его стоны сквозь стиснутые зубы. Тогда она легла к нему в постель и обняла за плечи. То ли ему действительно стало лучше от ее нежности, то ли он не хотел казаться ей слабым, но стоны прекратились, а вскоре больной и вовсе уснул.

Она нашла его лежащим на боку на их постели. Он не вытерся, и капли воды, скатываясь с его курчавых волос, оставляли след на лице.

Или это были слезы?

Намокший халат рельефно обтягивал его тело, но его мужское начало не будило в ней отклика. Сейчас она была ему сестрой, которой отказывалась стать в пору ее влюбленности в Петушка. Роуз осторожно легла за его спиной и обняла, как когда-то, за плечи. Петр вздрогнул, и опять Роуз не смогла бы объяснить, что вызвало дрожь: ее близость или телесная боль. Она собиралась лежать с ним до тех пор, пока он не уснет, надеясь, что ее дружеское участие облегчит его страдания. Но вдруг услышала тихое и твердое «Уходи».

— Тише, тише, родной! — она не могла поверить, что он ее гонит. Роуз думала, что его резкость объясняется боязнью выглядеть в ее глазах слабым. Она погладила его напрягшееся плечо и произнесла успокаивающее «Т-ш-ш-ш».

— Уходи. Или я убью тебя.

Нет, не Петушок лежал сейчас рядом с ней. Раненный хищник, затаивший дыхание.

Роуз осторожно сняла руку с его плеча, ощутив под ней закаменевшие мышцы. Поднялась, стараясь больше не дотрагиваться до Петра. И побежала. Только плотно закрыв за собой дверь, она позволила выплеснуться слезам. Принцесса не могла усидеть на месте. Бурлящие чувства гнали ее по комнате. Она то садилась на диван, то опять вскакивала и устремлялась к окну. Забывая, что оно не открывается, она дергала его, испытывая страшное желание глотнуть живительного воздуха.

Зря она расслабилась и поверила, что сможет находиться рядом с Петром сколько угодно долго, пока не подоспеют отец с братом или Руфф. Его казавшееся добрым отношение вовсе не являлось таковым. Теперь она поняла. Он ее еле терпел, но вынужден был соседствовать из-за каких-то своих целей. Она пленница. Его пленница. А может, и заложница. Он так и не объяснил ей, почему прячет от жителей замка. Он вообще ничего не объяснил. Чего же она ждала? Почему не требовала?

До слуха Роуз донесся смех.

Петр? Она испуганно оглянулась на дверь в спальню. Нет. Смеялась женщина.

Подойдя к наружной двери, Роуз наклонилась к замочной скважине, надеясь увидеть того, кто так громко смеется.

На лестнице стояла темнота.

Поднимаясь с колен, Роуз схватилась за ручку и чуть не упала. Дверь поддалась вперед и открылась настежь. Петр забыл ее запереть! Ни на минуту не задумываясь, Роуз шагнула в темноту.

— Я только посмотрю, кто там, — прошептала она и спустилась на одну ступеньку, держась рукой за холодную стену.

Сквозняк распахнул полы ее халата. Когда за ее спиной захлопнулась дверь, Роуз вскрикнула от испуга. Отрезанная от источника света, задыхающаяся от страха, ничего не слышащая от грохота сердца, она замерла на лестнице, ожидая явления разъяренного Петра или проявления любопытства тех, кто только что находился внизу.

Вслушиваясь в тишину, Роуз начала успокаиваться. Голоса стихли, Петр так и не появился в проеме двери.

— Я только посмотрю, что там, — дала себе обещание Роуз и нащупала кончиками пальцев стену.

Ступая в темноте на дрожащих ногах, принцесса рисковала скатиться с лестницы кубарем, но любопытство толкало ее вперед. Редкие стрельчатые окна разбавляли темноту лунным светом, и Роуз казалось, что за каждым поворотом ее ожидает неведомое чудовище. Несколько раз она порывалась вернуться, но пересиливала себя.

Простор открылся внезапно. Отвыкнув от порывов ветра, Роуз зажмурилась и не знала, за что хвататься: за разъезжающиеся полы длинного халата или за не заплетенные в косу волосы, больно хлещущие по лицу.

Как много скрывали от нее стены башни! Высокие деревья, шумящие густой листвой, запах ночных цветов и свежескошенной травы, яркость лунного света, соперничающего с яркостью звезд...

Музыка. Она слышала музыку и, словно мотылек, летящий на огонь, пошла на ее звуки. Чья-то рука умело трогала струны, вызывая в душе Роуз восторг и боль. Она уже забыла о том, что была насильно перенесена в этот замок. Она тянулась к звукам, напоминающим ее родной дом.

Запел мужчина. Мягкий голос тянул слова на незнакомом языке, но Роуз не нужен был перевод. Она знала, звучала песня о любви.

Роуз не глядела под ноги. Не замечала, что на ней только в халат, волочащийся сзади по мягкой траве, не думала об опасности незнакомого места. Она шла на чарующий голос.

Открывшийся среди деревьев шатер из белых полотен, светившийся изнутри словно фонарик, заставил Роуз остановиться. Певец между тем закончил песню и заворковал с женщиной, которая отвечала ему игривым смехом. Тем самым, что Роуз слышала наверху.

Опомнившись, она оглянулась на башню, нависающую над ней темной глыбой. Роуз разглядела, что прошла через открытую галерею, скорее всего, опоясывающую внутреннюю часть замка по периметру. Принцесса подняла голову и увидела свет, пробивающийся через цветное стекло. Никакого движения за окном. Петр спит.

Мужчина в шатре опять запел.

Песня звучала на родном языке Роуз! Принцесса, забыв о Петре, шагнула к вздувающимся от ветра полотнам и ухватила за край одного из них. В открывшуюся щель она смогла разглядеть

внутреннее убранство шатра и людей, увлеченных друг другом.

В центре, на возвышении, утопая в подушках, сидела женщина. У ее ног пристроился певец и с обожанием смотрел на нее. Она в ответ загадочно улыбалась и перебирала пальцами его непослушные темные волосы.

Экзотическая красота женщины заставила Роуз остановить взгляд на ее лице. Смуглая ровная кожа, миндалевидные глаза, украшенные длинными ресницами, соболиные дуги бровей, влажные губы сливового цвета. Длинные волосы струились по ее плечам, черной вуалью пряча под собой тело, почти не прикрытое одеждой.

Роуз пропустила момент, когда певец отбросил в сторону музыкальный инструмент и приник губами к колену красавицы, задрав легкую ткань. Женщина откинулась назад, призывно засмеявшись. Любовник осмелел и рванул полы ее одеяния, обнажив гибкое тело: плоский живот, украшенный драгоценным камнем, утопающем в ямке пупка, подрагивающую от желания грудь, к которой потянулись длинные пальцы музыканта. Вскоре обнаженный торс мужчины загородил тело любовницы, чьи длинные ноги обхватили его бедра, начавшие ритмичные движения.

Подняв взгляд выше, Роуз чуть не вскрикнула. Спину мужчины густо пересекали шрамы. Некоторые уже побелели от времени, некоторые вились розовой лентой, но вид их оставался ужасным. Сколько боли пришлось вынести бедняге! Такой след могла оставить только безжалостная плеть.

Перед глазами предстало другое видение: напряженная спина Петра, которую он не стал вытирать от воды. Ее промокнул халат из темной ткани. Отчего-то Роуз знала, что будь ткань светлой, она увидела бы полосы крови, исчертившие спину графа.

Забыв о любовниках, Роуз пыталась сдержать рвавшееся рыдание, запечатав ладонью рот. Открытие, что ее Петра хлестали по спине, ужаснуло.

Короткий окрик вернул Роуз к действительности. На нее смотрели две пары глаз. Мужские глаза с удивлением, женские с ненавистью. Куда исчезла ее красота? Брови сошлись в изломанной линии, губы скривились в судороге. Через мгновение из них вырвался приказ:

— Взять!

Команда прозвучала, как удар хлыстом. Роуз даже почувствовала боль. Она умом понимала, что следует немедленно скрыться, но одеревеневшие ноги отказались слушаться. Она стояла и, не отрываясь, смотрела на свет, пробивающийся через полотнище шатра. Не верила, что бездействует, хотя разум кричал: «БЕГИ!»

Тени внутри шатра разделились, и тот же властный голос еще раз ударил ее криком-хлыстом:

— Стража!

Роуз вздрогнула, развернулась и побежала, не ведая куда мчится, потеряв ориентиры, не имея времени оглядеться.

Галерея!

Она добежала до галереи. Заметалась, не находя спасительный вход в свою башню. Но в свою ли?

За спиной раздавались короткие команды, подхлестнувшие принцессу. Она кинулась прочь от голосов и нырнула в первый же проем в стене, где сразу же уткнулась в густо разросшийся куст чего-то колючего с маленькими холодными листочками. Задрала голову, но не увидела его вершины. Вообще ничего не увидела: ни огня башни, ни света луны.

— Она побежала к лабиринту! — крикнул мужчина совсем рядом.

Лабиринт? Не может быть! Так близко? Ноги понесли в темноту.

Опять врезавшись со всего маха в жесткую, колючую преграду, Роуз вскрикнула от испуга и упала на четвереньки.

— Здесь! — раздалось где-то над головой.

Путаясь в полах халата, Роуз попыталась подняться, но натянутый ворот удавкой врезался в шею. Она рванула его рукой, и халат прохладным шелком соскользнул с плеч. Поднявшись, Роуз не стала задерживать падение ткани вниз, стряхнула ее с рук и развязала пояс. Халат волной упал к ее ногам, и Роуз переступила через него. Оставшаяся на ней короткая нижняя рубашка не мешала бегу, иначе принцесса, не задумываясь, скинула бы и ее. Освободившись от пут, Роуз, словно загнанный зверь, начала петлять из стороны в сторону. Принцесса не понимала, куда мчится. Страх

толкал ее в спину. Встретившись в очередной раз с колючим кустом, Роуз вспомнила правило лабиринта — придерживаться одной из его стен рукой. Шелест потревоженной ладонью листвы слился в единый звук, так быстро бежала принцесса, следуя изгибам лабиринта.

Зев пещеры, освещенный факелами, открылся внезапно, стоило лишь свернуть за угол. Шаги беглянки грохотом отразились от каменных стен. Порыв сильного ветра, хлестнувший лицо, заставил остановиться. Роуз нутром почувствовала, что навстречу ей несется кто-то огромный, поэтому кинулась вон из пещеры. Вдавливаясь всем телом в первый же куст, кромсая о колючие ветви рубашку, кожу, сдерживая стон боли, Роуз с ужасом ждала появления исполина.

Отполированный свод просторной пещеры, плавно уходящей вниз под землю, наполнился нарастающим гулом. Этот «кто-то» приближался.

От страха Роуз закрыла глаза.

Дрогнула листва, взметнулись пряди волос, еще больше запутавшись в зарослях, мелкие камешки больно ударили по обнаженным ногам, заставляя открыть глаза.

Она увидела хвост. Огненно-красный, с крупными чешуйками, больше напоминающими плоские камни, с острыми шипами, идущими по хребту и пропадающими на мощной шее. Взмах огромных крыльев взметнул вверх сбитую листву и землю, по которой только что чиркнули острые когти.

Роуз забыла обо всем на свете. Задрав голову вверх, она заворожено смотрела, как на фоне лунного диска кувыркнулось сильное тело и понеслось вниз.

Навстречу ей летел дракон.

Мгновение спустя беглянка даже рассмотрела хищный прищур желтых глаз с вертикальным зрачками. Она могла бы поклясться, что увидела торжествующую ухмылку на вытянутой морде.

Дракон был ужасен и прекрасен.

Врут, что за минуту до смерти человек может увидеть всю свою жизнь. В голове Роуз не возникло ни единой мысли. Зрелище, захватывающее дух от вида несущейся на нее красной махины, полностью парализовало. И только дикая боль от того, что кто-то сзади выдирает ее из колючих кустов, заставила отвести взгляд от ящера. Обхваченная сильными руками, Роуз провалилась в клубящуюся тьму. Похожую черноту она видела в замке бабушки в Северной Лории, когда в каменной стене на призыв юного графа «Дорогу идущему Бахриману!» вдруг открылся портал.

Головокружение, помрачение сознания, тошнота отступили, как только принцесса поняла, что стоит посередине спальни в башне, а в спину ей тяжело дышит Петр. Это точно был он, Роуз не сомневалась ни минуты. Она знала, что так прижаться к ней может только он. Привычно. До узнавания каждого изгиба. Его крепкие руки плотно обхватывали ее тело, и Роуз кожей чувствовала, как сильно бьется его сердце.

— Я хотела только посмотреть, — пролепетала она, пытаясь обернуться, но тесные объятия, напоминающие капкан, не позволили этого сделать.

Петр молчал. Мелкая дрожь прошла по его телу и хватка ослабла. Звук падающего тела заставил обернуться. Петр лежал у ее ног без сознания. Она не знала, что делать, поэтому опустилась на колени, зашипев от боли. Принцесса только сейчас почувствовала, что с них содрана кожа. В пылу бега она этого не замечала.

— Петр, что с тобой? — зашептала она, убирая пружинки волос с родного лица. Смахнула запутавшийся в кудрях листик.

Она впервые дотрагивалась до него свободно, не считая того порыва, когда он лежал скорчившись от боли. Но даже тогда он выглядел живее!

Роуз развязала узел на халате Петра и раскрыла его, чтобы приложиться ухом к груди. Ритмичный стук сердца успокоил, но кожа горела огнем!

— У тебя жар! — воскликнула Роуз, обеспокоенно вглядываясь в лицо Петра. Она мало болела в детстве, но запомнила, как расстроенная мама прикладывала мокрое полотенце ко лбу брата, когда его мучила лихорадка. Роуз побежала в купальню, выхватила первое попавшееся полотенце из стопки. Когда остальные грудой посыпались на пол, в голове мелькнуло, что Петр опять будет насмехаться над ней.

Наливая воду в чашу, она твердила: «Пусть хоть накричит, лишь бы жил».

Роуз многое отдала бы сейчас, лишь бы все осталось, как прежде: тихие вечера рядом с Петром;

сон, когда она чувствовала его дыхание на своем плече; немой укор глаз, когда она проявляла свою неумелость или капризничала.

Она все испортила. Что ждет их впереди? Сможет ли Петр защитить ее от той женщины? Интуитивно Роуз понимала, что ее жизнь и жизнь Петра зависит от той, что отдала команду «Взять!»

Смачивая полотенце в холодной воде, Роуз подняла глаза и невольно отшатнулась от изображения в зеркале. На нее смотрело бледное лицо с пятнами грязи. Царапины, оставленные острыми ветвями кустов, кровоточили не только на лице, но и густо покрывали плечи. Роуз повернулась спиной. То, что она смогла разглядеть, ее не утешило. Наверное, останутся шрамы, как на спине того мужчины, отдававшего хлыст.

Петр! Она, рассматривая себя, совсем забыла о графе!

Он лежал в той же позе: раскинутые руки, одна из ног подвернута. Поправляя ее, Роуз удивилась, как оказывается тяжел человек, лежащий без сознания. Нет, ей не перетащить этого бугая на кровать.

Принцесса скинула на пол подушки, подложила одну из них под голову Петра, скрутила жгутом полотенце и прижала его к горящему лбу. Немного посидела над мужчиной, невольно блуждая взглядом по его лицу, отмечая отросшую щетину, тени под глазами, приоткрытые губы, которые ей так нравились своим четким рисунком. Не удержавшись, она провела пальцем по губам. Петр не шелохнулся. Чувствуя безнаказанность, погладила жесткую бровь, тронула горбинку носа. Не сумев преодолеть желание, наклонилась и поцеловала Петра. Ей всегда хотелось узнать вкус его губ.

Поцелуй вышел коротким. Роуз не смогла понять, понравилось ей или нет, потому что чувство стыда, неправильности происходящего, заставило ее прервать ворованный поцелуй — горячие, сухие губы не ответили.

Принцессу злили ее беспомощность, неумелость, растерянность, а неизвестное будущее, кара за побег страшили. Не зная что делать, забыв о собственных ранах и неприглядном виде, Роуз легла рядом с Петром, привычно уложив голову на его руке. На всякий случай обняла, тесно прижавшись, и уснула.

Роуз увидела удивительный сон — она опять готовилась к свадьбе с Руффом. Сновидение до мелочей повторяло все то, что происходило на самом деле.

Ослепительный свет весеннего солнца тонкими лучами пробивался сквозь прорехи плохо задвинутой занавеси. Когда ветер тревожил ее, лучи превращались в снопы света, что заставляли щурить глаза. Зеркало, отражая солнце, тоже слепило.

Роуз никак не могла рассмотреть в чередовании солнца и тени, что же делают с ее волосами? Слышался нестройный гул голосов фрейлин матери, швей, перешивающих ее платье (невеста опять похудела), служанок, снующих туда-сюда с напитками и сладостями, горничных с букетами цветов, что продолжает присылать Руфф.

В каждом из букетов Роуз находила очередной драгоценный подарок жениха и записку со словами любви.

Кто-то догадался закрыть жалюзи, и Роуз смогла увидеть свое отражение.

Нет, башня из ее белокурых волос ей не нравилась. Но в ответ на попытку протеста, последовала долгая и убедительная речь графини Шеннон — старшей фрейлины матери. Оказывается, венец из драгоценных камней требует именно такой высоты и пышности. Мысль о невозможности переспорить и изменить что-либо, раздражала больше, чем сама прическа, поэтому Роуз сдалась.

«Делайте, что хотите».

Загар на лице, полученный во время утренних прогулок к реке, тщательно запудрили. Последовали заверения Шеннон, что невеста обязательно должна быть бледна. Глаза, и без того отличающиеся четкими линиями длинных ресниц, густо подкрасили. Непрестанное восхищение необычным оттенком глаз невесты, ставшим будто бы еще более выразительным после темной подводки, смущало. У Роуз глаза отца — орехового цвета. Ни она, ни ее брат не унаследовали голубой, кристально чистый цвет глаз матери. От Свон ей достались светлые волосы и похожее сложение тела.

Роуз рассмеялась, не замечая вопросительный взгляд Шеннон. Ей не хотелось бы иметь тело отца, увитое, словно виноградной лозой, мышцами, натренированными в боях и походах. Отец с Генрихом были похожи. Оба имели поджарые фигуры, высокий рост, темные вьющиеся волосы. Оба были красивы.

Отец — молодец, никогда не подавал повода к ревности. Хотя Роуз видела, как та же самая Шеннон растекалась патокой в присутствии наследника Эрии. А вот брат, как когда-то Петр, утром выпроваживал из своих комнат женщин. Слава Богу, он не путался с прислугой!

Мелькнула мысль о Руффе. Интересно, он тоже заводит интрижки? Ведь она столько раз отказывала ему в близости и научилась понимать, когда мужчина возбужден. Какую жизнь он ведет без нее? Нет, не может быть, чтобы он ей изменял. Он любит невесту и не позволил бы разрушить их свадьбу грязными связями. Она же держит себя в руках и не допускает даже мысли, что до нее дотронется не тот, кому она предназначена? Роуз обязательно подарит свою девственность любимому Руффу в день свадьбы.

Роуз всмотрелась в зеркало. Стараниями хлопочущих вокруг нее женщин, она из девчонки превратилась во взрослую даму.

Принцесса сморщила лоб — она выглядит значительно старше с этим ярким цветом губ.

Не говоря ни слова, она взяла салфетку и стерла губную помаду.

— Но... — всполошилась недовольная фрейлина.

— Помада лишняя, — уверенно заявила Роуз, призывая маму в свидетели. — У меня пухлые губы, достаточно будет розового блеска.

Тут же пошли заверения, что она права. «Так действительно лучше», — всплеснула руками Шеннон, и пудра снежинками посыпалась с ее праздничного парика на открытые плечи. Ни для кого во дворце не секрет, что Шеннон в погоне за модой, применяя чудодейственные краски, облысела. Теперь она густо пудрила парик, уверенная, что седина ей к лицу, и ярко красила щеки. И у нее такие же черные ресницы и подводка, что сейчас красуются на лице Роуз. Это натолкнуло на мысль, а не пойти ли умыться? Пусть бы невеста осталась загорелой с веснушками на носу, лучше бы глаза красил блеск счастья, а не искусственные тени, делающие взгляд таким рассеянным. Руфф любит ее, и не важно, как она выглядит.

Зачем делать талию тоньше, если дышать она сможет через раз? Зачем ворох юбок, расшитых шелком, украшенных кружевом и драгоценными камнями, если наряд стал неподъемным и каждый шаг, даже при примерке, давался с трудом? Ах, да. Того захотела будущая свекровь.

Холодный взгляд правительницы Бреужа заставил поежиться и втянуть голову в плечи. Но Роуз, став королевой Северной Лории, не часто будет встречаться со свекровью, поэтому она, наверное, в первый и последний раз отдавала дань желаниям матери Руффа — невеста будет блистать тысячами драгоценных камней, показывая всему свету богатство Эрии, и теща тщеславие родителей жениха.

Роуз самой ничего этого не надо. Помня давнее гадание, принцесса свылась с мыслью, что наденет веночек из полевых цветов и босая пойдет к алтарю, так некстати забыв, что нельзя верить всяким глупостям. Какой веночек у принцессы? Только венец из чистого золота, украшенный цветами из драгоценных камней.

Роуз опять посмотрелась в зеркало. Вокруг никого. Портнихи оставили на кресле тяжелое свадебное платье, туфельки блестели алмазной пылью и только ждали того момента, когда их наденет невеста.

Вдруг на зеркале появились трещины и расползлись густой паутиной. Роуз опять не узнала себя. На выбеленном лице откуда-то появились пятна грязи, ссадины и капли крови.

— Что же ты наделала, Роуз? — услышала она даже не упрек — вздох сожаления. До боли знакомый голос.

Порыв ветра, голоса...

Ненавистное, пугающее «Взять!»

И кто-то оторвал ее от того, с кем ей было удобно, надежно...

Открыв глаза, понимая, что происходящее уже не сон, Роуз увидела каменные ступени, по которым ее куда-то волокли. Ногам было больно, и Роуз не оставляла попытки встать и идти самой, но никак не поспевала за стремительными шагами мужчин, чьи сапоги мелькали у самого лица.

Ее безжалостно тащили вниз. Она закричала. От боли в спине, где подсохшие царапины горели огнем, от обиды, что уснула и теперь не знает, жив ли Петр, от стыда, что так и не переоделась, и обитатели замка увидят ее грязное, израненное тело, просвечивающее через разорванную ткань тонкой рубашки.

— Петр! — закричала Роуз, но ничего не услышала, кроме шаркающих по ступеням шагов своих мучителей.

ГЛАВА 5

Когда Роуз выволокли наружу, яркий свет заставил ее зажмуриться. Ее бросили недалеко от галереи, на траву, по которой она шла ночью. Но теперь на принцессе не было халата, только ее свадебная нижняя рубашка, которую выстирал Петр, а Роуз нашла и надела. Как хорошо, что хотя она осталась на ней! Пусть разодранная ткань не сильно прятало тело, но сев и обхватив себя за колени, Роуз тешила себя тем, что нагота скрыта от глаз надсмотрщиков.

Те стояли рядом, тихо переговариваясь на незнакомом языке, и чего-то ждали.

Роуз огляделась. За деревьями, буквально в нескольких шагах от нее, находился тот самый шатер, где развлекались ночные любовники. Как можно было заблудиться на небольшом пяточке? Темнота и страх погнали ее совсем в другую сторону от башни. Сейчас она жалела, что покинула ее. Ох, как жалела! Разве ей было там плохо?

Приближающиеся голоса заставили повернуть голову в сторону галереи. Двое крепких мужчин тащили по-прежнему бесчувственное тело Петра. Его голова свисала между вывернутыми руками, ноги оставляли широкий след на влажной от утренней росы траве.

Глаза Роуз защищало от слез.

— Его в подземелье, ее ко мне, — властный голос отвлек от угрызений совести.

Из тени вышла женщина, одетая во все черное. Длинное платье наглухо застегивалось на сотню мелких пуговиц, рукава открывали только кончики пальцев, а на голове, пряча волосы, скручивался жгутами причудливый тюрбан. Единственное украшение — тяжелый кулон с красным камнем смотрелся на груди кровавой раной.

Незнакомка лишь мазнула взглядом по пленнице, а Роуз почувствовала, как между лопаток медленно скатилась капля холодного пота. Женщина прошла мимо, распространяя за собой шлейф аромата терпких духов. Роуз сглотнула, потому что ее затошнило от страха.

Надсмотрщик больно схватился за плечо, и принцесса торопливо поднялась.

— Я сама, — она дернулась, чтобы освободиться из цепких пальцев, но получив крепкий толчок в спину, едва удержалась на ногах, и уже не сопротивлялась тому, что ее держат с двух сторон. Следуя по галерее, Роуз поняла, что не ошиблась: та простиралась вдоль крепостной стены, связывая угловые башни. Время от времени в стене открывались узкие проемы, ведущие наружу. Они заканчивались арками из плотно растущих кустов, украшенных листвой нежно-голубого цвета. Не там ли она плутала ночью?

Мысленно представив рисунок на ковре, Роуз догадалась, что вовсе не ров окружал замок, а эти самые высокие кусты. Выходит, замок охраняется с помощью колючего лабиринта? А Петр и слова о нем не сказал!

Неведомая рука больно сжала сердце. Где он? Очнулся ли?

Ее завели в следующую башню. Вопреки ожиданиям Роуз, лестница не закончилась помещением, похожим на то, в котором жил Петр. На площадке находились несколько одинаковых дверей. Женщина так быстро исчезла за одной из них, что Роуз не успела понять за какой. Ступив за порог, принцесса чуть не упала: начался пологий спуск, переходящий в узкий коридор, в котором едва могли разойтись два человека.

Руки надсмотрщиков отпустили Роуз. Теперь она видела спину идущего впереди стражника, сзади топал второй. Коридор резко свернул налево и разделился на три рукава. Через какое-то время стражник повернул направо, и они, поднявшись на два пролета, опять начали спуск.

У Роуз закружилась голова. Они находились в каменном лабиринте! И привел он их в сердце крепости — дворец. Роуз задохнулась от грандиозности открывшегося вида. Широкое у основания строение плавно сужалось и стремилось ввысь. Колонны, стрельчатые арки, остроконечные крыши — все тянулось к небу!

Новый толчок в спину заставил принцессу прибавить шагу. Она шла и гадала, как стражники умудряются отличить нужную дверь среди дюжины одинаковых.

Когда ее в очередной раз подтолкнули, Роуз влетела в просторную комнату, в которой уже находилась та самая женщина в черном. Шла она путем, что вели принцессу или воспользовалась более коротким, осталось тайной, но незнакомка совсем не запыхалась, в отличие от Роуз. Двери за спиной пленницы закрылись, и она осталась один на один с той, кого боялась больше смерти. Хотя Роуз догадывалась, что вели ее путаной дорогой не для того, чтобы сейчас же убить, но все равно

испытывала страх похожий на тот, если бы нечаянно наступила на ядовитую змею. Всегда трудно предположить, что сделает гадина в следующее мгновение.

А «змея» тем временем скинула шкурку. Никак иначе нельзя было назвать то, что проделала женщина. Она расстегнула верхние пуговицы и выползла из тесного платья.

— Ненавижу эту одежду.

Роуз даже удивилась, не услышав при этом шипения. Голос оказался мягким и певучим, если только в нем не звучали властные нотки.

Тюрбан женщина кинула куда-то в угол и с явным удовольствием трянула головой, освобождая связанные в тугой узел косы. Запустив пальцы в волосы у корней, она застонала от наслаждения.

— Ты вернулась!

В комнату вбежал черноволосый мужчина и упал женщине в ноги, обхватив ее за колени, прикрытые лишь тонким нижним платьем. В отличие от верхней одежды, оно оказалось ослепительно белого цвета.

— Анвер, не путайся под ногами, — произнесла женщина и потрепала его по голове, прежде чем легко оттолкнуть. Так отец Роуз обычно приветствовал охотничьих собак, ластившихся к нему после долгой разлуки.

Интимная сцена между женщиной и льнушим к ней мужчиной смутила принцессу и заставила отступить к двери. Женщина заметила ее желание выйти.

— Ох, уж эти влюбленные, — закатила она глаза, делая Роуз союзницей.

Анвер несколько не обиделся, продолжая смотреть на женщину с обожанием.

— Поприветствуй нашу гостью, — ровно, без интонации произнесла незнакомка. — Перед тобой Ее Высочество принцесса Роуз Эрийская, будущая королева Северной Лории.

Анвер поднялся и галантно поклонился, но тут же опять перевел взгляд на возлюбленную.

Без сомнения, это была та самая пара из шатра.

— Я не знаю, кто вы, — начала Роуз, — но прошу объяснить, что здесь происходит?

— Хорошо, что вы просите, принцесса, — откликнулась женщина, и Роуз опять показалось, что она наступила на змею. — Перед вами королева Тонг-Зитта Лолибон Идрис. И это я желаю знать, что здесь происходит? Как давно вы гостите в моем дворце, и что вас связывает с Петром?

Произнесенное имя странно подействовало на Анвера. Услышав его, он резко повернулся к Роуз, и глаза его засветились едва сдерживаемым бешенством. Почувствовав перемену в любовнике, Лолибон запустила свои тонкие пальцы в шевелюру мужчины, и он опять воззрился на нее. Разве что хвостом не помахал. На ум Роуз опять пришло сравнение с охотничьими собаками отца.

— Я думаю, разговор будет долгим, поэтому прошу вас, Ваше Высочество, — королева Тонг-Зитта повела рукой в сторону мягкого на вид дивана с множеством подушек. — Только чистый случай (я видела ваш семейный портрет) помог мне опознать в вас принцессу, дочь Эдуарда Эрийского.

Роуз обрадовалась возможности сесть. Подушки приняли ее в свои объятия, и Роуз поспешила придвинуть к себе одну из них, интуитивно создавая барьер между собой и странной парой. Королева опустила на другой конец просторного дивана, а Анвер устроился у нее в ногах и ласково провел ладонью по открывшейся ступне. Женщина поморщилась и села на восточный манер, подложив ногу под себя. Анвер поджал губы. Но его плечо будто невзначай прикоснулось к колену Лолибон.

— Итак, — произнесла королева и выжидающе посмотрела на Роуз.

— Ваше Величество, я знаю Петра с детства, он рос в нашей семье. Но шесть лет назад, играя со мной и моим братом, он нечаянно открыл портал и исчез. Мы его долго искали, но, оказывается, он все это время жил в вашей стране. Более месяца назад он вернулся и похитил меня с собственной свадьбы. О причинах своего поступка он так и не рассказал. Это все.

— Кратко, — заметила королева и прищурила глаза. — И вы ему простили то, что он сделал с вами? Я о насилии.

— Откуда вы знаете... — Роуз задыхнулась, не ожидая настолько личного вопроса. Но собралась и ответила. — Нет, не простила. Но он больше не пытался завладеть мной, что не заставило меня еще

больше возненавидеть его.

Немного помявшись, она добавила:

— Простите, но мне неловко говорить об этом с малознакомыми людьми. Я не знаю, какие отношения вас связывают с Петром, Ваше Величество, но не могли бы вы мне помочь вернуться на родину?

— Петр до такой степени безразличен вам, что вы даже не поинтересуетесь, что его ждет?

— И что его ждет? — как можно спокойнее спросила Роуз, хотя тут же прикусила язык: ей не удалось показаться равнодушной. Она наделала много ошибок, и сейчас, как никогда, боялась навредить себе. Лишнее слово могло стать последним для нее. Или для Петра. Она видела отражение зла в глазах Лолибон, как бы та не старалась казаться дружелюбной.

— Его ждет смерть.

Королева ждала от принцессы слез или иного проявления чувств, поэтому была разочарована, когда Роуз, пряча истинное отношение к Петру, сумела без запинки произнести:

— Что ж, он видимо ее заслужил.

— И убьете его вы, Ваше Высочество, — злорадно добавила Лолибон.

— Как?! — воскликнула Роуз, уже не владея собой.

Королева криво улынулась.

— Вы уже убиваете его. А начали вчера ночью, когда заставили спасти вас, перетащив через портал.

— Я ничего не понимаю...

— Анвер, выйди!

— Но моя госпожа! — с неподдельной мольбой в его глазах начал Анвер.

— Ты хочешь, чтобы тебя увели и закрыли?

Мужчина поднялся, помедлил, но, не дождавшись отмены приказа, нехотя пошел к двери, из которой недавно появился. Роуз стало так неприятно, что она вжалась в мягкие подушки, жалея, что не может утонуть в них. Анвер — молодой и красивый мужчина, но его безропотность, покладистость, какая-то особенная униженность коробили душу. Лолибон, конечно, властная женщина, но что она сделала с мужчиной, чтобы так подчинить себе? Не плетка ли стала причиной того, что мужчина сломался. Вот верное слово! Анвер казался сломленным!

— Не подпусти я его к себе дня три, и он умрет от тоски.

— Он вас так любит?

— Любит? Любил, а теперь, скорее всего, ненавидит, но ничего сделать не может. Я — его страсть. Пусть болезненная, даже уродливая страсть, но без меня ему не жить. Понимаешь?

— Нет. Вы его сломили или околдовали?

— Околдовала? Нет. Сломала? Возможно. Но не каждого дано сломить.

— Как не получилось с Петром?

— Умная девочка. Увидела похожие шрамы на спине? Да, пыталась все шесть лет. Жаль, что я даже не догадывалась, что он уже сломлен.

— Сломлен?

— Тобой. И я уверена, что он сейчас задыхается от крика и воет от тоски. И все из-за тебя.

— Боже, но что я сделала? — Роуз не обратила внимания, что королева перестала к ней обращаться на «вы».

— Появилась на свет.

Одним прыжком королева оказалась рядом и схватила Роуз за горло. Принцесса даже не успела испугаться, но Лолибон уже расцепила пальцы. Королеву трясло, она тяжело дышала.

— Проводите Ее Высочество в соседние покои, — срывающимся голосом приказала она, и глубоко вдохнув, добавила:

— Подумайте, когда останетесь наедине с собой, Ваше Высочество, что объединяет Анвера и Петра, кроме шрамов на спине?

Открылись двери, и двое стражников застыли в ожидании, когда Роуз покинет комнату.

Она находилась в смятении. Вопросы хороводом кружились в голове, а нападение королевы зародило мысль, что и она, и ее любовник не в себе. Самым нормальным в этом странном замке казался Петр, но где он теперь? И правда ли то, о чем наговорила королева? Роуз точно не ломала Петра и не собирается его убивать.

«Видимо жизнь в лабиринтах плохо влияет на умы людей» — с горечью признала принцесса, заходя в дверь напротив покоев королевы.

У Роуз появились личные покои и служанка. Как только принцесса вошла в открытую стражником дверь, невысокая девушка, одетая в коричневую тунику, из-под которой виднелись шальвары, завязанные на щиколотке тесемками, склонила перед ней голову, придерживая наброшенный на голову палантин.

— Называйте меня Салимой, госпожа, — она распрямилась, но так и не подняла глаза.

Представшее перед Роуз просторное помещение делилось на гостиную и спальную комнаты с помощью ширмы, обтянутой шелковой материей, красочно расписанной экзотическими птицами и цветами. Следуя за служанкой, принцесса разглядывала убранство покоев. Здесь отсутствовала привычная мебель на длинных ножках. Низкие пуфы, диваны, даже столы — и те стелились по полу. Такая же невысокая, но просторная кровать, закрывалась легким пологом, свисающим из розетки в потолке.

— Госпожа желает привести себя в порядок? — Салима склонила голову и приложила руку к груди.

Роуз, оглушенная событиями, круговертью лестниц и вереницей дверей, совершенно выпустила из вида, что расхаживает в одной рубашке. Вопрос служанки застал врасплох. Принцесса густо покраснела, вспомнив, что стояла полураздетой перед Лолибон и Анвером.

— Да, я бы хотела умыться. И у меня нет никакой одежды, я потеряла свой халат.

— Лолибон Великая распорядилась, чтобы вам подготовили собственный гардероб. Пока вы купаетесь, одежду принесут.

Роуз беспокоила щедрость королевы: личные покои, служанка, одежда. За то время, что принцесса жила у Петра, она отвыкла от роскоши, поэтому задумалась, не решила ли Лолибон воздать ей должное, как лицу королевской крови, или здесь скрыт какой-то личный интерес?

Интересно, почему служанка назвала королеву Великой? Роуз хотела спросить, но Салима пригласила ее следовать в купальню, достав мягкое полотенно из резного сундука, являющегося украшением комнаты наряду с остальными собратями.

Купальня представляла собой помещение без окон с несколькими водоемами, вокруг которых располагались низкие каменные скамьи. Неяркий свет струился откуда-то сверху и наряду с паром, стелющимся над водой, создавал иллюзию загадочности. Звонкое эхо, живущее под сводчатым потолком, охотно откликалось на любой звук.

Принцесса потянула край рубашки, чтобы снять ее, но Салима перехватила подол.

— Я помогу вам, госпожа.

Роуз почувствовала себя дикаркой. Прошло чуть больше месяца, а она отвыкла от помощи служанок.

— Пожалуйста, выстирайте и заштопайте эту вещь, — попросила Роуз, видя, как небрежно Салима отбросила рубашку в сторону. — Она дорога мне как память о доме.

Как приятно, когда тебе моют голову, натирают тело мыльной пеной или пахучими маслами, а потом дают вволю поплавать в теплой воде!

Выйдя из водоема, Роуз облачилась в тунику и шальвары, только кроем похожие на одежду служанки. Ткань смотрелась дорогой и приятно прилегала к телу.

— Госпожа, накиньте палантин. Во дворце не принято, чтобы женщины вне личных покоев ходили с непокрытой головой. Роуз подчинилась.

Остаток дня она провела в своих покоях, ожидая визита Лолибон, но кроме служанки к ней никто так и не зашел. Салима показала Роуз, а потом разложила по сундукам одежду, присланную королевой, еще раз обработала раны, нанесенные колючими кустами, терпеливо вынося стоны и упреки госпожи, принесла несколько подносов с яствами и напитками, сильно отличающихся от той простой еды, которой принцессу кормил Петр.

Роуз пыталась разузнать о нем, о его положении и жизни в замке, но служанка отмалчивалась. Видя, как на глазах принцессы навернулись слезы, Салима смягчилась и шепотом призналась, что сама попала во дворец недавно: ее принесли сюда красные драконы.

Принцесса заволновалась, вспомнив встречу с ящером, но видя мольбу и страх в глазах рабыни, побоялась расспрашивать дальше.

— Спокойной ночи, госпожа, — Салима расправила постель и, поклонившись, удалилась.

Забравшись на кровать, принцесса не стала закрывать полог, потому что лунный свет, проникающий в забранные решеткой окна, ее немного успокаивал. Новые впечатления, тревога за графа, страх перед будущим не позволяли уснуть. Не верилось, что прошел лишь день, как она покинула башню Петра. Роуз поймала себя на мысли, что часто думает о нем. Оказывается, жизнь рядом с ним давала чувство защищенности, и сейчас принцесса остро ощущала одиночество.

Чтобы занять себя, не давая подобраться страхам, Роуз перебирала в уме полученные сведения. Она думала о королеве. От той зависела судьба принцессы и графа. Народ часто дает своим правителям имена, отражающие суть, но почему Лолибон прозвали Великой? Спрашивать у Салимы бесполезно, стражник за дверью говорит на непонятном языке, а Анвер так привязан к королеве, что не отходит от нее ни на шаг. Остается только поинтересоваться у самой Лолибон.

Роуз хмыкнула. Она обратиться к кому угодно, но не к странной, если не сказать, страшной королеве.

Еще одна волнующая весть услужливо всплыла в памяти, стоило подумать о страшном — на свете существуют красные драконы. Интересно, они умеют разговаривать, как белые, или больше похожи на черных драконов, во всем послушных людям и исполняющих их команды? Познакомиться бы с ними поближе! Может, среди красных ящеров встретится такой же разговорчивый и милый, как Гри?

Отчего Петр ничего ей не рассказывал? Почему тянул, чего ждал? Не мог же он надеется на то, что о пленнице никто не узнает? Вечность в башне? Нет, Петр преследовал какую-то цель. Как жаль, что он оказался таким скрытным!

Мысли Роуз опять вернулись к королеве. Как Лолибон догадалась, что Петр изнасиловал ее? Выходит, она знала, что жрецы могут перенести через портал только «свою» женщину? И кто мог рассказать королеве о втором проходе Роуз по дороге Бахриманов? Петр? Нет, он так и не приходил в себя. Неужели Лолибон узнала об открытии портала от дракона? Значит ли это, что ящер говорящий? И почему королева решила, что Роуз медленно убивает Петра? Неужели, его плачевное состояние связано с тем, что графу пришлось еще раз провести ее дорогой Бахриманов?

Вспомнив, как Петр потерял сознание, Роуз вздохнула. Вот еще один вопрос: кто его избил? Лолибон? Ведь она призналась, что ломала его все шесть лет. Или руку приложил Анвер, который явно ненавидит Петра? За что ненавидит? Ревнует к королеве?

И что между мужчинами общего? Почему королева настаивала, чтобы она, Роуз, подумала над этим?

Оба мужчины темноволосые, с черными глазами, но на этом их схожесть заканчивалась. Петр выше, мускулистее. Анвер выглядит изнеженным, как будто ему никогда не приходилось держать в руках оружие. Его длинные музыкальные пальцы в противовес мозолистым рукам Петра служили тому доказательством. Если королева намекала, что и Анвер, и Петр — Бахриманы, то они оба какие-то неправильные. Ненависть жрецов к женщинам известна, однако, Анвер испытывает страсть к королеве. В его поведении нет ничего общего с тем, как описывали жрецов в книгах.

В памяти всплыли слова Лолибон: «Он, скорее, ненавидит, чем любит». Но разве так выражается ненависть? Нет, здесь иное: потребность быть рядом, дотрагиваться, нежелание покидать даже на короткое время.

О, Боже!

Петр! Вечером он бежал в башню так, будто испытывал боль, долго не видя свою пленницу, старался находиться рядом, обнимать во время сна. А как он уходил утром? С трудом, заставляя себя, словно бросался в море с обрыва.

Роуз от волнения соскочила с кровати и закружила по комнате.

Она нашла то общее, что связывает Анвера и Петра! Если они — Бахриманы, то становится ясно, почему жрецы ненавидели женщин! Проводя своих избранниц через портал, мужчины Сулейха, в конце концов, становились зависимыми от них. Сколько нужно переходов, чтобы стать рабом женщины? Два? А если больше, что ждет Бахримана? Смерть?

Роуз вспомнила о невзрачной на вид траве-бессет, что растет на Иберских островах. Однажды во время тайного посещения цирка, она стала свидетельницей, как забили в судорогах татуированный ибериец, но глотнув остро пахнувший отвар, тут же пришел в себя. Петр объяснил, что островитяне, все как один, зависят от бессет, хотя трава постепенно убивает их. Они не могут противиться тяге, поэтому жуют траву, добавляют в еду и напитки.

Неужели жрецы убивали матерей своих сыновей, боясь попасть в зависимость? А дочери? Девочки тоже делали отцов рабами?

Вдруг огонь в одном из светильников, что оставались зажженными на ночь, мигнул и погас. Роуз, удивившись, замерла. Странно. В комнате не чувствовалось никакого движения воздуха, занавески на открытых окнах не шевелились. Когда погасла вторая лампа, принцесса съехала от страха и отступила за полог.

Между тем, лунный свет становился ярче, и вскоре уже слепил Роуз.

— Боже, что это? — только успела произнести она, как через разрастающееся серебряное кольцо в комнату шагнул человек.

— Дитя, не бойся меня, — произнес он голосом, выдающим в нем старика. — Я пришел поговорить о Петре.

— Кто вы? — еле смогла выговорить Роуз. Ее горло мгновенно пересохло от страха.

— Друг.

— Вы прошли сюда дорогой Бахриманов, — догадалась Роуз, сглатывая комок. — Значит, вы жрец.

— Поверь мне, и среди Бахриманов могут быть друзья.

— Не верю. Петр казался другом, но в один прекрасный день выкрал меня и держал в заточении, — запальчиво парировала Роуз, вытирая вспотевшую ладонь о рубашку. — Так поступают друзья?

— Друзья так поступают, когда у них нет другого выхода.

Старик шагнул в сторону Роуз, но она отступила за полог.

— Остановитесь, иначе я закричу, — дрожащий голос выдавал ее сильное волнение.

Жрец умиротворяюще поднял руки:

— Я уйду так же, как пришел, но ты, милое дитя, останешься в неведении о том, что стала пешкой в чужой игре.

— В чьей игре? Петра?

— Нет, Лолибон. Она наш враг, — старик, кряхтя и не сходя с лунной дорожки, сел на пол, застеленный толстым ковром. Роуз осталась стоять за пологом, придерживая его рукой, чтобы видеть жреца.

На его признание принцесса скептически приподняла бровь.

— Не удивительно, что вы королеву называете врагом. У жрецов в крови ненависть к женщинам. Я читала.

— Дитя, успокойся и выслушай старика. После того, как я закончу рассказ, ты сама решишь, кто здесь друг, а кто враг.

По мере того, как незнакомец вел свое повествование, Роуз забыла о страхе. Она вышла из тени, нащупала брошенный перед сном халат, плотно завернулась в него и села на краешек кровати, все же оставаясь на значительном расстоянии от старика, хотя тот больше не делал попыток приблизиться.

— Меня зовут Фарух, — начал он. — Я один из старейших жителей Сулейха, который теперь не принадлежит нам. Но я не виню королевства, ополчившиеся против Бахриманов. Мы заслужили

изгнание. Многие из нас погибли из-за бесчеловечного оружия, примененного твоим отцом. Да, не удивляйся. Я знаю кто ты, Роуз Эрийская.

— Бесчеловечного оружия? — гневно переспросила принцесса. — Но были ли вы человечны?

— Да, ловушки распыляли магов, — кивнул жрец, — но никто из Союза пяти королевств не задумался, что вместе с нами погибали наши сыновья — младенцы, не совершившие ничего предосудительного. Вот и я, оставшись с новорожденным на руках, боясь попасть под действие уничтожающей магии, переместился в ту страну, которая не дружила с Союзом.

Прошло более двадцати лет, но я до сих пор помню объяввший меня ужас. Только что после родов истекла кровью жена, мой сын даже не узнал вкус материнского молока, а я вынужден был покинуть родной дом, не отдав последние почести любимой женщине.

— Не вы ли сами тому виной? — не выдержала Роуз. — Сколько женщин погибло по милости жрецов? Моя мама стала свидетельницей смерти Леоль — матери Петра, брошенной Халидом истекать кровью.

— Да, мы все жертвы традиций Сулейха. И мы, и наши женщины. Нам с детства внушали, что они зло, их нельзя любить, нужно относиться, как к сосуду, дающему жизнь сыновьям.

— А за что вы убивали своих дочерей? — Роуз пересела ближе, чтобы лучше слышать ответ старика. — Какое зло могли принести маленькие девочки?

— Ты не понимаешь, — старик в досаде хлопнул себя по коленям. — Если Бахриман еще может сопротивляться любви к женщине, то с дочерью он оказался бы бессилён.

— Что плохого в любви? — почти закричала Роуз.

— Она несет рабство и боль, — спокойно ответил Фарух. — Какая разница, ты раб жены или дочери? Ты раб, и этим все сказано. Ты видела моего сына? Анвер — раб королевы. Сначала он влюбился в Лолибон, хотя я предупреждал его не показываться ей на глаза. А когда глупый влюбленный мальчик провел ее через портал, я понял — сын обречен. Лолибон не выпустит его из своих рук. Я пытался спрятать его, закрыть, но Анвер сбежал. Я вхож во дворец еще со времен Могучего Ораха, мне не составило труда отыскать сына в хитросплетениях дворцового лабиринта. Он опять был с Лолибон.

Дитя, ты, наверное, не знаешь, но мы, жрецы, можем скрывать свое присутствие. Как бы тебе объяснить? Представь, что дорога Бахриманов имеет начало и конец. Образно мы входим в одну дверь и выходим через другую. Так вот, войдя в одну дверь, мы можем остановиться у второй, не открывая ее.

Я хотел узнать, о чем сын беседует с королевой, как сильно он привязался к ней.

Услышанное убило меня. Она уговаривала его сделать вместе с ней второй переход в интересах государства. Лолибон собиралась уничтожить Союз пяти королевств. И Анвер, наконец, согласился, как я потом узнал, отведав плетей. Я вцепился зубами в собственный кулак, чтобы не закричать: сын после единственного перехода с женщиной еще мог противиться ее чарам, но что будет с ним после нескольких? Я знал, что Лолибон не остановится, пока не высосет всю его магическую силу.

Хотя я сам ненавидел Союз, но боязнь за Анвера толкала меня на убийство королевы. Я едва сдержался, чтобы не выйти и не задушить Лолибон. Меня остановил вопрос: чего я добьюсь? Бежать некуда, а смерть королевы ополчит против нас драконов. Как ни крути, сын пропадал у меня на глазах. И тогда я вспомнил о Петре.

— Вы хотели, чтобы он совершил переход с королевой?

— Нет... Да... Мне трудно говорить, ведь Петр является для меня таким же сыном, как Анвер. Когда он попал в Тонг-Зитт, я взялся за воспитание волчонка, выращенного твоим отцом. Я сделал из него настоящего Бахримана.

— Вы отравили Петра мыслью, что мои родители для него враги.

— А разве не так?

— Мы любили его.

— Для Бахримана истинной является одна любовь — родного отца.

— То-то вы сейчас пожинаете плоды сыновней любви, — Роуз не удержалась от язвительности. — И та самая «любовь» толкнула вас заменить Петром слабого Анвера.

— У нас не было времени на раздумья. Я явился к Петру и стал умолять выполнить важную миссию вместе с королевой. Отдать дань людям, королевству, приютившим нас. Для эрийского волчонка это был бы первый переход с женщиной. Петр сильнее моего сына, он наследник Верховного жреца, он не стал бы и после третьего раза ее рабом.

Роуз не обратила внимания, на слова о третьем переходе, ее больше волновал другой вопрос:

— Но для дороги Бахримана Петр должен был стать ее любовником? Не так ли?

— Он был ее любовником, и давно. Она совратила Петра еще пятнадцатилетним. Растерянный, лишенный опоры, он искал в ней замену матери, а нашел опытную любовницу.

Старик прекратил рассказ, видя, что Роуз сложилась пополам. Слова жреца оглушили ее: Петр — любовник Лолибон! Принцессе испытывала боль от осознания, что у Петра есть другая женщина. А кто Роуз для него? Пленница, заложница?

Пусть старик говорит, что страсть Бахримана пробуждает переход, но Роуз ни за что не поверит, что она всего лишь трава-бессет для Петра. Принцесса старалась спрятать чувства, не замечать, но пришло время признаться: она видела, с какой нежностью он смотрел на нее, думая, что она занята рисованием. Да, она сомневалась. Стоило ей поднять глаза, как он тут же делал каменное лицо. Но теперь она уверена, что ей не приснился этот шепот-вдох: «Роуз, любимая Роуз!». Она сама себе стеснялась признаться, что желала и ждала его тесных объятий каждую ночь, и прояви он чуточку больше рвения, она точно не устояла бы!

— Дитя, я могу тебе помочь? Может подать воды? — старик начал подниматься.

— Нет, — глухо ответила Роуз. Она не могла вздохнуть, горло перехватило обручем.

Жрец терпеливо ждал, когда девушка начнет глубоко дышать, потом пытаться остановить слезы разочарования.

Когда она смогла говорить, первое, что спросила, было:

— Петр согласился заменить Анвера?

— Да.

— И когда случился их переход?

— Перехода не было. Вернее, переход произошел, но не с королевой. Он притащил тебя.

— В этом состояла задумка королевы?! Притащить меня?

— Петр нарушил ее намерения. Та, узнав, что свадьба не состоится, выместила злость на Анвере, избив его до полусмерти. А он ползал у нее в ногах и целовал их. Королева не могла понять, что произошло в Эрии. Твои родители распустили слух, что невеста заболела. Я оказался глуп, доверившись Петру. Мой бедный сын все равно пострадал. Лолибон заставила его совершить переход, чтобы самой убедиться, что свадьба сорвалась.

— Хватит ходить вокруг да около, — Роуз сама удивилась, услышав в своем голосе сталь, свойственную отцу, но не остановилась. — Рассказывайте, что произошло. Какие намерения были у Лолибон против Союза пяти королевств?

— Рассорить их. Удобный случай представился в день твоей свадьбы, дитя...

— Не называйте меня «дитя». Обращайтесь ко мне Ваше Высочество. Хотите вы или нет, но я сейчас представляю Союз пяти королевств. И если вы пришли ко мне, значит, я вам нужна. Я больше не позволю использовать себя вслепую.

— Вы правы, Ваше Высочество. Вы мне нужны. Я вытащу вас из плена, а вы замолвите словечко перед вашим отцом, чтобы он взял трех Бахриманов под свое крыло. Вы мой последний шанс спасти сыновей. Анвер станет свободен только после смерти Лолибон. Справиться с ней сможет лишь Союз.

— Почему Петр выкрал меня и скрывал от всех в замке? Чего он ждал?

— Я не могу сказать, чего он ждал. Я узнал о том, что вы находитесь в замке только вчера вечером, когда Лолибон отправила на вашу поимку драконов. Я могу рассказать первоначальный замысел.

— Рассказывайте.

— В первый же раз, когда королева отправилась дорогой Бахриманов с Анвером, они посетили ваш

дворец в Эрии. Оттуда она вернулась воодушевленной. Лолибон поняла, как рассорить два из пяти королевств, что повлечет распад Союза. По ее задумке, она тайно появится в покоях новобрачных, а утром Руфф Бреужский проснется убийцей молодой жены и не сможет оправдаться. На вашем теле несчастная мать насчитала бы тридцать ножевых ран.

— Почему тридцать? — прошептала Роуз. У нее стучало в висках, и кружилась голова. Она поняла, какой страшной смерти избежала. Никто не поверил бы Руффу. Возле королевских покоев всегда дежурят стражники, которые подтвердили бы, что посторонние в комнаты не проникали.

— Почему тридцать? — эхом повторил жрец. — Не знаю. Но Лолибон говорила, что это послужит для кого-то знаком.

— Получается, Петр, спас мне жизнь?

— Выкрав невесту, он сплотил Союз, заставил действовать сообща в поиске принцессы.

— Но почему Петр спас меня таким варварским способом? Почему он не рассказал о готовящемся покушении родителям? Они не допустили бы кровавой драмы. Папа защитил бы меня.

— Об этом вам, Ваше Высочество, лучше спросить у самого Петра. Я думаю, Лолибон даст вам увидеться. Она захочет помучить Петра, потому что он отверг ее любовь.

— А как же ваш сын?

— Мой мальчик стал орудием мести Петру. Королева сделала их врагами. Анвер ради развлечения Лолибон сутки избивал плетью привязанного к столбу Петра. Такого наследник Верховного жреца простить не может. Петр при случае убьет Анвера. А я этого не могу допустить.

— Как вы поможетесь оказаться мне на свободе?

— Я провожу вас через все девять лабиринтов.

— Девять?!

— Первый лабиринт — сам дворец, второй — выход из него, третий Ваше Высочество, могли видеть из окна башни. Остальные шесть — это лабиринты-города. В них живут люди. Последний, девятый, только строится. Города кольцами окружают столицу, и ни один житель своего лабиринта не знает, как пройти к следующему. Они, в лучшем случае, ориентируются только на тех улицах, что примыкают к их дому. В этом могущество Тонг-Зитт. Народ разделен. Только избранные, доказавшие преданность Лолибон Великой, могут переместиться в соседний город. Чем ближе город-лабиринт к столице, тем лучше в нем жизнь. Во дворце собраны сливки тонг-зиттцев. Уже светает, — старик оглянулся на окно, где слышались одиночные трели утренней птицы. — Мы с вами еще не раз увидимся, и я подробно расскажу об устройстве Тонг-Зитта. А пока, вам нужно поспать. Лолибон собирается устроить вам встречу. Будьте осторожны, не показывайте ей ваши истинные чувства.

— Истинные чувства?

— Я видел, какую боль принес словами о том, что Петр — любовник Лолибон. Вы к нему равнодушны. Этого не должна увидеть ревнивая королева. Я надеюсь на ваше благоразумие.

Старик поднялся, поклонился Роуз, взмахнул рукой и прошептал:

— Дорогу идущему Бахриману.

Сияние, за которым клубилась тьма, поглотило сгорбленную фигуру.

ГЛАВА 6

Нескольких часов до прихода Салимы Роуз хватило, чтобы выспаться. Ее так вымотал разговор с Фарухом, что она заснула, даже не сняв халат.

— Госпожа, Лолибон Великая пригласила вас в полдень посетить ее Райский сад, — служанка пришла с подносом, на котором были кувшин с молоком, круглый хлеб и сыр. Все то же самое, что оставлял ей на завтрак Петр.

Пока Роуз умывалась и ела, Селима достала из сундуков новую одежду, скрутила длинный шарф в замысловатый тюрбан и скрепила его складки несколькими золотыми булавками.

— Я похожа на фазана, — оглядела себя Роуз, но, не смея капризничать, послушно пошла следом за Салимой.

Череда путаных переходов вывела их в сад. Пение птиц, благоухание цветов не смогли погасить тревогу, в которой пребывала принцесса. Тенистые деревья стояли плотной стеной, и Роуз не сразу рассмотрела, где находится Лолибон. Она пошла на звук женского голоса и застыла в изумлении. На широкой скамье сидел Петр, а на его коленях в приступе смеха трясла ножками, с которых упали остроносые туфли, королева. Ее золотой палантин сполз с головы и лежал на плечах. Черные волосы, заплетенные в косу, украшал узкий царственный венец.

— А! А вот и наша малышка! — поднимаясь, весело произнесла она. — Присоединяйся! Доставь Петру удовольствие.

Роуз сжала похолодевшие пальцы в кулак. Первая растерянность прошла, и принцесса старалась спрятать бушующие чувства под маской равнодушия. Сосредоточив взгляд на камнях венца, грани которых вспыхивали искрами под солнечными лучами, она подошла ближе и присела в приветственном поклоне.

— Ваше Величество.

Боковым зрением Роуз видела размытый образ Петра: тот сидел не шелохнувшись.

— Ну, же. Не стесняйся. Я осмотрела ваше гнездышко — вы спали в одной кровати. Отчего же вдруг такая робость?

— Мы не были любовниками, Ваше Величество. Только брат и сестра, как в детстве.

— Тем более. Разве ты не соскучилась по брату? — Лолибон больно схватила Роуз за предплечье и силой усадила на колени Петра. Он застонал.

Роуз замерла.

Его горячее дыхание шевелило прядь волос, выбившуюся из-под ее тюрбана. Что-то тяжелой каплей упало на открытый участок шеи. Роуз оглянулась на Петра и увидела тонкую струйку крови, вытекающую из прокушенной губы.

— Ему плохо! — не удержав возглас, Роуз соскочила с колен. Петр вдруг наклонился вперед и уперся потным лбом ей в руку. Только сейчас принцесса заметила, что он прикован к скамейке.

Забыв о наставлениях Фаруха, она присела у ног Петра, обхватила ладонями его лицо и заглянула в глаза. В них отражалась тоска.

— Что с тобой, Петушок?

— Уберите ее, — сквозь зубы проговорил граф.

Роуз отшатнулась и, не удержав равновесия, села на траву. Она не ожидала проявления такой жгучей ненависти.

— Может, лучше ее убить? — Лолибон наслаждалась. — Твои мучения сразу прекратятся.

— Нет. Сейчас смерть принцессы не принесет выгоды Тонг-Зитту, — невозмогая боль, произнес Петр.

Роуз не могла отвести взгляд от искусанных губ и видела, как от напряжения мелко трясется его щека.

— Говори, — хищная улыбка слетела с губ королевы.

— Я должен был выкрасть Роуз, пока она не вышла за дверь своей комнаты.

— Но у нас были совсем другие намерения... — начала Лолибон.

— Похищением Роуз я спас тебе жизнь, Лоли, — звякнула цепь, когда Петр с усилием выпрямился. — Вы не смогли бы свалить вину на Руффа. Вы ошибались.

— Почему? Все знают о вспыльчивости жениха. В Бреуже ценится чистота. А невеста развлекалась до свадьбы. Тому есть свидетели. Правда, милая?

— Я... — Роуз вовремя осеклась. Ни к чему оправдываться, что ее могли видеть только с Руффом.

Ее лицо загорелось, когда она встретилась с внимательным взглядом Петра.

— Нет. Ты не достаточно подготовилась, Лоли, — он поднял глаза на королеву. — Ты не смогла бы застать жениха с невестой наедине во время брачной ночи. По законам Бреужа консуммация происходит на глазах у королевской семьи и избранных дворян: они должны убедиться в непорочности невесты. Никто не расходится до самого утра, пока над дворцом не поднимут простыню с кровавым пятном.

Роуз чувствовала, как у нее пылают уши. Она быстро отогнала от себя мысль, зачем Руфф пытался соблазнить ее до свадьбы. Сейчас ее занимали другие вопросы.

— Вас схватили бы, как только открылся портал, — в голосе Петра слышалась усталость. — Все помнят и ненавидят жрецов.

Последние слова он произнес, опять глядя на Роуз.

— М-м-м, оказывается ты нас спас? — нараспев произнесла Лолибон. — Отчего же тогда, любимый, ты не предупредил меня? И почему прятал бреужскую невесту?

Слово «любимый» больно резануло слух Роуз. Она поморщилась, но не отвела глаз от Петра.

«Господи, что он сейчас ответит? Неужели все, сказанное им, правда, и он не спасал меня от убийц, пусть даже таким отвратительным способом, а заботился о королеве и Анвере?»

— Лоли, ты умная женщина. Мне пришлось думать и действовать быстро. Я боялся упустить момент. И потом, не я ли сообщил тебе, что свадьба в Эрии сорвалась? Но ты не поверила, пока сама не убедилась.

— Но почему укрывал ее от меня? — Лоли гневно посмотрела на Роуз, и та сжалась под ее колючим взглядом.

— Не от тебя, Лоли. Я не раз докладывал, что во дворце есть предатель. Как ты думаешь, сколько времени понадобится Союзу пяти, чтобы стянуть войска к девятому лабиринту? Месяц? Отсчет пошел, Лоли.

Королева стиснула зубы. Куда делась ее саркастическая усмешка? Роуз готова была поклясться, что в глазах Лолибон мелькнул страх.

— У нас неприступная оборона и...

— Лоли, не при ней, — Петр указал глазами на Роуз. — Прикажи ее увести. И предупреди, чтобы с принцессой хорошо обращались. Не дай бог, волос с ее головы упадет. Эдуард Эрийский сотрет Тонг-Зитт с лица земли.

Лицо Лолибон скривилось. Она подняла руку, чтобы позвать стражников, но отвлеклась на спешащего к ней Анвера.

В этот момент Петр наклонился к сидящей на траве Роуз и шепнул:

— Малявка, найди в четвертом лабиринте солнце.

Роуз смотрела на него во все глаза.

— И закрой рот.

Роуз закрыла рот.

— Кто-нибудь уберет ее от меня? — громко и раздраженно произнес Петр.

Возле них, словно вырос из-под земли, появился стражник.

— Верните его в подземелье.

Роуз видела, как засветилось удовольствием лицо Анвера.

Когда Петра уводили, граф даже не взглянул на Роуз, хотя она ждала от него еще какого-нибудь знака. Она не знала, как относиться к его словам. Шутит ли он над ней? «Найди в четвертом лабиринте солнце».

Какое солнце? Понятно, не то, что светит и в первом, и в четвертом лабиринте. У четвертого есть свое солнце? Или его изображение? Например, на ковре. Что за ребус он загадал?

Принцессу отвлек голос королевы.

— Наш разговор еще не окончен. Следуйте за мной.

Углубляясь в сад, они вышли к озерцу с плавающими на зеркальной поверхности водяными цветами. В открытой беседке стоял низкий стол с вазами, наполненными фруктами и сладостями. Королева удобно расположилась среди подушек, скрестив на восточный манер ноги. Анвер услужливо подложил ей под локоть еще одну, а сам устроился за спиной Лолибон.

Роуз поняла, почему в замке женщины носят шальвары — им привычнее сидеть на полу и они могут не беспокоиться о задравшемся платье. Она сомневалась, что сидеть, как королева, удобно, поэтому устроилась на краю ковра и спустила ноги вниз. Салима тут же сунула ей под спину подушку в виде валика и застыла, ожидая приказаний.

— Роуз, ты хочешь замуж?

Принцессу уже не смущало, что королева обращается к ней то на «ты», то на «вы», ее озадачил вопрос.

— За кого?

— Я еще не решила. Но свадьбе быть.

Лолибон лениво оторвала ягоду от грозди винограда и раздавила ее зубами. Сок брызнул в разные стороны, и она, досадуя, вытерла кончики пальцев о поданую Салимой салфетку, недовольно зыркнув в сторону своих слуг. Их лица побледнели.

— Сначала я рассердилась на Петра, но теперь понимаю, что он правильно поступил, выкрыв тебя. Если твоя смерть после свадьбы могла рассорить Бреуж с Эрией, то твоя жизнь позволит отхватить лакомый кусок в виде Северной Лории. Я разрушу Союз пяти, находясь внутри него.

— Почему вы ненавидите Союз? Насколько я знаю, не устраивай вы набеги на соседние государства, у Союза не было бы причины заинтересоваться Тонг-Зиттом.

— Нельзя давать застаиваться армии. Она воюет с тобой или против тебя, но воюет. Насколько за последние двадцать лет расширились границы моего королевства? На одно кольцо нового девятого лабиринта? С твоей помощью я увеличу свое состояние на одну горную страну.

— Ваше Величество, вы не боитесь сломать шею? Один из Бахриманов попробовал, и где он сейчас?

Хлесткий удар по щеке заставил Роуз замолчать. Над ней стоял Анвер. Его глаза полыхали гневом. Королева громко рассмеялась, как тогда, когда сидела на коленях у Петра. Разве что не дрыгала ножками.

— Анвер, ты мой защитник! — воскликнула она. — Хочешь, я сделаю тебе подарок? Северная Лория станет твоей, и ты сможешь учить уму-разуму молодую жену.

Кровь отлила от его лица, и Бахриман затравленно обернулся на Лолибон.

— Ну, ну. Я пошутила. Хотя очень неплохой вариант. Ты беспрекословно подчиняешься мне и сможешь держать в узде бойкую кобылку.

— Не рано ли вы отдаете Северную Лорию замуж? — Роуз держалась рукой за горящую от удара щеку. — Моя прабабушка жива и здорова...

Принцесса замолчала, встретив ироничный взгляд королевы.

— Беатрис Шестая не вынесла исчезновения наследницы. Уже сорок дней, как Северная Лория скорбит по умершей королеве. Петр лихо решил и эту проблему.

Королева внимательно наблюдала за Роуз и наслаждалась сменой чувств, которые так легко читались на ее лице.

— А может тебя отдать за Петра? За того, кто ускорил смерть Беатрис Шестой и ненавидит твоих родителей? Но, боюсь, молодая жена очень быстро отправится следом за старой королевой. Так всегда случается, если свяжешь свою жизнь с Бахриманом. Он вечно рвется обрести свободу.

— Вы не боитесь Анвера? Он тоже Бахриман.

— Поверь, я справлюсь.

Роуз поверила. С Анвером королева справится. Но она не стала задавать вопрос, как Лолибон справится с Петром, боясь вызвать у той приступ гнева.

Зря королева тешилась тем, что выставила Петра убийцей и вызвала к нему ненависть Роуз. Его последние слова, пусть и звучали загадочно, но вселили надежду. На пути к свободе нужно лишь отыскать солнце.

Роуз не находила себе места, пока ждала Фаруха. После встречи с Лолибон она долго плакала, вспоминая прабабушку, родителей и прежнюю беспечную жизнь. Какие еще несчастья постигли ее родных? Наверняка, Фарух что-то знает, а она, увлеченная рассказами жреца, совершенно забыла расспросить о том, что происходит в Эрии.

Вскоре сон сморил Роуз, и она не заметила, как Салима сняла с нее туфли и укрыла, а потом долго вглядывалась в лицо принцессы, казавшейся ей обиженным ребенком, на ресницах которого дрожали слезы.

Фарух появился, когда луна заглянула в окно. Он вновь вышел из серебристого сияния, увидев Роуз, поклонился ей и сел на вчерашнее место.

— Скажите, Фарух, что сейчас происходит у меня дома?

Старик вздохнул:

— Я сожалею, Ваше Высочество, но мне не ведомо.

— Разве вы не можете пройти дорогой Бахриманов и посмотреть? Или послушать, не открывая вторую дверь. Помните, вы рассказывали о такой способности?

Старик молчал.

— Мы заключили договор: вы помогаете мне, я помогаю вам. И я ожидаю, что вы будете со мной откровенны, — настаивала Роуз. — Может быть, вы щадите мои чувства? Прошу вас, не скрывайте от меня ничего. Я уже знаю, что Беатрис Шестая умерла.

— Я скорблю вместе с вами.

Старик помялся:

— Я не знаю, сколько Бахриманов осталось на свете, и вправе ли открывать наши тайны...

— Если вы хотите покровительства Союза пяти, вам придется рассказать все начистоту. Я обещаю, что не использую полученные от вас знания во вред вам, как и вы должны поклясться, что не станете применять магию против моего народа.

— Теперь я понимаю, почему вам прочили трон Северной Лории. Вы истинная правительница.

Фарух немного помолчал. Роуз не стала его подталкивать: старик собирался открыть тайны, о которых, наверняка, не написано в книгах.

— Каждый Бахриман рождается магом, — начал он. — Но магия просыпается не сразу, многим навыкам приходится учиться. Но в первую очередь ребенку внушают, что женщина — зло, высасывающее магию. Мы тщательно скрываем от окружающего мира, что не всеильны, что запас магии не безграничен. Каждый из нас награжден небесами своим резервом, и расходовать его нужно с умом. Иначе можно остаться вовсе без магии и скатиться на самую низшую ступень пирамиды Сулейха. О, если бы мы могли обходиться без женщин! Но мир, увы, не знает иного способа продления рода, а без детей вымирает всякий народ, в том числе маги. Поэтому Бахриманы придумали, как заводить сыновей и сохранять магический запас. Пусть наш способ кажется вам странным, но если им пользуются веками, он воспринимается как единственно верный. Мы, во всяком случае, старались, чтобы время, отведенное нашей избраннице, было самым счастливым в ее жизни. Каждый жрец превращался в любящего мужа, оберегал и лелеял свою женщину, а она приносила ему в подарок здорового и сильного ребенка. Но как только она выполняла свое предназначение, ее умерщвляли.

— Зачем? Даже если вам нужен был лишь сын, могли бы забрать его, зачем убивать мать? Пусть бы

жила. Страдала без дитя, но жила!

— Вы не понимаете, Ваше Высочество. Представьте, перед вами бочка с вином, — жрец взглянул на возбужденное лицо Роуз и поправился: — Нет, не с вином. С молоком. И вы со своим мужем каждый день черпаете из бочки по стакану. В конце концов, молоко заканчивается. Но если бы вы не пили его, вашему мужу молока хватило бы надолго. Так и с нашей магией. Женщина, родив ребенка, начинает тянуть ее у Бахримана, а если родилась дочь, то запас истощается вдвое быстрее. Несколько лет, и жрец превращается в простого смертного. Только сыновья не высасывают магию, они уже обладают ей.

— Вы все боялись быть простыми людьми, поэтому убивали женщин и дочерей? Магия так много значит для вас?

— Я объяснил на простом примере. Но прибавьте сюда сильнейшую привязанность к беременной женщине, когда кожей чувствуешь каждый ее вдох, движение души, боль. Появившаяся на свет дочь воспринимается, как трагедия, потому что привязанность удваивается. Единственный способ перестать чувствовать, как из тебя вытекает магия — избавиться от источника беспокойства.

— Вы безумцы. Зачем магия, если вы боитесь чувствовать, любить?

— Если бы не умерла моя Асилия, сейчас я бы был обыкновенным стариком и влачил жалкое существование где-нибудь в девятом лабиринте, а не служил придворным магом у Лолибон Великой.

— Асилия? Мне знакомо это имя. О, Боже! Фарух и Асилия! У вашей жены был старший брат?

— Лантер из Андаута, выживший после пожара на мое корабле и попавший к пиратам...

— Я читала о вас книгу! Вы дважды провели Асилию дорогой Бахриманов!

— Нет, не дважды. Я не могу назвать точное число. Мы скрывались от преследования до тех пор, пока не погиб ее брат. О нас написали книгу? Не знал.

— Вы стали рабом Асилии, поэтому убили ее?

— Нет, я не убивал. Просто не смог бы. Я ее любил.

Старик замолчал, опустил голову. Роуз даже показалось, что заснул, но он вздохнул и заговорил вновь.

— Жрец может двумя путями лишиться магии. Быстрый путь — провести женщину дорогой Бахриманов несколько раз. Число переходов до полного опустошения у всех разное. Кто-то наделен огромным запасом — это Верховный жрец и его потомки. Кто-то меньшим — он находится на более низких ступенях иерархии Бахриманов. Человек, лишившийся магии, никто, низшее сословие. Я был готов стать никем. Я привязался к Асилии настолько, что не смог бы поднять на нее руку. Это второй — длинный путь опустошения: жить с любимой женщиной, с каждым ее вздохом, движением души, болью. Я не хотел иного. Я любил. Но за мной присматривали. Верховный жрец никогда не выпустил бы из рук наследство жены Бахримана, и всегда находился тот, кто делал за тебя черную работу. Мне повезло, Асилия умерла сама, и на мне нет ее крови.

Фарух встал и подошел к окну. Луна безразлично смотрела ему в лицо.

— Простите, я слишком долго говорил, хотя мог сразу ответить на ваш вопрос.

Роуз встала рядом с ним.

— У меня просто не хватит магических сил, чтобы переместиться в Эрию. Да что там! Мой предел — Тонг-Зитт. Слишком много я отдал Асилии. Поэтому я не знаю, что происходит вне стен Лабиринтов. Анвер иногда делится со мной новостями.

— Когда Бахриман переходит портал в одиночестве, запас магии не уменьшается? Я правильно поняла?

— Нет, ее вытягивают только женщины. Если я не оторву своего сына от Лолибон, она опустошит его.

— Но Анвер останется жив?

— Он будет похож на птицу, которой оторвали крылья...

— А его болезненная страсть к королеве прекратится?

— С последней каплей магии. И королева выбросит его, как выпитый коксовый орех.

— Неужели Лолибон не понимает, что владеет источником, который нужно беречь?

— У нее есть запасной.

— Петр?

— Да. Поэтому она взбесилась, узнав, что кто-то пил из ее источника.

— Два перехода — два глотка? Я правильно поняла.

— Да. Пока не понесли дитя.

Роуз тут же вспомнила дурно-пахнущее варево и шепот Петра: «Давай, малявка! Ты ведь не хочешь забеременеть?».

И опять ее сердце прошила боль. Он не о ней заботился, он боялся за свою магию!

Как доверять Петру, если магия так важна для него? Он и Лолибон не поддается только потому, что бережет свои силы!

— Скажите, а почему Петр терпит Лолибон, почему не покинет Тонг-Зитт? Я понимаю вас, вы здесь из-за Анвера, понимаю Анвера — он привязан к Лолибон, но что держит Петра?

— Я думаю, что он не уходит из-за нас. За шесть лет мы стали ему семьей. Он любит Анвера, как брата, хотя тот сейчас плохо относится к нему из-за ревности к королеве. Но Петр понимает, сам болен той же болезнью.

— Я видела графа.

— Знаю. Я был в Райском саду. Незримый.

— Стояли за второй дверью? — Роуз улыбнулась.

— Вы понимаете, что Петр искажил правду. Ему пришлось.

— Мне сейчас трудно разобраться, где ложь, а где истина. Все перемешалось. Вы слышали, что он сказал мне на прощание?

— Нет. Я почувствовал его боль. Он сильный мальчик, на его месте я давно бы сорвал голос от крика. А он молчит. Не хочет королеве доставить удовольствие. Так что он сказал?

— «Найди в четвертом лабиринте солнце».

— Это все меняет, — старик пошатнулся, но успел схватиться за оконную решетку. — Это все меняет.

— Что? — Роуз испугалась, что Фарух упадет замертво. — Что это значит?

— Он здесь не из-за нас. Он не уходит из-за Солнца.

— Я не понимаю! — Роуз не могла без удивления смотреть, как у только что спокойного и рассудительного старика сбилось дыхание. Он цеплялся за решетку так, словно комната наполняется водой, и его единственный шанс уцелеть — прорваться через ажурное плетение. — О каком солнце вы говорите?

Волнение старика передалось и принцессе. Только-только она пребывала в уверенности, что жрец, ради спасения сыновей, поможет ей выбраться из лабиринтов, но прозвучало всего лишь одно слово, и свобода стала призрачной! И виной всему какое-то солнце!

— Что меняют слова Петра? Ну же! Почему вы молчите?

— Тише, Ваше Высочество, тише! — старик схватил Роуз за руку, как будто бы это могло заставить ее замолчать. — Окно открыто, и нас могут услышать.

Сухая ладонь Фаруха обожгла кожу даже через шелк одежды. Жрец потянул принцессу вглубь комнаты, и, когда она шагнула за ним, отдернул руку, поняв, что сделал недопустимое.

— Прошу извинить меня, Ваше Высочество, — он раболепно склонил голову. — Ваше сообщение настолько ошеломляюще, что у меня помутился разум.

— Объясните толком, что происходит? — громко зашептала Роуз. О, как она ненавидела, когда

вместо важных слов люди начинали произносить десятки ненужных фраз, следуя дворцовому этикету.

Жрец доплелся до дивана за ширмой и рухнул на него. Словно какая-то неведомая сила рывком вытянула остов у крепкого с виду старика, и на подушки упали мощи, облаченные в тряпки. Фарух сгорбился и сцепил руки на острых коленях. Его пальцы мелко дрожали. Свет, хоть и не яркий, позволял различить их беспрестанное движение.

Роуз решилась было вцепиться в плечи старика и как следует тряхнуть его, так ее угнетала воцарившаяся тишина, но взяла себя в руки и постаралась справиться с охватившей и ее дрожью. Принцесса села в кресло напротив Фаруха.

— Я думал, она погибла, — Роуз едва различила, что выдохнул жрец. — Я был уверен, что Солнца нет.

— Солнце — это имя женщины? — догадалась Роуз. Она проговорила вроде негромко, но Фарух осуждающе посмотрел на нее и прижал трясущиеся пальцы ко рту.

— Прошу вас, тише. Только за произнесение этого имени нас могут казнить, — он наклонился вперед и поманил Роуз пальцем. Когда она придвинулась так близко, что лицо жреца расплылось перед глазами, он одними губами произнес:

— Солнце — единственная дочь Могучего Орраха. Если она жива, Лолибон есть о чем волноваться.

— Кто такой Могучий Оррах?

— Почивший правитель Тонг-Зитта. И если Солнце жива, то она законная наследница лабиринтов, а не чужачка Лолибон.

— Но как мы найдем ту, чье имя произносить нельзя?

— Нужно следовать совету Петра и идти в четвертый лабиринт. Он сказал искать Солнце? Значит, нужно искать знаки. Истинный вход в лабиринт с этой стороны один, вы не ошибетесь.

— Разве вы не пойдете со мной? Вы обещали вывести меня из Тонг-Зитта — таково условие нашей сделки, — Роуз распрямилась. Что за день сюрпризов!

— Я не смогу покинуть дворец, вдруг мое отсутствие заметят? Но я дам вам описание переходов и помогу с одеждой, чтобы вы не отличались от жителей лабиринтов. Если найдете Солнце, обязательно передайте ей, что я помню милость ее отца и буду во дворце стеречь ее интересы.

Роуз нестерпимо захотелось остаться одной. Ее мучили досада и разочарование, она чувствовала, что старик начал относиться к ней прохладнее.

Она сама себе не смогла бы объяснить, что только что случилось, но вспомнилась игра в карты, яркие образы дамы, короля, валета, созданные придворным художником. Вот козырная дама червей — в ней принцесса видела себя, полную сил и надежд. Но вдруг кто-то передернул карты, и дама перестала быть козырной. Или нет, немного иначе: Фарух делал ставки на козырную даму, но вдруг к нему в руки попал козырной туз, и он смело пожертвовал более слабой картой. Жрец вроде и не разрывал договора, но перестал волноваться за судьбу принцессы: вот вам рисунки лабиринтов, вот одежда, а вот толчок в спину. Идите и ищите. А у него более важные дела. И имя им — Солнце!

Роуз встала, жрец поднялся следом. Она видела, как он подыскивает слова, чтобы как можно быстрее покинуть ее, сбежать от напряжения, потрескивающего в комнате. Он даже шевелил губами, пытаясь начать говорить, непроизвольно потирая ладони. Шелест сухой старческой кожи резал ее слух сильнее звука битого стекла, захотелось крикнуть: «Прекратите!», но она, набрав в легкие воздуха, произнесла почти без дрожи в голосе: «Уже поздно. Я устала».

— Да-да! — с облегчением проговорил Фарух и тут же забыл о принцессе. Взмах руки, слова просящего дорогу, и клубящаяся тьма поглотила жреца.

Роуз не хватало воздуха.

Не помогало открытое окно, частое плетение решетки будто бы не пропускало ни дуновения ветра, хотя умом принцесса понимала, что воздух не мог стать настолько тягучим и густым. Она металась по комнатам как тигрица, разрывая руками ворот глухого платья, душившего ее, выдирая из ткани сопротивляющиеся застёжки.

Резкий стук об пол костяных пуговиц подстегнул Роуз искать выход наружу. Не думая больше ни минуты, она толкнула дверь и вылетела в полутемный коридор. Как ни странно, стражников там не оказалось. Перестала пленница быть опасной для Лолибон или та посчитала, что куда-то гостье из

дворцового лабиринта не деться, Роуз могла только гадать, но попробовать выбежать за пределы душного помещения стоило. Принцесса направилась в сторону противоположную купальням и очень скоро распахнула дворцовые двери.

Даже если бы за ними стояло целое войско, Роуз его не заметила бы — так велико было ее желание глотнуть свежего воздуха. Только отбежав достаточно далеко, она обернулась на металлический лязг, но успокоилась, увидев, что стражники, которые все-таки несли службу у дворцовых дверей, опять скрестили свои пики и застыли, не обращая на нее никакого внимания.

Роуз поспешила в темноту сада, откуда веяло прохладой, слышалось пение сверчков, далекое уханье ночной птицы, лягушачьи трели. Знакомые по прежней жизни звуки заставили замедлить шаг. Родной дом! Где он? Сумеет ли она выбраться из лабиринтов и вернуться к нему? Роуз задрала голову к небу. Россыпь звезд и большая луна заставили сильнее биться сердце. Они казались совершенно такими же, как в Эрии. Как жаль, что она не увлеклась астрономией следом за Генрихом, и только лишь раз взглянула в его стеклянную трубу, так как впечатление от небесных светил быстро померкло после заумного объяснения брата. Астрономия — совсем не романтическая наука, как ей представлялось.

Рассматривая сияющий небосклон, Роуз заметила, что часть звезд погасла, а потом вспыхнула с новой силой. Что за тень затушила звезды?

Когда на бледном фоне луны появился силуэт дракона, Роуз застыла, боясь не только шелохнуться, даже дышать: мощь ящера завораживала. Он вновь и вновь описывал круги над замком. Полет его не был стремительным — дракон явно наслаждался свободой. Кувырок, еще кувырок, крутая петля и вот тело ящера затмило все небо. Он так низко пролетел над головой Роуз, что его крылья задели верхушки деревьев, а поток воздуха взметнул вверх ее волосы.

В нетерпении принцесса ждала появления красного дракона, но, увы, больше она его не увидела. Мысль о том, что ночной странник приземлился где-то рядом, подстегнула девушку к необдуманному поступку. Что послужило виной ее беспечности — свободный полет ящера, его игривые кульбиты в воздухе или надежда на свободу, но Роуз побежала туда, где в последний раз мелькнул его хвост. Продираясь через заросли, густо пахнущие жасмином и шиповником, Роуз не замечала ни боли, ни треска материи, цепляющейся за колючие кусты.

Когда сад закончился, принцесса оказалась недалеко от башни, как две капли воды похожей на ту, в которой она жила с Петром. Растерявшись, не зная в какую сторону двигаться, Роуз устремилась к галерее и со всего маха врезалась в мужскую фигуру, внезапно появившуюся из темного прохода. Удар был таким сильным и неожиданным, что принцесса сбила с ног незнакомца и вместе с ним повалилась наземь.

Мужчина оказался ловким и, опрокидываясь, прижал к себе Роуз так, чтобы она не ушиблась. Его громкое «Ух!» неоднократно отразилось от стен галереи. Роуз просто вышибла из него дух.

— Вот не думал, что так приятно закончу день, — отдышавшись, засмеялся незнакомец, не делая попытки подняться, и не выпуская из объятий девушку.

Она, придя в себя, захотела вырваться из крепкого захвата и отругать мужчину за вольность, но рассмотрев приятное лицо, блеск глаз, почти сомкнувшихся в прищуре от широкой улыбки, ощутив запах разгоряченного мужского тела, зарделась от смущения, а все вертевшиеся на кончике языка резкие слова куда-то делись.

Они так и лежали и с интересом разглядывали друг друга, пока обладатель властного голоса не рывкнул над их головами, заставив Роуз вздрогнуть.

— Соргос, что здесь происходит?

— Капитан, я повержен, — с серьезной миной произнес тот, даже не думая подняться перед грозным командиром.

Бесцеремонный незнакомец еще сильнее прижал Роуз к себе. Та, понимая неловкость ситуации, завозилась, чтобы подняться, но, с ужасом обнаружила, что тело мужчины отвечает на ее невольные прикосновения. Покрываясь краской стыда, она выкрикнула мужчине в лицо:

— Да пустите же вы меня, наконец!

Увидев протянутую руку капитана, она схватилась за нее, как утопающий хватается за брошенный ему канат. Один рывок и Роуз стояла на ногах, но прижималась уже к другому, не менее разгоряченному телу. Подняв глаза, она увидела хищный оскал и недобрый прищур глаз. Не очень приятную картину завершал совершенно лысый череп.

— Кто же вы, прекрасная незнакомка? И что делаете ночью в этой стороне замка?

— Обращайтесь ко мне Ваше Высочество, как подобает моему статусу принцессы Эрийской, — набравшись духу, холодно ответила Роуз и тот час была выпущена из кольца рук.

Капитан и тот, кого звали Соргосом, чинно поклонились ей, но принцессе почудилось некая нарочитость, небрежность в их расшаркиваниях. Губы незнакомцев кривили не слишком скрываемые усмешки.

— Разрешите, Ваше Высочество, проводить вас до покоев? — капитан согнул в локте руку, и Роуз ничего не оставалось делать, как принять ее. Через мгновение Соргос растворился в темноте, и принцесса осталась один на один с обладателем лысого черепа. В его облике чувствовалось что-то звериное, хищное. Чтобы рассеять неловкое молчание и отогнать страх, Роуз спросила:

— Вы не представились, капитан.

— Ш-ш-шотс, — ответил он, и его протяжное «ш-ш-ш» живо напомнило принцессе шипение удава.

Роуз не стала в ответ называть свое имя. Венценосные особы не обязаны представляться капитанам охраны. Но Шотса не остановило ее молчание.

— Позвольте еще раз поинтересоваться, что заставило Ваше Высочество без сопровождения гулять глубокой ночью в этой части крепости?

Роуз не собиралась открывать ему истинных причин, поэтому кротко бросила:

— Драконы.

— И вы кинулись туда, где вам точно не полагается находиться?

— Я увидела летящего ящера через окно и захотела рассмотреть его ближе.

— Получилось?

— Нет.

Отчего-то Шотс громко рассмеялся, и эхо понесло его гогот по галерее, вспугнув летучих мышей, которые бешено понеслись вдоль крепостной стены. Несколько черных тварей закружилось над светлой головой Роуз.

— Где ваш палантин? — поинтересовался капитан, перестав веселиться. Роуз, вспомнив, как рвала ворот, перед тем, как выскочить из комнаты, схватилась за разошедшиеся лоскуты платья.

— Боюсь, что дракон, встретив вас, увидел бы неподобающе много, — старательно глядя перед собой, произнес Шотс, и опять в его голосе прозвучала усмешка.

Обратный путь Роуз показался бесконечным, и она вздохнула с облегчением, когда капитан раскланялся у дверей ее покоев, сказав на прощание:

— Не советую в одиночку ловить драконов, может статься, один из них поймает вас.

ГЛАВА 7

Утром Салима забежала в комнату и осторожно потрясла спящую госпожу за плечо, напугав ту до смерти.

— Что?! Что случилось?! — крикнула Роуз. — Драконы?!

— Какие драконы? — удивилась служанка, не подозревая о ночном происшествии госпожи. — Лолибон Великая ждет вас в тронной зале.

— Дайте хотя бы попить, — без надежды на завтрак взмолилась Роуз, видя, как служанка выкладывает из сундуков красивую одежду. — Во рту стоит такая сухость, что язык прилипает к небу, а губы потрескались, как бесплодная почва в жару.

Как Роуз не старалась отогнать тревожный сон, он не желал рассеиваться. Лысый дракон всю ночь таскал ее в когтистых лапах над лабиринтами, а в завершении сбросил в песчаной пустыне, которая тут же начала поглощать неожиданную добычу. Крики ужаса, вырывавшиеся из уст принцессы, заглушал горячий ветер, смеющийся голосом капитана Шотса.

Выпив залпом бокал воды, Роуз потрогала ребра и втянула воздух через зубы. Они почему-то болели. Вспомнив жесткие объятия Соргоса и Шотса, принцесса нахмурилась.

— Чертовы мужчины, совсем не соразмеряют силы, — проворчала она, не обращая внимания на удивленный возглас Салимы, которая подняла с пола вчерашнее платье. Рванный ворот и выдранные кустами клочья материи делали наряд непригодным для носки.

Когда служанка сняла с Роуз ночную сорочку, она не удержалась:

— Госпожа! Что с вами произошло ночью?

— Я дышала свежим воздухом, — почти не соврала Роуз.

— Я не думала, что это так опасно, — сокрушенно цокнула языком Салима и вытащила из шкатулки кувшинчик с мазью, которой недавно лечила Роуз.

Безвольной куклой принцесса стояла перед зеркалом, когда две служанки, пришедшие на помощь неопытной Салиме, наряжали принцессу в многослойный наряд.

На голое тело Роуз одели нижнюю рубаху из тончайшего полотна, сверху — два широких платья: одно простого кроя без рукавов, другое, красное, с клиновидным глубоким вырезом, через которое проглядывал узор нижнего платья.

И последним на Роуз одели золотой халат, густо расшитый камнями. Прорези для рук давали возможность выпустить наружу рукава красного платья, которые были такой длины, что доставали до пола. Наряд венчал конусообразный жесткий колпак с палантином.

Когда Роуз вплыла в зал (иначе и нельзя было, тяжелый наряд позволял делать только мелкие шажки), королевские придворные поклоном приветствовали иноземную принцессу, выглядевшую экзотической птицей.

«Я уже не фазан, я — Турух».

Об этой чудесной птице складывались легенды. Ее золотое яйцо могло вернуть молодость и здоровье. Но если в рот попадала хоть капля белка, вместо счастья человека ждала мучительная смерть. Не всякий маг брался разделить две жидкости, дающие жизнь птенцу.

«Я — Турух, а на моей голове золотое яйцо».

С грустной улыбкой Роуз вспомнила, как противилась нарядам, которые выбирала мать Руффа. Свадебный ритуал Бреужа перестал казаться странным, но заставил заподозрить неладное: «Почему меня сегодня так вырядили?».

Оказавшись в огромном помещении, чей свод тонул в темноте, и куда не проникал ни свет, льющийся из окон, украшенных цветным стеклом, ни пламя факелов, Роуз преодолевала пространство шаг за шагом, старалась не упасть, наступив на подол халата, стелившегося за спиной двухметровым шлейфом.

Пока она шла к трону, мерцающему золотом в глубине залы, краем глаза разглядела, что на цветных гобеленах, развешанных по стенам, были изображены драконы: красные ящеры то сцеплялись в смертном бое с белыми, то пировали на трупах черных собратьев.

— Я надеюсь, вам хорошо спалось нынешней ночью?

Роуз вздрогнула от женского голоса, неожиданно громко прозвучавшего в просторном помещении. На мощном, поражающем своими размерами, троне совсем затерялась хрупкая фигура Лолибон Великой.

— Простите, Ваше Величество! — Роуз чуть присела в приветственном поклоне. Она боялась, что королева расценит его не достаточно почтительным, но сделать полновесный поклон побоялась. Она просто не поднялась бы. — Я засмотрелась на гобелены.

— Вам нравятся драконы?

— Те, которых я знала, или проявляли дружелюбие, или во всем слушались людей. Да, они мне нравились.

Взгляд Роуз прошелся по людям, стоявшим за троном или около него. Она узнала Анвера, отличающегося белой рубашкой от остальных мужчин, одетых преимущественно в темную одежду. Он сидел на самой верхней ступени помоста из череды многих, ведущих к трону, но на этот раз не обнимал ноги королевы. Они покоились на скамеечке: слишком высок был трон для королевы Тонг-Зитта.

Слева от нее стоял Фарух, устремивший взгляд куда-то мимо принцессы. Он сложил руки замком на тощем животе, но даже отсюда Роуз различала, что пальцы старика подрагивают.

За жрецом маячил Соргос и заговорчески улыбался принцессе. С другой стороны трона стоял, застыв монолитом, Шотс. Одетый во все черное, капитан выглядел торжественно и мрачно. Его плащ спускался до кончиков мягких сапог, перчатки из оленьей кожи рельефно обтягивали мощный кулак, сжимающий эфес меча. Другая рука костяшками пальцев упиралась в подлокотник трона, совсем рядом с миниатюрной рукой королевы. Шотс ни взглядом, ни жестом не показывал, что знаком с Роуз.

— Наши драконы тоже дружелюбны с теми, кто нравится мне, — с ударением на последнем слове произнесла Лолибон. Шотс сохранил каменное выражение лица, в то время как с лица Соргоса слетела улыбка. Жрец нервно потер ладони.

Роуз стояла у подножия лестницы и чувствовала себя бабочкой, которой легко могут обломать крылья по одному жесту королевы.

— Это хорошо, что вы не боитесь драконов, потому как за одного из них вам предстоит выйти замуж.

По залу пронесся нестройный гул голосов, и Роуз показалось, что она находится на представлении в цирке, где фокусник одним движением руки создает и развеивает иллюзии.

Но иллюзия не исчезала, а превращалась в страшный сон.

— Свадьба назначена на завтра, — продолжила королева, подняв руку, чтобы придворные перестали перешептываться.

— Возможно, я не понимаю шуток, но дракон и человек... — Роуз сглотнула комок, подступивший к горлу. — Осмелюсь напомнить, Ваше Величество, у меня уже есть жених, и я не забрала назад своего слова.

— Руфф Бреужский? — с вызовом произнесла королева. — Нет, он слишком слаб, чтобы править Северной Лорией. Я подобрала вам другого жениха. Капитан, поцелуйте свою нарядную невесту.

Уголки губ Шотса задрались вверх, но от этой страшной улыбки захотелось бежать.

Когда он начал медленно, смакуя замешательство на лице жертвы, спускаться по ступенькам, принцесса попятилась, стараясь сохранить расстояние между ними.

В зале стояла мертвая тишина. Роуз слышала свое прерывистое дыхание, и мягкий звук шагов, движущегося на нее мужчины.

Еще мгновение и Роуз не выдержала. Она развернулась, чтобы бежать, но наткнулась на человека, оказавшегося за ее спиной.

— Петр! Петр, что происходит? — она в бессилии опустила у ног скованного цепью графа и с мольбой посмотрела в его пустые глаза.

Если бы не желваки, что выдали его равнодушие к происходящему, Роуз решила бы, что ему все равно.

— Тише, малявка, — он с трудом разлепил потрескавшиеся губы. — Драконы лучше, чем Бахриманы. Они хотя бы не убивают своих женщин.

Роуз лихорадочно обернулась и увидела, с каким удовольствием за ними наблюдает королева. Она мучила Петра, используя Роуз!

Сильные руки подняли принцессу с пола, и она оказалась прижатой к груди Шотса, который в жадном поцелуе впился в губы «невесты». Роуз билась, пытаясь оттолкнуть капитана, но он не дал ей даже вдохнуть, отчего она вскоре потеряла сознание.

«Разве драконы могут жениться на людях?» — летучей мышью носился в темноте вопрос, и голос Петра с горечью ответил: «Да, если драконы умеют превращаться в людей».

Песня, похожая на плач, звучала и звучала в темноте, тревожила, не давала забыться.

Роуз никак не могла понять, отчего на сердце так тяжело, что случилось, почему не хочется открывать глаза?

Предательство. Вот, что ее мучило. Сначала предал старый жрец, потом от нее отказался Петр. Его страшные слова: «Драконы хотя бы не убивают своих жен», воспринимались ею, как отказ от борьбы.

Он отдал ее Шотсу! Дракону в человеческом облике!

Где та власть, которой владеют жены Бахриманов, прошедшие дважды через портал? Говорят, их мужчины готовы на все, чтобы любимые женщины смотрели только на них, целовали только их. А тут... Губы болят от поцелуя-укуса зверя, что решил сделать ее своей, а тот, кто должен был быть от тоски, отдал ее с напутственными словами: «Драконы не убивают жен».

Почему он не кричал, не бился, не рвал цепи, когда чужой мужчина лишал ее дыхания в тесных объятиях? Врали все. И Фархад, и Лолибон. Нет пресловутого притяжения, иначе не пытался бы отослать, отправить искать Солнце...

— Госпожа, госпожа, ну, пожалуйста, откройте глаза! Ночь на исходе! Госпожа-а-а...

Ну, вот, опять эта заунывная песня, мешающая забыться, погрузиться в горе.

Сильный хлопок по лицу обжег болью. Роуз схватилась за щеку и открыла глаза. Над ней склонилась Салима. Глаза красные, нос опухший. Она плакала.

— Еще раз дотронешься до меня — убью! — Роуз села. Она находилась на своей кровати, вокруг были разбросаны какие-то тряпки, в углу, у открытого сундука, валялась шапка-яйцо.

— Убейте, госпожа, убейте, только придите в себя! — вытерев нос рукавом, шептала Салима. — Светает!

Роуз непонимающе уставилась на нее.

— Утром придет капитан. Он сказал: живая или мертвая, но вы пойдете с ним под венец. Лолибон приказала — драконы не слушаются свою королеву.

— Глупая Салима. Чему быть, того не миновать. Что мы можем изменить? — Роуз спустила ноги с кровати и застонала, схватившись за голову. — Что со мной? Почему мне так плохо?

— Вы совсем не помните, что произошло? Вас принес капитан, вы бились у него в руках, звали Петра, плевались, когда он поил вас черной настойкой, испортили наряд невесты.

— Салима, почему же ты не сказала, что это наряд невесты?

— А что, госпожа, изменилось бы? Дворцовые служанки шептались, будто бы сам Шотс пришел к королеве ни свет, ни зари и попросил отдать ему вас.

— Боже, что я наделала? Зачем бегала ночью за драконами? Правильно Шотс сказал — не лови дракона, сама будешь поймана! Вот и поймал...

— Госпожа, потом сокрушаться будете, одевайтесь, — Салима протянула ей невзрачные вещи, такие же, что были на ней.

— Свадебный наряд? — изумилась Роуз, уверенная, что ее разбудили, чтобы подготовиться к церемонии.

— Капитанская настойка, должно быть, еще действует, — цокнула языком Салима и накинула на

плечи принцессы платье служанки. Та послушно просунула руки, встала, все еще пьяная после долгого сна, позволила надеть шальвары и завязать их лентой, чтобы не свалились ненароком. На ноги ей натянули грубые носки и какие-то старые башмаки.

— Так, теперь под шарф уберем все волосы, — объясняла полусонной принцессе Салима, заправляя под тюрбан туго заплетенную косу. — А теперь набросим шерстяной палантин: в третьем лабиринте будет сыро.

— Я не понимаю, что происходит? Куда ты меня отправляешь? — Роуз растеряно оглядела себя.

— К Солнцу. Она вас будет ждать в трактире «Пьяный дракон». Поторапливайтесь, госпожа, светает.

— А ты?

— А я надену вашу одежду и побегу в другую сторону. У вас будет совсем немного времени, чтобы добежать до третьего лабиринта и затеряться в его дебрях.

— Кто ты, Салима?

— Друг. Меня послала к вам Солнце.

— Но откуда она меня знает?

— Ей о вас рассказал Петр.

Служанка надела на плечи лямки небольшого мешка.

— В нем немного еды, вода и карта четвертого лабиринта, — пояснила она. — Госпожа, поторопитесь, мы должны успеть до восхода солнца.

Салима приоткрыла дверь и, убедившись, что в коридоре никого нет, махнула Роуз рукой. Они, вопреки ожиданиям принцессы, пошли в сторону купален.

Один из водоемов оказался пуст, и девушки, заправив подолы платьев в шальвары, протиснулись в квадратный лаз, прятавшийся за заслонкой для слива воды. Встав на четвереньки вслед за Салимой, Роуз заметила на служанке туфли, которые принцесса надевала с красно-золотым нарядом. Принцесса, не привыкшая выступать в роли червя, ползла еле-еле. Салима время от времени оглядывалась и поторапливала ее.

Лаз казался бесконечным и вызывал страх остаться под землей навсегда, но вскоре свежий ветер ударил в лицо, и принцесса смогла подняться в полный рост. Роуз огляделась. Они выбрались на песчаную отмель у озера. За их спинами высились громада крепостной стены, вдоль которой еще одним бастионом простирался широкий массив колючего кустарника.

— Второй лабиринт? — удивилась Роуз, но, повинувшись шиканью Салимы, зажала рот рукой. Почувствовав на губах песок, быстро отерла руки о шальвары.

Согнувшись, они прошли вдоль кромки воды, прячась за зарослями голубых кустов.

— Откуда ты все знаешь? — шепотом спросила Роуз, когда они остановились. Салима сняла с плеч мешок, развязала его и вытащила красное платье. Роуз узнала его. Вчера она вышагивала в нем по тронной зале.

— Крепость Могучего Орраха — родной дом Солнца. Лолибон чужачка и ей неведомы все потайные ходы, — оправив подол, Салима спрятала волосы под шарф. Роуз торопливо повторила все действия служанки. Та помогла ей вытащить платье из шальвар и заколола концы палантина.

— Здесь мы разделимся, госпожа. Держите мешок. В нем вы найдете все необходимое. Идите в сторону поля, высокие стебли кукурузы спрячут вас. Когда достигнете зеленого лабиринта, вспомните ковер в башне Петра. Вы легко найдете выход. Я знаю, Петр заставил вас выучить дорогу наизусть.

Похоже, Салима знала гораздо больше о жизни госпожи, чем сама Роуз. Принцесса корила себя за невнимательность. Как она могла не заметить, что Петр, интересуясь ее успехами, настойчиво возвращался именно к той части лабиринта, что начинается за желтым полем? И вовсе не пшеницей оно засеяно, как думалось прежде, а кукурузой, которая надежно скроет беглянку за высокими стеблями.

— А ты, Салима?

Служанка нарвала камыш и связала его травой. Получившимся веником, она махнула по следам от

башмаков Роуз.

— Я вернусь к лазу из купальни и пойду в другую сторону озера. Ночь кончилась, и ваше красное платье будет видно издалека. Нет времени разговаривать, госпожа, идите. За меня не беспокойтесь.

— Ведь тебя зовут не Салима? — догадалась Роуз.

— Нет, госпожа. Идите и постарайтесь не наступать на влажную почву, — она попятилась назад, ловко орудуя метелкой, сметая следы грубых башмаков и остроносых туфель.

— Спасибо, — прошептала Роуз. Служанка подняла голову и ободряющей ей улыбнулась. Принцесса страшилась остаться одна, но, понимая, что безымянная девушка рискует собой ради ее свободы, не стала мешкать.

Поле находилось совсем близко, и Роуз припустила к нему во всю прыть, жалея, что в башне мало двигалась. Ночью прошел дождь, стебли кукурузы больно били по голове, плечам, оставляя мокрые следы. Руки горели от ран, нанесенных жесткими листьями, режущими, как стекло. Роуз пробивалась вперед, не останавливаясь, хотя в боку уже кололо.

До лабиринта она добралась, когда совсем рассвело. Со стороны крепости послышался трубный звук, который подстегнул запыхавшуюся Роуз двигаться еще быстрее. Она пересекла тропинку, отделяющую поле от высокой, заросшей зеленью стены, и понеслась вдоль нее, спотыкаясь и перепрыгивая через корни, ползущие стебли, осколки камней. Роуз боялась, что ее мечущаяся на открытом пространстве фигура видна издалека, и ругала себя за то, что рано покинула поле. Нужно было двигаться по нему, пока не найдется вход в лабиринт.

Вход открылся внезапно, пугая темнотой и запахом сырости. Оглянувшись в последний раз, Роуз не смогла сдержать крик: над острыми шпильями замка кружили красные драконы. Как в омут головой, кинулась она в проход и понеслась между стенами, расположенными так близко, что вряд ли два человека смогли бы разойтись, не столкнувшись друг с другом.

За первым же поворотом она остановилась и, согнувшись пополам, попыталась отдышаться. Окружающие ее стены были такими высокими, что почти не пропускали свет. Затхлый воздух застыл без движения и казался плотным от влажности. Вспотев от быстрого бега, в мокрой и грязной одежде после столкновения с кукурузными стеблями, со спутанными, прилипшими к лицу волосами, с которых давно сполз палантин, Роуз чувствовала себя совершенно несчастной.

Хотелось броситься на землю и выть от тоски и страха. Но тот же страх погнал ее дальше. Меся разбухшую от влаги почву, принцесса радовалась такой малости, как сухие ноги. Она мысленно благодарила Салиму за высокие башмаки, оказавшиеся крепкими и удобными. Успокоившись и перейдя на удобный, но быстрый шаг, Роуз постаралась восстановить в памяти рисунок на ковре. Только сейчас она поняла, как ей повезло: сверни она в другую сторону, угодила бы в тупик, проход, который обрывался затопленной водой ямой, скрытой под зеленой ряской.

Петр несколько раз заострял ее внимание на опасных ловушках лабиринта.

Вовремя вспомнив об еще одном предупреждении, Роуз остановилась. По пальцам пересчитав пройденные повороты, она поняла, что за следующим окажется тупик, прячущий в себе верный путь, стоит только руками раздвинуть гибкие ветви на одной из стен. Петр говорил, что мрачное вьющееся растение, росшее в лабиринте — это лиана, отметив, что ее стебли весьма прочные и легко выдержат человека, вздумай он повисеть на них.

Как и ожидалось, проход закончился тупиком, и Роуз, просовывая руки сквозь листву, попыталась нащупать пустоту, но наткнулась лишь на каменную кладку. Царапины на руках еще больше разъело, кожа покраснела и чесалась.

Наконец, усилия Роуз увенчались успехом. Протиснувшись между толстыми стеблями лиан, она вывалилась по другую сторону стены и замерла, не веря своим глазам: она находилась на дне квадратного колодца, хотя должна была оказаться в арочном коридоре, плавно переходящем в фигуру, по форме напоминающую домик улитки.

— Этого не может быть! — поднимаясь с земли, вслух произнесла Роуз. Она поправила лямки мешка, съехавшего набок, не глядя, отряхнула платье. Ее взор был устремлен вверх, куда уходили высокие стенки колодца. — Наверное, я ошиблась и нащупала не тот лаз.

К своему ужасу, как ни старалась, она не могла найти проход, через который только что попала сюда. Напрасно она раздвигала ветви, шарила под ними рукой. Плотный пригнанный камень не оставлял сомнений — она оказалась в ловушке. Каменный мешок, так его называл Петр. Кружась в поисках лаза, вконец испуганная Роуз поняла, что потеряла не только проход, но теперь не сможет определить, в какой из четырех стен он находился!

— Не плакать, только не плакать! — твердила она, размазывая рукавом по лицу слезы и грязь. — Должен существовать другой способ выбраться из ловушки! Нужно только собраться с мыслями.

Опять и опять она раздвигала лианы, но колодец упорно не хотел открывать тайну прохода. Измученная бесплодными поисками, Роуз уселась на влажный мох, покрывающий дно ловушки.

Порывшись в мешке, принцесса достала бутылку с водой, которую с жадностью выпила, оставив совсем чуть-чуть, чтобы смочить край палантина и вытереть лицо. Кусок хлеба и сыр возбудили ее аппетит, и Роуз быстро расправилась с запасами. Запоздало пришла мысль, что стоило растянуть питье. Вдруг она не сможет сразу выбраться из каменного мешка? Думать о том, что когда-нибудь такой же неудачник попадет в ловушку и найдет ее кости, принцесса не желала. Бережно расправив на колене карту четвертого лабиринта, Роуз убедилась, что туда вел лишь один настоящий проход. Но как добраться до него, если ты ошибся и теперь не представляешь, где находишься? Да, плохой она оказалась ученицей. Нужно было Салиме не полагаться на память госпожи, а позаботиться, и вместе с этой картой положить рисунок зеленого лабиринта.

Сидеть было неудобно — мох сочился влагой, платье напиталось водой и стало тяжелым, спина начала ныть. Принцесса беспокоилась, что стоит чуть помедлить, и набегающая дрема и усталость свалят ее, а решение так и не придет.

«Посмотреть бы на лабиринт сверху, тогда бы я точно догадалась, где потеряла дорогу».

Роуз заставила себя встать. Мешок отбросила в сторону за ненадобностью, карта заняла свое место у сердца под платьем. Еще раз Роуз прощупала каждый камень стены, но даже небольшой щели не нашла. Ей мешали лианы.

«Сдернуть бы их все, тогда проход был бы как на ладони!»

Но лианы держались за стены крепко, сколько Роуз на них не висела. Оторвав кусок от подола, она намотала его на руки (раны болели и кровоточили) и вцепилась в прочную вьющуюся лозу. Подтянуть тело на лиане оказалось невероятно трудно, поэтому принцесса уперлась в стену ногами и сделала шаг. Так, цепляясь руками за густо растущие ветви, помогая себе ногами, Роуз, хоть и не с первого раза, но добралась до самого верха.

Как же хорошо стоять на стене! Мокрый подол платья стал холодным и колотился крылом птицы о ноги. Пропал запах гниющих растений, который принцесса не замечала, пока не глотнула свежего воздуха. Роуз сдернула с головы палантин и подставила разгоряченное лицо навстречу вольному ветру.

Ей хватило минуты, чтобы понять, где оказалась: она ошиблась всего лишь на один поворот. Завиток, напоминающий улитку, находился в нескольких шагах, и это расстояние она легко могла пройти, не слезая вниз. В стене не зияли ни проемы, ни обрывы, через которые принцессе пришлось бы прыгать.

Воодушевленная тем, что может быстро дойти до нужного участка, Роуз уже подумывала вообще не спускаться вниз: она видела лабиринт, словно смотрела на рисунок ковра. Самым опасным было не запнуться и не упасть с высоты.

Роуз даже засмеялась от счастья.

Лабиринт оказался таким огромным, что беглянка на его просторах смотрелась мелкой букашкой, ползущей среди густой травы. Оглянувшись на замок, Роуз не увидела в небе ни одного дракона. Скорее всего, они улетели туда, куда вели следы остроносых туфелек девушки в красном платье. У принцессы шевельнулся страх, как только она представила, что Салиму ждет, если она попадет в лапы драконов, но быстро успокоила себя тем, что девушка знала о грозящей ей опасности. Если Солнце продумала побег пленницы, то наверняка знает, как спасти подругу.

Осторожно ступая по стене, как по мосту над пропастью, Роуз добралась до угла колодца и замерла, решая, в какую сторону двинуться дальше. Следующий шаг вызвал странное явление: стена дрогнула, и Роуз, не ожидая этого, чуть не упала. Она еще не успела понять, что происходит, как стена дрогнула еще и еще раз. Принцесса быстро пошла прочь от опасного места, но каждый ее шаг вызывал все более мощное сотрясение стены. Глядя себе под ноги, чтобы не сорваться вниз, Роуз невольно отметила, что лианы, раскинувшие ветви по обе стороны от ее «моста», как-то странно начали складываться. Обеспокоенная тем, что в любой момент может сорваться, она села и вцепилась в один из толстых зеленых побегов.

Теперь беглянка чувствовала, что стена не только трясется, но и рывками опускается вниз. Нет, стена не падала, она врастала в землю! Лианы уже не висели натянутыми струнами, а сгибались дугами!

Нарастающий гул заставил оглядеться: вслед за стеной, на которой сидела Роуз, начали опускаться

соседние, за ними следующие, и вскоре Роуз находилась в центре огромного кратера.

Вдруг из-за спины набежала тень, и Роуз, подняв голову, с ужасом заметила, что над ней летит красный дракон. Бежать оказалось поздно, поэтому она нырнула под ослабленные вьюны, надеясь, что ящер ее не заметит. Сильный порыв ветра, острая боль в ребрах, и быстро удаляющаяся земля убили ее чаяния: она находилась в лапах дракона, который летел, прихватив вместе с принцессой длинные плети лиан.

С высоты принцесса увидела, что место, где ее схватил дракон, выглядело, как застывшие круги воды, в которые кинули камень. Роуз оказалась яблочком на каменной мишени, поэтому дракону не составило труда найти беглянку.

Боль в ребрах, головокружение, страх высоты почти лишили ее сознания, но принцесса успела удивиться, что дракон несет ее в другую сторону от замка. Кончился лабиринт, под ногами стелились поля, на которых работали люди. Тошнота подступила к горлу, когда дракон начал снижаться. Роуз видела, как крестьяне, заметив ящера, бросились врассыпную.

До земли осталось совсем немного, когда дракон расцепил когти, и Роуз полетела вниз. Высокая и густая трава смягчила падение, но удар все же оказался таким сильным, что Роуз задохнулась от боли и хватала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Оглушенная, она еще сильнее испугалась, услышав истошный крик человека.

Поднявшись на колени, Роуз с ужасом наблюдала, как дракон охотится на крестьянина. Тот петляя бежал по полю, но проиграл быстрому ящеру. Словно пушинку, тот поднял человека в воздух, и острые когти так сильно вонзились в тело несчастного, что проткнули его насквозь. Роуз упала в траву, желая врасти в землю, думая, что дракон вернется за ней и ее постигнет участь крестьянина. Но ящер, пролетев над ней со своей мертвой ношей, направился в сторону замка.

Над лабиринтом опять нарастал гул — стены пришли в движение. Они поднимались вверх, натягивая струны-лианы, становясь опять непроходимыми для того, кто заблудится в страшном месте.

Встав в полный рост, Роуз проводила взглядом улетающего дракона, а потом обернулась на крестьян, спешивших спрятаться под защитой четвертого лабиринта. Вход в него находился в конце поля, и чтобы срезать путь, Роуз пошла наискосок, путаясь во влажной траве по пояс, почти не разбирая пути от безудержно льющих слез. Всклипывая, она вытирала щеки краешком палантина, снова переживая страшный полет в лапах дракона и смерть крестьянина, погибшего по ее вине.

ГЛАВА 8

Роуз остановилась перед каменной аркой, ведущей в четвертый лабиринт. Трясущимися руками достала из-за пазухи карту и попыталась ее расправить. Бумага промокла и сгибалась под порывами ветра, грозясь вовсе порваться. Не сумев рассмотреть рисунок из-за появившихся разводов и накатывающих слез, Роуз, вздохнув, убрала ее туда же, откуда достала, и робко шагнула в тень лабиринта.

Куда делись крестьяне? Среди них она видела женщин, которых можно было бы расспросить, но принцесса оказалась не такой расторопной, и так сильно отстала от бегущих людей, что войдя под арку, уже не нашла их.

Впереди простиралась длинная улица, состоящая из плотно прижатых друг к другу высоких каменных домов, не имеющих окон. Небольшие деревянные двери оказались плотно заперты, и, постучавшись и подергав ручки некоторых из них, и так и не дождавшись ответа, Роуз поспешила дальше. Ледяной ветер неся следом за ней, теребя тяжелый подол мокрого платья, но принцесса, возбужденная поисками выхода, не замечала холода.

Она жалела, что невнимательно слушала Салиму, упоминавшую трактир «Пьяный дракон», и теперь не знала, куда идти. На память пришли слова Фаруха, что нужно искать знак солнца, и Роуз стала внимательнее вглядываться в неприветливые фасады. Но никаких рисунков или символов на грубо отесанных глыбах не обнаруживалось.

Пройдя половину пути, принцесса спиной ощутила, что за ней наблюдают. Она даже несколько раз обернулась, но улица оставалась тихой и пустынной: нигде не скрипнула дверь, не зашуршал камешек, не раздались крадущиеся шаги.

Не выдержав давящей тишины, принцесса побежала. Конец улицы резко оборвался высокой стеной, создающей тупик, и принцесса растерялась. Неужели придется возвращаться и стучаться во все двери подряд?

— Вот она! Та, которую принес дракон! — услышала она возбужденный шепот и пошла на него. Где-то справа, в темноте раздался шорох и топот ног, бегущих прочь.

С осторожностью Роуз пробираясь вдоль кладки и, уткнувшись в угол, образованный домом и глухой стеной, в недоумении замерла. Что за чудеса? Не могли же люди ходить сквозь стены?

Понимая, что ведет себя странно, принцесса приложила голову к кладке и прислушалась. Где-то звучали музыка, голоса, смех. Сделав несколько шагов вдоль стены, Роуз опять остановилась — музыка звучала сильнее. Но вокруг нее ничего, кроме бездушных камней, не было! Ни намек на проход! Только небольшой изъяс, некая кривизна, густо покрытая копотью, которую видно, если только прислониться к стене и посмотреть вдоль нее.

Опасаясь, Роуз все же протянула руку в густую темноту, уверенная, что испачкает пальцы сажей, и в ужасе закричала, когда кто-то схватил ее и с силой дернул. Роуз полетела вперед, думая, что сейчас стукнется об камни.

— Тише, ты! — женский голос шикнул на испуганную Роуз. Несколько шагов в темноте, и принцесса оказалась на хорошо освещенной улице.

Перед ней стояла девушка, если судить по длинным волосам, хитро заплетенным на самой макушке и небрежно распущенным по спине. Но одета она была в мужские вещи: короткая куртка из грубой кожи надежно скрывала женскую грудь, шерстяные штаны, украшенные поясом с ножнами, ладно обтягивали стройные бедра. Невысокие мягкие сапожки довершали наряд.

Роуз поняла, почему не заметила девушку в тупике — та хорошо маскировалась на фоне камней в этой практичной одежде землистого цвета. Роуз оглянулась, ожидая увидеть щель, через которую они прошли, но за ней, как ни странно, опять находилась сплошная стена.

Девушка, поняв, пояснила:

— Обман зрения. Если подойти ближе, можно разглядеть складку в стене, а за ней проход для одного человека.

— Кто вы? — не удержалась принцесса, видя, что незнакомка тоже внимательно ее рассматривает и не торопится представиться.

Та хмыкнула и сама задала вопрос:

— Ты — Роуз Эрийская?

— Откуда вы...

Проследив за взглядом незнакомки, принцесса ступала. Побег через лабиринт, лазание по его стенам, пересечение поля с высокой травой уничтожили ее одежду. Вместо платья на Роуз болтались мокрые от росы лохмотья. Благо, палантин оказался более крепким и закрывал прорехи, через которые даже виднелось тело.

— Ты что, на брюхе ползла?

Плотнее замотавшись в палантин, Роуз решила прервать бесцеремонную речь незнакомки. Она гордо вскинула голову и произнесла:

— Наверное, вас послала за мной принцесса Солнце?

— Точно! — хлопнув себя по лбу, еще шире заулыбалась девушка. — Называй меня Санти. Я так рано тебя не ждала. По моим подсчетам ты еще пару часов должна была бежать по третьему лабиринту.

Девушка двинулась, стараясь держаться в тени высокой стены, подав знак Роуз, чтобы та следовала за ней.

На противоположной стороне улицы стояли двухэтажные дома, на этот раз с окнами, из которых лилась музыка, слышались пьяные голоса и безудержный смех.

— Меня поймал дракон и выбросил в поле, — с беспокойством глядя на мужчин, выходящих в обнимку из открывшейся двери трактира, Роуз ускорила шаг и пошла рядом с Санти.

— Знаю, — Санти нахмурила белесые брови. — Говорят, ты обрушила лабиринт, поэтому прилетел дракон.

Роуз кивнула, и опустила глаза. Санти вздохнула и прошептала:

— Жаль Стрежика, хороший был мужик. Кто теперь позаботится о его старой матери?

Принцесса чувствовала, как через слой грязи на ее лице проступает румянец стыда.

— Если я выберусь отсюда, найду способ прислать ей деньги.

Роуз, задыхнувшись от быстрого шага, внимательно смотрела под ноги, боясь запнуться и упасть, поэтому не заметила, с каким осуждением на нее взглянула Санти.

Дальше они шли молча. Дойдя до конца гудящей музыкой улицы, Санти направилась к зданию, над широким крыльцом которого на цепи висела выкованная из металла фигура летящего дракона. Первый же посетитель, открывший дверь, привел в действие нехитрое устройство, и дракон заметался на цепи из стороны в сторону. Его дерганные движения напоминали полет крепко подвыпившего ящера, что подтверждала вывеска, выкованная тем же мастером.

Роуз, засмотревшись на кувырки железного дракона, не заметила, что Санти свернула за угол, и только ее окрик вывел принцессу из задумчивости. Она заметила одну деталь: в лапах дракона поблескивала кружка, украшенная символом солнца.

— Заходи, — Санти открыла заднюю дверь, и Роуз попала в небольшой коридор, противоположный конец которого упирался в шумный зал, где сновали большегрудые женщины в фартуках и чепцах, неся в одной руке по три, а то и по четыре кружки с шапкой пены. Но Санти не пошла туда, а свернула к лестнице, которая привела девушек на второй этаж.

Достаточно просторная комната делилась ширмами, правда, не такими красивыми, как во дворце Лолибон. Видимо в Тогн-Зитте использование легких перегородок было в ходу.

— Снимай свое рубище и иди туда, — Санти ткнула пальцем за одну из ширм. — Там найдешь ведро с водой. Умойся.

— А где Солнце? — решила подать голос Роуз, развязывая башмаки.

Санти немного помолчала, гремя посудой. Так, во всяком случае, показалось Роуз.

— Зачем она тебе?

— Она должна помочь мне выбраться из лабиринтов, — Роуз стягивала через голову платье, поэтому не сразу разобрала ответ. — Что?

— Я говорю, Солнце никому и ничем не обязана. Не думаю, что она захочет с тобой встретиться.

Скажи спасибо, что она прислала двух своих лучших воинов.

— Я не видела никаких воинов, — ленты на шальварах никак не удавалось развязать, и Роуз застонала от бессилия.

— Дай, — подошедшая Санти вытащила кинжал из ножен и просто срезала узлы. — Я говорю о себе и Дори. Ты ее знаешь как Салиму. Думаешь, легко прислуживать капризной принцессе?

Увидев, что Роуз поджала губы, бросила ей:

— Прости.

Роуз повернулась спиной и наклонилась над ведром.

— О, да у тебя весь бок синий! — воскликнула Санти, рассматривая следы когтей дракона, потом подняла глаза на Роуз и заметила, что та плачет. — Я не ожидала, что тебе так достанется. Твое спасение было продумано до мелочей, но ночной побег от Петра, его заключение в подземелье сорвали все планы. Пришлось действовать быстро.

— Скажите, а Дори спасется?

— О ней не переживай, Дори уже вернулась во дворец. Никто не заподозрит, что она вывела тебя.

— Зачем она вернулась? Я же спаслась!

И опять Санти долго посмотрела на Роуз, в ее глазах сквозило не то презрение, не то осуждение.

— Ты забыла о Петре. Солнце и Дори на все пойдут, лишь бы вытащить его.

— Ой, вода холодная! — воскликнула Роуз, но извинилась, видя, как вспыхнули глаза Санти. — Простите. Я просто не ожидала.

— Здесь нет Петра и Салимы, чтобы греть воду Вашему Высочеству. Вот чистая одежда, на столе еда. Сиди тихо. Я скоро вернусь.

Неслышно притворилась дверь, и Роуз упала на стул, обессилено свесив руки между коленями. Она догадывалась, что не очень нравится Санти, хотя, скорее всего, сама в этом виновата. Надо же было забыть о Петре! Усталость и страх явно затуманили разум, раз она опять думала только о себе. Роуз стало стыдно. Мучительный спазм заставил ее согнуться. Она вспомнила, что не ела почти два дня, а запах еды вызвал приступ голода. Посмотрев на свои израненные грязные руки, она, вздохнув, поднялась и, сжав зубы, начала мыться холодной водой. Трясаясь от холода, принцесса надела на себя широкие мужские штаны и рубаху из толстой небеленой ткани. Все познается в сравнении. Петр всегда относился к ней как к принцессе, а она...

Роуз опять стала затворницей, только теперь в трактире, на первом этаже которого вечерами веселились жители четвертого лабиринта. Она с опаской подходила к окну и рассматривала открывавшуюся взору часть лабиринта в щелке между занавесками. На улице сновали туда-сюда люди, кто-то катил тележки с мешками, кто-то нес тяжелые корзины на голове, но даже днем гуляки обязательно заходили в трактир, потревожив висящего на цепях дракона. Роуз каждый раз вздрагивала, когда железная вывеска звякала о металлические нащепки двери.

Санти предупредила ее, что за поимку принцессы Лолибон объявила вознаграждение и, если сюда Роуз шла, прячась в тени, и выглядела, как бродяжка, то сейчас ее отмытую и приодетую значительно легче опознать. Над лабиринтом то и дело низко пролетали драконы, всматриваясь в лица женщин, которые теперь боялись выходить из дома.

Роуз скрывала от Санти, что чувствует себя плохо. Она не хотела стать для нее еще большей обузой. И так девушка оставалась неприветлива, как ни старалась Роуз вести себя учтиво, и за дни пребывания в трактире едва ли произнесла десяток слов.

У Роуз болела голова, ее знобило, приходилось все время кутаться в выстиранный собственными руками палантин. Принцесса списывала недомогание на простуду. Посидев в колодце лабиринта на мокром мхе, она, оказавшись на стене, подставилась всем ветрам. Влажные стебли кукурузы и трава по пояс тоже внесли свой вклад. Да и четвертый лабиринт встретил ее сильным сквозняком, окончательно выстудив разгоряченное бегом тело.

Несмотря на мутность сознания, вызванного недомоганием, Роуз не раз пыталась поговорить, но Санти вечно куда-то спешила и отвечала кратко.

Через три дня заточения принцесса просто не выдержала и преградила ей путь, прислонившись к двери спиной.

— Пока мы не поговорим, вы не выйдете отсюда, — как можно тверже произнесла Роуз.

Санти скривила рот в усмешке. Она перекинула волосы через плечо назад и положила ладонь на пояс, рядом с торчащей рукояткой кинжала.

— У нашей розочки выросли шипы?

— За что вы меня ненавидите? Петр, наверное, объяснил, что я не по своей воле попала в Тонг-Зитт? Да, я неумеха, все время делаю ошибки, но меня не готовили к бегу по лабиринтам и полям.

— Мне наплевать на тебя, если честно, — Санти сделала угрожающий выпад в сторону Роуз, но та не дрогнула. — Мы с Солнцем заняты спасением Петра, а от тебя можно услышать только жалобы и вечное «я», — она издевательски протянула на распев: — Я-я-я. Тебя, Роуз, заботит только собственная жизнь. А потому, сиди и жди, пока другие решают, как тебя выручить.

— Сколько еще ждать? — Роуз не отошла от двери, хотя Санти встала настолько близко к принцессе, что они едва не соприкасались носами.

Девушки оказались одного роста, но фигура Санти была более подтянутой, видимо она постоянно находилась в движении. Ее весьма симпатичное лицо портил загар, делающий кожу воспаленной, красной. Так обычно реагируют на солнце белокожие люди. Сейчас Роуз рассмотрела, что нос Санти шелушится, а пухлые губы обветрились. Ее голубые глаза, обрамленные светлыми ресницами, в упор смотрели на принцессу. У той даже побежали ледяные мурашки по спине, но Санти, выдержав паузу, все-таки ответила:

— Не знаю, сколько ждать. За тобой должны были прийти еще пару недель назад, но почему-то не торопятся.

— Кто? — Роуз почему-то подумала об отце и Генрихе.

— Твой жених, — лицо Санти опять скривилось.

— Который? — Роуз сама от себя не ожидала такого вопроса. Чувствуя себя еще более глупой, чем могла показаться, поспешила уточнить: — За мной придет Руфф?

— Ну, если ты хочешь вернуться к дракону, то только скажи.

Роуз с трудом проглотила то пренебрежение, которое слышалось в словах подруги Солнца. Да и то, что Солнце решила не показываться, тоже оскорбляло. Хотя причины ее отказа появиться могли быть иными, Роуз пребывала в уверенности, что одна принцесса явно игнорирует другую.

Роуз нехотя отступила от двери и, когда Санти потянула за ручку, спросила:

— Как там Петр?

— Наконец-то, вспомнила, — не оборачиваясь, буркнула Санти и, выходя за дверь, крикнула: — Твоими молитвами.

Разговор не получился, но хоть какие-то вести Роуз удалось узнать. Любившая раскладывать все по полочкам, принцесса подошла к окну и, слегка оттянув край занавески, уставилась на улицу.

Размышляя, она сделала неутешительные выводы: ее спасительницы тяготятся ею, она их сильно раздражает. Но чем вызвана эта неприязнь, различимая даже в словах, что Руфф не торопится ее спасти? В том, что она виновата в заточении Петра? Или потому, что Петр мучается от тяги к ней?

И опять всплыли в памяти слова Фаруха, что Петр не покидает лабиринт только из-за Солнца. Роуз не ожидала, что червячок ревности, шевельнувшись где-то в животе, вызовет такую боль. Ей сейчас радоваться бы, что скоро появится жених, который ради нее преодолел шесть лабиринтов, а она думает об отношениях между Солнцем и Петром. Пока граф находился рядом, она чувствовала к нему притяжение, но сбежав из башни, отгородилась собственными проблемами. Даже считала виноватым из-за того, что он отказался от «малявки» и равнодушно отдал ее в лапы Шотса.

Она ни разу не подумала о том, как себя чувствует Петр, когда предмет его бахриманской страсти удаляется от него все дальше и дальше. Может, ему невыносимо больно? Перед глазами появилась картина, как еще один Бахриман — Анвер вбежал в комнату и бросился к Лолибон. Его трясло, но, увидев королеву, молодой жрец заметно успокоился, а прикоснувшись к ней, и вовсе ожил.

Боже, какой же сильный духом Петр, если смог вырвать ее из сердца, не стеновать при встрече, даже казаться равнодушным!

Но отчего же ей тогда так больно?

Принцесса вздохнула. Петр терпел ненавистную королеву, по приказу которой его избивали, не уходил из лабиринтов, хотя легко мог вызвать портал. Неужели он оставался во дворце только из-за Солнца — прямой наследницы Тонг-Зитта? Зная его, принцесса могла бы поклясться, что не власть привлекала Петра — он легко отказался от владения Северной Лорией, отдав Роуз Шотсу. Значит, здесь замешаны чувства к другой принцессе.

Роуз не заметила, как из глаз полились слезы. Только когда стало трудно дышать и сдерживаться, она бросилась на кровать и зарыдала в голос. Как не страшно признаваться самой себе, но Роуз поняла — ее сжигает ревность. Она даже готова была вернуться во дворец, лишь бы увидеть графа, о котором в пылу побега забыла. Она ужасно этого стыдилась. И еще один вывод убил ее своей правдивостью: она не хотела видеть Руффа. Что она скажет жениху? Что разлюбила? Он ради нее прошел шесть опасных лабиринтов, а она даже не может представить, что обнимет его.

Схватив край простыни, Роуз вытерла лицо. Ледяная вода в ведре на этот раз показалась не достаточно прохладной, чтобы остудить внутренний жар. Роуз рывком открыла окно и стала буквально глотать стылый вечерний воздух. Сзади хлопнула дверь, и к ней метнулась тень.

— Дура! Предупреждала же!

Сильные руки оттащили ее от окна и швырнули на пол. Створки немедленно закрылись. Оглушенная падением, Роуз попыталась встать, но не смогла. Кто-то, не различимый в темноте комнаты, склонился над ней, легко поднял и положил на кровать. Смутно знакомый мужской голос произнес:

— Да у нее жар!

— Как не вовремя! — Санти прохладной рукой потрогала лоб Роуз.

— И что теперь? Позвать к ней Руффа? — мужской голос был полон сочувствия.

— Да. Пусть он займется своей невестой. А тебе нужно возвращаться во дворец. Ты знаешь, как действовать.

Уже открыв дверь, Санти с нажимом произнесла, обращаясь к незнакомцу:

— Тольконими с него цепи, и он уйдет через портал. Будь осторожен.

Засыпающая Роуз из диалога выхватила только последние слова и с облегчением подумала, что Петр скоро окажется на свободе.

А ночью он к ней пришел. Петр нежно целовал ее лицо прохладными губами, шепча слова любви, которые она, оказывается, мечтала услышать. Роуз послушно задрала руки вверх, когда он сказал, что нужно снять рубашку, помогла развязать шнурки на штанах и приподняла ягодицы, чтобы Петр сдернул их.

Прижалась к нему, стараясь поделиться жаром, с наслаждением вбирая прохладу крепкого мужского тела, плавилась под ласками рук, с восторгом слушала свое имя, которое он произносил хриплым от страсти голосом.

И сама не отставала, делилась поцелуями, подставляла груди под жадные губы, трепетала, когда мужские пальцы доставляли острое удовольствие, опустившись ниже, туда, где она стала влажной, несмотря на жар. Послушно раздвинула ноги и приняла его тяжесть, чувствуя, как он осторожно входит в нее. Подняла руки, чтобы закопаться пальцами в кудрявые волосы и притянуть лицо для еще одного поцелуя.

Что-то было не так. Роуз никак не могла сообразить, что ее волнует. Она открыла глаза, но ничего не увидела, кроме тени мужчины, нависающего над ней. Занавес плотно зашторил окно, не пропуская ни полоски лунного света.

Пальцы принцессы ухватили прядь жестких волос Петра и потянули: локон оказался длинным, гораздо длиннее, чем мог бы быть у графа. Роуз закричала, не понимая, кто сейчас прижимает ее к кровати, попыталась руками спихнуть тяжелое тело, выскользнуть из-под того, кто точно не мог быть Петром.

И вдруг комната ярко осветилась. В мерцании, разорвавшем стену, появилась фигура Петра. Он застыл, глядя на кровать, где сплелись два нагих тела. Руфф, принц Бреужский, ритмично двигался, входя в ту, что извивалась под ним, и в порыве страсти, цепляясь за длинные локоны жениха, кричала.

Открылась дверь. В комнате стало больше еще на одного зрителя. Голос Санти разрушил напряженную тишину, установившуюся после открытия портала и появления Петра:

— И ты еще сомневался? Как видишь, ей действительно хорошо.

Свечение померкло, стена обрела прежнюю форму, дверь с шумом захлопнулась. Роуз осталась наедине с Руффом, который продолжал лежать на ней.

— Потерпи, малышка, я сейчас закончу, — простонал он, ускорившись в своем движении.

Роуз не знала, откуда взялись силы, но она сбросила с себя недоумевающего Руффа, соскочила с кровати и кинулась к двери, чтобы догнать Санти и объяснить хотя бы ей, как она ошиблась. Но дверь оказалась запертой снаружи.

— Иди сюда, Роуз. Не дури, — Руфф похлопал ладонью по постели. Этот звук показался до того отвратительным, что Роуз закрыла уши руками. Она в темноте едва различала жениха, но почувствовав, что он поднимается, попятилась к окну, выходящему на задний двор.

— Ну же, малышка. Разве нам плохо? Вспомни, как ты стонала и говорила, что любишь. Давай, закончим то, что начали.

Следя за Роуз, он продолжил ее уговаривать.

— Может, ты переживаешь, что мы согрешили до свадьбы? Успокойся, я все продумал. Мы захватим простыню с собой, чтобы показать двору Бреужа твою девственную кровь. Я думаю, мама поймет, почему мы не удержались.

Только занавески на окнах отделяли Роуз от свободы, о которой ее воспаленное сознание мечтало больше всего. Понадобилось мгновение, чтобы она забралась на подоконник и, не думая, шагнула в темноту ночи.

Ее тело ударилось об железный козырек, что раскинулся над черным входом, а потом скатилось и рухнуло на утопанную землю. Роуз уже не видела, как на задний двор из трактира выскочили люди, привлеченные шумом, как кто-то накрыл ее нагое тело сдернутой со стола засаленной скатертью, вызвав тем самым недовольство пьяных ротозеев, как все они бросились врассыпную, заслышав шум крыльев дракона, взявшегося ночью неизвестно откуда.

Никто, кроме Руффа, высунувшегося из окна, не видел, как красный дракон подхватил бесчувственное тело девушки и полетел в направлении замка.

Свет от свечи, зажженной второпях, принес бреужцу еще одно расстройство: на простыне не оказалось ни капли крови.

ГЛАВА 9

— Я не справлюсь один, моя госпожа. Слишком сильные повреждения. Моей магии недостаточно.

Над Роуз, лежащей без сознания на столе, склонились двое. Фарух озабоченно потирал руки.

— Магия Анвера помогла бы?

— Да. Но он почему-то не явился на мой зов. Я послал уже двух слуг...

— Он не придет. Я закрыла его в своих покоях, дав снотворное. Он должен отдохнуть, — холодные глаза королевы осматривали искаленное нагое тело. На простыне, расстеленной под ним, медленно увеличивалось кровавое пятно.

— Но девушка погибнет...

— Скажи, Фарух, Бахриманы чувствуют, когда их женщинам плохо?

— Да, как и чувствуют, когда их женщинам хорошо.

— Даже когда она получает удовольствие от другого мужчины? — Лолибон перевела взгляд на старика.

— Настоящий Бахриман никогда не допустит, чтобы его женщина отдавалась другому...

— Разве? Вспомни, я спала и с Анвером, и с Петром. Иногда мы все трое делили ложе.

— Моя госпожа, то было на заре их становления, как магов. Это теперь вас можно назвать...

— Женщиной Анвера? — правильно поняв его заминку, подсказала королева.

— Да. И Анвер чувствует ваши сильные переживания, будь то радость или боль. Но тогда ни один из моих сыновей еще не открыл для вас портал, поэтому терпел присутствие другого. Но сейчас все иначе. Вы же видели, с каким удовольствием Анвер бил Петра? Его душит ревность. Как ему пережить, что его женщина мечтает о другом.

— Ты забываешься, старик.

— Простите, госпожа, — Фарух склонил голову. — Вы позволите Роуз Эрийской умереть?

— Нет. Ты можешь хотя бы на время остановить кровотечение?

— Да, но...

— Игра только что совершила интересный поворот, появились новые персонажи. Я не могу допустить смерть Роуз, но и лечить ее не дам. Из твоих слов я поняла, что Петр должен чувствовать боль Роуз. Значит, он ее не бросит, явится.

— Госпожа, вы не учитываете одно обстоятельство — смерть Роуз может сделать его свободным. Кто сказал, что помимо магической привязанности, он испытывает любовь к эрийке?

— Этого ни ты, ни я не знаем. Но, не дав Роуз умереть, мы удержим его на крючке. Ее боль заставит Петра вернуться.

— Ваше коварство не знает границ, моя госпожа, — старик низко поклонился.

— Приму за похвалу, — королева даже не взглянула на Фаруха.

Ей не давала покоя мысль, кто же разделит ложе с Роуз? И почему она решилась выброситься из окна? Хорошо знакомый запах любовного соития не давал усомниться, что ночью Роуз находилась под мужчиной. Шотс получил беглянку из рук дракона, дежурившего в той части четвертого лабиринта, где выстроились в ряд трактиры, постоянные дворы и увеселительные заведения.

Как только королеве доложили, что у трактира «Пьяный дракон» народ оживился, повыскакивал на улицу, тайный агент помчался проверить, что же там происходит. Узнав в лежащей на земле девушке Роуз, он накрыл ее скатертью, а потом, улучив момент, обратился в дракона и унес во дворец.

— примени магию, удерживающую человека на грани жизни и смерти, но боль не снимай. От тебя не убудет. Анвера не подпускай к Роуз. Узнаю, что он облегчил ее страдания, быть вам обоим битыми. Драконы с удовольствием отделают вас.

— Слушаюсь, моя госпожа. Но если я сейчас растрочу силы на эрийку, утром не смогу сварить омолаживающий эликсир для вас. Начнется увядание, которое трудно будет остановить, и вы очень скоро вернете свой возраст.

Королева схватила старика за горло.

— Я вырву тебе кадык, если ты еще раз заговоришь о моем возрасте. Не нарушай наш договор, старик, иначе ты перестанешь быть мне нужным. На свете еще много Бахриманов, только поищи.

Она на мгновение отпустила жреца, который, задыхаясь, хватал ртом воздух, затем цепкие пальцы женщины сильнее сдавили ему шею. Фарух всегда подозревал, что королева только притворяется физически слабой.

— Я надеюсь, ты не потратишь на нее слишком много сил. Пусть рыдает от боли, но не умирает.

Как только королева покинула комнату, не имеющую ни одного окна и больше напоминающую темницу, старик простер над Роуз руки и стал медленно водить вдоль тела. Внимательный взгляд едва ли уловил бы слабое свечение, льющееся из ладоней. Целительная магия Бахриманов заставила Роуз ровнее дышать, но ее лицо искривилось от боли. Сейчас принцесса находилась на грани сознательного и бессознательного.

Старик вытер рукавом выступивший на лбу пот. Врачевание всегда давалось ему с трудом, слишком малым запасом магии он обладал. Фарух вспомнил день, когда впервые появился в Тонг-Зитте с младенцем на руках. Уже зная, что враги жрецов расставили ловушки, чтобы ограничить их бесконтрольное передвижение по миру, он выбрал для своего спасения ту страну, что не примкнула к Союзу пяти королевств. Не имея сил на открытие портала через море, он передвигался короткими скачками: с одного необитаемого острова на другой, из обезвоженной пустыни в непроходимые горы. И так несколько перемещений, пока не попал в таинственный Тонг-Зитт.

Очутившись в лабиринте, он метался из стороны в сторону, не находя выхода, пока не догадался, что и здесь ему следует воспользоваться короткими перемещениями по дороге Бахриманов. Не зная конечной точки путешествия, он оказывался то в зеленом лабиринте, то в каких-то развалинах, где его засыпала земля, грозя похоронить заживо, то по пояс в ледяной воде. И только его мастерское владение порталами позволило ему выбраться и сохранить жизнь сыну.

Измученный, с уже переставшим кричать ребенком, он, в конце концов, вышел из портала посередине оживленной улицы. Ему впервые со времени побега от воинов Союза несказанно повезло. Торговец овощами, передвигающийся от двери к двери с груженной тележкой, подсказал, где найти женщину с грудным младенцем. Фарух бегом припустился туда, считая повороты лабиринта, состоящего из тесно прижатых друг к другу домов, чтобы найти нужный переулок.

Женщина, вышедшая на стук в дверь, обнаружила на своем пороге стоящего на коленях мужчину, с мольбой протягивающего ей маленького ребенка. Ее сердце дрогнуло, она взяла младенчика и покормила грудным молоком, которого едва хватало для собственного сына.

Золота, что хранил в потайном кармане Фарух, хватило на то, чтобы купить более просторный дом, чем тот, в котором обитала добрая Катарина, ставшая вдовой по вине дракона, поймавшего ее мужа в шестом лабиринте. Как она объяснила, в Тонг-Зитте приняты строгие законы, и только драконы разрешают жителям перемещаться из одного города в другой, карая смертью за самовольное проникновение в лабиринты следующего кольца. Хитрое устройство Тонг-Зитта разобщало людей: мало кто знал собственный лабиринт хорошо, а о тех, что располагались ближе к столице, и говорить не приходилось.

Как узнал Фарух, самым первым лабиринтом считался королевский замок, стоящий на высокой скале, испещренной запутанными подземными проходами, где, как разносила людская молва, жили драконы. Могучий Оррах, король Тонг-Зитта, управлял ими с помощью магии драконьего рубина. Послушные его приказам, летающие ящеры нападали на соседние земли, сгоняя рабов для строительства новых колец лабиринта, несли охранную службу, отражали натиск врагов, если вдруг какое-то государство решилось идти войной, поддерживали внутренний порядок, огнем и многочисленными жертвами гася редкие восстания.

В Тонг-Зитте каждый гражданин стремился перейти жить в соседний, более комфортный для жизни лабиринт, но для этого он должен был доказать свою полезность. Перемещение из одного лабиринта в другой преподносилось людям, как поощрение, оказываемая им честь.

Рабы внешнего, девятого лабиринта, проявив себя умелыми строителями, кулинарами или, скажем, художниками, переводились проводниками — специальными знатоками запутанных проходов в восьмой, где они заселялись в освободившиеся дома тех, кто перешел в седьмой. Предел мечтаний многих жителей Тонг-Зитта ограничивался четвертым лабиринтом. Там жизнь казалась более легкой и богатой, чем во всех остальных кольцах.

Поняв систему передвижения, Фарух, используя магические способности, очень скоро добрался до дворца, став полезным самому королю — Орраху Могучему. Жрец втайне от всех, а прежде всего от драконов, лечил стареющего короля, используя целительную магию.

Да, Бахриманы многое умели. Их магические способности использовались, прежде всего, для продолжения рода: жены жрецов никогда не болели, вынашивали здоровое потомство, а сыновья, оставшиеся без матери, росли сильными и выносливыми.

Когда погиб Оррах, жрец, спасая себя и сына, тут же предложил свое умение лечить занявшей трон Лолибон — пленительной красавице, которую рано или поздно не пощадило бы время. Он сыграл на ее стремлении оставаться вечно молодой. Многие люди, приближенные к прежнему королю, бесследно исчезли, но Фарух выжил. Поговаривали, будто трупы несчастных гниют где-то в подземелье, а кости некоторых, попытавшихся сбежать, можно встретить в ближайшем зеленом лабиринте.

Благодаря магии Фарух научился выделять полезное содержимое из чудодейственного яйца птицы Турух. Желток он применял для поддержания красоты и молодости королевы, а ядовитейший белок собирал в темные бутылки, прочно запечатывая их красным сургучом. Жрец не уничтожал смертельную жидкость, надеясь когда-нибудь найти ей применение в черной магии.

Не один дракон погиб, добывая для королевы золотые яйца в горах, где обитают необыкновенно красивые, но хищные птицы. Стоило охотнику чуть зазеваться, не успеть спрятаться в расщелинах скал с ворованным яйцом, как он сам превращался в добычу. Цепкие когти птицы Турух вырывали ему глаза, а прибывшая стая сородичей легко отправляла смельчака к праотцам.

Да, через много унижений и испытаний пришлось пройти Фаруху. Лолибон боялась пить эликсир молодости, приготовленный им, и всегда заставляла его сына делать первый глоток. На юного жреца магический напиток действовал возбуждающе: Анвер был далеко не красавцем, но когда его глаза загорались огнем желания, он становился настолько притягательным, что королева не могла не откликнуться на зов страсти.

Фарух, как не старался, не мог удержать ни сына, ни королеву. Слова и воззвания к ним не помогали. Эликсир пьянил, и они едва успевали добраться до покоев, где предавались любовному безумству до утра.

Когда во дворце появился Петр, королева возжелала юного графа, но он сторонился ее, чем крайне досадовал правительницу. Ни раскрытие тайны рождения и гибели его родителей, ни обещания посадить Петра на любой трон, на который он укажет пальцем, не могли заставить его лечь в одну постель с королевой. Тогда она воспользовалась магией яйца Турух. И Петр превратился в «ураган».

Фарух попытался сыграть на том, что предмет страсти королевы поменялся, поговорить с сыном, но Анвер успел влюбиться в Лолибон и горел желанием, даже не притрагиваясь к эликсиру. Ревнуя ветреную королеву, он, тем не менее, не смог устоять перед силой желания. Влетев в покои Лолибон, Анвер поразился страстному куражу любовников, и, торопливо сняв одежду, присоединился к ним. Лолибон понравилась тройная шалость, и с тех пор она часто заманивала юных жрецов к себе. Но постельные утехы для Петра оставались не более чем развлечением, что не давало королеве покоя. Она пыталась сломать его, подстроить под себя, повторив путь соращения Анвера, но ничего не выходило. Интерес Петра к ней просыпался только после глотка эликсира. Когда граф повзрослел и научился управлять своими желаниями, то вовсе забыл дорогу в ее опочивальню. Лолибон злилась и настраивала Анвера против названного брата.

Фарух в мельчайших подробностях помнил тот день, когда впервые узнал о существовании Петра Пигеон. Лолибон все больше доверяла старому жрецу и перестала стесняться вовлекать его в свои интриги. Однажды она принесла книгу, на которой светилась магическая печать хранилища королевства Эрия. Фарух не стал спрашивать, как запретная книга попала королеве в руки. Его поразило содержание пергаментных страниц: там подробно описывался ритуал прохождения дорогой Бахриманов.

— Скажи, Фарух, в каком возрасте вы, жрецы, можете самостоятельно вызвать портал?

— Как только научимся говорить, госпожа. Но мало кто из отцов отпустит малолетнее чадо в путь, где оно может легко заблудиться. Поэтому мы предпочитаем как можно позднее передавать знания открытия портала.

— Пятнадцать лет — этого возраста для жреца достаточно?

— Вполне.

— Можно ли научиться вашей магии с помощью книги?

— Нет такой книги, которая правильно описывает открытие портала. Не достаточно прокричать

слова «Дорогу идущему Бахриману», важно точно воспроизвести жест рукой, повторить его тысячи раз, и только тогда....

— Значит, книга не поможет? — прервала объяснения жреца Лолибон.

— Даже если бы я постарался сам описать каждое движение с большими подробностями, ничего бы не вышло.

Увидев, что королева недовольно сдвинула брови, Фарух поинтересовался:

— Моя госпожа, объясните мне, чего вы хотите добиться с помощью этой книги и, может быть, я смогу вам помочь.

Лолибон помолчала, пристально глядя на согнувшегося в раболепном поклоне старика, но потом решилась:

— То, о чем я расскажу, не должна знать ни одна душа, — дождавшись кивка, она продолжила: — Во дворце короля Эрии живет юноша, не подозревающий, что он внук Верховного жреца. Мне нужно, чтобы он исчез, а его приемные родители сошли с ума, разыскивая его по всему свету. Я надеялась, что ему достаточно только прочесть книгу, и он исчезнет в портале, повторив магический жест Великих Бахриманов. Его мальчишеское любопытство должно было бы погубить его.

— Вы хотите его смерти?

— Мне все равно, где он выйдет из портала, будут ли там смертоносные ловушки или нет. Моя цель — месть его приемным родителям. Ты сам должен ненавидеть их — это Эдуард и Свон Эрийские.

— Убийцы Бахриманов... — задумчиво проговорил Фарух. — Но, моя госпожа, зачем терять могущественного мага, коим при правильном обучении станет внук Верховного жреца? Он будет верой и правдой служить своей спасительнице, я позабочусь, чтобы мальчик освоил полезные для Тонг-Зитта науки. Вы не представляете, каких высот он достигнет! Я и мой сын — ничто против последнего Верховного жреца.

— Но как мне вытащить мальчишку из Эрии?

— Я подумаю. Дайте мне время.

С помощью белка яйца птицы Турух жрец сотворил сложное заклинание. Книга, подброшенная в королевскую библиотеку Северной Лории, ждала своего часа. Когда внук Верховного жреца оказался поблизости, она потянулась к его спящей магии и упала под ноги подростка. Если бы принц Генрих пробежал мимо, то граф обязательно вернулся бы к книге, не в силах отказаться взять заколдованную вещь в руки.

С этого момента пошел отсчет времени: произнес бы Петр заклинание «Дорогу идущему Бахриману» или нет, махнул бы рукой или держал ладони сцепленными, портал все равно открылся бы и втянул в себя юного жреца. С другой стороны портала его ждали Фарух и Анвер, вложив в заклинание призыва все свои силы. Как только Петра протащило дорогой Бахриманов и швырнуло к ним в руки, все трое, измученные магией принуждения, забылись долгим сном.

Фарух ни разу не пожалел, что своим вмешательством сохранил Петру жизнь. Тот, как и ожидалось, стал сильным жрецом, но пользовался магией осторожно, не пестуя в себе ни злости, ни обиды, которые хотела бы пробудить в нем Лолибон. Влияние приемных родителей, растивших мальчика в любви, оказалось сильнее магии Бахриманов. Фарух знал, что на Петра можно положиться, он не подведет, выручит в нужный момент, поэтому сильно беспокоился о его судьбе.

Отойдя от всхлипывающей Роуз, Фарух приблизился к стене и приложил к ней ухо. Медленно провел по каменной кладке рукой, ощупывая каждую неровность. Вздохнул, покачал головой, прошел вдоль всех четырех стен и застыл у самой дальней.

Прижавшись к ней мокрым от пота лбом, тихо заговорил:

— Петр, уходи. Не смей завершать дорогу Бахриманов. Здесь ловушка.

Еще постоял, вслушиваясь, и опять прошептал:

— Уходи, прошу тебя. Дай ей умереть. Не делай глупость, сын. Ей немного осталось. За меня и Анвера не беспокойся, мы выпутаемся.

На столе опять застонал Роуз, старик оглянулся на нее, его лицо смягчилось.

— Ничего, милая, потерпи. Скоро все закончится.

Роуз то выныривала из небытия, то погружалась в него, но чернота не приносила облегчения. Боль терзала тело и душу. Душу больше. Невозможность объяснить, исправить то, что случилось ночью, мучила, почти убивала.

Не кровь по капле уносила ее жизнь — осознание, что она подвела Петра, сделала ему больно, хотя не хотела этого. Роуз словно наяву видела его потухший взгляд, брошенный на нее перед тем, как он исчез в свечении портала. Все случилось так быстро! Она не успела остановить его, закричать, что те ласки, нежность, которые она дарила чужому для нее человеку, предназначались только Петру. Но он об этом никогда не узнает. Жаль, что она покидает мир, так и не сказав, как сильно его любит. Чем была забита ее голова, когда она могла произнести такие важные слова?

Сейчас боль очистила ее мысли от ненужной шелухи, наносного, запутывающего, ложного, открыв единственно правильные чувства. Откуда-то появилась уверенность, что скажи она ему тогда, в тронном зале, что любит его, Петр не позволил бы дракону целовать свою женщину. Она не знала как, и под силу ли было Петру скинуть оковы, но он сделал бы все невозможное, только услышав о ее неравнодушии к нему.

Но не случилось.

Ее упоение собственными бедами не позволило увидеть важное, дающее ключ к спасению обоих. Зачем бороться за женщину, если она изо дня в день показывает, что ты ей не нужен?

Но, увы, она упустила, проморгала, не поняла, а теперь поздно.

Роуз умирала. Тело становилось все легче и легче, и уже не могло удержать душу. Вот и боль пропала, осталась одна безмерная тоска. По несбывшейся любви.

Петр смотрел на женщину, лежащую перед ним, и не мог понять, что заставило его шагнуть в ловушку? Находясь у выхода из портала, еще невидимый никому, он мог развернуться, уйти, перетерпеть, но даже предупреждение Фаруха его не остановило.

Всего лишь пара мгновений, и его измученная душа обрела бы свободу, исчезли бы зависимость, постоянная боль, сомнения...

Со смертью Роуз он стал бы подвластен только своим устремлениям и желаниям.

Да, он мог подождать.

Но куда деть любовь?

Она называла его Петушком, а он, дурак, злился. Он видел в ее детских глазах обожание, но отмахивался, как от назойливой мухи. Тогда она была слишком маленькой и вызывала лишь братские чувства. А он оказался плохим братом. Сколько раз она приходила к нему на помощь, заступалась, признавала себя виновной в его проделках? Бессчетно. А он дразнил ее и даже наслаждался слезами. Старался показаться плохим, чтобы она отстала, не путалась под ногами.

Он видел ее больные глаза в то далекое утро, еще в королевском дворце Эрии, когда очередная, наспех одевшаяся, любовница покидала его комнату. Он лишь посмеялся над ее легко читаемым горем. Он считал себя мужчиной, а она для него так и оставалась малявкой.

Никто не знает, даже Фарух, что через четыре года после попадания в Тонг-Зитт, решившись тайно посетить Эрию, он пришел не к бывшему другу и брату Генриху, а к ней, маленькой принцессе. Он стоял за шторами и с удивлением разглядывал влетевшую в покои девушку, не сразу поняв, что эта красавица и есть Роуз.

Сколько ей было, когда он исчез? Двенадцать? Нескладная, длинные руки и ноги. Большие глаза, пухлые щеки, вздернутый вверх нос. Та, что кружилась по комнате, напевая любовную балладу, казалась сказочным созданием: распущенные волосы, летящие за ней, красивая линия шеи, выходящая вокруг стройных ног юбка. Принцесса танцевала, лучась счастьем. Ее умелые движения были плавны и изящны. Поворот, еще поворот, наклон, более низкий, чем того требовал танец, и Петр разглядел ее открывшуюся грудь.

Он хотел немедленно уйти, не в силах смотреть на то совершенство, в которое превратилась малявка. Но как незаметно вызвать портал? Даже не в магической фразе дело. Он научился открывать дорогу Бахриманов, не произнося ни слова, и для ритуального жеста не надо было задираť руку, хватало едва заметного соединения пальцев в нужную фигуру. Но куда деть серебристое свечение?

Фарух с Анвером не относились к семейству Верховного жреца, поэтому магия давалась им труднее, запас исчерпывался быстрее. Он, Петр, в первый же год обучения перегнал названного брата в умении пользоваться магией, а через пять лет уже учитель поражался силе и умению

импровизировать, создавать новые магические формулы, о которых старый жрец и не подозревал. Петр мог усыпить человека одним щелчком пальцев, отнять у него воспоминания, влюбить в себя до беспамятства.

Как ни соблазнительно было бы использовать любовную магию против принцессы, Петр не стал. Да, он усыпил ее, когда похищал, и не сразу вернул возможность двигаться. Знала бы Роуз, почему так долго приходила в себя, возненавидела бы еще больше. Ему ничего не стоило сделать так, чтобы, проснувшись, она думала только о нем, ластилась, плавилась от любви в его руках. Он мог. И желал этого. Очень. Но ему хотелось искренних чувств, живого отклика души.

Повстречайся Роуз маг, равный ему по силе, сними он насланное им наваждение любви, смогла бы она простить его? Нет.

Никто не догадывается, каких сил стоило ему сдерживаться и не брать Роуз как женщину, когда они проводили ночи в одной постели. Поставив себе запрет трогать чужую невесту, готовясь передать ее Руфффу, он изнемогал от одной мысли, что отпустит ее.

Да, у него был быстрый способ вернуть ее на родину — провести еще раз дорогой Бахриманов. Но что стало бы с ним? Всю жизнь мучиться, сгорать от привязанности к той, что любит другого? Быть зависимым от чужой жены? Только сила воли, свойственная Верховным жрецам и их потомкам, помогала справляться с зависимостью от Роуз после первого перехода. Он угрожал ей смертью, чтобы оттолкнуть, заставить думать о себе плохо, не проникаться симпатией к похитителю. Он по себе знал, как легко потерять голову в плену и оказаться в постели у человека, которого должен ненавидеть. Лолибон сотворила с ним подобное.

Он был уверен, что Роуз любит бреужца. После похищения со свадьбы, она, находясь в магическом сне, звала жениха по имени, плакала. Петр чувствовал себя подлецом, но надеялся, что любящий Руффф обрадуется возвращению невесты и не станет винить ее в случившемся.

Петр вздохнул и положил голову на ладонь спящей после исцеления Роуз.

Он запустил магию исцеления, как только появился в комнате.

— Отец, уходите, — бросил он причитающему Фаруху. Времени на раздумья не оставалось, нужно было успеть спасти Роуз.

— Прости нас, Петр, — сказал жрец, пятясь к двери. — Мы так перед тобой виноваты...

Как только королева ушла, Фарух, водя руками по каменной кладке, обнаружил опоясывающую помещение магическую решетку, и понял, почему Анвер спит — он истощился, проведя сложный и опасный ритуал. Нет, не сама решетка была опасна. Чтобы создать клеть, выпускающую мага и не выпускающую его назад, достаточно нарисовать ее внутри комнаты.

Прикоснувшись к стене, старый жрец был потрясен величиной ненависти сына к Петру: воспользуйся Анвер обычными ингредиентами для заклинания, и все кончилось бы тем, что Петр не смог бы открыть портал, находясь внутри комнаты. Но нарисовав решетку и применив ядовитый белок яйца птицы Турух, ревнивый сын сотворил ловушку, высасывающую магию. У любого мага, без разбора. Войдя в комнату, старик сразу почувствовал, что его магический запас и без того скудный медленно опустошался. Он не кривил душой, когда предупреждал Лолибон, что не сможет изготовить омолаживающий эликсир, если начнет лечить Роуз.

Ему бы следовало бегом бежать из опасной комнаты и сразу признаться королеве, какую глупость сделал его сын, но старик не стал. Узнай она, что ловушка высосет из Петра магию, Лолибон не пощадила бы глупого Анвера и убила бы его. Да, Фарух пытался спасти Петра как мага, отсылая его прочь, но разве можно переубедить влюбленного Бахримана?

Догадывался ли Петр о подлости Анвера, когда вошел в комнату? Скорее всего, да. Он должен был почувствовать высасывающую магию, но все равно закончил переход.

— Идите, отец, — Петр провел ладонью по лицу Роуз и та слабо застонала. — Время на исходе.

— Я могу остаться с тобой и помочь. — Фарух старался загладить вину сына. Он даже готов был пожертвовать последними крупницами своей магии, чтобы превратиться в презираемого всеми жреца.

— Не надо, — Петр даже не посмотрел в сторону старика, он сосредоточился на Роуз. — Я справлюсь. Я, как никто другой из Бахриманов, знаю, что значит жить без магии.

И совсем тихо добавил, скорее всего, даже не замечая, что произносит вслух: — Но я не знаю, как жить без любви...

Петр не думал, сколько прошло времени с момента его проникновения в комнату: глубоко под землей, в пещерах нет разделения на день и ночь. Он сидел за столом и смотрел, как розовеет кожа Роуз, как выравнивается дыхание. Принцесса, наконец, перестала стонать. Она выздоравливала.

Погрузив девушку в сон, Петр и сам устало склонил голову, прижавшись лбом к ее руке.

Нет, он не будет колотить руками в дверь, пытаясь как можно быстрее покинуть комнату, чтобы сбросить то небольшое, что осталось от магии. Она ему больше не нужна.

Роуз жива — это главное.

Воспоминания опять вернули его к тому дню, когда он прятался за шторой и наблюдал за танцующей принцессой.

— Мама, как же я счастлива!

Свон только что зашла в комнату, и Роуз бросилась к ней на шею. Две женщины стояли, крепко обнявшись, слегка раскачиваясь, не пытаясь спрятать рвущиеся наружу чувства.

— Ты его любишь?

— Да! Да! Я тысячу раз готова прокричать «да»! — Роуз, поцеловав Свон, опять закружилась в танце. Ее лицо покраснелось, движения стали раскованнее, из них исчезла нарочитая грациозность. Дикий танец влюбленной женщины. Кто же тот счастливчик?

Роуз взлетела на кровать и несколько раз подпрыгнула, складывая ноги в полете то так, то эдак. Свон засмеялась, стала прихлопывать.

Петр смотрел теперь только на Свон. Ее улыбка не смогла скрыть залегшие под глазами тени. Не было больше в лице приемной матери того света, что делал ее неземным созданием. Нет, она земная, вполне. Даже обыкновенная. Волосы выбились из тяжелого узла на затылке, у глаз разрослись морщинки, да и сами глаза утратили яркий цвет небес. Их словно выстирали, разбавили водой.

Он стиснул зубы, чуть не выдав себя движением тяжелого занавеса, так он смял его в руках.

В глазах Петра плескалась ненависть.

Свон Эрийская стала причиной смерти его матери. Знала, что той скоро рожать, но пошла с доносом на отца. Не будь ее, нищей бродяжки, проданной за грош рабыни в замке Пигеон, все могло сложиться иначе. Фарух рассказывал, что любил свою жену и готов был расстаться с магией, лишь бы уберечь ее от смерти. Значит, и его отец, наследник Верховного жреца, Халид, тоже любил Леоль. Разве не служит тому доказательством, что Халид не убил Леоль после рождения мертвого первенца-девочки. Он так ждал его, Петра, рождения. А Свон выкрала их ребенка из замка Пигеон и передала в руки деревенской женщины в Дохо. Она не дала ему ни шанса увидеться с отцом. Если бы не Лолибон и Фарух, он вообще никогда не узнал бы, что владеет магией. Чтобы разбудить способности жреца, рядом должен находиться отец. Или наставник. Но допустили бы принцы Эрийские к нему Бахримана? Нет, никогда.

В дверь просунула голову фрейлина, увидев дикий танец Роуз, тоже заулыбалась. Кашлянув, чтобы на нее обратили внимание, вошла, присела, приветствуя принцесс, и сообщила:

— Ваше Высочество, Руфф Бреужский ожидает свою невесту в дворцовом саду.

Роуз спрыгнула с кровати и подбежала к столику с расставленными на нем изящными коробочками и склянками, пытаясь, с помощью гребня на длинной ручке, инкрустированной самоцветами, привести волосы в порядок.

— Ну же, говорите, вы все знаете! Как он ведет себя? — не утерпела она и задала мучивший ее вопрос, глядя на фрейлину матери через зеркало.

— Если вы не поторопитесь, оборвет все розы. Он дергает лепестки и шепчет «Любит — не любит!».

— Тогда я не буду переодеваться, зачем его заставлять ждать. Розы жалко! — Роуз поспешила покинуть комнату, чуть не сбив с ног любопытных придворных дам.

— Эх, молодость! — фрейлина встала рядом со Свон, глядя через распахнутые двери, как по широкому проходу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, идет Роуз.

— Слава Богу! И этот брак будет счастливым, — поделилась своей радостью Свон, неспешно выходя из покоев принцессы.

Двери закрылись, Петр тут же вызвал портал.

Увиденное всколыхнуло его обиды, копившиеся за годы жизни в Тонг-Зитте. Расхаживая по своим покоям в башне, он бился о стены, словно раненный зверь, попавший в яму.

Он был глупым мальчишкой, считая себя счастливым от того, что его приютили короли Эрии.

Только Лолибон смогла открыть ему глаза на Эрийских. Лицемеры! Он думал, что они искренни и любят его, но, оказывается, его, внука Верховного жреца, держали в заложниках, чтобы однажды использовать в своих целях.

ГЛАВА 10

Петр находился в полном неведении о судьбе своих родителей. Если о матери ему еще рассказывали, то об отце говорили коротко — погиб в войне с Бахриманами.

Он, наследник Сулейха и немалого графства Пигеон, жил в отведенных ему комнатах на правах сироты, хотя по происхождению равен королям!

Только из-за вмешательства Эдуарда Эрийского на его наследных территориях правят чужие — чернокожий кок с пиратского корабля Роки Блэк и мелкий шпион Алекс, награжденный за то, что пас Свон, когда она работала служанкой в замке советника короля графа Шовеллер.

Даже эту семью Свон умудрилась разорить, сея там раздор и смерть. Из пятерых детей остались живы лишь двое. Дак Шовеллер, который боится оторвать свой зад из кресла посла в Лории, и сестра Чарис, отданная Эдуардом замуж за старика, а потому рано овдовевшая.

Не желая больше находиться в одиночестве, боясь, что от кипящей злости на эрийцев перебьет мебель и стекла в башне, Петр открыл портал в четвертый лабиринт. Он отправился туда, где веселью и распутству предавались баловни судьбы, сумевшие попасть в ближайшее от дворца жилое кольцо.

Он пил почти в каждом трактире, встречающемся ему на пути, пока не потерял сознание, облевав весь порог у заведения с болтающимся на цепи железным драконом.

Утро он встретил болью в голове и смутным представлением, что творил ночью. Простыня, на которой он лежал совершенно голым, сохранила следы ночных забав и несколько пятен крови.

«Откуда кровь?» — недоумевал он, но услышав плеск воды и тихий женский голос, напевающий песенку, закрыл лицо ладонями. Неужели, он лишил кого-то девственности? Песня прекратилась. Петр приоткрыл один глаз и посмотрел туда, где находилась ширма, отделяющая угол от спального места.

Женщина за ширмой стояла к нему спиной. Ее светлые волосы были заколоты, открывая плавную линию шеи.

Боже, он совсем не помнил ее лица!

Петр замер, когда руки незнакомки взметнулись вверх и она, вытащив пару шпилек, тряхнула головой, чтобы волосы упали на плечи. Он уже видел это движение: летящие волосы, улыбающееся лицо, ощущение полного счастья. Роуз. Так похожа...

Его сердце пропустило удар, когда женщина медленно повернулась к нему лицом.

— Ты кто? — голос не слушался.

— Ты забыл, милый?

Слово «милый» в купе с пятнами на постели моментально отрезвило Петра. Он прислушался к своим ощущениям. Если в пьяном угаре он таскал незнакомку через порталы, то должен чувствовать к ней сильную тягу. Петр застонал и схватился за голову. Наверное, ни один Бахриман не может похвастаться попаданием в зависимость от женщины через пьянство, у них всегда был только расчет. Он был бы первым.

Светловолосая девушка вышла из-за ширмы, совершенно не стесняясь нагого тела. Ее фигура напоминала мальчишескую: узкие бедра переходили в длинные ноги, маленькие груди едва выделялись, плечи казались несколько широковатыми, но милое улыбающееся лицо скрашивало все недостатки фигуры.

— Любимый, — она произнесла слово с растяжкой, словно мурлыкающая под ласковой рукой кошка. Нависнув над лежащим Петром, она потерлась своими острыми сосками о его грудь, а потом наклонилась для поцелуя.

— Почему ты не обнимешь меня? — она прижалась всем телом, но Петр лежал как истукан и не делал попытки поднять руки. Он не чувствовал к девушке той тяги, что должен был, если бы путешествовал с ней через портал. Может, пронесло? Незнакомка вздохнула. — Вчера называл розой, просил «люби меня»...

Петр застонал. Вот оно! Он влюбил девушку в себя, произнеся магическую фразу! И как у него еще сложились пальцы в правильную фигуру! Что он наделал?

— Почему розой? — только и спросил он, лихорадочно обдумывая, как поступить с девушкой:

обездвижить, усыпить и смыться, или на всякий случай лишить памяти?

— Наверное, потому, что я красивая, но колючая. Посмотри, что я сделала с тобой.

Девушка слезла с Петра и махнула рукой в сторону висящего на стене зеркала.

На теле молодого жреца не было ни одного живого места: следы от крепких поцелуев сменялись бороздами от ногтей. Незнакомка не только мурлыкала как кошка, но и царапалась почище дикого животного.

— «Роуз, люби меня, Роуз, люби меня!» И я любила, как могла. До тебя у меня не было мужчин, сам видишь, — она ткнула пальцем в пятна крови. — Но, судя по тому, как ты стонал, тебе понравилось.

— Замолчи, — Петр выставил вперед руку, как будто хотел закрыть девушке рот. Найдя свои штаны, он натянул их и опустился на кровать рядом с незнакомкой. — Давай все по порядку. Что произошло ночью?

— Ну, хорошо, — она перебралась к нему на колени, поерзала, вздохнула, провела пальцем по его груди. — Когда ночью я вышла на крыльцо трактира, увидела тебя. Ты не очень хорошо выглядел. — Она сморщила нос, а Петр от стыда закрыл глаза. — Я хотела позвать своих людей, чтобы они оттащили тебя к соседям (кому хочется возиться с пропойцей?), но ты схватил меня за ногу и прошептал: «Люби меня, розочка». Вот тут я сама не поняла, что произошло. Меня словно пронзило стрелой, тело наполнилось такой любовью, что я одна доволокла тебя до своей комнаты. У меня до сих пор тело ноет, ты оказался искусным любовником. Я не догадывалась, что мужчины могут доставлять столько чувственной радости. Честно говоря, я и сейчас хочу тебя, твоих ласк, ну, ты понимаешь...

— Кто ты и как тебя зовут? — Петр пересадил ее на кровать, но девушка обхватила его руку и прижалась к плечу.

— Любимый, можешь называть меня Розочкой, раз тебе так нравится этот цветок.

Петр освободил свою руку и повторил вопрос.

— Кто ты?

Увидев, что он серьезен, незнакомка вскинула голову, в ее глазах появился хищный огонь.

Петр почувствовал, что своей грубостью, задел в ней струны гордости. Теперь перед ним сидела не кошечка.

— А кто ты, горожанин? Да будет тебе известно, что весь Тонг-Зитт принадлежит мне.

Она встала и посмотрела на Петра так, что у него остановилось сердце: он видел эти глаза! В подвалах замка есть комната, где хранятся портреты бывшей королевской семьи. Он впервые попал туда вместе с Анвером. Брат показывал ему портрет Могучего Орраха, которого Петр уже не застал: тот вместе с дочерью погиб при пожаре. Петр не раз задумывался, как мог сгореть дракон, который сам является чистым пламенем? Но ответа так и не нашел.

— Солнце?! Тебя зовут Солнце? — девушка кивнула. Петр не верил. Не хотел верить, что обесчестил дочь великого Орраха. Теперь, зная, кто перед ним, он не мог воспользоваться ни магией обездвиживания, ни забвения. В памяти услужливо всплыли ее слова: «Я хотела позвать своих людей». Принцесса не может быть одна, раз она спаслась в том пожаре, когда выгорела половина дворца.

— Тише, любимый! — Солнце, видя растерянность на лице Петра, смягчилась. Она прижала палец к его губам. — Никто не должен знать, что я выжила.

Петр мучительно подбирал слова. Что сказать Солнцу? Как объяснить, что она находится под действием магии, и вовсе не любит его? Но как тогда она воспримет проведенную с ним ночь?

Воспользоваться моментом, открыть портал и уйти Петр тоже не мог. Только не от девчонки, которая доверилась ему. Знала бы она, что спала с любовником Лолибон Великой!

Петр схватился за голову.

— Ну же, милый, успокойся! — Солнце поняла его жест отчаяния по-своему. — Да, я принцесса драконов, а ты простой горожанин, и мне не позволят выйти за тебя замуж, но ты навсегда останешься моей первой любовью. Как только верну трон моего отца, я предоставлю тебе одну из лучших придворных должностей. Скорее всего, я отвоюю право встречаться с тобой. Я знаю, что в некоторых странах у королей есть фавориты.

— Я уже фаворит. У Лолибон Великой.

Девушка закрыла руками рот, заглушая собственный крик ужаса. Поднявшись с кровати, она попятилась к двери.

Петр встал следом и протянул ей свою рубашку.

— Оденься. Нагой не стоит спускаться вниз. Зови своих людей, пусть они решают, умереть мне или жить.

— Но как же так? Я люблю тебя...

Она утонула в его рубашке, дрожащие пальцы не смогли нащупать пуговицы, и Солнце просто запахла, пряча тело.

— Не люби меня. — Магическая фраза, сложное движение рукой, и Петр мог наблюдать, как покраснело лицо девушки. Наваждение спало.

Она, не веря, что стоит раздетая перед незнакомым мужчиной, осмотрела свои босые ноги, потом перевела взгляд на кровать, где атели пятна крови.

— Прости, — Петр не поднимал глаз, ему было мучительно стыдно.

— Тебя убьют, — холодный голос полоснул ножом. Солнце повернулась и вышла, не закрыв дверь.

Петр стоял и вслушивался в ее торопливые шаги. Куда она направилась? Кто придет вершить праведный суд над ним?

Прошел час, другой. Как Петр ни прислушивался, не различил ни звука, трактир словно вымер. Ожидание смерти хуже самой смерти.

Петр легко мог исчезнуть, открыв портал, но побег от наказания он считал трусостью. Да и куда бежать? К Лолибон, которая пытается его сломить, заставляя подчиниться и провести ее через портал? Вернуться в Эрию, где живут убийцы его родителей? Скитаться по свету, прятаться? Нет хватит. Пусть лучше убьют.

Натянув сапоги, он решительно направился к лестнице. На торопливые грохочущие шаги из зала выглянул бородатый мужчина.

— А, любовничек. Ну, хорош-хорош! — хмыкнул он, рассматривая разукрашенный поцелуями и следами ногтей торс Петра. — Я все ждал, когда ты покинешь любовную норку. Трудно решиться, когда набедокурил? Страшно, поди? Пойдем, голубчик, тебя заждались.

Проходя по просторному помещению, где деревянные скамьи, уложенные на столы, смотрели короткими ножками в потолок, Петр заметил, как часто ему встречаются изображения драконов с кружками в лапах. Даже на куртке, которую Петру протянул бородач, нагрудный карман был украшен затейливой вышивкой.

— Спасибо, — поблагодарил он за куртку, которую тут же натянул, воспринимая жест бородача, как дружелюбный.

За кухней, где высились горой немытые котлы и глиняная посуда, шла узкая лестница в погреб — туда и нырнул бородач, едва протискиваясь широкими плечами в проход. Не дойдя до конца лестницы, он нажал на одну из панелей, которыми были обшиты стены, и бесшумно открыл еще одну, более узкую дверь. В нее пришлось пройти боком и так же боком двигаться в полной темноте по коридору, больше похожему на лаз гигантского червя.

— Вы не боитесь показывать мне свои секреты? — Петр знал, что врагу только в одном случае безбоязненно открывают тайны: перед смертью.

— Тебе, красавчик, отсюда два выхода, — обернулся бородач, подтвердив догадку. — На кладбище, где-нибудь в зеленом лабиринте, или...

Он не договорил, трижды громко постучав, как показалось Петру, в стену. Кто-то изнутри распахнул дверь в освещенную комнату. Яркий свет заставил сощурить глаза, привыкшие к темноте, поэтому Петр не сразу понял, что находится в центре круга, по краям которого стоят кресла. Лишь одно из кресел оставалось свободным, в остальных сидели незнакомцы.

— Кто вы? — властный голос разрезал тишину. — Не вздумайте врать, у нас есть весьма болезненные способы дознания.

— Граф Петр Пигеон.

— Чем вы занимаетесь при дворе?

— Механик, разрабатываю лабиринтные ловушки.

— Вы не желаете признаться, что являетесь любовником узурпаторши Лолибон, или решили скрыть от дознания?

— Можно сказать, стесняюсь, — Петр улыбнулся.

— С какой целью вы прибыли в четвертый лабиринт? Это Лолибон послала вас?

— Нет. Единственной моей целью было надраться так, чтобы забыть свое имя. Если бы я хотел рассказать королеве о Солнце, она бы уже знала. Лишь одна причина заставила меня остаться: я виноват перед принцессой и готов понести наказание.

— Вы уверены? Думаете, вы могли бы свободно уйти из охраняемого бойцами трактира?

— Для перемещения мне не нужны двери, я — маг, поэтому прошу правильно оценить мой поступок. И принять во внимание, что живой я больше принесу пользы принцессе драконов.

В комнате заговорили все разом, в голосах слышалась паника, возбуждение, удивление.

— Тихо! — приказал тот, кого Петр выделил как главного. В нем чувствовалась животная мощь, повадки воина. Со спины к нему подошел тот самый бородач, приведший Петра в подземелье, и возбужденно зашептал на ухо.

Главарь, облокотившись на ручку кресла, задумался, подперев крупным кулаком подбородок.

— Я по-прежнему считаю, что вас следует убить. Так было бы правильнее. Оставлять вас на воле — подвергать риску тех, кто остается верен Могучему Орраку и его дочери. Но принцесса попросила сохранить вам жизнь. И теперь я на распутье: поступить, как просит будущая правительница Тонг-Зитта, или довериться своему чутью.

— Я думаю, графу Пигеон можно верить, — в центр круга вступил человек, лица которого Петр не успел рассмотреть — он встал к нему спиной. — Я наблюдал за Петром с самого его появления во дворце. Он не тот, кто в случае войны встанет на сторону Лолибон. Он сам является жертвой ее интриг и распутства. Петр не признался нам, что относится к жрецам Сулейха, только потому, что знает, как весь мир ненавидит Бахриманов. Но он тот, кто заставит магию служить добру делу. Граф может наладить связь между дворцом и четвертым лабиринтом. Королева и капитан Шотс с каждым днем становятся все подозрительнее к моим частым отлучкам, и мне с каждым разом все труднее придумывать причины покинуть замок.

— Что же, Соргос, я соглашусь с вами, если вы возьмете ответственность за графа на себя, — предупредил главарь.

Соргос повернулся к Петру, и граф узнал одного из лучших драконов из охраны королевы.

— Я клянусь, что не подведу, — Петр протянул руку дракону.

— Я принимаю клятву верности Солнцу, — тот ответил рукопожатием. Из его рукава выползла тонкая змейка, спиралью обвила запястье Петра и, укусив его, сделалась невидимой.

— Мы тоже немножко маги, — объяснил Соргос. — Она свернется у сердца клубком и будет ждать своего часа.

От воспоминаний Петра отвлек щелчок открываемого замка. Обернувшись, он увидела в дверях Анвера. Несколько минут они молча смотрели друг на друга. Петр заметил, что жрец не вошел в комнату, остался стоять на пороге.

Граф давно не видел брата, если не считать коротких встреч в Райском саду и в тронной зале во время «помолвки» принцессы с капитаном драконов. Но в обоих случаях Петр не обращал внимания на Анвера, он был сосредоточен на Роуз.

Сейчас, увидев его близко, Петр поразился произошедшим с ним переменам. Его брат никогда не отличался крепким сложением, можно сказать, Анвер был рожден для пения, музыки, танцев. В нем всегда проявлялась склонность к искусству — он прекрасно рисовал, лепил из глины изящные фигурки. Его тонкие пальцы умели не только доставлять удовольствие женщине, уж этому Петр точно стал свидетелем, но и создавать уникальные артефакты, вплетая заклинания в природой подаренную красоту: в созданном им обереге золото и драгоценные камни соседствовали с полевыми цветами, птичьими перьями, колосками пшеницы. Петр слышал, что амулеты Анвера спасли жизнь не одному дракону, вылетающему в лабиринты, чтобы усмирить восстание рабов или вспышку неповиновения горожан. Люди, зная, с кем им придется иметь дело, заранее готовили

оружие против ящеров: мощные арбалеты, копья, сети-ловушки. Но сильные обереги Анвера уводили стрелы в сторону, а ловушки схлопывались за мгновение до попадания в них драконов.

— Что с тобой? Ты болен? — только такие слова могли прийти на ум Петру, после того, как он увидел кожу да кости, оставшиеся от Анвера.

Но тот не стал отвечать, только вяло махнул рукой.

— Скажи, брат, жрецу становится легче, когда магия покидает его? — в голосе Анвера не было и толики издевки или торжества. Больное любопытство? Нет, Петр чувствовал, Анвер отчаянно хотел знать правду. Отчаяние — вот главное слово, которое описывало состояние жреца.

Петр закрыл глаза, прислушиваясь к себе.

— Я ничего не чувствую, — наконец, признался он.

— Как? — удивился Анвер, даже сделал шаг в комнату. — Разве не исчезла сильнейшая привязанность к женщине, ты не перестал чувствовать ее боль, у тебя не пропало желание убить ее? Разве тебя не оставили муки ложной любви?

— Ложной? — эхом повторил Петр. — Я не знаю, что такое ложная любовь.

Анвер подошел к стене и провел по ней ладонью.

— Не получилось? Не вытянуло магию?

— Брат, выйди из комнаты. Получилось. Вытянуло. И я тебе благодарен. Я свободен. Исчезли сомнения — люблю ли, исчез страх, что когда-нибудь не выдержу и сорвусь, убью или ее, или себя.

Анвер сначала повернулся к двери, намереваясь выйти, но потом решительно направился к Петру и сел рядом на скамью. Плечом к плечу, как шесть лет назад, когда они были подростками.

— Анвер, что ты делаешь? Пожалей отца.

— Я устал. Я тоже хочу ничего не чувствовать. Не ощущать скручивающую Лолибон ненависть, вспышки ярости, похоть. Ты знаешь, как мучительно переживать наслаждение женщины, когда она получает его не от тебя?

— Знаю...

Анвер удивленно обернулся на брата.

— Ночью я почувствовал, как от Роуз идут волны любви и нежности, и кинулся в портал, что бы увидеть, кого она так любит. Она был с Руффом.

— Брат...

— Скоро она придет в себя. Я никогда ни о чем тебя не просил. Сейчас прошу. Помоги ей уйти из дворца, Руфф ждет ее в «Пьяном драконе».

— Брат, ты не в себе? Твой разум испарился вместе с магией? Она выбросилась из окна, находясь в одной комнате с Руффом. Как ты думаешь, она сделала смертельный шаг от большой любви к жениху?

— Причины могут быть разными. Она могла испугаться моего появления, попятиться к окну и выпасть из него. Руфф рискнул жизнью и пришел за ней в лабиринты, он же выведет ее отсюда. Знал бы ты, какой любовью она к нему пылает. Такого всплеска чувств, желания, я никогда до этого от нее не ощущал. Здесь я лишний.

— Руфф не тот человек, с которым стоит отпускать любимую женщину. Поверь, я знаю, — Анвер произнес последнюю фразу так убедительно, что Петр оторвал взгляд от Роуз и повернул голову к брату.

— Что произошло? О чем мне следует знать?

— Когда Соргос принес раненую Роуз, капитан и пара драконов тут же вылетели в четвертый лабиринт. Как ты думаешь, кого они обнаружили в «Пьяном драконе»?

Петр задержал дыхание. Если как следует обыскать харчевню, Шотс, славящийся дотошностью и нюхом на повстанцев, мог обнаружить секретное подземелье.

Анвер не стал ждать ответа.

— Они нашли Руффа Бреужского, который спокойно спал. Из его окна выбросилась любимая женщина, а он спал, даже не потрудившись одеться.

— Что сделал с ним капитан?

— Ничего. Приволок во дворец. А вот твоего любимого трактира больше нет. Сожгли дотла. Тот, кто приютил беглянку Роуз, должен понимать, чем рискует.

— Где сейчас Руфф? Его арест сильно осложняет дело.

— Еще бы. Этот дурак хранил в дорожной сумке бумаги и чертежи с метками, как проходить все лабиринты, вплоть до замка. Теперь Лолибон выяснит, кто помогал врагу, кто тот предатель, о котором ты ее не раз предупреждал.

— М-м-м, — простонал Петр, закрыв ладонью глаза. — Я же просил его выучить все наизусть, а бумаги передать отцу Роуз.

— Это ты?! — Анвер глядел на него во все глаза. — Брат, тебя ждет смерть.

— Не в первый раз.

Петр вспомнил, как стоял в гардеробной Руффа через несколько дней после похищения Роуз, а острый нож бреужца грозился перерезать ему горло.

— Где моя невеста? — шипел ему в ухо Руфф. Он тянул Петра за волосы с такой силой, что тому пришлось откинуть голову назад. Но он поднял руки вверх, показывая, что пришел безоружным. Конечно, он мог обездвижить бреужца магией, но посчитал, что подобные способы мало похожи на предложение перемирия.

Да, он знал, что Руфф будет поджидать его. Петр заявился в его покои накануне и кровью нарисовал на зеркале спираль, символизирующую лабиринт, а в его центре корявое, но вполне понятное изображение цветка.

Руфф разгадал рисунок правильно и подкарауливал Петра с острым кинжалом в руках.

— Которая из двух? — спокойно спросил Петр. — Та, с которой ты кувыркался вчера? Прости, я не решился прервать ваше веселье, поэтому оставил тебе послание. Может, Роуз не стоит спасать из лабиринтов? Ты нашел ей достойную замену всего через несколько дней после не состоявшейся свадьбы.

Вчерашняя девица поражала формами: огромный зад спорил размерами с пышными грудями. Петр едва разглядел бреужца, погребенного под ее телесами. Рыжеволосая хохотала, и ее складки сотрясались вместе с кроватью. Петр до сих пор оставался под впечатлением.

— Не лезь в мои дела.

— После увиденного не стал бы. Но так получилось, что кроме тебя мне обратиться не к кому.

— Боишься, что Эдуард оторвет тебе голову?

— Не боюсь. Но прежде чем ты или эриец распорядитесь моей головой, стоит поинтересоваться, как спасти Роуз. Если ты не дернешься, когда я полезу в сумку, и не перережешь мне горло, я покажу карты лабиринтов и научу, как в них не заблудиться.

— Доставай, — бреужец отодвинул нож, но не убрал его в ножны.

Петр одним движением вытащил рулон чертежей и кинул его на стол, на котором Руфф хранил духи, пудру, щипчики для завивки волос и усов, ножницы, которые бреужец тут же схватил и отбросил в сторону, боясь даже такого оружия.

Петр сдержанно улыбнулся. Руфф хотел казаться хладнокровным, но резкие и порывистые движения выдавали волнение, если не сказать страх. Его локоны, поражающие ухоженностью и длиной, золотыми спиралями прыгали по плечам.

Вчера Петр посмотрелся на счастливого соперника, умело ублажающего хохотушку. Подтянутое тело и развитые мышцы выдавали в нем тренированного воина, но ухоженные, на удивление длинные ногти, отсутствие шрамов и загара говорили о том, что все бои Руффа проходили в закрытых помещениях с нанятыми учителями.

Петр спокойно рассказал бреужцу, по какой причине ему пришлось выкрасть Роуз, правда, скрыв способ похищения. Ни к чему жениху знать об этом. Нежелательно, чтобы Руффу пришло в голову отказаться от невесты.

Бреужец хлопал глазами, понимая, какая участь его подстерегала на брачном ложе.

— Время не ждет, — на прощание сказал Петр. — Я не могу долго держать твою невесту у себя, Лолибон может заподозрить причину моего нежелания надолго отлучаться из замка.

— А почему бы тебе не вернуть Роуз Эрийскую тем же способом, как ты ее умыкнул? К чему сложности с прохождением лабиринтов?

— Я хочу, чтобы ты выглядел героем в ее глазах, — Петр не собирался открывать ему секреты Бахриманов. — Или через лабиринты, или никак. Советую выучить план продвижения наизусть. В пути всякое может случиться. Ты можешь стать пленником любого из лабиринтов, если бумаги намокнут или ты их потеряешь. Не вздумай обращаться к жителям, тебя сдадут как чужака. Бумаги лучше передать Эдуарду, чтобы он знал, где вас встречать и защитить в случае погони.

Петр дал Руффу месяц — Бреуж находился ближе к Тонг-Зитту, чем столица Эрии, полет на драконе занял бы максимум две недели, прохождение лабиринтов дней десять, даже если часто останавливаться, а Петр указал наикратчайший путь до «Пьяного дракона».

В этом крылась причина беспокойства Петра — Руфф не появился в харчевне ни через пять, ни через шесть недель. Вся подготовка побега Роуз могла пойти насмарку. Хорошо, что Солнце заранее заслала во дворец свою подругу под видом служанки. После заточения Петра вся нагрузка по спасению Роуз легла на принцессу драконов.

В день, когда Роуз объявили невестой дракона Шотса, Петр чуть не сошел с ума. Сила воли и вера, что дочь Могучего Оорраха не подведет, помогли ему успокоить подозрения Лолибон: он выглядел сломленным и безучастным к судьбе своей бахримановской страсти.

С Солнцем вообще все оказалось крайне сложным. Единственная их совместная ночь, как Петру думалось, ушла в небытие. Но принцесса драконов считала иначе, что явилось для него полной неожиданностью. Вчера он, расстроенный увиденным актом чужой любви, сидел в подземелье, не замечая, что Солнце, пытаясь утешить, гладит его по спине.

— Не надо было ходить смотреть на них. Я предупреждала, что Роуз под присмотром.

— Последние дни я беспокоился за нее, мне казалось — она больна.

— Тебя только вытащили из темницы, ты еще не пришел в себя, вот и путался. Я так рада, что ты опять с нами. Сколько мы не виделись? Почти год? Ты изменился. Похудел, глаза стали злыми.

— Прости меня, Солнце, за ту ночь.

Она закрыла ладошкой ему рот.

— Не извиняйся. У нас еще все наладится. Я стала другой.

Ее глаза горели лихорадочным блеском. Солнце сидела так близко, что он ощущал жар ее тела. Нежная ладонь переместилась с его губ к скуле, погладила отросшую щетину.

— Посмотри на меня, Петр. Кого ты видишь перед собой? — вкрадчивый голос, слова произнесенные шепотом, тепло руки на его щеке. Петр всмотрелся в лицо принцессы. Приоткрытые в ожидании поцелуя губы, яркий румянец желания на щеках, вздымающаяся в затаенном дыхании упругая грудь.

Петр не успел ответить. Чья-то невидимая рука сжала его сердце. Он почувствовал, что с Роуз происходит что-то страшное. Петр даже поднялся, не в силах совладать с собой, отстраняясь от Солнца, убирая ее руки с себя. А когда, чуть погодя, его едва не сбила с ног волна смертельной боли, испытываемой Роуз, он потерял контроль и закричал.

— С Роуз что-то случилось! Она умирает!

Принцесса драконов, поднимавшаяся следом за Петром, вдруг повисла у него на шее в попытке поцелуем закрыть его рот, не дать словам, призывающим дорогу Бахриманов, вырваться. А когда он, думая только о Роуз, оттолкнул Солнце, сложив руки для открытия портала, вцепилась в эти руки и закричала. Петр был ошеломлен ее напором, ее неистовым желанием удержать его.

— Не пущу! Пусть Роуз сгинет! Она не нужна, она лишняя! Ты только мой! Я сделаю тебя правителем Тонг-Зитта! Я сделаю для тебя все! У нас...

Но Петр не дослушал, что кричит Солнце, расцепив ее руки, он кинулся в портал.

Он опоздал, Роуз унес Соргос.

Петр переместился в замок и метался по нему, не зная, где искать свою принцессу. Он обыскал ее комнаты, забежал в покои Лолибон, но застал там лишь спящего Анвера. Он тряс его за грудки, хлестал по щекам, но не смог выбить из сонного брата и слова, как будто тот находился под действием сонного зелья.

Вдруг Петра пронзила сильная боль, и он понял, что Роуз жива — у мертвых ничего не болит. Она очнулась, но находится на грани. Он шел на боль Роуз словно слепой, интуитивно преодолевая запутанные лабиринты дворца. Как когда-то в детстве, когда они с Генрихом искали спрятанный Роуз предмет, а она кричала «холодно» или «горячо». Только в этой, взрослой игре время шло на секунды, а его чувства кричали «больно» или «очень больно».

Когда Петр очутился в подземелье, он уже знал, что ему готовят ловушку. Ни охраны, ни драконов. Его ни разу не окликнули и не остановили. Он ясно ощутил, в какой из комнат находится источник боли и нырнул в портал, но выходить из него не стал. Прячась в его тьме, Петр слушал разговор Лолибон с Фарухом и внимательно всматривался в окружающие его стены. Он разглядел едва мерцающую магическую решетку, след от которой какой-то сильный маг попытался спрятать в толще камня. Неправильная, искаженная злом решетка незаметно тянула, высасывала магию. Сделай Петр шаг, и ему не выбраться из ее призрачных, зловещих пут. Но что его может остановить, если за стеной умирает Роуз? Ничего. Даже страх собственной смерти. И он сделал выбор.

— А знаешь, я буду скучать по тебе, — вдруг заявил Анвер. — Ну, когда тебя казнят за предательство. Я останусь совсем один в этом чертовом дворце. Я так привык соперничать с тобой.

— Королева — это приз, за который ты бьешься который год. Теперь он достанется тебе, — усмехнувшись, произнес Петр. Он понимал нелепость ситуации, но решил утешить брата. — Пропадет повод ревновать.

Анвер опустил голову.

— Ты что? Плачешь?! — он не мог поверить, но Анвер всхлипывал. Петр тронул брата за плечо, а тот задрал голову и громко, с надрывом засмеялся. Но смех его был сродни рыданиям.

— Прости, я забыл сказать тебе, что Лоли нашла мне замену! Теперь в ее кровати находится новая игрушка. Ты тоже будешь смеяться, когда узнаешь, кто это!

Петр смотрел на Анвера как на безумца.

— И не надо меня жалеть! Пожалей Роуз. Если она любила его, как ты то утверждаешь, новость разобьет ей сердце.

— Руфф?!

Анвер кивнул головой.

— Поэтому я считаю, что ты мертвец. Наверное, он уже выложил нашей красавице в перерывах между ласками, как ты пытался спасти Роуз, и кто тебе в этом помогал. Прости, Петр, я оказался плохим братом, заманил в ловушку, лишил магии...

— Анвер, ты сам скоро останешься без нее.

— Пусть, — он опять рассмеялся, теперь его смех казался язвительным. — Представь, в какую ярость войдет Лоли, когда узнает, что потеряла сразу двух магов! Не видать ей дороги Бахриманов!

Роуз вздохнула, и оба мужчины посмотрели на нее. Петр поправил простыню, которой укрыв, как только закончил исцеление.

— Просыпается, — сердце его часто забилося. Как она поведет себя, увидев его? Как воспримет предательство Руффа? Стоит ей говорить об этом или нет?

— Слушай, брат, я придумал! — Анвер хлопнул Петра по плечу. — Я помогу вам сбежать. Ты подожди немного, я проберусь к себе, подберу амулеты и обереги, одежду для Роуз. Ну, и захвачу вина для стражи.

Он подмигнул, и Петр понял, что вино будет непростым и наверняка усыпит охранников. Надежда вспыхнула в его сердце, когда Анвер покинул комнату, а в двери провернулся ключ.

Роуз опять вздохнула и открыла глаза.

ГЛАВА 11

Петр склонился над Роуз и застыл. Он боялся дышать, гадая, что она скажет, когда поймет, где находится. Он отдал бы полжизни только за одно, прежде нелюбимое им слово «Петушок», всегда означающее, что Роуз воспринимает его как близкого человека. Но принцесса молчала.

Роуз неотрывно смотрела на Петра, пытаясь найти в его лице признаки недовольствия или даже ненависти. А как еще мог к ней относиться тот, кого она предала? Петр сидел в заточении по ее вине, а она развлекалась с бывшим женихом — так происшествие, поломавшее ее жизнь, выглядело со стороны. Сейчас судьба дала ей шанс исправиться, рассказать, объяснить, что Руфф ей не нужен, тогда в трактире она пребывала в уверенности, что находится в кровати с ним, Петром. Но Роуз никак не находила правильных слов, не знала с чего начать, боялась окончательно все испортить.

Она до сих пор не могла понять, как вообще очутилась в той кровати. Кто ее раздел? Откуда взялся Руфф? Как на свободе оказался Петр, и почему в самый трагический для нее, Роуз, момент, в комнату зашла Санти?

Злополучную ночь Роуз вообще помнила с трудом, обрывками, словно все происходило во сне, и не она была той безголовой куклой, не сумевшей понять, что отдается ласкам другого мужчины. В Роуз опять поднялось смятение, когда поплыв по волнам памяти, она заново пережила события той ужасной ночи, а увидев, словно наяву, как выпрыгнула из окна, испытала непередаваемый всплеск ужаса.

Одинокая слеза появилась в уголке ее глаза и устремилась вниз, чтобы уступить место другой. Петр больше не мог видеть слезы Роуз, каждая из них служила ему, похитителю, стражнику, плохому защитнику укором.

— Тише, малявка, тише! — он стер подушечкой большого пальца набежавшую слезу.

Состояние принцессы можно было сравнить с тетивой, до предела натянутой сильной рукой, собирающейся выпустить стрелу-убийцу. Но простые слова, сказанные Петром, оборвали тетиву, освободив накопившееся напряжение, и Роуз в порыве от переполнявших ее чувств бросилась Петру на шею.

Борясь с хлынувшими рекой слезами, она прошептала те слова, которые он так жаждал услышать:

— Петушок, родненький мой!

Петр, сев на стол, осторожно перетащил Роуз к себе на колени.

— Тише, малявка, тише, — он гладил ее по открытой спине, и в этом движении не было ничего от Петра-мужчины. Так брат гладит, успокаивая, плачущую сестру, а сестра может вволю рыдать, не стесняясь, не замечая, как она выглядит.

Выплакавшись, Роуз положила голову на мужское плечо и затихла, и только ее редкие вздохи-всхлипы нарушали тишину комнаты. Ни ей, ни Петру не хотелось говорить. Впервые им не нужны были слова, они и без слов понимали, как соскучились, как намаялись вдали друг от друга. В их душах воцарился покой. У Роуз от того, что ее Петушок рядом, у Петра от того, что пропала болезненная магическая зависимость, остались только его, человеческие чувства к женщине.

Поворот ключа заставил их обоих взглянуть на дверь.

— Так-так-так! Что я вижу? Семейная идиллия. Я прямо завидую! — на пороге стоял Анвер. — Вот вам одежда, вот сумка с амулетами. Запомните: с красными камнями — для нападения, зеленые — обереги, синие — для отвода глаз. Эти одевайте на шею сразу, но, предупреждаю, действуют они недолго, едва хватит, чтобы выбраться из дворца, поэтому поспешите! А я побежал, меня ждет оргия! Пришлось и мне хлебнуть вина, когда я Шотса угощал. Не поверил бы, бестия, что оно безопасно!

Анвер захихикал, его глаза странно блестели, и он дергался от нетерпения бежать.

Петр снял с колен Роуз, которая торопливо натянула сползшую простыню, и подошел к Анверу.

— Может, пойдешь с нами?

— Нет, я не могу пропустить замечательный момент, когда Лоли придет в себя. Я хочу увидеть ее глаза, когда она поймет, что вы сбежали, а оставшиеся в ее распоряжении маги бессильны. Брат, я попробовал и не смог открыть портал!

— Ох!

Но Анвер заливисто рассмеялся и хлопнул Петра по плечу.

— Все замечательно! Брат, у меня уже ничего не болит.

— Будь осторожен, Анвер. И спасибо.

Они обнялись крепко, по-мужски.

— За охрану не беспокойся. Я всех, кто попался на пути, угостил вином. Они разбежались по дворцу в поисках плотских приключений.

Пошатываясь, он шагнул за порог. На минуту став серьезным, он как-то странно махнул Петру, словно узник, ступающий на эшафот, что нашел в себе силы найти в толпе родных и проститься с ними.

— Прощай, брат! — Анвер перевел взгляд на Роуз и поклонился ей. — Ваше Высочество.

Дверь закрылась, поворота ключа не последовало. Торопливые шаги затихли, возвращая тишину, нарушаемую учащенным дыханием двоих, оставшихся в комнате.

— О чем говорил Анвер? — Роуз спустила ноги со стола и притянула к себе женские вещи, скорее всего, принадлежавшие королеве.

— Он опоил всех возбуждающим зельем. Принявший его теряет стыд, и только когда прекращается действие зелья, осознает, что допускал до своего тела всех желающих. Боюсь, Лолибон не простит злой шутки Анвера, страждущих потрогать королевское тело окажется не мало, раз и капитан попробовал вино.

Петр помогал застегивать пуговицы на спинке платья, пока Роуз расправляла большой палантин, чтобы закутаться в него.

— Я не о зелье. Я о бессильных магах.

Пальцы Петра замерли, последняя пуговица не нашла своей петли.

— Роуз, эта комната, в которой мы сейчас находимся, высасывает магию. И Фарух, и Анвер находились здесь достаточно долго, чтобы потерять большую часть своих способностей.

— А ты?

— И я. Я больше не маг. Ни порталов, ни зависимости от женщины.

— Ты больше не испытываешь ко мне тяги? — Роуз резко развернулась к нему. Она не обратила внимания на слова, что Петр не может открывать дорогу Бахриманов. Ее волновало, не исчезли ли вместе с зависимостью чувства к ней.

— Магической? Нет.

— А не магической? — Роуз старалась поймать его взгляд, который Петр упорно отводил в сторону.

Его тоже страшил начатый Роуз разговор. Он лишился магии, стал простым смертным, и в нем поселилось чувство ущербности. Бахриманы веками пестовали свою исключительность, значимость по сравнению с людьми, а теперь он, последний из Верховных жрецов, лишился магии, скатился по иерархической лестнице до презираемых.

— Малявка, перестань. Это называется выкручивать руки, — он вернулся к своей обычной манере разговаривать, чтобы избежать признания. Нет, только не сейчас, когда неизвестно, как она относится к Руффу. То, в какой позе он застал брежжца и Роуз, никак не назовешь отношениями друзей. — Я мог бы задать встречный вопрос, но у нас нет времени, выяснять, кто кого любит или не любит.

Он выбрал из множества амулетов два с синими камнями, висящими на длинной, сплетенной из трав веревке, и надел один на себя, другой на принцессу.

Амулет сразу же начал действовать, и Роуз поняла, что значит «отводить глаза». Вроде Петр стоял перед ней, но она никак не могла сосредоточиться на его лице. Какое лицо, она не могла понять, находится рядом тень или человек! Пространство вокруг плыло и искажалось. Только сильная рука, схватившая ее за запястье, подсказала, что Петр существует, и это не тень тащит ее по коридорам замка.

Сначала Роуз не узнавала, где находится. Подземелье то освещалось факелами, то погружалось в кромешную тьму, широкие проходы перетекали в узкие, повороты и лестницы сбивали с толку.

Казалось, беглецы кружатся на одном месте, но последняя, мраморная лестница вывела их в широкий коридор, устланный коврами, и Роуз узнала эту часть дворца — здесь совсем недавно находились ее покои.

И опять Петр, как когда-то Салима, не свернул к центральному входу, а повел ее в противоположную сторону.

— Так мы попадем к покоям королевы, — задыхаясь от быстрого шага, зашептала Роуз. — Нас могут заметить!

— Тише, малявка, — донеслось со стороны меняющей очертания тени. — Другого короткого пути нет.

Двери в покои Лолибон оказались распахнутыми настежь, оттуда доносились голоса, стоны, крики и смех, который нельзя было назвать иначе, как смех сошедшего с ума человека.

Именно смеющийся голос заставил беглецов остановиться у двери. В комнате ярко горели лампы, несмотря на то, что за окном светало. Они освещали отвратительную картину: единственным одетым человеком из четверых, был только Анвер. Он стоял над стонущими людьми и залиvisto смеялся, вытирая слезы с раскрасневшегося лица. Принцесса узнала королеву по гриве черных волос, собранных в хвост и, хотя Петр, опомнившись, дернул Роуз, чтобы бежать дальше, увиденное успело запечатлеться в ее памяти. Роуз не могла представить, что женщина способна принять сразу двух мужчин. Одного из них она узнала по лысому черепу, а вот тот, кто лежал под Лолибон, виден не был, хотя его длинные светлые локоны ей кого-то напоминали...

— Руфф?! — не удержала крика Роуз.

— Роуз, ты нас погубишь, — зашептал Петр, открывая двери в купальню.

Они побежали к бассейну, через который принцесса с Салимой выбирались в прошлый раз, но он оказался наполненным водой. Петр застонал от досады.

— Придется плыть, малявка. Приготовься!

— Я не смогу, я задохнусь, я застряну, — запричитала она, но Петр уже вошел в воду и потянул ее за собой.

— Я не дам тебе умереть. На счет три набирай воздух, — сказал он и потянул рычаг заслонки. — Раз, два, три!

Роуз едва успела сделать глоток воздуха, как Петр надавил на ее плечи, заставив полностью погрузиться в воду. Небольшой толчок в спину, и мощный поток потащил Роуз в открывшийся зев водостока. Она не соображала, где верх, где низ, вода крутила ее как дохлую рыбу, забивалась в уши и нос, в груди жгло. Роуз сдерживала дыхание из последних сил, и, когда кто-то сильно дернул ее за волосы, закричала, моментально хлебнув добрую порцию воды.

— Дыши, дыши, родная. — Петр прижимал ее к себе, удерживая над поверхностью озера, куда их выбросило течение, а она кашляла и плевалась, пытаясь убрать намокшие волосы с лица.

Медленно передвигаясь по илистому дну, Петр вытащил Роуз на берег и уложил ее там, давая отдышаться, а сам нырнул в глубину и поискал палантин, сорванный с Роуз во время ее короткого водного путешествия.

Отжав ткань, Петр бросил ее сидевшей на траве Роуз, а принцесса, продолжая покашливать, пыталась расправить подол юбки, плотно облепившей ноги. Амулеты, отводящие взгляд, уже не действовали, и Петр, порывшись в мокрой сумке, вытащил из нее охранные обереги.

— Вставай, дорогая, нас ждет кукурузное поле.

Но Роуз, попытавшись подняться, опять упала на землю. Силы оставили ее.

Вздохнув, Петр присел перед ней.

— Залезай на спину. Сверху накрой нас палантином.

Поддерживая ее одной рукой, чтобы принцесса не свалилась, Петр побежал к полю. Палантин защитил ее от бьющих стеблей, но когда они выбрались, и Петр, тяжело дыша, спустил ношу на землю, сердце Роуз сжалось: руки и лицо графа были посечены острыми листьями, и раны кровоточили. Она хотела обтереть кровь, но Петр отмахнулся и потянул ее в зеленый лабиринт.

Роуз то и дело спотыкалась, виня себя за неуклюжесть, часто хваталась рукой то за стену, то за лиану, чтобы удержаться на ногах, а Петр, молча, тащил ее вперед, не давая и малейшей

передышки.

— Петр! Я больше не могу! Давай посидим! — наконец, взмолилась Роуз. Если в начале пути она узнавала повороты лабиринта, то теперь совсем не понимала, где находится. По времени впереди должен находиться тупик, выводящий к участку лабиринта в виде спирали, но их дорога неумолимо стремилась вниз, а стены закрывали почти все небо.

— Потерпи, Роуз, сейчас не только посидим, но и полежим, — не оборачиваясь, крикнул Петр.

Он не обманул. Проход стал таким крутым и скользким, что Роуз не удержалась на ногах и опрокинулась на спину, потянув за собой Петра, который, падая, успел прижать девушку к себе. Так, крепко вцепившись друг в друга, они понеслись по мокрому скату и опять ухнули с головой в воду. На счастье Роуз, под ногами оказалось каменистое дно, и она сумела быстро подняться, испуганно озираясь и не находя Петра.

— Петушок! — тихо позвала она, вглядываясь в сумрак подземной пещеры, куда их выкинуло.

В метрах в двух от нее, что-то черное и горбатое начало, раскачиваясь, подниматься из воды, вызвав такой приступ страха, что Роуз не выдержала и закричала. Многоголосое эхо, оттолкнувшись от свода, вернулось назад, оглушая и заставляя паниковать еще больше.

— Малявка, разве так можно пугать? — проворчал Петр, стоя на четвереньках. Тем черным чудищем оказался он. — Осторожно, здесь камни скользкие, ноги разъезжаются.

Кряхтя, он поднялся, протянул руку Роуз и потащил ее туда, где тусклый свет уступал место тьме.

Они шли по колено в воде, и Роуз не понимала, как Петр может видеть, куда идти, и только тогда вздохнула с облегчением, когда темнота начала рассеиваться.

— Девяносто шесть, — сказал Петр, обхватил Роуз за талию, приподнял и сделал большой шаг вперед.

— Что такое «девяносто шесть»? — спросила принцесса, когда ее поставили на ноги.

— Я считал шаги. Ты не заметила, что мы шли по дороге выложенной гранитом? Ее начало я пытался нащупать руками, стоя на четвереньках. Когда-то здесь находились шахты, в которых добывался горючий камень, но подвижка почвы завалила их, оставив небольшой участок дороги, по которому волоком тащили тяжелые кули с камнями. Ровно девяносто шесть шагов и начинается узкий, но очень глубокий обрыв в затопленную шахту.

— Откуда ты все знаешь?

— Я нашел в замке чертежи лабиринтов на обратной стороне портретов Могучего Орраха и его предшественников. Лолибон не потрудились внимательно рассмотреть картины правителей Тонг-Зитта, велел их спрятать в подземелье, а они хранили немало ценных тайн. Потом Солнце через Соргоса подсказала, какие из рисунков настоящие, а какие сделаны позже, специально, чтобы запутать искателей сокровищ.

— Сокровищ?

— Когда-то Тонг-Зитт славился добычей горючих камней. Но сильнейшее землетрясение сгубило источник их богатства и толкнуло на захватнический путь развития — драконы стали совершать набеги на соседние государства. Кстати, этот лабиринт был создан не для того, чтобы запутать идущих в королевский дворец, а для защиты шахт, если какое-нибудь враждебное государство решит напасть и присвоить подземные дары.

Вода осталась позади, они шли по каменистому холму, но все еще оставались в пещере, которая значительно расширилась и освещалась солнечными лучами, пробивающимися через небольшие отверстия в своде.

— А почему мы идем через шахты? Разве по пути, по которому я шла в прошлый раз, мы не быстрее добрались бы до четвертого лабиринта?

— Мне жаль, но бумаги с чертежами, где отмечен твой путь, попали в руки Лолибон, и по нему в первую очередь пустят королевских ищущих, а у входа нас будут ждать драконы Шотса. И помочь нам больше некому: трактир «Пьяный дракон» сожгли, Солнцу и ее людям пришлось покинуть тайное убежище.

— И все из-за меня. — Роуз решила, что Петр говорит о той бумаге с рисунком четвертого лабиринта, который ей сунула в руки Салима, а она его где-то потеряла. — Я всех подвела. И Солнце, и Санти, и Дори, и тебя.... От меня одни беды.

Петр остановился и повернулся к ней лицом.

— Не смей так думать, Роуз. Я еще не разобрался, что произошло в трактире, но не ты сейчас развлекаешься с королевой, не ты отдала ей чертежи указанием путей через лабиринты, и не от тебя она узнает, что Солнце жива.

— Ты о Руффе? Но кто вручил ему чертежи и познакомил с Солнцем?

— В этом моя вина. Я неосмотрительно доверился бреужцу и вызвал его сюда.

— Петр, ты хотел отдать меня Руффу? Сначала Шотсу, а потом Руффу?

— Ты его невеста.

Роуз кивнула головой, обошла Петра и почти побежала вперед.

Все правильно. Петр хотел вернуть ее жениху. И только. Передал Руффу чертежи, отправил ее навстречу с ним, а сам, освободившись, пошел к Солнцу.

Петр догнал ее, тронул за плечо.

— Давай, поговорим.

— Скажи, зачем ты пришел в ту ночь, когда отдал меня Руффу? Убедиться, что сплавил тяжкую ношу с рук?

— Я беспокоился о тебе. И да, я хотел убедиться, что тебе хорошо с любимым.

— С любимым?

— Тогда я еще мог чувствовать тебя. Ты испытывала сильнейшую любовь к человеку, с которым находилась в кровати. И нежность.

— Дурак. Какой же ты дурак, Петушок. Я думала, это ты... Я думала, ты придешь ко мне, сразу, как получишь свободу.

— Я и пришел... — Петр не понимал, дыхание Роуз сбивалось, она злилась и рвала фразы.

— Но ты пришел не один. Солнце послала с тобой Санти. Скажи, она ревнует, поэтому отправила тебя под присмотром Санти? Можешь не притворяться. Я все знаю о тебе и Солнце. Мне Фарух рассказал. Ты ее все время любил, а я только мешала. И убить не мог, и избавиться не получалось...

— Все, я больше не могу участвовать в твоем безумии! — Петр остановился.

— Скажи, в какой омут кинуться головой, чтобы ты, наконец, избавился от меня? — Роуз требовательно глянула на него. — Чтобы только наверняка.

Петр вздохнул и указал пальцем налево. Роуз послушно повернула в ту сторону и пошла не оглядываясь.

— Кто такая Санти? — крикнул он ей вслед.

— Ха! — откликнулась Роуз. Он шла так стремительно, что Петр едва поспевал за ней. Начался пологий спуск, и Роуз почти бежала.

Сильный грохот впереди заставил принцессу остановиться. Он явился для нее полной неожиданностью. Быстрый шаг, собственное шумное дыхание, душащая обида на Петра отвлекли от происходящего вокруг.

Запахавшийся Петр поравнялся с ней.

— Что, передумала бросаться в омут головой? Страшно?

Роуз передернула плечами и опять понеслась вперед. Открывшаяся картина выбила из нее дух своей необычностью. В своде пещеры зияла огромная дыра, и через нее вниз обрушивалась вода. Много воды. Солнечные лучи разукрашивали мелкие брызги радугой, придавая водопаду сказочный вид. Небольшое озерцо билось у ног Роуз, но под пенной шапкой невозможно было разглядеть его глубину.

Оглянувшись на улыбающегося Петра, Роуз послала ему прощальный поцелуй и, закрыв глаза, шагнула в воду, приготовившись утонуть в глубоком омуте.

Намочив юбку чуть выше колена, принцесса закричала от бессилия, но ее голос потонул в грохоте

водопада, сквозь который слышался смех Петра.

— Ненавижу! — буркнула она и пошла вперед, надеясь, что ближе к водопаду найдет в какой-нибудь зияющий провал, на подобии того, что находится перед холмом. Вот тогда Петушок посмотрит, как смеяться над ней!

Когда она почти дошла до водопада, где вода поднялась выше пояса, под ее ногами что-то забурлило. Растревоженная пена рваными хлопьями начала подниматься в воздух, словно под озером лежал великан и пытался сдуть ее со своих усов. Не успела принцесса опомниться, как из толщи воды с громким шипением вырвался фонтан, мощно выстрелив вверх. Роуз от неожиданности ахнула и, оступившись, упала на спину, моментально скрывшись под водой.

Сильные руки подхватили ее и не дали захлебнуться.

— Ч-ч-что это? — откашлявшись, спросила принцесса у улыбающегося Петра.

— Гейзер, — Петр ладонью убрал с ее лица волосы. — Под землей вода попадает на раскаленные камни, нагревается и поднимается вверх.

— И ты ничего не сказал? Я могла обвариться!

— Не успел, ты так бежала. И потом, ты случайно не забыла, что хотела умереть?

Встретив рассерженный взгляд принцессы, он произнес более миролюбиво:

— Я точно знал, что озеро безопасно. Вода успевает остыть, смешиваясь с холодной из водопада. Смотри, мы стоим струями гейзера.

Роуз задрала голову, и, вздохнув, закрыла глаза. Вода из теряющего силы гейзера стучала по ее лицу теплым дождем, даря умиротворение и покой, в чем она так нуждалась.

И не только вода изменила настроение Роуз. Тесные объятия Петра и его внимательный взгляд из-под полуопущенных ресниц быстро вытеснили из ее головы беспокойные мысли, оставив только те, что отвечают за интерес женщины к мужчине.

Растерявшаяся от близости Петра, она не замечала, как намокшее платье облепило ее фигуру, в мельчайших подробностях выдавая и тонкую ключицу, и высокую грудь, и заострившийся сосок, заставляя дыхание Петра сделаться частым.

Поцелуй, такой долгожданный, такой желанный заставил забыть о причинах, не позволявших им любить друг друга, о враждебном мире, о долгом пути, который предстояло пройти. Они оба пропали в захватившем их водовороте чувств.

Пока губы Петра собирали капельки воды с лица Роуз, руки гладили ее мягкое тело, в страстном порыве прижимая к своему, вырывая стоны потерявшей голову девушки, не уступающей своему избраннику в желании обладать.

Роуз, подчиняясь лишь зову природы, поймала ладонь Петра и прижала ее к своей груди, заставляя пальцы мужчины дотронуться до соска, что бы стоном признаться, что она мечтает о большем.

И Петр услышал ее. Руки потянули подол мокрого платья вверх, собирая его под грудью, к которой он приник с поцелуем, лаская и прикусывая сосок через тонкую ткань.

Роуз до боли захотелось почувствовать поцелуи Петра на коже, и она подняла руки, взглядом моля снять ненужную одежду.

— О, Роуз, — выдохнул Петр ей в губы, когда она осталась полностью обнаженной. Его руки торопливо, без жалости расправлялись с собственной одеждой, срывая ее, скидывая в воду, не заботясь о ее судьбе.

Шум водопада и шипение гейзера не могли заглушить признаний в любви, произносимых шепотом, прерываемых лишь поцелуями и стонами наслаждения.

Когда все закончилось, Петр, поддерживающий Роуз, прижавшуюся к его груди и обхватившую бедра ногами, медленно пошел к стене водопада и остановился там, где мельчайшие брызги образовывали прохладный туман, расцвеченный радугой, быстро остудивший их разгоряченные тела.

— Я люблю тебя, Роуз, — одними губами сказал он.

— И я люблю тебя, Петр, — ответила сонная Роуз и, тесно прижавшись, положила голову на его плечо.

Волнения, испытанные во время побега, трудности пути по лабиринту, ссора и последующее примирение свалили ее с ног. Когда Петр выбрался на берег, она уже спала, обмякнув в его руках. Петр нашел чудом оставшийся сухим палантин, брошенный Роуз на берегу, как смог расстелил его и осторожно переложил спящую красавицу.

Устроившись рядом и обняв Роуз так, чтобы она не замерзла, Петр предался размышлениям. То, что произошло между ними, казалось чудом. Он с самого первого дня боялся, что Роуз никогда не простит его за похищение, за все то, что ей пришлось вынести во враждебной стране. Сомнения продолжали мучить его даже после случившейся в водже близости. Конечно, можно списать возникшую страсть на временное умопомрачение, но куда деть произнесенные Роуз слова любви?

Неужели прав Анвер, и в ту злополучную ночь все чувства, будто бы испытываемые Роуз к Руффу, вовсе не ему предназначались? Ведь Петр чувствовал, что она больна, но, находясь в заточении, не смог разобраться, откуда в его сердце поселилась тянущая тоска помимо бахримановской изнуряющей привязанности, к которой он почти привык, смирившись с тем, что Роуз принадлежит другому.

Освободившись из плена, он хотел видеть только ее, его тянуло к Роуз с невероятной силой, а примешивающееся беспокойство поторапливало, но нужно было проявить почтение к тем, кто помог Петру и Роуз покинуть дворец Лолибон.

— Тебя ждут в комнате советов, — шепнул ему Соргос, после того, как помог Петру снять кандалы. Лениво переговаривающиеся стражники оставались в полном неведении, что происходит в охраняемой ими темнице. Во время очередного обхода к ним присоединилась тень, на груди которой болтался амулет отвода глаз. Этим же путем тень покинула подземелье, когда возбужденная охрана металась в поисках пропавшего пленника. Только добравшись до своих покоев, Соргос снял и спрятал амулеты, которые выдавались драконам перед полетом в мятежные сектора лабиринтов.

А сам пленник, появившись в сиянии портала, обнаружил в комнате советов Солнце, которая кинулась его обнимать, обрадовавшись, что побег прошел удачно.

После той пьяной ночи они виделись впервые, хотя думы о Солнце Петра посещали не раз. Чувство вины, беспокойство за принцессу драконов, тянущая боль и досада, принимаемые им за муки совести, терзали его в течение года. Приходя с донесениями в комнату советов, расположенную под трактиром «Пьяный дракон», он хотел ее увидеть и боялся, и это метание раздражало еще больше. Но Солнце ни разу в тайном убежище не появилась, расспросы о ней вызывали подозрение, поэтому Петр решил не настаивать на встрече, полагая, что со временем его терзания пройдут. Он получал приказы от Солнца через доверенных людей, и через них же обратился за помощью к принцессе драконов, когда Руфф не появился в условленный срок.

Когда Солнце кинулась к нему, словно они расстались только вчера, Петр не понял, что с ним происходит. Принцесса драконов вызвала такой шквал чувств, будто бы она важна ему не меньше Роуз. Не будь он в трезвом уме, мог бы подумать, что влюблен в Солнце.

Последующие трагические события заставили его забыть о непонятных чувствах к Солнцу. Сейчас, когда Петр лежал рядом с Роуз, глядя на ее спокойный сон, чувствуя на коже ее легкое дыхание, ощущал безграничную любовь к ней единственной. Поблекшие воспоминания о Солнце не тревожили, отпустили, не вызывали болезненный спазм в животе.

ГЛАВА 12

Петр вздохнул. Как хорошо без магии!

Да, он потерял возможность ходить дорогой Бахриманов, лечить себя и других, но ушла зависимость, тяжелым камнем висевшая на сердце. Он свободен. И он узнает эту легкую безмятежность — словно вернулся в детство, где жил без магии и был намного счастливее.

Вспомнив давнее время, он с удивлением обнаружил, что пропала жгучая ненависть к приемным родителям. С глаз упала пелена, искажающая действительность, и Петр понял, почему Эдуард и Свон не рассказали ему о бахримановском происхождении, почему тянули: ими двигала забота, желание огородить от того страшного и злобного, во что он окунулся в Тонг-Зитте. Они любили его и оберегали, как могли.

Открывшаяся ему правда заставила Петра сесть и закрыть лицо ладонями. Стон сорвался с его губ, когда он вспомнил отравляющие разум слова Фаруха и Лолибон, внушающие ему ненависть ко всему миру. Отныне магия и ненависть стали для него единым. Он не хотел магии, если в придачу к ней давалась ненависть.

— Петушок, что с тобой?

Роуз поднялась и села рядом. Ее рука легла на его предплечье, погладила, и это простое движение любящего человека вызвало отклик в душе Петра. Он порывисто обнял Роуз и произнес:

— Ты права, малявка, я дурак. Даже награжденный магией, чувствуя каждое движение твоей души, я не мог понять, испытываешь ты любовь ко мне или к кому другому. А теперь, когда магия ушла, я точно знаю, что ты любишь меня. Вот скажи, почему так происходит?

— Потому что ты, Петушок, дурачок, а я дурочка. Я тоже долго не могла разобраться в себе, никак не хотела замечать, что только любовь к тебе настоящая, остальное иллюзия, фокусы взрослого тела. И сейчас я хочу признаться в том, что открылось со всей очевидностью: ты не только моя детская любовь, ты еще и моя первая любовь, которую отняла магия. Она украла наш первый поцелуй, который обязательно случился бы, будь мы чуточку взрослее, отняла радость познания, муки настоящей любви, которые обрушились бы на нас, не пропади ты из моей жизни. Магия, спрятав тебя в Тонг-Зитте, толкнула меня в объятия Руффа, хотя он никогда не любил меня, а я этого не замечала. Магия, только магия виновата в том, что он появился в моей жизни! Будь ты рядом, я никогда, повторюсь еще раз, никогда не посмотрела бы на другого мужчину.

Почувствовав, что Петр при упоминании имени бывшего жениха напрягся, Роуз высвободилась из объятий, обхватила лицо Петра ладонями и, глядя в глаза, произнесла:

— Я клянусь свое жизнью, что той ночью, когда ты застал нас с Руффом, я верила, что нахожусь в постели с тобой. Это тебя, не его, я любила каждой клеточкой своего тела, это тебе, не ему дарила свою нежность. Прости, я не сразу поняла, что обманулась, а когда поняла, оправдываться стало поздно. Поэтому я решилась на страшный шаг. Я думала, ты меня никогда не простишь, а жить без твоей любви я не хотела.

— Я знаю. Я чувствовал, что ты была больна, но не понимал, что болезнь может так сильно затуманить твоё сознание. Роуз, у меня есть подозрение, что все, произошедшее в «Пьяном драконе», подстроено.

— Кем? Солнцем? Поэтому она прислала Санти? Она хотела убедиться, что ты видел мой позор?

— Милая, нет никакой Санти. Рядом с тобой все время находилась Солнце. Ее нежелание быть узнанной, внезапное появление Руффа, который должен был добраться до четвертого лабиринта намного раньше, твоя странная болезнь, натолкнули меня на мысль о заговоре.

— Солнце желала, чтобы Руфф увез меня? Зачем ей это? — Роуз убрала ладони с лица Петра, но он быстро взял их в свои и крепко сжал, боясь, что принцесса встанет и убежит. Догадка наполнила глаза девушки слезами. — Она любит тебя, а я ей мешаю.

Минуту назад Роуз верила, что сама надумала любовь между Петром и Солнцем, наслушавшись Фаруха, но теперь поняла, что у них все-таки есть прошлое.

Петр опустил голову. Сердце Роуз заныло.

— Ты спал с ней?

Молчание.

— Мне вытаскивать из тебя слова, или ты наберешься смелости, и выразишь все как на духу?

Роуз сама от себя не ожидала такого напора.

— Все сложно. И запутанно. Мои слова останутся словами.

— Я смогла рассказать тебе правду о Руффе, и ты поверил. Почему же ты думаешь, что я поступлю иначе? Смотри, мы сидим совершенно обнаженные, нам нечего скрывать, мы можем потрогать друг друга, и прикосновения вызовут только желание. Мы признались в любви, и у меня нет причин сомневаться, что ты любишь меня так же сильно, как я тебя. Почему же наше прошлое должно висеть над нами каменной глыбой, способной обрушиться и погresti нас под собой?

— Я боюсь, что после признаний стану ненавистен тебе.

— Ты перестал любить, когда увидел меня с Руффом?

— Боже, Роуз, нет! Но стоило мне подумать о счастливчике Руффе, как в руках появлялся зуд, мне хотелось придушить его. Признаюсь, я ревновал и ревную тебя. Ко всем. Даже к негодяю Шотсу. В подземелье я разбил лоб о стену, пытаясь выкинуть из головы сцену вашего поцелуя. Да я камень, на который ты сейчас опираешься, ревную.

Он притянул Роуз к себе, и она услышала, как часто бьется его сердце.

— Петушок! Мне приятно слышать твои откровения, но почему-то мне кажется, что ты увливаешь от ответа.

— Что, слишком сладкие речи?

— Слишком.

— Но все, что я сказал, чистая правда. И про ревность.

— Верю. Но приставь я к твоему горлу нож, ты бы и половины не выложил. Ох, чувствую, меня ожидают страшные тайны.

— Роуз, может не надо о тайнах? Зачем разрушать то, что мы с трудом склеили.

— Я не хочу сюрпризов, которые вдруг вскроются через много лет, и нашим детям придется их расхлебывать.

— Ты говоришь о детях, значит...

— Я хочу за тебя замуж. И так быстро, как только мы найдем священника.

— Тогда пошли? Я знаю короткий выход, — Петр встал и с готовностью протянул Роуз руку. Она же спрятала свою ладонь за спиной.

— Твои тайны, Петр. Я не сдвинусь с места, пока не узнаю все твои тайны.

— Хорошо, — Петр смиренно сел рядом. — Моя первая тайна — в этом лабиринте я устроил тайник, где сделал припасы на все случаи жизни. Еда, одежда, даже одеяло. Я готовил себе логово, полагая, что рано или поздно Лолибон обнаружит, кто ее враг.

— И я сижу здесь голая на тонком палантине только потому, что тебе приятно видеть меня такой?

— Да.

— Принимается. Вторая тайна.

— Я тайно приходил в твои покои в Эрийском дворце.

— И?

— И видел тебя голую.

— И?

— И уже тогда влюбился.

— Почему не открылся?

— Проклятый Руфф.

— Понятно. Принимается. Третья тайна.

— У меня есть брат-близнец.

Роуз опешила, но всмотревшись в честные-пречестные глаза Петра, приняла игру.

— И именно этот братец-близнец творил нехорошие дела?

— Именно так.

— И что он наделал?

— Пожалуйста, Роуз, помни, что я рассказываю о близнеце. — Петр на всякий случай выкинул несколько крупных камней, до которых могла дотянуться Роуз. Такая подготовка к признанию заставила ее сердце сжаться.

— Я постараюсь, — без намека на веселье произнесла Роуз.

— Когда близнец впервые проник через портал в покои принцессы Роуз Эрийской, он был изумлен. Куда делась малявка? Невероятной красоты девушка кружилась в танце. Близнец готов был выйти из тени, но услышал, что принцесса готовится стать женой Руффа Бреужского, она счастлива. А еще он увидел Свон, свою приемную мать, и весь тот яд, который в него вливали долгие шесть лет, всплыл на поверхность. Чтобы забыться, он поступил так, как обычно поступают мужчины — напился.

— Ой! Твой близнец — пьяница?

— Такое с ним случилось впервые, и события, развернувшиеся после чудовищных возлияний, навсегда отвратили его от желания пить.

Петр внимательно посмотрел на Роуз. Она приняла выдумку о близнеце, но судить будет по его, Петра, поступкам.

— Продолжай. Ты говорил о событиях, произошедших после попойки.

— Не после. Во время. Хмель еще не выветрился из его дурной головы, когда он применил магию подчинения и влюбил в себя первую попавшуюся девушку. Она оказалась девственницей.

— Твой брат специалист по девственницам?

Петр скривил лицо. Роуз тоже оказалась девственницей, когда он ее похитил.

— Так получилось. Утром он снял с нее магическую влюбленность, и девушка, очнувшись, пообещала убить его. Он долго ждал казни, хотя в любой момент мог открыть портал и уйти, но палач не пришел. Тогда близнец сам отправился искать его. Он готов был понести наказание. Незнакомка оказалась принцессой драконов, которая стремилась вернуть трона отца, захваченный злой королевой. Узнав, что близнец близок к королеве, его обязали следить за ней. Он согласился и служил принцессе целый год, хотя ни разу за это время с ней не виделся. Им пришлось лишь однажды встретиться, когда близнец попросил спасти дорогую ему женщину. И тогда он узнал, что принцесса драконов его любит. Она предложила ему стать ее мужем.

— Какой у твоего близнеца богатый выбор! — Роуз не могла справиться с собой, уголки ее губ дрожали. — Две принцессы спорят за его руку, и ни одной из них он не сделал предложение сам.

— Одной из них он готов предложить руку и сердце, но боится, что его не простят.

— Интересно, какой из двух повезет?

— Роуз, перестань.

— Какие еще тайны скрывает твой близнец? Он спит со злой королевой?

Роуз прекрасно помнила слова Фаруха, что Петр — любовник Лолибон.

— Он был ее фаворитом. Злая королева искусна в постели и очаровала пятнадцатилетнего подростка. Но как только он повзрослел, дурман вожделения покинул его голову.

— Я видела, что злая королева не обходится одним любовником, приходилось ли близнецу делить ее с другим мужчиной?

— Роуз, зачем тебе знать?

— Я хочу быть уверенной, что близнец не перенесет привычки, полученные у королевы, в жизнь другой женщины.

— Близнец развращен злой королевой. Все, что можно было попробовать в постели и вне ее, он делал, даже с плеткой впервые познакомился не из-за наказания, а в любовных играх.

Роуз открыла рот, не зная, что сказать.

— Пожалуйста, не мучай меня. Да, я испорчен, искалечен, но не сломлен. Если ты позволишь любить себя, клянусь, я жизнь отдам, чтобы ты стала счастлива.

Роуз молчала. Она ожидала страшных признаний и думала, что готова к ним.

Как сильно сам Петр виноват в произошедшем с ним? Смогла бы она выстоять, не сломаться, попав в руки к больной женщине, которая изо дня в день в течение долгих лет калечила сознание рука об руку с обозленным жрецом?

Роуз понимала, будь Петр испорчен, он никогда не помог бы ей бежать, не притащил бы Руффа в лабиринты, веря, что Роуз любит жениха, не расстался бы с магией ради нее.

— Я приняла решение. — Роуз встала и теперь смотрела на Петра сверху вниз. — Я забираю назад свое предложение пожениться.

Огонь потух в глазах Петра, на лицо напозла тень, сделав его старше.

— Я понимаю...

— Нет, Петушок, не понимаешь! — горячо возразила принцесса. — Я жду предложения от тебя. Хочу, чтобы ты сделал меня своей невестой, как полагается. Чтобы встал на одно колено, а руку приложил к сердцу, другую протянул мне и рассказал, как сильно любишь...

— О, Роуз! — Петр вздохнул с облегчением и покачал головой, словно сгонял дурной сон. — Я чуть не умер.

Краски вернулись в его лицо, глаза озорно сверкнули.

— Ничего, что жених не в праздничных одеждах, а невеста совершенно голая?

— Ничего. Будет о чем рассказать нашим детям.

— Тогда слушай...

Петр встал на одно колено, но посмотрев вниз, хмыкнул и потянул палантин не себя. Роуз мило покраснела и сделала шаг в сторону, чтобы освободить тот его край, на котором стояла. Палантин занял место на бедрах Петра, и граф стал похож на древнего бога.

— Ничего, что только невеста осталась совершенно голой? — произнесла с улыбкой Роуз, вкладывая ладонь в протянутую руку.

— Будет о чем рассказать нашим детям, — губы Петра прижались к внутренней стороне ладони невесты. Немного задержавшись, Петр приник к запястью, потом короткими шажками добрался до сгиба локтя.

Роуз сама не заметила, как оказалась сидящей на выставленном колене и искала губы Петра, с готовностью ответившего на ее неумелый поцелуй.

— Ах, мы так никогда не доберемся до нужных слов! — Роуз попыталась вывернуться из крепких рук Петра, который уже целовал ее грудь.

— Зачем слова? — граф сделал честные глаза. — Я своими действиями красноречивее расскажу о любви. Вот смотри, — он поцеловал Роуз в лоб, осторожно раздвинув вьющиеся пряди. — Я ценю твой ум. Только неглупая девушка смогла бы полюбить такого, как я.

Роуз возвела глаза к небу, изображая из себя святую.

Петр продолжил:

— Глупая отдалась бы в первую же ночь, а потом бегала за мной хвостиком. А умная Роуз заставила страдать от безответной любви и сохнуть от неудовлетворенного желания.

— Запретный плод сладок? Да, Петр?

— Да, милая, — произнес Петр, целуя каждый глаз невесты.

— Сейчас ты будешь рассказывать о моих прекрасных очах?

— Нет, я намекаю на то, что ты можешь видеть самую суть. Ты еще в детстве разглядела, что я стану хорошим мужем.

— Смешной! В детстве я хотела, чтобы ты катал меня на качелях и при этом смотрел с обожанием.

— Почему на качелях?

— Тогда бы у меня красиво развевались волосы, а я млела от счастья, что ты стоишь рядом, а не бегаешь по дворцу с Генрихом. Почему ты целуешь мой нос? Я всегда держу его по ветру?

— Нет, милая, им ты различаешь, где находится правда, а где ложь.

— Ты — правда, остальное — ложь?

— Да, в лабиринтах верь только мне.

— А губы, что говорят мои губы? Мои речи умны?

Долгий поцелуй несколько раз прерывался, словно Петр дегустировал и хотел поймать послевкусие.

— Твои губы сладки. Я никак не могу оторваться от них. Они как розочка на вершине торта. Помнишь, ты в детстве всегда начинала с розочки? Вот и я всегда хочу начать с твоих губ, которые дарят первое наслаждение.

— А груди дарят второе наслаждение, поэтому ты их сейчас целуешь?

— Глупая, сейчас я целую твое сердце. Оно средоточие любви, нежности и доброты. Если я приложу к нему ухо, то услышу только одно слово: «Люб-лю! Люб-лю! Люб-лю!».

— Ты прав. Я люблю тебя, Петр!

— А теперь послушай мое сердце.

— О, там бьется то же слово! — Роуз соскользнула с колена Петра, чтобы приложить ухо к его груди. — И кого же любишь ты, Петушок?

— Одну малявку, которой хочу подарить сердце и предложить руку, чтобы она могла опереться на нее в любой момент. Согласна ли ты, Роуз Эрийская, стать женой Петра Пигеона, который клянется любить и оберегать, стать хорошим мужем и отцом, быть верным до самой смерти?

— Ой, Петушок. Я право не знаю, что тебе ответить! Такое заманчивое предложение. Умная девушка обязательно взяла бы время подумать. А я ведь умная? Ты сам недавно сказал.

— Сколько времени тебе нужно, малявка? Минуты хватит?

— Нет, пожалуй, побольше. Я надеялась, ты продолжишь рассказ о моих достоинствах, которые расположены ниже груди, гораздо ниже.

— Неужели я еще не рассказал, как красив твой большой палец на ноге? Я не могу на него наглядеться.

— Нет, холодно.

— О, тогда коленка! Она вызывает такой трепет. Роуз встань, мне не видна коленка, и я не могу описать, как она важна для меня.

— Теплее, Петушок, теплее, — Роуз встала в полный рост.

— Роуз, милая, я стесняюсь рассказывать о том, что вижу перед глазами. Можно я покажу?

— Можно, любимый.

— И после этого ты ответишь мне «да»?

— Все зависит от того, что ты мне покажешь.

Петр сдернул палантин.

Через некоторое время они вернулись к водопаду, где смыли с себя песчинки. Роуз несколько раз сказала «да», после того, как Петр доказал силу своей любви, и если бы не чувство голода, продолжал бы доказывать снова и снова.

Тайник находился за валуном. Петр отодвинул сколоченные доски, и перед взором беглецов

предстала выложенная камнями яма, в которой хранились мешки и мешочки с припасами еды и вещами, увесистая связка факелов и небольшое шерстяное одеяло.

Мужские штаны, которые Петр протянул Роуз, оказались ей велики и завязывались почти под грудью, а рубаша доставала до колена.

— Я не додумался принести сюда женскую одежду, прости. Но если ты набросишь сверху палантин, все будет выглядеть не так ужасно.

— Ой, Петушок, я рада и таким штанам. Они гораздо приличнее голого зада.

— Я бы век смотрел на твой неприлично голый зад, но нам нужно выбираться к людям, малявка.

Уплетая сухари и сушеные фрукты, Роуз находила пищу божественной. Фляга вина, разбавленного водой, подняла настроение, и принцесса почти не слушала рассуждения Петра, считая, что ей не обязательно точно знать, куда они направляются.

— У нас есть два пути: один длинный, утомительный, но безопасный, хотя порой придется идти по шею в воде, второй короткий, но непредсказуемый — через шахты, где продолжается разрушение. Если бы не грозящий нам голод, я бы пошел длинным путем.

— А какой путь быстрее всего приведет к священнику? — Роуз оживилась, вспомнив, что их ждет свадьба.

— Короткий.

— Тогда я выбираю его, — принцесса подумала о давнем предсказании, что выйдет замуж в венке из полевых цветов. Неужели сбудется?

Петр взвалил нехитрый скарб на плечо, протянув туго свернутое одеяло Роуз.

— Вдруг ты захочешь отдохнуть? В подземелье будет холодно.

— Разве я успею устать? Сколько нам идти?

— Почти день, а по длинному пути более трех.

— Нет, только коротким. Это он ведет к священнику?

— Любой из путей ведет к священнику, Роуз. Любой.

Так, перебрасываясь мало значащими словами, радуясь тому, что могут разговаривать ни о чем, они покинули полюбившуюся пещеру с грохочущим водопадом. Когда они вошли в один из рукавов, нервный огонь факела осветил покатый склон и груды обвалившихся со стен камней, за которыми виднелась утоптанная дорожка. Толстые балки поддерживали свод узкой пещеры, некоторые из них обломились, но Петр уверенно шел вперед.

— А вообще, куда вели дороги из шахт, пока они не разрушились?

— Помнишь, когда начался четвертый лабиринт, ты оказалась на пустынной улице с несколькими закрытыми дверями?

— Да, я в них стучала, но мне никто не ответил.

— За дверями не живут люди, это старые склады для горючих камней. Сейчас они пустуют. Каждая ветвь старой шахты приводила к своему складу, и в зависимости от звона монет в карманах купцов, на которые можно купить камни подороже или подешевле, открывалась та или иная дверь. Камни делились не только по размеру, но и по окрасу, и по испускаемому при горении запаху. Темные камни горели дольше светлых. Редкие камни пахли травами или смолами деревьев, чаще запах не чувствовался вовсе. В те времена в Тонг-Зитте не существовало ни четвертого, ни пятого лабиринтов, ни тем более девятого, только свободные поселения, куда приезжали купцы со всего света. Но когда случилось грандиозное землетрясение, и шахты обвалились, люди потеряли работу и стали зависимы от милости короля и его драконов, которым ничего не осталось делать, как охранять дворец от толп голодающих. Тогда же началось строительство четвертого лабиринта, король хотел защитить запасы последних горючих камней, ставших дороже золота.

— А когда иссякли запасы, драконы начали разбойничать?

— Да, войны, грабежи, разорение соседних государств. Страна стала хищницей. Первые лабиринты удерживали людей вдали от дворца, а построенные позже не давали покинуть королевство.

— Не страна, а тюрьма. А как же мы убежим из Тонг-Зитта? И когда сможем пожениться?

Петр замедлил шаг, внимательно вглядываясь в стены и свод, но Роуз решила, что он не торопится с ответом.

— Ты обещал, — напомнила она.

— Сначала доберемся до складов, потом в четвертом лабиринте найдем одну добрую женщину, у которой передохнем и раздобудем для тебя одежду. Не в чужих же штанах идти под венец?

— Какая такая добрая женщина? Где она была раньше? Почему ты не направил меня к ней, когда я первый раз бежала из дворца?

— Роуз-Роуз. Ты забыла? — Петр покачал головой. — Раньше я думал, ты любишь Руффа и вместе с ним уйдешь из лабиринтов. А добрая женщина могла бы только укрыть беглеца, но дорогу на свободу не показала бы и под страхом смерти. Она ее просто не знает.

— Она молодая? — Роуз закусил губу, не в силах бороться с ревностью. Вдруг «добрая женщина» одна из любовниц Петра? Опыт подсказывал, что почти с каждой, встретившейся на ее пути, Петр спал.

— Нет, она годится мне в матери.

Роуз выдохнула. Петр улыбнулся, заметив, как опустились ее плечи, и шаг стал мягче.

— Тетушка Катарина была кормилицей Анвера, и мы не раз вместе навещали ее дом. Когда-то она помогла Фаруху, и он не оставил ее, переезжая из лабиринта в лабиринт. Дом тетушки Катарини не только самый хлебосольный, но и самый красивый в городе. Фарух оказался благодарным жрецом.

Только Роуз хотела расспросить, почему тетушка Катарина не попала вместе с Фарухом во дворец, как Петр остановился.

— Сейчас мы немного передохнем, — Петр сбросил мешок, взял одеяло из рук принцессы и расстелил его на небольшом пятачке. — Садись, Роуз, — он похлопал по небольшому местечку рядом с собой.

Треск горящего факела, воткнутого между камней, отбрасываемый им свет, пляшущий на неровных стенах, создавали жутковатую картину, но теплые объятия любимого и его негромкая плавная речь успокаивали Роуз. Ее глаза начали слипаться, и она уже в полудреме слушала о том, что впереди их ждет сложный участок, и когда Петр проходил по нему в последний раз, тот казался вполне безопасным, его не затопила подземная река, как затопила другие проходы, видимо обвал увел русло куда-то вниз.

— Роуз, просыпайся. Пора.

Несколько глотков воды из фляги вырвали Роуз из объятий сна. Новый факел горел так ярко, что ей пришлось щуриться. Получив в руки свернутое одеяло, она направилась вперед.

— Милая, иди за мной шаг в шаг, — граф поймал Роуз за руку и подтолкнул за свою спину. — И постарайся не разговаривать. Даже слово может вызвать камнепад.

Проход, в который они вступили, очень скоро сузился до щели, через которую с трудом протискивался Петр, и в случае беды, он не смог бы даже развернуться, чтобы посмотреть, идет ли за ним принцесса.

Роуз было не по себе, и от этого она теснее прижимала к груди одеяло, словно искала в нем защиты.

Камни под ногами перекатывались и скрипели. Потревоженные людьми они покидали привычные места, стучались друг об друга, нарушая тишину.

Свет факела, который Петр держал перед собой, не помогал, а только путал. Там, где в тени виделась яма, оказывался острый камень, который ранил ноги, но Роуз стойко терпела, боясь плакать. От напряжения у нее над верхней губой выступили капельки пота, она слизывала их языком, отчего каменная пыль, кружащаяся в воздухе, противно скрипела на зубах. Сколько они шли по темному проходу, Роуз не знала. Ей казалось, что они никогда не увидят света, обрушение в любой момент погребет их под собой. Силы начали оставлять девушку, и когда страх подкатился удушающим комом к горлу, Роуз, бросив бесполезное одеяло, зажала рот руками. Крик рвался из нее, грозясь перейти в истерику.

— Тише-тише, родная, все кончилось.

Руки Петра прижали ее к себе, и сквозь слезы Роуз разглядела, что страшный путь остался позади, проход значительно расширился, а через щели в потолке проникают солнечные лучи. Брошенный

Петром факел догорал в пыли.

Как ей сладко было плакать, уткнувшись в родное плечо! Ее впервые не беспокоила грязь на лице, где соленые слезы прочертили влажные бороздки. Роуз не замечала, что из носа льется не меньше, чем из глаз, и она с упоением вытирала щеки о рубашку любимого мужчины, который целовал ее в волосы и произносил ласковые слова.

Выплакавшись, Роуз подняла глаза на Петра и улыбнулась. Заметив, что его голова и плечи покрыты слоем пыли, Роуз протянула руку и взъерошила ему волосы, подняв серое облако вверх. Мелкие пылинки заплясали в солнечных лучах, и оба засмеялись, радуясь, что каменный плен закончился.

— Там выход, — Петр мотнул головой в нужную сторону, не переставая улыбаться.

— Бежим, — звонко крикнула Роуз и метнулась к вырубленному в каменной стене проходу с остатками массивной деревянной рамы — когда-то здесь крепились створки ворот. Перед тем, как нырнуть в потоки солнечного света, она обернулась, поторапливая Петра нетерпеливыми возгласами. — Ну, же. Не отставай.

— Иду, иду! — граф наклонился, чтобы поднять брошенное ею одеяло.

Солнце ослепило принцессу, и она остановилась, прикрывая глаза ладонью, пытаясь рассмотреть открывшееся пространство с множеством полуразрушенных строений. Высокая стена отсекала склад от четвертого лабиринта — Роуз узнала дверь, ведущую на безлюдную улицу.

— Петр! — позвала она и обернулась, ожидая встретиться с его радостным взглядом, но графа не оказалось за спиной.

— Петр? — предчувствие беды сжало тесным кольцом горло. Ноги, моментально ослабнув, не слушались ее. Она хотела бежать, но с трудом сделал лишь пару шагов. Опираясь ладонью о стену, раздирая ее об острые камни, Роуз заставила себя ступить в темноту каменного проема.

Если бы Роуз оставалась беспечной, какой была всего мгновение назад, она не заметила бы черный провал, разверзнувшийся сразу за деревянной рамой.

Ее ноги подкосились, и Роуз упала на колени у самого края глубокой ямы, на дне который несясь стремительный поток воды.

— Петр! — крикнула она в надежде, что сейчас любимый откликнется, но лишь шум подземной реки стал ей ответом.

На том месте, где совсем недавно они обнимались, еще догорал брошенный Петром факел.

Рядом с Роуз посыпались камни, с плеском ухнув в глубину ямы. Отползая от рушащегося края, она почувствовала под рукой что-то мягкое.

Крик раненного животного эхом пронесся по подземной пещере, когда Роуз поняла, что наткнулась на одеяло, выпавшее из рук Петра. Она словно воочию увидела, как земля уходит из-под ног любимого, и он, цепляясь за осыпающиеся края ямы, выпускает из рук бесполезную вещь.

Не будь его руки заняты, он сумел бы спастись. Это она виновата в его гибели!

Сколько времени она выла, сидя у реки, унесшей Петра, Роуз не знала. День, ночь, вечность? Она прижимала к себе одеяло — единственную вещь, помнящую его руки. Как она жалела, что не осталась рядом с ним. Вместе умирать не страшно.

Сейчас она никак не могла решиться прыгнуть в черную реку. Хотела и не могла. От того и выла.

Когда ее подняли с земли чьи-то руки, она уже не понимала, люди ли пришли за ней, или Бог прибирает ее к себе. Опухшие от слез глаза не открывались, она могла только слышать возбужденные голоса.

— Откуда такая взялась?

— Я думал, зверь дикий в складах воет. В поле шел, слышу, кричит, назад возвращаюсь — скулит тихо.

— А это не принцесса, случайно, что драконы ищут?

— Нет, какая же это принцесса? Старуха седая.

— Смотри, одеяло к себе прижимает. Я такие у Катарини видел, что родом из Лунного королевства,

она сама их шьет.

— Тетушка Катарина... — сухие губы не слушались Роуз.

— Ты слышал, она ее знает! Потащили к Катарине, пока драконы не налетели.

— Подкати тележку, в нее уложим, сверху, на всякий случай, ботвой забросаем.

Слушая мерный скрип колеса, Роуз уснула. Она уже не помнила, кто она, кого так долго оплакивала, не переживала, куда везут, встретятся ли на пути драконы. Хоть конец света, ей все равно.

ГЛАВА 13

— А теперь, деточка, закрой глазки, — хотя у Роуз и так были закрыты глаза, она с благодарностью приняла совет, произнесенный ласковым голосом.

Теплая вода полилась сверху, смывая грязь подземелья, из которого она выбралась. Сегодня? Вчера? Давно. Очень давно. Кажется.

Ах, какой же в голове туман! Мелькают какие-то образы, тени. Они пляшут на стенах, подчиняясь трепещущему огню. Кто-то уронил факел, и тени перестали дергаться. Но в темноте тоже страшно. Лучше уж тени. Вода. Откуда столько воды? Водопад — он друг, он видел, как им было хорошо. А река — враг, она унесла того, кто дорог. И теперь одиночество поселилось в сердце.

Потрясение, испытанное Роуз, погрузило ее в мир теней. Ей стало казаться, что она видит страшный сон, который никак не закончится. На самом деле она никогда не покидала Эрию и сейчас спит в своей кровати. И вообще, она еще ребенок — та наивная двенадцатилетняя принцесса, влюбленная в Петушка. Стоит проснуться и она встретится с ним. Нужно только подождать.

— Поднимайся, вот так, осторожно, — звучал все тот же голос, принадлежащий пожилой женщине с милыми чертами лица.

Роуз выбралась из лохани с остывающей водой, на нее накинули широкое полотенце, и повели в светлую комнату, где помогли расчесать волосы и обрядили в длинную рубашку.

— Я бы, деточка, дала тебе свое платье, но, боюсь, ты в нем утонешь. А это рубашка моего сыночка. Хорошо, что я ее сохранила. Он давно не такой худой. Мой дорогой Арист служит главным королевским поваром. Этим умением сын пошел в меня. Спроси в любом лабиринте, чьи плюшки и ватрушки самые вкусные? И везде ответят — тетуски Катарины. Я пеку их по рецепту своей прапрабабушки, а она держала пекарню аж в самой столице Лунного королевства. Может, ты кушать хочешь? Ну, ладно, потом поешь. Молочка только выпей. Тепленького. Вот так, умница.

Роуз нравилась словоохотливость женщины, которую все называли тетусшкой Катариной. Ее голос отвлекал от тягучих, болезненных дум.

— А теперь поспи, деточка. Сон — он лечит.

Роуз послушно легла на неширокую кровать, а заботливые руки доброй женщины укрыли ее теплым одеялом. Таким же, какое она прижимала к груди в подземелье. Но то было грязное, а это чистое и пахнет лавандой.

— Нравится? Я сама одеяло стегала, сама узоры вышивала. По ним мою работу во всех лабиринтах узнают. В этом углу луна, а в этом месяц. Они наш сон стерегут. Спи, деточка. Закрывай глазки.

Утро встретило щебетанием птиц, свежим ветерком, врывающимся в открытое окно, запахом цветов в палисаднике. Роуз подошла к окну и порадовалась многоцветию растущих в саду растений. Права была тетусшка Катарина — сон лечит. Солнце уже не такое жаркое, как в середине лета, тронуло ее лицо, словно здоровалось.

Принцесса вдохнула полной грудью. Нет, не может быть, чтобы Петр погиб. Только не он. Роуз вспомнила, каким прекрасным пловцом был граф, даже Генрих уступал ему, не мог догнать, когда они переплывали реку.

А потом, кто сказал, что под землей, куда унес Петра водный поток, нет воздуха? Там же шахты. И у каждой есть свой выход. Петр найдет его. Он знает, что Роуз любит и ждет.

А ее дело — верить, что однажды он появится там, внизу, у калитки. Постучится и войдет в сад, где растут чудесные цветы. А Роуз сплетет из них венки и наденет на голову. Себе и ему.

— Лапушка. Ты уже встала? Вот и хорошо. А я плюшек напекла. Пойдем вниз, чайник уже кипит, слышишь, свистом зовет? Это сынок мой придумал, чтобы я не забывала его на огне.

Глядя на румяное лицо женщины, трудно было поверить, что у нее есть взрослый сын. Только лучики в уголках глаз напоминали о возрасте, да руки с припухшими суставами говорили о том, что женщина привыкла много трудиться.

— Мне неудобно спускаться неприбранной.

— А кого ты стесняешься? Только ты да я, других людей в доме нет. Арист появляется редко, если и заглянет какая соседка, дальше калитки не пушу, пока не прикупим тебе одежду нормальную. А соседи у нас хорошие, никто слова гадкого не скажет, помогут в случае надобности. Если ты, милая,

у меня задержишься, то я сама тебе обновки пошью. Я умею. Я много чего умею.

Она шла впереди Роуз и говорила, говорила, взмахивала руками, поворачивала голову, ища одобрения в глазах гости.

— Задержишься ведь? Задержишься?

— Задержусь. Мне одного человека дождаться надо. Он сейчас дорогу ко мне ищет.

Кухонька небольшая, но такая аккуратная, беленая. Печь пузатая в углу, стол, два тяжелых стула, скамья, полы выскоблены начисто, до цвета дерева, на окнах занавески в цветочек. И запах сдобы. Он еще на лестнице манил, звал. До урчания в животе.

— А я ведь знаю, кого ты, лапочка, ждешь. Ты ко мне завернутая в одеяло попала, а ведь это мой подарок одному человеку, как ты его называешь. Ты не думай, мои поделки только с виду кажутся одинаковыми, я, когда узор вышиваю, вплетаю в него молитву вместе с именем. Не все понимают язык, на котором жители Лунного королевства говорят, не знают, что мои узоры — это оберег. Вот и тебя мое одеяло сберегло.

— Оно у Петра в руках было, когда он в подземную реку упал, не сберегло, значит.

— Милая, сберегло, ой, как сберегло. Не будь его, тебя могли в любой другой дом отвезти или драконам сдать. А ты через одеяло в правильное место попала. Думаешь, люди не понимают, почему ты у выхода из зеленого лабиринта находилась? Только те, кто из дворца сбежал, мог с той стороны появиться. А за Петра не переживай, он сильный маг, выживет, мне ли не знать.

— Нет у него больше магии. Брат в ловушку заманил, которая магию высасывает.

— Ай, Анвер, что за безобразник! Пусть только появится, мигом от меня схлопочет. Ты не смотри, что я маленькая да пухленькая. Стоит разозлить, я становлюсь похожей на медведицу. Анвер знает мою тяжелую руку.

Тетушка Катарина потрясла пухлым кулачком, и Роуз стало смешно. Она представила, как Анвер прячется от раскрасневшейся в негодовании женщины за спиной Петра, боясь получить по хребту свернутым полотенцем.

— Ну, вот, милая, ты уже улыбаешься. Садись на скамеечку, пододвигай к себе тарелку с кашей. А как насытишься, пойдем на солнышке погреемся. Лето на исходе, скоро дожди начнутся, нужно последний жар ловить. Когда похолодает, в лабиринтах такой ветер гуляет, из дома выходить не хочется.

Пока Роуз ела кашу, вкусней которой ничего и припомнить не могла, тетушка Катарина ловко орудовала ухватом, передвигая чугунки, поддерживала огонь в печи, подбрасывая дрова.

— Дрова нынче дороги, в лабиринтах мало деревьев осталось. Раньше, говорят, не было в них нужды, горючие камни в каждом доме держали. Может, и врут люди. Те времена никто из ныне живущих не знает, обвал шахт еще до Орраха Могучего произошел, при его прадеде.

— Тетушка Катарина, а почему Лолибон Великой зовут?

— А как ее еще называть, если она первая в Тонг-Зитте женщина — правительница? До нее отродясь такого не случалось. Никогда драконы женщинам не подчинялись, а тут раз, и головы перед вдовой Орраха склонили. Правда, не все. Кто не захотел подчиняться — в лабиринтах сгинул или как крыса под землей живет.

— А как она их покорила?

— Об этом никому не ведомо. Сами драконы о своем унижении говорить не станут, но, видимо, есть какой-то секрет. Нужен ли он нам, дорогуша? Нет, не нужен. Это их, драконье, дело, нам, людям, лишь бы выжить. Я вот, не жалуюсь. Всегда сыта, одета, сын пристроен, ни на полях, ни в девятом лабиринте спину не гнет. Чего еще желать? Нам что женщина на троне, что мужик — нет никакой разницы. Я милости не прошу, своими руками зарабатываю, хотя без помощи Фаруха, которого мне не иначе как Бог послал, вряд ли до четвертого лабиринта добралась бы. Королевский маг и Орраху пригодился, и Лолибон верно послужит, его знания ценят. Да и сын его, Анвер, на хорошем счету. Он обереги для драконов мастерит.

Роуз не стала рассказывать о последних событиях во дворце. Она поняла, что тетушка Катарина не все подробности о жизни Анвера и Фаруха знает. Ее мог бы просветить сын об истинных отношениях королевы и Анвера, но раз молчит, не ей глаза доброй женщине открывать.

Они сидели на лавочке в саду, окруженные яркими цветами, над которыми вились пчелы. Роуз

крутила в руках невзрачные цветок, который для нее сорвала тетушка Катарина. Его скромный вид оказался обманчивым, цветок испускал необыкновенно приятный аромат, который не только успокаивал, но и дарил иллюзию счастья. Нежась под неяркими лучами солнца, пробивающимися через листву орешника, Роуз совсем не хотелось говорить о том, что могло случиться во дворце после их побега. Но все-таки спросила, вспомнив шутку Анвера над Лолибон.

— Вы давно их видели?

— Фаруха с неделю назад, а Анвера давно, очень давно.

— Если он появится, не ругайте его за ловушку. Анвер помог нам сбежать из дворца, и теперь я переживаю за него.

— Ой, деточка! — тетушка Катарина схватилась за сердце. — Теперь я тоже не успокоюсь, пока не увижу кого-нибудь из своих мужчин.

Она в задумчивости поднесла руку ко рту, постучала пальцами по губам, потом резко поднялась.

— Я знаю, как передать весточку сыну. Мы не будем ждать, когда кто-нибудь из них изъявит желание навестить меня, мы их вызовем. Мой сосед, тот самый, что привез тебя на тележке, поставщик зелени во дворец. Королевского повара он не увидит, овощи сдаются дракону, но мы сможем привлечь внимание Ариста.

Роуз с любопытством наблюдала, как тетушка Катарина, написав записку сыну, засунула ее в небольшую тыкву. Треугольный надрез, через который протиснули сообщение, свернутое трубочкой, аккуратно заткнули тем самым ароматным цветком.

— Камнерушка только в моем саду растет, я ее с собой из шестого лабиринта привезла, Сын знает, что цветок — мой любимый, поймет, что это весточка от мамы. А тут и до записки докопается.

Сосед не стал противиться, забрал тыкву, в поле незаметно подложил ее в короб с кабачками, огурцами и морковью, который по условному сигналу подхватил дракон и унес в сторону замка.

День шел за днем, а вестей все не было. Каждый скрип калитки, каждый шорох у окна, выходящего на улицу, вселяли в женщин надежду. Но у окна находили кошку, а у калитки встречали соседку, забежавшую одолжить горсть соли, после чего женщины молча переглядывались, а ночью, уткнувшись в подушки, плакали, боясь за тех, кого любят.

Несмотря на разницу в возрасте, они подружились и переговорили обо всем, что волновало, не оставив секретов друг от друга.

— Как только приложила маленького Анвера к груди, мое сердце растаяло. Я поняла, что не смогу оставить на произвол судьбы тщедушного малыша. Это потом пришли чувства к его отцу, а сначала я согласилась жить с ними, не желая расставаться с молочным сыном. Да, Анвер стал мне сыном, а Фарух мужем. Я не сразу узнала, что приютила у себя Бахриманов. Даже не подозревала, что этот растерянный мужчина, готовый взяться за любую работу, лишь бы его любимый сын ни в чем не знал отказа, когда-то слыл сильным магом. Да, я любила своего погибшего мужа, отца Ариста, но истинное, женское счастье познала лишь с гонимым жрецом из Сулейха. Об одном жалею, что не родила от него ребеночка, не тосковала бы сейчас одна, занимаясь рукоделием от безделья, — тетушка Катарина вышивала гладью на очередном одеяле. Рядом сидела Роуз, в руках у нее были пальцы. Ее иголка сновала туда-суда и на ткани расцветала желтая роза.

Роуз и предположить бы не могла, что когда-нибудь ей придется месить тесто, ошипывать курицу, чистить рыбу и готовить такие вкусные блюда, какие не подавали даже в королевском дворце родной Эрии.

— Тетушка Катарина, тетушка Катарина! — У калитки стояла соседка. Увидев высунувшуюся в окно Роуз, она призывно помахала рукой.

— Ой, что творится, что делается! — затараторила она, когда женщины спустились в сад. Соседка, а ее звали Малгоша, садиться на лавочку не стала. Она приплясывала от нетерпения, торопясь поделиться вестями. — Война. В Тонг-Зитте началась война!

— Что ты такое говоришь, соседка? Какая война? — тетушка Катарина покачала головой. — Я бы первая узнала, Фарух непременно пришел бы домой предупредить о страшной напасти.

Она еще не успела договорить, а Роуз уже слышала нотки страха в ее словах. Если на самом деле началась война, а Фарух не кинулся к любимой жене, значит, во дворце происходит что-то неладное.

Сердце защемило от плохого предчувствия.

— Предупредил бы, не предупредил бы, я мало понимаю в дворцовых этикетах, но глянь, соседка, на небо! — не унималась Малгоша.

Роуз ничего не разглядела через листву орешника, поэтому выбежала за калитку и вскрикнула от удивления. Со стороны первого лабиринта летели драконы. Их было так много, что небо казалось красным. На некоторых, что держались низко, можно было разглядеть боевое снаряжение и всадников с огромными луками в руках.

— А может быть, мятеж? — Роуз вспомнила о Солнце — принцессе драконов, которая хотела свергнуть Лолибон.

— С любым восстанием легко справится дюжина драконов, а тут их сотни, а может, и тысячи! — Малгоша тоже задрала голову.

Из домов выскакивали люди, собирались кучками, обсуждали невиданную картину полета вооруженных драконов, качали головами, гадали, кто тот враг, против которого собрали такую армаду. Между взрослыми сновали дети, возбужденно галдя, не понимая, что война — это страшно.

— Всем разойтись! По домам! — по улице не спеша шел человек небольшого роста и с ленцой в голосе выкрикивал слова, сложив воронкой у рта ладони. Обычно с такой интонацией кричит торговка молоком, предлагая свой товар еще спящим жителям лабиринта. — Не собираться! Разойтись по домам!

К удивлению Роуз люди слушались и быстро покидали улицу.

— Милая, иди в дом, — тетушка Катарина развернула Роуз в сторону калитки и настойчиво подтолкнула ладонью в спину. — Не нужно, чтобы Жатисто тебя увидел.

— А кто это?

— Иди, иди, — в последний раз пихнув Роуз, тетушка Катарина направилась к коротышке, растопырив руки так, будто хотела того обнять. Роуз наблюдала за странной сценой, спрятавшись за вьюнами, что цепко оплели высокий штакетник.

Тот, кого звали Жатисто, увидев идущую к нему женщину, остановился, убрал ладони ото рта, напоследок успев выкрикнуть неуверенным голосом, срывающимся на фальцет.

— По домам. И ... как это... не собираться!

По виду коротышки Роуз не сказала бы, что он рад встретить тетушку Катарину. Она действительно обняла его, но так, что его лысая голова оказалась зажатай между крепкой рукой тетушки и ее мощной грудью. Роуз не слышала, о чем говорили Катарина и глашатай, но по тому, как быстро его макушка покрылась каплями пота, стало понятно — он сильно трусит.

Их разговор закончился тем, что Жатисто несколько раз кивнул головой (насколько позволил плотный захват), после чего был выпущен на свободу и продолжил свой путь, потирая шею и выкрикивая те же слова, что и прежде, кося глазом на удаляющуюся собеседницу.

А растревоженная тетушка Катарина понеслась домой. Развешиваясь от быстрого шага юбка и согнутые в локтях руки, которыми она активно двигала, делали ее похожей на рассекающий волны парусник. Роуз, пригнувшись, юркнула в дом, боясь своим непослушанием рассердить добрую женщину. Влетев на кухню, она зачерпнула из ведра воды и протянула кружку появившейся следом Катарине. Роуз догадывалась, как потушить пожар, могущий ненароком задеть и ее.

— Фух, — выдохнула тетушка, залпом выпив прохладную воду. — Даже не знаю, с чего начать, деточка.

Роуз пододвинула скамейку и уселась рядом с тетушкой, прижавшись к ее теплому боку. Она с замиранием сердца отметила, что у старшей подруги дрожали руки, когда она ставила кружку на стол.

— Жатисто — это кто?

— Староста. У нас в каждом секторе лабиринта есть староста. Через него жители узнают новости из дворца и ожидающие их повинности.

— А почему Жатисто просил всех разойтись?

— Он сначала темнил, говорил, что драконы не хотят, чтобы жители волновались, мол, они любую войну с одного огненного дыма выиграют, но после того, как я его малость придушила, признался, что во дворце творятся нехорошие дела, и королева страшится волнений.

Катарина подняла на Роуз глаза, и та заметила, что они полны слез, нос тетушки покраснел, а уголки губ поехали вниз.

— Милая, я так боюсь за своих мужчин. Жатисто говорит, королева в гневе и собирается казнить одного из Бахриманов, — тут слезы хлынули рекой, и Катарина прижала к носу кухонное полотенце. — И сердце мое болит от страха, потому что я не понимаю, почему Анвера с Фарухом до сих пор нет дома? Они же маги!

Роуз не выдержала и тоже заплакала.

— Это я во всем виновата. Если бы не выбросилась тогда из окна «Пьяного дракона», осталась со своим женихом, ничего ужасного не случилось бы. Петр не попал бы в ловушку и теперь был жив, Фаруху не пришлось бы меня лечить, а Анверу помогать бежать!

— Что ты такое говоришь, деточка? Жив, Петр, жив! — еще больше встревожилась Катарина и сунула Роуз полотенце, которым сама только что вытирала слезы. — И хорошо, что они помогли вам с Петром, но я одного не понимаю — почему они остались во дворце, не прибежали этой самой дорогой Бахриманов? Разве не знали, что Лолибон за ваш побег осерчает?

— Ох, тетушка Катарина! — Роуз опустила голову и нервно мяла в руках несчастное полотенце, в которое успела высморкаться. — Они не могут. Помните, я рассказывала о комнате-ловушке, что магию высасывает?

— Ту, которую негодник Анвер соорудил?

Роуз кивнула, боясь посмотреть в заплаканные глаза доброй женщины.

— Фарух, пока меня лечил, очень долго в ней находился, а потом и сам Анвер, когда с Петром примирился, не торопился из нее уйти. Боюсь, у них магии совсем не осталось. Не смогли они порталом уйти. Вот в чем причина.

— Так они теперь не маги? — слезы на глазах Катарины высохли.

— Наверное, нет.

— Плохо, — тетушка встала и оправила юбку. Куда делась ее растерянность и мягкость? Перед Роуз стоял солдат, готовый действовать. — Собирайся.

— К-к-куда? — Роуз от неожиданного превращения тетушки даже начала заикаться.

— Пойдем их выручать. Я не могу бросить своих мужчин в беде.

— Мы вернемся в замок?! К-к-как?

— Думаешь, я зря столько лет одеяла вышиваю? Плюшки-ватрушки пеку? Люди ко мне с разных концов лабиринта приходят и уходят. Но кто-то с корзиной печеного уйдет, а кто-то с запиской секретной, — Катарина внимательно посмотрела на Роуз. — Ты вот когда о «Пьяном драконе» рассказывала, имя девушки одной упомянула, думаешь, я не знаю, что за Санти принцесса Солнце скрывается? К ней пойдем. Она лабиринты как свои пять пальцев знает.

— А Фарух только от меня услышал, что Солнце жива, — Роуз запуталась и ничего не понимала.

— Милая, — ой, как жестко произнесла это слова Катарина! — Не все наши тайны мужчины должны знать. Особенно такие мужчины, что по природе своей мягкие и робкие, и сыновей в фаворитах у королевы терпят. Я люблю Фаруха, но в Лабиринтах, чтобы выжить, нужно ухо держать востро. Запомни, дорогая Роуз.

В дверь постучали. Тетушка Катарина взяла из рук Роуз полотенце, расправила его, повесила на спинку стула. Потом вскинула голову и на ее лице, где только что были жесткие складки между бровями, появилось благодушное выражение.

— Иду-иду! — крикнула она звонким голосом и, улыбаясь, направилась к двери. — И кто это к нам пришел?

На пороге стоял Соргос, тот самый дракон, которого Роуз однажды ночью сшибла с ног во дворце Лолибон. Принцесса, увидев его, испугалась и от неожиданности села мимо скамейки.

— М-м-м, — улыбнулся он, протягивая руку лежащей на полу Роуз. — Милая девушка взяла за привычку падать, когда увидит меня?

— Тетушка Катарина! — Роуз оттолкнула дракона, когда он, помогая подняться с пола, притянул ее к себе. — Он из стражи королевы!

— А еще я тот самый дракон, который дважды спас одной милой девушке жизнь.

Роуз покрылась краской до самых кончиков ушей, вспомнив дракона, выбросившего ее в поле, когда она обрушила стены зеленого лабиринта.

— Второй раз можете и не помнить, но это я притащил вас из трактира. И как вижу, Фарух не дал вам умереть, — держа Роуз за кончики пальцев, он крутанул ее так, что новая юбка, сшитая Катариной-умелицей, взвилась колоколом.

— Соргос, перестань смущать Роуз, — голос тетушки дрожал от волнения. — Я не могу больше слушать твои шутки. Говори, ты принес страшные вести из дворца?

— Нет-нет, успокойтесь, любезная Катарина, я не был во дворце с тех пор, как Петр сбежал во второй раз. Я уже находился под подозрением у капитана Шотса, и не смог бы доказать, что не причастен к повторному побегу. Тем более, что я видел, как Петра с Роуз выбросило в озеро из дворцовой купальни, и как потом эта красавица скакала у него на закорках до самого зеленого лабиринта.

— Увидел и не помог? — резко выпалила Роуз, вспомнив, как тяжело дышал Петр.

— Увидел и отвлек других драконов, — без улыбки произнес Соргос.

— Извините. И спасибо вам, — Роуз стало стыдно, что она ведет себя как капризная девица.

— Соргос, мальчик мой, ты зачем здесь? — тетушка Катарина немного поуспокоилась, в ее голосе больше не звенела тревога. — Староста шатается по улице, мог заметить тебя.

— Я дворами. У меня есть записка для вас. От Ариста.

— Я убью тебя, Соргос. Ну почему ты такой несерьезный? Я же спросила, не принес ли ты вести из дворца! — она схватила полотенце и ударила им Соргоса, который в этот момент сел на скамейку.

— Не ругайтесь, тетушка Катарина, но ваш сын давно не во дворце, — дракон наклонился к сапогу, расправил отворот, вытащил свернутую трубочкой бумагу и протянул ее волнующейся женщине. — Я думал, вы об этом уже знаете.

Пальцы не слушались, и записка никак не хотела разворачиваться. Тогда Роуз перехватила ее, развернула и, удерживая края, показала тетушке Катарине.

Она плакала и не могла читать.

— Роуз, милая, давай, сама.

— «Дорогая мама. Со мной все в порядке. Домой прийти не могу, меня ищут. Скоро все изменится, и мы будем видеться чаще. Спасибо за напоминание о доме. Цветок камнерушки засушил. Твой А.»

— Соргос, за что его ищут?

— Кроме Фаруха только он, как опытный повар, мог правильно отделить белок от желтка в яйце птицы Турух. Вот он и сбежал, чтобы Лолибон не убила Фаруха вместе с Анвером. Тетушка Катарина, что с вами? Разве Фарух домой не вернулся? Мне сказали, он дня три как дворец покинул.

Они вдвоем едва дотащили Катарину до кровати. Роуз набрала полный рот воды и брызнула той в лицо. Тетушка слабо отмахнулась и попыталась сесть. Роуз быстро подложила ей под спину подушки.

— Я хочу видеть сына, — твердо заявила Катарина. — Я хочу знать правду. Что с Анвером? Где Фарух? Если ты не отнесешь меня к Солнцу, а Арист у нее, я уверена, я сама пойду искать принцессу по всем трактирам, в названии которых есть слово «дракон».

— Ох, вы и об этом знаете? — удивился Соргос.

— К сожалению, я не все знаю.

— Вижу. Я боюсь, вы не доберетесь, тетушка Катарина, Солнце сейчас скрывается не в вашем секторе, — Соргос отчего-то был смущен.

— Я прошу тебя, отнеси. Стань драконом и отнеси. Я знаю, ты можешь. Да, я тяжелее Роуз, но и ты не маленький, — увидев, что Соргос опустил глаза, она положила ладонь на его руку и сжала. — Не мучай меня, отнеси. На улице почти стемнело. Вашего брата сегодня столько было, как перелетных птиц осенью. Никто не обратит внимания, что еще один дракон с седоком на спине в воздухе парит.

— Не могу. И рассказать почему, тоже не могу. Это не моя тайна.

— А если я тебе заветное слово шепну?

— О, нет! — застонал Соргос, но наклонился. Тетушка Катарина что-то прошептала ему на ухо, и лицо дракона вытянулось. — Ох, прах первого дракона!

Теперь он наклонился к женщине и что-то тихо произнес. Она с достоинством дважды кивнула головой. Дракон обернулся на смущенную Роуз, стоящую у двери.

— Может, Роуз лучше выйти?

— Говори! — приказала Катарина и Соргос послушался.

— Я больше не могу обернуться в дракона.

— Как так?

— Ни один бывший дракон, что находится рядом с Солнцем, не может обернуться. Это плата за преданность принцессе.

— А до этого ты ей предан не был?

— Был. Но я вел двойную игру и не расставался с камнем.

— Каким камнем? Соргос, может, Роуз принести скалку?

— Зачем скалку?

— Чтобы каждое слово из тебя выколачивать. Терпежу никакого нет!

— Ну, хорошо. Только на правах ...

— Т-ш-ш-ш, — Тетушка прижала палец к своим губам.

Соргос задрал руки вверх, показывая, что больше сопротивляться не будет.

— У каждого истинного дракона есть свой родовой камень, который дарится ему при рождении. И пока камень с ним, дракон может летать. Но магическое преимущество дается не просто так. Существует еще один камень, самый большой, самый сильный, которому остальные камни подчиняются. Захочет владелец Драконьего ока, чтобы все драконы сиганули на дно моря, они так и сделают, если только не снимут с себя камень. Снять родовой камень можно лишь раз. И пока жив владелец Драконьего ока, отступнику больше не летать. Только следующий хозяин главного драконьего камня может вернуть возможность летать. Но для этого дракон должен присягнуть ему на верность.

— Милый, зачем тебе быть драконом? — Тетушка Катарина обняла Соргоса, и крупный мужчина стал похож на обиженного мальчика. — Пусть человек слаб, но он свободен.

— Вы не понимаете, какое это счастье — уметь летать.

— Соргос, а как выглядит Драконье око? Я как-то видела на Лолибон кулон с красным камнем, величиной чуть ли не с куриное яйцо.

— Он самый, обычно его постороннему не показывают.

— А как Лолибон получила его, ведь она, кажется, не дракон?

— Милая, какой она дракон? Она чужачка.

— Никто из драконов не знает, как она смогла стать хозяйкой камня. До Лолибон драконы никогда не подчинялись женщинам.

— А Солнце? У Могучего Ораха только одна наследница. Разве после его смерти она не смогла бы носить Драконье око и управлять вами?

— Нет, только выйдя замуж за дракона и передав власть мужу. Наши женщины никогда не летают. Разве что мы не подставим свою шею.

— Хорошо, — тетушка Катарина хлопнула ладонями по коленям. — Я не смогу дойти до Ариста, и никто, как я понимаю, меня к нему не отнесет, но пусть тогда с тобой пойдет Роуз. Я ей доверяю, она знает, что нужно разузнать. А я буду дома ждать Фаруха.

— Стемнеет и пойдём! — пообещал мужчина. Роуз с подозрением отметила, что Соргос чему-то обрадовался. — А пока не плохо бы перекусить.

— Иди, родной, на кухне в котелке мясо тушеное, а под полотенцем свежий хлеб, а мы пока Роуз в дорогу снарядим.

Когда за Соргосом закрылась дверь, а чуть погодя со стороны кухни послышалось гроыхание посуды, тетушка Катарина тихо заговорила:

— Увидишь Солнце, обязательно скажи ей, что Лолибон больше не может путешествовать через порталы. Теперь ни у одного из наших Бахриманов магии не хватит таскать эту змею. А раз так, ее легко изловить. Она Анвера да Петра рядом держала, чтобы в случае опасности — фьюить и сбежать. Теперь у нее только один способ покинуть страну, коли Солнце отнимет у нее трон — на спине драконов. Знать бы еще, как она смогла силу над Драконьим оком получить. Ты, деточка, хорошенько выпроси, кто Лолибон объявил войну? Этот лысый карлик Жатисто не смог ответить. А мне кажется, что это твои эрийцы армией у границы встали. Если так, тебе туда путь держать надо. И узнай, милая, что же во дворце случилось? Куда мой Фарух делся? Если еще пару дней не объявится, придется поиски снаряжать. Мне без него никак. А ему без меня тем более.

— Тетушка Катарина, а мне ваше заветное слово знать нужно? Ну, чтобы правды допытаться?

Катарина засмеялась, прикрыв рот ладошкой, а потом знаком показала, чтобы Роуз подошла ближе.

— Тебе мое заветное слово не пригодится. Сама себе удивляюсь, чего только женщина не придумает, лишь бы мужскую тайну узнать и в свою пользу ее повернуть.

— Как так? А что же вы Соргосу на ушко шептали? Отчего он вам поверил?

— Молод, горяч. Я и не знала, что получится. Наглостью взяла.

— Так какое слово? — Роуз понизила голос и оглянулась на дверь. За ней по-прежнему слышалось гроыхание посуды.

Тетушка Катарина, кряхтя, слезла с кровати, на негнущихся ногах прошла к двери, открыла ее и зычно крикнула:

— Соргос, ты что, решил мне все горшки переколотить?

— Да я никак мясо не найду!

— Мужчины! — вздохнула тетушка и еще громче крикнула: — В печи ищи, обалдуй!

— А-а-а, — раздалось в ответ.

— Теперь надолго затихнет, — тетушка Катарина плотно закрыла дверь и зашаркала назад, к шкафу, откуда достала кое-какие вещи. — Там мяса на два дня наготовлено.

— Так какое слово? — Роуз съедало любопытство.

— Ну, ладно, расскажу. Рано или поздно все равно узнаешь. Мне этот секрет, не ведая того, Петр с Анвером рассказали, — тетушка развернула на кровати узорчатый женский платок и в его центр положила одну из двух рубак, как Роуз поняла, сшитых для сына. Немного подумав, убрала ее и положила другую.

— Они нашли в замке комнатку, куда Лолибон велела стащить портреты всех правителей Тонг-Зитта. А там с незапамятных времен другие хранились, те, что еще прежними правителями со стен сняты были. Ты же знаешь, что Анвер очень к рисованию способный, ему стало интересно на древние картины посмотреть, и, перекладывая их туда-сюда, он заметил, что один из сородичей Ораха Могучего похож на Соргоса, только бороду убери, и вылитый он. Пока Анвер картину ближе к свету тащил и рассматривал, поражаясь схожестью грозного правителя с драконом из охраны, Петр на обратной стороне портрета заметил густо замазанную йийгей белилами надпись. Он краску-то ногтем колупнул, а она отвалилась. Петр грамоту ихнюю хорошо изучил, поэтому без труда прочел, что дракон по имени Вордах Непримирымый попал в опалу к царствующему брату и был казнен, а весь его род от власти отстранен и не мог занимать престол в течение семи колен. А на портрете-то дата стояла, и Петр быстро сосчитал, что будь Соргос родственником этим Вордахам, как раз на нем запрет закончился бы!

— Это что же получается, тетушка Катарина, Соргос может стать правителем Тонг-Зитта? А Солнце тогда как? Зря за корону борется?

— Вот тут та самая загвоздка. Влюблен в нее Соргос, а она от него нос воротит. Говорит, другой у нее в сердце место занял. И вроде любовь такая сильная, что готова против закона идти, на престол

не дракона посадить.

— Ох! — Роуз схватилась за живот обеими руками. Который раз она замечала, что стоит о Петре плохие новости узнать, как в животе кто-то неведомый на кулак кишки наматывает. Она услышала однажды такое выражение от тетушки, и оно сейчас как никакое другое подходило к описанию испытываемой ею боли.

Тетушка или пропустила мимо ушей это «ох», или приписала к непростой ситуации с драконьим престолом, поэтому продолжила дальше.

— И когда Соргос заартачился, мол, тайну драконью открывать не могу, я подумала, почему бы не попробовать, и шепнула ему имечко «Вордах Непримирымый». Ты видела, как лицо у него вытянулось? Чем не доказательство?

— А что он вам шепнул в ответ?

— «Когда женюсь на Солнце, будете посаженной матерью?». Великая честь. Я согласилась, — тетушка, не сумев выбрать, уложила обе рубахи и начала связывать концы платка.

— Хотя бы у него все получилось! — искренне воскликнула Роуз и потрясла двумя сжатыми кулачками.

— Отчего такое участие? — тетушка скосила глаза на Роуз. — Уж не Петя ли наш тот, что в сердце у Солнца застрял?

— Он самый. Я вот сижу и думаю, чего бы я выбрала: пусть достанется Солнцу, лишь бы жив был, или...

— Ну-ка. Выкинь такие думы из головы. Вредные они. Живой он, живой. А коли Солнце рядом с ним тереться будет, не спускай. Ты тоже принцесса, нечего любимого в загребушие руки отдавать.

Роуз вздохнула.

— Драться с ней, что ли?

— А почему нет? Я за своего Фаруха горой. И Лолибон не испугалась бы, — тетушка Катарина засмеялась, и у нее затрясся не только круглый подбородок, но и пышные груди, и неплоский живот. — Давай, Розочка, подсобим королевству, за волосы принцессу оттаскаем, чтобы она очи свои в другую сторону повернула. Пусть Соргос ее после драки утешит. Он парень хороший.

— А вдруг синяков наставит. Она боевая.

— Так Петр на что? Пусть целует. Каждый синяк. Ты уж постарайся их в драке побольше получить, чтобы на всю ночь хватило. Да, и о Соргосе не забудь. Ему тоже нужно будет чем-нибудь заняться, утешая-то.

— Кого я буду утешать? — в комнату зашел довольный Соргос. — Я готов.

— Все мясо слопал? — вытирая, навернувшиеся от смеха слезы, спросила тетушка Катарина.

— А то. Скажите спасибо, что я сейчас не дракон. Я бы всю вашу кладовую подчистил.

— Спасибо, утешил. Утешитель наш.

Она поднялась с кровати, сунула в руки улыбающейся Роуз узелок, чмокнула ее в лоб. Когда Соргос подставил свой, вместо поцелуя тетушка стукнула по нему костяшками пальцев.

— Идите уже, светает. Розочка, запомнила, что я тебе говорила?

— О синяках?

— Ох, дитя! И зачем я тебя посылаю? О Фарухе разузнай.

ГЛАВА 14

Сначала Роуз и Соргос пробирались дворами-огородами, а когда дошли до широкого дома, чьи стены были увиты плющом, выяснилось, что нужно забраться на крышу. Роуз пожалела, что не надела штаны, поэтому на предложение Соргоса подсадить, решительно ткнула его в грудь пальцем, и зашипела:

— Лезь первым!

Сразу после этого нашелся другой путь. Оказывается, через крышу пробираться не обязательно, можно и через дыру в заборе. Когда Роуз протиснулась в нее, сзади ей помогли заботливые руки.

— Ну, как еще я мог тебя подтолкнуть, если только это место торчало? — оправдывался Соргос, потирая щеку, на которой горел след от женской руки. — Вот застряла бы, что тогда?

— Полез бы через крышу, а потом протянул бы мне руку с другой стороны забора и дернул.

— В следующий раз так и сделаю, — пообещал он.

Следующий раз представился вскоре. Опять дыра в заборе, через которую Роуз отказалась лезть первой. Но щель была такой узкой, что Соргос не стал протискиваться, а просто перемахнул через забор.

— Все как ты просила, — сказал он с другой стороны. — Не подсаживал, руку протянул.

Роуз застряла и вынуждена была дать руку Соргосу, который стоял подозрительно близко к забору. Рывок и оба полетели в канаву, ухнув на ее дно. Соргос лежал снизу.

— Что, Роуз, нравится лежать на мне? Мягко, не веет холодом с земли?

Роуз, шипя сквозь зубы, начала подниматься со смеющегося дракона.

— Ты чего веселишься? — спросила она и, подняв голову, поняла. Над ними шла сплошная стена, на которую она могла бы забраться только в том случае, если бы ее подсадил Соргос.

— Ну, все. Мне надоело! — Роуз зашагала по канаве вдоль стены.

За поворотом обнаружился проход, где начался другой сектор. Ни стражи, ни людей. Оглянувшись назад, она задохнулась от возмущения — дом тетушки Роуз был как на ладони.

— Гад летучий! Нет, гад ползучий!

— Роуз, ну чего ты, я пошутил.

Пройдя в тени домов незнакомого сектора, парочка выбралась к реке, где гулял вольный ветер.

— Куда дальше? Надеюсь, мы не должны пересекать ее вброд?

— Зря надеешься. Должны. Чуть дальше, как раз напротив черного крыльца «Спящего дракона». Тебе предоставится выбор: или я несу тебя на руках, или ты придешь в трактир по грудь мокрая. Меня устроит любое твоё решение.

— Скажи, тетушку ты бы тоже нес на руках?

— Поэтому и отказался, она бы не выдержала.

— Или ты?

— Или я, — примирительно согласился дракон. Усевшись на берег, он стянул с себя сапоги, потом рубаху.

— Штаны тоже снимешь? — Роуз подозрительно посмотрела на мужчину с очень серьезным лицом.

— Пожалуй, не буду, — немного подумав, произнес он и, уложив сапоги, связал рукава рубахи. — На, держи.

Подхватив Роуз на руки, он вошел в мутные воды реки. Они преодолели половину пути, а вода не поднялась и выше колена. Лицо Соргоса светилось от удовольствия. Роуз прижимала к груди сверток с его сапогами и узелок тетушки Катарины, поэтому могла только словесно поносить Соргоса на все лады. Вырваться из крепких ручищ не получалось, а разгоряченное тело дракона обжигало через тонкую ткань платья.

— Будешь дергаться, остановлюсь.

Роуз затихла. На берегу она с ним расправится, еще немного потерпеть осталось.

Зря она отвлеклась. Губы дракона нашли ее губы. Роуз от возмущения открыла рот, и тут же наглый язык ворвался туда. Она выгнулась, чтобы освободиться, Соргос не удержался на ногах, и оба упали в воду, подняв кучу брызг.

Утонуть точно не получилось бы, но вымокла Роуз вся. Пытаясь подняться на ноги, наступая на ставшее тяжелым платье, отдирая от себя руки смеющегося дракона, она от души повторила вслух все те слова, что слышала от тетушки, от ее соседок, когда они бранили подвыпивших мужей, и даже слова пролетающего мимо дракона, вспоминающего тупых рабов с девятого лабиринта. Потом Роуз пришлось бежать по воде и вылавливать узелок с рубашками. Судьба сапог ее не волновала.

А на крыльце скопились гуляки, разбуженные ее криками и хохотом Соргоса. Из открытого окна на втором уровне высунулась принцесса драконов и что-то с возмущением говорила человеку, стоявшему за ее спиной. Роуз всего этого не видела, ее занимал подъем на крутой берег в башмаках, полных воды.

Когда она преодолела последний барьер, то устало обтерла рукой лоб, откинула мокрые волосы за спину и подняла голову. Из окна на нее смотрел Петр, а рядом с ним улыбалась Солнце.

Стоило Роуз и Петру встретиться взглядами, и они не отпускали их ни на мгновение. Они стали слепы к окружающему их миру.

Что говорит принцесса драконов, почему цепляется за рукав? Петр не понимал, да и не хотел понимать. И вообще, кто это — принцесса драконов? Все, что он считал главным, без чего не мог жить, находилось перед ним. И пусть у нее расплелись волосы, пусть на ней разбитые туфли, в которых хлюпает вода, пусть мокрая юбка нелепо облепила фигуру — это его любимая женщина, его Роуз.

Кто там кричит за спиной, что река унесла сапоги? Какая река? Какие сапоги? Роуз не понимала, да и не хотела понимать. Все, что ей нужно было, что составляло ее мир, сосредоточилось в одном человеке, на которого она сейчас смотрела. Она знала, верила, что он не оставит ее, как она никогда не оставила бы его. Как можно сердце разделить на две части и заставить биться? Никак.

Роуз не смотрела под ноги. Она шла вперед и знала, что не споткнется, не упадет, потому что ее держит его взгляд.

Петр, забираясь на подоконник, знал, что не разобьется. Шаг со второго этажа — это самый близкий путь к Роуз. Да и высота ли это — три метра? Он выбрался из-под земли, чтобы еще раз посмотреть в эти волшебные глаза.

У Роузхватило дух, когда Петр смахнул с руки цепляющуюся за него принцессу драконов, и прыгнул вниз.

Он не мог ни секунды дольше ждать.

И Роуз не могла.

Она уже не шла — бежала навстречу ему, чтобы скорее обнять, почувствовать родное тепло, по которому истосковалась.

И он, поднимаясь в полный рост, в два шага преодолел разделяющее их расстояние и подхватил кинувшуюся к нему объятия Роуз.

Их поцелуй, долгий и жадный, отметили криками одобрения все проснувшиеся постояльцы трактира, высыпавшие на заднее крыльцо или высунувшиеся в окна. Только одно окно закрылось с такой силой, что из него едва не посыпались стекла, а женщина, захлопнувшая его, бросилась на заправленную постель и навзрыд заплакала, стуча кулаком по ни в чем неповинной кровати.

Разорвав поцелуй, Петр счастливо рассмеялся, перехватил Роуз так, чтобы ему было удобно видеть, куда он ступает, и понес через реку. Встретив Соргоса, упустившего сапоги и рубаху и уныло бредущего к берегу, Петр остановился, но передумав, пошел дальше. Ему есть чем заняться. В его руках любимая женщина.

Хорошо ориентируясь в четвертом лабиринте, Петр быстро добрался до дома тетушки Катарины. Он дошел бы быстрее, но часто останавливался в тени деревьев и целовал женщину, которую отказался спускать с рук.

Тетушка Катарина, не ожидая столь скорого возвращения Роуз, успела запереть дверь и лечь спать.

— Которое твоё окно? — тихо спросил Петр, поняв, что никто их у порога не ждет.

Роуз кокетливо ткнула пальцем. И вскоре принцесса перелезала, поддерживаемая Петром, через окно. Граф забрался следом, едва не сбив на пол Роуз, запутавшуюся в подоле влажной юбки, что показалось обоим очень смешным, но они быстро подавили смех, зажав ладонями рот. Пусть тетушка Катарина поспит. Им есть чем заняться.

— Она убьет меня, — жаловалась Роуз Петру, когда через некоторое время услышала, как добрая женщина гремит на кухне чугунами. — Я не встретила с ее сыном и... О, боже! — Роуз села и натянула одеяло на обнаженную грудь — Я потеряла узелок с рубашками для Ариста. Точно убьет!

— Не бойся, — Петр опять уложил ее и поцеловал в каждый глаз. — Я тебя спасу. Вот сейчас поцелую еще сотню раз и спасу.

У них не было времени поговорить. Роуз рассудила, что это успеется, главное, Петр жив и находится рядом. Правда, ее тревожили раны и синяки на его теле, но раны почти затянулись, а синяки приобрели голубовато-зеленый оттенок, что не внушало опасений за жизнь любимого.

— Ах! — испугалась тетушка Катарина, когда они вошли на кухню. — Напугали, черти!

Потом всплеснула руками и кинулась обнимать Петра. От избытка эмоций она расплакалась, и Петр крепко обнял тетушку, позволяя намочить слезами свою рубаху.

— Ты знаешь что-нибудь о Фарухе? Я так переживаю за него! А об Анвере? Говорят, Фарух уже три дня как ушел из дворца! — сыпала вопросами тетушка Катарина, подняв глаза на Петра и ловя признаки утаиваемой беды на его лице.

— Нет, дорогая тетушка Кати, я ничего не знаю, — он перевел взгляд на Роуз, та тоже отрицательно покачала головой.

Тетушка вздохнула. Слова Петра ее обрадовали и расстроили. Обрадовали, потому что он не принес плохую весть, расстроили, потому что судьба двух близких ей мужчин оставалась неясной.

— Петенька, — Тетушка заломила руки, — родненький! Найди их, я знаю, ты можешь. С магией, без магии, все равно можешь! Ты сильный, ловкий, умный.

— Хорошо, тетушка Кати, позавтракаем и сразу отправимся.

— Я с тобой! — тут же подала голос Роуз. Петр ласково улыбнулся ей и поцеловал в щеку.

— Ой, чего же я стою! — заволновалась тетушка. — Роуз, помогай накрывать на стол.

— А я пока схожу в сарай. Если Фарух покинул дворец и не пришел порталом, то его нужно искать в зеленом лабиринте. Нам понадобятся веревки, какой-нибудь заступ. Вдруг старика завалило. И приготовьте чистые тряпки.

— Мы уже все взяли, — раздался голос от порога. У двери стоял Соргос, из-за его широкой спины выглядывала Солнце. Они оба были одеты по-походному, за спинами висели мешки со связкой факелов, в руках у дракона поблескивала начищенным железом небольшая лопатка. — Мы тоже решили, что Фаруха следует искать в лабиринтах, больше ему деться некуда.

Роуз изменилась в лице. Принцесса знала, что Петр от помощи не откажется, и она не была против Соргоса, но вот Солнце... Та не спускала глаз с Петра, и Роуз видела, КАК она смотрела. Она сама так смотрит на любимого мужчину.

Соргос заметил упавшее настроение Роуз и дернул Солнце за рукав куртки, шепнув ей: «Ты обещала!». Роуз ожидала, что Солнце хотя бы смутится, что ее застали за подглядыванием, но та, ничуть не стесняясь, с вызовом вскинула голову.

Сердце Роуз сжалось. Ей предстоит борьба за любимого мужчину, от которого никак не хотела отстать наглая принцесса драконов. А Петр будто и не замечал переглядываний, был активен, потащил Соргоса в сарай за инструментом. Роуз поплелась к печи помогать тетушке Катарине.

— Ты чего нос повесила? Радоваться надо — Петр жив! Давай, рассказывай, где он пропадал? — тетушка помешивала большой ложкой кашу и поглядывала, как густо покрасневшая Роуз криво нарезает хлеб, орудуя большим ножом. — Эх, горе мое. Дай сюда нож. Ты сейчас себе палец оттяпаешь.

— Давайте я порежу! — подала голос Солнце. — Я и о приключениях Петра могу рассказать.

Краска схлынула с лица Роуз. От внимательных глаз тетушки изменения в цвете кожи подопечной не ушли.

— А у нас гости всегда сидят в почетном углу. Негоже им у печки толпиться, — голос тетушки был ласков донельзя. — Солнышко, а ты руки помыла? Вон рушник у тазика с водой и мыло душистое рядом, я сама его на травах и цветах варила. А Петруша нам о своих приключениях сам поведает, уж больно мне нравится его истории слушать.

— О чем вы, тетушка Кати? — вернувшийся Петр бросил на пол большой моток веревки и несколько крюков.

— Да хотелось бы знать, где тебя столько дней носило? Роуз шепнула, что вам некогда было разговоры разговаривать. Ну чего ты, милая, опять покраснела? Дело-то молодое.

В углу для почетных гостей Солнце скрипнула зубами. Или Роуз так показалось.

Когда все расселись за столом и приступили к завтраку, Роуз, примостившись рядом с Петром, застыла с ложкой в руках. Она уже и забыла, как красиво ест Петр. Не торопясь, аккуратно, беззвучно. На память тут же пришли их тихие вечера в башне, совместные ужины, после которых Петр читал книги или чертил свои механизмы, а Роуз перерисовывала зеленый лабиринт, не подозревая, что пройдет немного времени, и ее сердце попадет в плен к этому мужчине. Переведя взгляд с его длинных пальцев, обхватывающих ложку, на лицо, Роуз увидела, что Петр смотрит на нее и улыбается.

— Ешь, малявка. Путь предстоит долгий. В этот раз на руках не понесу.

Солнце выронила ложку, Соргос закашлялся, а Роуз опять покраснела.

Тетушка Катарина пила мед.

— Когда мы с Роуз почти выбрались из зеленого лабиринта, и она ушла вперед, — тетушка Катарина разливала по чашкам настой на травах и ягодах, а Петр приступил к обещанному рассказу, — я почувствовал, как дрогнула земля. Мне удалось сделать всего пару шагов, как почва ушла из-под ног, и я окунулся с головой в воду. Стремительный поток понес в темноту, и я молился богу, чтобы меня не затащило глубоко под землю, где я захлебнусь.

Мне повезло. По гулкому эху, отражающему шум реки, я понял, что нахожусь в большой пещере. Я стал грести поперек течения и вскоре выбрался на сушу, нащупав под руками выложенную камнем площадку. Обработанный камень — свидетельство того, что я нахожусь в одной из шахт, а значит, есть шанс выбраться. Где-то в темноте послышался камнепад, и радость от открытия померкла. Я могу не выбраться из ловушки, а опять отдаваться на волю реки — еще более рискованный поступок.

Отдышавшись, я стал соображать, как же добыть огонь? Все мои вещи намокли, в том числе и факелы. Хорошо, что связка с ними была прикреплена к заплечному мешку, и я не упустил его в реке. Я потерял лишь ваше одеяло, тетушка Кати.

— Нет, милый, не потерял, — тетушка протянула руку и похлопала по ладони Петра, лежащей на столе. — В нем привезли Роуз. Мое одеяло сберегло нашу девочку.

— Ваш оберег работает, тетушка Кати, спасибо вам. Я счастливчик. — Петр опустил руку на талию Роуз и придвинул девушку к себе ближе, заставив опять смутиться. — В пещере я смог обсушиться, разложив вещи вокруг себя, а позже и разжечь факел.

Я обнаружил себя в шахте, в одной из последних, где велись разработки горючего камня, и по дорожке, выложенной для проезда тележек, попал в другую шахту, расположенную выше. Здесь пришлось помыкаться, я никак не мог найти выход. Хорошо, что внизу протекала река, и жажды меня не мучила. А голод, что ж, оказывается, люди долго могут его терпеть. Главное не опускать руки.

На моих глазах произошел еще один обвал, и через открывшуюся щель я пробрался в пещеру, в своде которой зияла дыра. Сознаюсь, я не сразу ее заметил, но когда утром меня, спящего, ослепили солнечные лучи, понял, что до свободы осталось всего несколько шагов. Но как выбраться через дыру, до которой не дотянуться? И я решил строить пирамиду, для чего перетаскал уйму камней. От усталости я засыпал на этой куче, любясь на звезды. Но когда осталось лишь подпрыгнуть, чтобы повиснуть на крае дыры и подтянуться, у меня иссякли силы.

Мне не стыдно признаться — я выл от обиды и безысходности, сидя под этой чертовой дырой. Потом лег и смотрел на близкое небо, на бегущие по нему облака. Оно сжалилось надо мной и пролилось дождем. До реки я бы уже не добрался, просто не заставил бы себя спуститься в подземелье. Но большее отчаяние я испытал, когда увидел в небе дракона. Я закричал, но было поздно, он исчез из поля зрения. В безумии я швырнул куда-то в сторону камень, что лежал под рукой.

Я слышал, как он глухо стукнулся о стену, вызвав небольшой камнепад. Камни шуршали и

шуршали, а я лежал и смотрел в небо, которое очистилось от туч и явило необыкновенную синеву.

А потом свод пещеры рухнул. Одновременно, весь сразу, словно из-под него кто-то невидимый вырвал опору. Поднялась такая пыль, что я задохнулся в кашле. Когда каменный туман рассеялся, я удивился бесконечному небу над головой. Я счастливчик. Я уже говорил? Не лежи я на своей пирамиде точно под дырой, сейчас мы бы с вами не разговаривали.

Свобода придала сил. Я встал и пошел. С трудом перебирался через валуны, и опять чуть было не упал в открывшийся зев еще одной пещеры. Камни под ногами вдруг тронулись и потекли в нее рекой. От трения некоторые из них заискрились, и я понял, что все это время, пока лежал на своей пирамиде, меня окружали поистине драгоценные камни. Я говорю о горячих камнях.

Петр засунул руку в карман и вытащил камень, величиной с орех.

— Тетушка Кати, киньте его в очаг.

Все повернули головы и увидели, как ярко разгорелся огонь, объяв небольшой камень.

— Их там огромное множество и все на поверхности. Королевству Тонг-Зитт больше нет нужды промышлять разбоем. Эпоха горячего камня вернулась.

Петр перекинулся взглядом с принцессой драконов. Та не задавала вопросов, и Роуз поняла, зачем Петр встречался с Солнцем в трактире: он сообщил ей о драгоценных камнях. Будущее королевства в ее руках.

— Меня обнаружили крестьяне. Я пролежал в их доме с неделю, пока не окреп и за мной не пришел связной Солнца: жители четвертого лабиринта — смысленный народ, сообразили, кому нужно сообщить о своей находке. Прежде чем отправиться на поиски Роуз, я согласился встретиться с принцессой драконов. А утром Роуз пришла сама.

— Теперь я чувствую себя бессовестной, — Роуз пихнула Петра локтем в бок. — Человек только встал на ноги, а ему пришлось тащить на руках взбалмошную девицу.

— Любимую девицу, — Петр поцеловал ее в лоб. — И не списывай меня так рано. Я вполне оправился, иначе повторил бы за Соргосом твое купание в мутной реке.

У дракона покраснели уши. Солнце поджала губы. Тетушка Катарина опять пила мед.

— Как хорошо, Петенька, что ты выбрался из страшного лабиринта. Может и мои мужчины где-то там плутают? — вздохнула тетушка Катарина.

Вдруг Соргос стукнул себя по лбу и направился к двери.

— Мы ведь принесли карту зеленого лабиринта!

Он подхватил заплечный мешок, оставленный у порога, и вытащил из него туго свернутый рулон бумаги.

— Там отмечены все ловушки, куда мог попасть Фарух, — подала голос Солнце, откинувшись на спинку скамьи и наблюдая, как гостеприимная хозяйка и Роуз в четыре руки быстро освобождают стол от посуды.

— Спасибо за вкусный завтрак, тетушка Кати, — Петр протянул женщине пустую кружку. — Давно ничего похожего не ел.

Женщина потрепала Петра по кудрявой голове и ласково улыбнулась.

— Найди, милый, Фаруха и Анвера, успокой мое сердце.

Петр перехватил ее руку и поцеловал, отчего у тетушки выступили на глазах слезы.

— Мы постараемся.

Все склонились над картой, концы которой упрямо сворачивались, и их приходилось придерживать руками. На старом затертом рисунке ярко выделялись исправления, сделанные свежими чернилами. Лабиринты все время перестраивались: добавлялись тупики, открывались новые проходы, устанавливались хитроумные ловушки.

— Я думаю, Фарух мог по незнанию попасть в один из ложных входов в четвертый лабиринт, — сказал Петр, внимательно разглядывая чертеж стены жилого лабиринта, широкой полосой охватывающей поля и огромный зеленый массив.

Роуз впервые видела подробную карту двух лабиринтов, поэтому следила за пальцем Петра, скользящим по дугообразной линии, испещренной кротовыми норами.

— Лишь один арочный вход выводит на Трактирную улицу, остальные — ловушки, — пояснил Соргос.

Действительно, на чертеже некоторые ходы резко обрывались знаком смерти — черепом со скрещенными костями.

— Ловушки? — переспросила Роуз, поднимая глаза на Петра. Тот кивнул, а тетушка Катарина не смогла удержать всхлип. — Я могла угодить в одну из них, когда бежала из замка в первый раз?!

— Ты не должна была сбиться с пути...

— Однако Роуз не только сбилась, но еще и обнаружила себя, обрушив ловушку, — Соргос перебил Петра. — Только безглазый дракон не заметил бы это наливное яблочко в центре огромного блюда.

«Что за день сегодня?» — ругала себя Роуз, чувствуя, как ее лицо опять становится пунцовым.

Меж тем Соргос никак не унимался, заново переживая спасение Роуз.

— Мне пришлось быстро соображать, как отвести от нее внимание Шотса, и как подсказать, в какую сторону бежать. Мне жаль крестьянина, которого пришлось убить, но только на него я мог свалить сработавшую ловушку. И благодаря этой смерти, Роуз последовала за испуганными крестьянами, а не побежала под другую арку, где ее ждала неминуемая гибель.

— Спасибо, Соргос, — выдавила из себя Роуз, боясь поднять глаза. — А зачем столько ложных входов в четвертый лабиринт? Я не понимаю.

— Для беглецов из замка, для контрабандистов, охотящихся за горячими камнями, для вражеских лазутчиков — в общем, для людей. Драконам лабиринты не страшны.

Вспомнив, что теперь не может летать, Соргос поправился:

— Для летающих не страшны. Для таких недо-драконов как я — ловушки смертельно опасны.

— Поэтому я предлагаю разделиться, — Петр посмотрел на принцессу драконов. — Солнце, ты ориентируешься в лабиринтах, поэтому возьмишь с собой Соргоса. Пойдете налево от арки и обследуете дорогу, ведущую к зыбучим пескам, потом держите путь к дому Поющей девы, а мы с Роуз свернем направо, и поищем Фаруха у Смеющегося мертвеца и в Петле висельника. Если старик до сих пор не выбрался, значит, он застрял в одной из этих ловушек. Встречаемся здесь, — Петр ткнул пальцем в рисунок, на котором была изображена мельница. — Там есть вода. Если мы через двое суток не появимся у Чертовой мельницы, возвращайтесь к тетушке Кати.

— А почему ты говоришь только о Фарухе и никогда не упоминаешь Анвера? С ним что-то случилось? — тетушка поднесла дрожащие пальцы к губам. — Говори, что с моим мальчиком?

Петр молчал. Женщина перевела взгляд на Соргоса, но тот сделал вид, что что-то ищет по карманам.

— Соргос, ты тоже избегал говорить об Анвере. Я сейчас припоминаю это...

— Его убили, — Солнце не стала церемониться, хотя видела, как тетушка Катарина после ее слов обессиленно опустилась на скамейку. — А на следующий день Фарух пропал вместе с телом сына.

Роуз села рядом и обняла огорченную известием Катарины за плечи.

— Как — убили?! — хором спросили они.

— Мне об этом рассказала служанка. Ты знаешь ее как Дори, Петр, — Солнце говорила спокойно, без лишних эмоций. — Она сбежала из замка следом за Фарухом, поэтому я удивилась, узнав, что маг до сих пор не вернулся.

— Он уже не маг и не может передвигаться порталами.

— Все наши Бахриманы вдруг перестали быть магами. За это нужно сказать спасибо одной особе, — принцесса драконов не смотрела на Роуз, но собравшиеся поняли, о ком идет речь.

— Прекрати, — тихо, но твердо произнес Соргос.

— Дори сама не видела, — как ни в чем не бывало, продолжила Солнце, — но служанки шептались, что Лолибон собственными руками задушила Анвера. Я спросила, когда это случилось: до того, как

у девятого лабиринта появились войска Союза пяти королевств или после? Оказывается, Лолибон убила своего любовника сразу же, как прилетел дракон с ультиматумом от Эдуарда Эрийского.

— И что это значит? — спросил Соргос, а Роуз перестала дышать, услышав, что Союз стоит под стенами девятого лабиринта. Отец пришел за ней! Она, не скрывая волнения, посмотрела на Петра. Он знал и ничего ей не сказал?

— Я впервые слышу об этом, — проговорил встревоженный Петр.

— Это значит одно, — Солнце повысила голос, недовольная тем, что ее перебивают, — Лолибон готовится бежать. Анвер, утративший способность открывать порталы, перестал быть ей нужным. Узурпаторша не будет воевать с Союзом, она улизнет при первой возможности. Власть меняется.

Солнце гордо вскинула голову, словно на ней уже сверкала корона правителя Тонг-Зитта. Соргос подавил улыбку.

— И пусть бежит, гадина. Иначе я сама ее убью, — тетушкины глаза были сухими, но в них таилась такая ненависть, что Роуз поверила словам. — Прошу вас, ребята, отыщите моего Фаруха. Я должна быть рядом с ним. В горе и в радости.

С трудом поднявшись со скамьи, тетушка Катарина прошептала как молитву:

— Я не буду сейчас плакать. Потом. Вместе с Фарухом, — и добавила, обращаясь уже к Роуз:

— Милая, иди, переоденься. Не надо бродить по лабиринтам в платье.

— Мы выдвигаемся первыми, — Солнце подхватила свой заплечный мешок и направилась к двери, но на пороге обернулась. — Встретимся у мельницы, Петр.

— Удачи.

Пока тетушка копалась в шкафу, Роуз мучительно искала слова утешения, не замечая, что кусает губы.

— Я справлюсь, милая, не переживай, — заметила ее состояние Катарина.

Выбрав нужные вещи, она выложила их на кровать.

— Должны быть впору. Арист еще подростком носил.

Роуз спешно раздевалась.

— Мне не удалось встретиться с вашим сыном. И узелок с рубашками я потеряла, — призналась она, остро чувствуя вину. — Простите меня, тетушка Катарина.

— Ничего страшного, деточка. Я ему новые сошью. Главное, что он жив.

В дверь поскреблись. Не дожидаясь приглашения, в комнату юркнула соседка.

— Ох, сидите здесь и не знаете, что творится в королевстве! — она промокнула лоб вышитым платочком, плюхнувшись на кровать рядом с Катариной. — Враг стены девятого лабиринта тараном громит!

— Не тараторь, Малгоша, — Катарина положила на колено рыжеволосой женщины ладонь. — Обстоятельно расскажи, кто такие слухи принес?

— Да мужики наши говорят. Они в трактире вчера вечером собрались. Война же. Обсудить надо было, что делать, куда бежать? А тут проводник заходит, кошелом с золотом трясет, говорит, что при большой работе сейчас.

— Проводник — это человек, который лабиринты как свои пять пальцев знает, — пояснила тетушка Катарина. Роуз старательно заправляла рубаху в штаны. — Он за хорошую плату в любое место Тонг-Зитта проведет. Втайне от драконов, конечно.

— Вот-вот! — не сразу откликнулась Малгоша, с удивлением наблюдая за тем, как сидящая на полу Роуз натягивает мужской сапог. — Куда это она?

— Не кудахтай, Малгоша, что там дальше?

— Ах, да, — опомнилась соседка. — Проводник рассказал, что рабы из девятого лабиринта разбежались, их никто больше не охраняет.

— Да как же драконы такое допустили? Они же чуть что огнем все живое выжигали!

— Другие выжигальщики против них нашлись! Проводник говорит, сам видел белых и черных драконов.

— Я знаю их! — Роуз вскочила, в запале отбросив второй сапог. — Черные драконы у нас как извозчики работают, а белые умеют разговаривать, но в людей никогда не превращаются.

— Вот как? А я думала, все драконы как наши. А где это — у вас?

— На севере, в Эрии.

— Ну и что там, с таранами? — напомнила соседке Катарина, строго глянув на Роуз. Та прикусила язык и опять села на пол. Тетушка подпихнула к ней сапог сына.

— Ты же помнишь, что девятый лабиринт неприступным считался? — охотно вернулась к разговору Малгоша. — Навертели запутанных ходов, понаделали ловушек, сверху дозорных поставили, когда надо драконы налетали, огнем поливали. Думали, непобедимые. А тут нашелся умный враг — на лабиринты наплевал, послал войско сносить тараном одну стену за другой. Говорят, уже чуть ли не до восьмого лабиринта добрался. Народ побежал в поля и леса прятаться. Если так дело дальше пойдет, через неделю-другую вражеская армия у нас будет?

— А драконы на что?

— А что они, бедняги, могут? Белые да черные драконы им покоя на границе не дают. Не до людишек им сейчас, соседка, — оглянувшись на дверь, рассказчица осеклась. Там стоял, привалившись к косяку, Петр. — Ну, это, я пошла, Катарина. Мне еще к Утяте забежать надо, — выдохнула Малгоша и, комкая платок в руках, мышью проскользнула мимо Петра.

— Петушок! Это папа нас пришел выручать! — Роуз счастливо засмеялась и бросилась Петру на шею. — Нужно идти ему навстречу!

— Обязательно пойдем, милая, — он прижал девушку к себе, ловя поверх ее головы встревоженный взгляд тетушки Катарина. — Как найдем Фаруха, сразу отправимся.

— Ах, да. Нужно спешить!

— Родная, возьми одеяло, что тебя сберегло, — тетюшка сунула ей в руки туго набитый мешок. — И плащ шерстяной накинь, ночами в лабиринте холодно. Я еще еды на два дня завернула.

На пороге обе женщины не удержались и заплакали. Петр терпеливо ждал, когда они попрощаются.

— Береги себя, детка. Свобода близко.

ГЛАВА 15

— А почему ты думаешь, что Фарух застрял в тех ловушках? — Роуз едва поспевала за быстрым шагом Петра, путаясь в полах длинного плаща, который она надела сразу, стесняясь мужской одежды. Они шли вдоль заборов, стараясь держаться в тени. В лабиринте было малоллюдно. Встречающиеся жители тоже жались к заборам, рысью перебегали улицы. Они боялись, что вражеские ящеры в любой момент могут появиться над их головами. Неизвестно, чего можно ожидать от драконов, не умеющих оборачиваться в людей.

— Фарух никогда не ходил через лабиринты, ему хватало магии, чтобы открыть портал. Я говорил старику, что нужно знать то место, в котором живешь, но он отмахивался. Я надеюсь, он запомнил, что арка, ведущая в четвертый лабиринт, находится строго на востоке, а ночью следует ориентироваться на Венец дракона — это пять звезд, горящих как драгоценные камни на царской короне. Мы вместе с ним рассматривали это созвездие, и Фарух заметил, что оно больше похоже на арку, чем на венец.

— А почему ты сказал Соргосу и Солнце, чтобы они ждали нас у мельницы? А вдруг они найдут Фаруха первыми? Зачем им терять два дня, если для обессиленного старика будет лучше сразу вернуться к тетушке Катарине?

— Солнце меня поняла. Они в любом случае не найдут Фаруха живым. Зыбучие пески и Дом поющей девы — это ловушки, которые не пропустят живого путника. Если Фаруху не повезло, и он попал в эту часть зеленого лабиринта, то драконы найдут хотя бы его одежду, и мы будем знать, что он погиб.

— Как это? — Роуз поежилась и плотнее укуталась в плащ, хотя день выдался теплым.

— Зыбучие пески — это обман. Если по незнанию зачерпнуть песчинки рукой, то можно успеть рассмотреть очень мелких муравьев красного цвета. Я не зря говорю «успеть», потому что в следующее мгновение ты останешься без руки. Муравьи ее съедят. А через два мгновения твоя одежда осядет на землю. От тебя ничего не останется. Даже капли крови.

— Фу, гадость какая! — находясь под впечатлением от рассказа, Роуз потрясла руками, словно на них уже сидели красные муравьи. — А они не расползутся по всему лабиринту?

— Нет, муравьи удерживаются в одном месте магически. Когда нет «еды», они впадают в спячку, но стоит беглецу потревожить их сон — ему конец. За Солнце не переживай, она знает, как обойти ловушку. Ее задача посмотреть, нет ли там одежды Фаруха.

— Вот еще! Почему я должна за принцессу драконов переживать? Я за Соргоса больше тревожусь.

— За него-то по какой причине? — Петр удивленно посмотрел на Роуз.

— Как бы твоя красotka его к муравьям не отправила. Соргос — королевских кровей и как мужчина имеет больше шансов на трон Тонг-Зитта. Мы с тетушкой Катариной у него и подтверждение получили. Она говорит, что Соргос в Солнце влюблен, а мне кажется, он хочет без войны с ней трон разделить. Дракон же видит, что принцесса с тебя глаз не спускает.

— Роуз, спрячь шипы. Солнце несчастная девочка. Носила звание принцессы, а никто ею не занимался, ничему не учил. Она читает-то с трудом. Отец всегда хотел сына, менял наложниц чуть ли не каждый день, разбойничал с драконами. Лолибон ее люто ненавидела, потому что сама детей родить не смогла. Солнце живет мечтой, что придет время, и она взойдет на драконий трон. Чем она хуже королевы? Та сумела драконов подчинить, и у Солнца получится. Узнать бы только тайну Лолибон.

— А почему Солнце скрывала, что спаслась? С мачехой жить — не сахар, но все-таки во дворце, а не по трактирам скитаться.

— Солнце видела, как Лолибон Орраха убила, а потом устроила пожар, чтобы скрыть следы. Королева до последнего думала, что принцесса тоже сгорела, пока Руфф Бреужский ей глаза не открыл. Вот тут королева запаниковала. Объявила за поимку Солнца такую награду... Только война ей помешала.

— Знаешь, мне иногда кажется, что тебе Солнце нравится. После нашего расставания ты к ней первой пошел.

— Роуз, опять ты за свое? Я виноват перед ней. Долго мучился, не зная, как загладить ту боль, что причинил. Найдя горячие камни, я понял, что могу отплатить ей.

— Но она любит тебя, это даже со стороны видно. Как откупиться от любви?

— Я не могу любить насильно. И ей об этом известно. Как дочь дракона Солнце ни перед чем не остановится, чтобы заполучить желаемое. У нее много примеров перед глазами. Силой действовал ее отец, коварством Лолибон. Поэтому я предложил принцессе выбор: благополучие страны, после того, как открою ей место, где нашел горючие камни, или вражда, если она предпримет шаги против тебя.

— Неужели пойдет на подлость?

— У нее размыты границы общечеловеческих норм. Она — хищница. Такой ее сделал отец. Лолибон рассказывала про Орраха ужасные вещи. Его закон — все подчинено прихотям короля, даже если эти желания порочны. Я не переживаю за Соргоса. Он тоже хищник. Они с Солнце пара, правда, пока сами этого не понимают.

— Соргос понимает. И я боюсь за тебя. Ты ему мешаешь.

Петр резко остановился и положил руки на плечи Роуз.

— Соргос не дурак, он не будет действовать, пока мы вместе. А потом, малявка, — лицо Петра озарила улыбка, — конец нашей лабиринтной жизни близок. Через пару дней мы двинемся навстречу Эдуарду Эрийскому и перестанем мешать драконам.

— Ох, Петушок, и задаст тебе папа трепку! — рассмеялась Роуз.

— Я больше боюсь получить трепку от твоей мамы, — глаза Петра блеснули, и Роуз порывисто обняла любимого. Прижавшись к его груди, она вслушивалась в биение сердца, а перед взором стояли лица родителей, каждую черточку которых она помнила наизусть: складку между бровями отца, плотно сжатые челюсти, развевающиеся на ветру темные волосы, тревожный и любящий взгляд мамы, готовящуюся сорваться с ресниц слезу и ласковую улыбку. Как давно она их не видела! Как отчаянно по ним скучала!

— Я замолвлю за тебя словечко, — прошептала Роуз и потянулась к губам Петра.

Пара смущенно разорвала поцелуй, когда в конце переулочка послышались чьи-то шаги.

— Нам сюда, — Петр потянул Роуз к глухой стене, обвитой плетями плюща. Подойдя ближе, Роуз разглядела проход, сливающийся со стеной, если смотреть на нее прямо. — Так мы срежем треть пути до арки.

Улица, открывшаяся им, выглядела грязной и заброшенной: ни опрятных домиков, ни садов с цветами. Лица изредка встречающихся мужчин были мрачны и неприветливы.

— Это изнанка благополучной жизни четвертого лабиринта. Здесь живут изгнанники или люди, нелегально пробравшиеся сюда в поисках лучшей жизни. Полный контроль драконов над перемещениями между лабиринтами гарантирует достойное жилье и работу, но если ты отправляешься в путь на свой страх и риск, готовься к тому, что окажешься в клоаке.

Роуз заметила, как Петр вытащил нож и спрятал его под рукавом. Страх сжал ее горло, и девушка вцепилась в протянутую руку.

Время от времени им встречались пятна пожарищ, разрушенные дома, в которых все равно кто-то продолжал жить, сооружая скорее норы, чем жилье. Кое-как сколоченные доски, обрывки грязных тряпок, запах плохой пищи и нечистот, серые лица людей, провожающие подозрительным взглядом незнакомцев.

Что видела Роуз в своей жизни? Дворцовую праздность, которая разбавлялась острыми ощущениями от тайного побега на представления заезжего цирка, короткое заключение во дворце Лолибон, блуждание по лабиринту с Петром и спокойное, по-домашнему уютное пребывание в доме тетюшки Катарины, где соседи — труженики и достойные люди. Принцесса не могла представить, что люди способны жить в таких условиях, постепенно превращаясь в зверей — опасных и от боли и безысходности становящихся еще злее.

— За нами идут двое, — у Роуз от страха задрожали коленки.

— Знаю. Скоро выберемся.

Петр резко дернул Роуз в сторону, и они оказались между высокими стенами, которые разделялись узкой тропой.

Преследователи перешли на бег, топот ног раздавался все ближе. Роуз готова была поклясться, что слышит сиплое дыхание бродяг.

— Ступай только по белым камням, — шепнул Петр и подтолкнул Роуз в спину. — Это ловушка.

Быстро!

Роуз пришлось приподнять полы плаща, чтобы видеть, куда ставить ногу. Она спешила, но страшно боялась оступиться — неизвестно, что прячется за пожухлой травой. Как только принцесса, прыгая, как коза, добралась до ровной поверхности, услышала крики и ругань. Обернувшись, она увидела, как Петр бежит к ней, не обращая внимания на цвет камней, а в начале тропы на земле барахтаются преследователи.

Петр просто смел Роуз и на руках протащил еще несколько метров. За спиной стоял жуткий скрежет — две стены быстро сходились и вскоре схлопнулись, подняв в воздух пыль.

— Я не желал им смерти, — задыхаясь от бега, проговорил Петр, — поэтому толкнул первого бродягу в грудь. Иначе от них осталось бы мокрое место. Я сам придумал эту ловушку, когда драконы стали находить изгоев в зеленом лабиринте.

До зеленого лабиринта оставалось совсем немного. Впереди простирались поля, правда, на них не работали крестьяне. Видимо война напугала людей.

Роуз и Петр вынырнули из-под арки недалеко от настоящей, ведущей в четвертый лабиринт. Свернув направо, они пошли вдоль стены, время от времени заглядывая в открывающиеся их взору арки-близнецы.

— Почему мы не заходим внутрь? — спросила Роуз. Сказывались недавнее волнение и усталость, и принцесса с тоской смотрела на обогретые солнцем камни, на которых она могла бы отдохнуть. — Может, я посижу здесь, пока ты их обследуешь? Вдруг Фарух там?

— Нет, малявка, разделяться не будем. Тем более нет нужды заходить под арки, где не сдвинуты сигнальные камни. Солнце тоже знает о них.

— Солнце-Солнце. Ты никак не забудешь о ней.

— Роуз, перестань. Мы сейчас в одной связке и, конечно, я буду думать о ней и Соргосе.

Светило стояло в зените, когда они свернули в поля.

— Дойдем до зеленого лабиринта и передохнем.

Роуз не ответила Петру. Она еще у арок сняла с себя плащ и теперь, злясь, перекидывала его с плеча на плечо, но тяжелая ткань упорно сползала и путалась под ногами.

— Эх, малявка, — Петр забрал у нее плащ и просунул его через лямки своего заплечного мешка. — Давай руку.

На привале, когда Роуз умылась и вновь почувствовала себя человеком, а не полевой мышью, шмыгающей между пшеничных стеблей, она опять вернулась к разговору о ловушках.

— Ну, хорошо, Зыбучие пески — это кровожадные муравьи, а что может произойти в Доме поющей девы? Какая ловушка там ждет беглеца?

— Представь, что ты едва тащишься по лабиринту. Устала, хочешь пить и есть. И вдруг слышишь девичий голос. Простой мотив, незамысловатые слова. Никакого страха, никакого предчувствия. Идешь на голос и выходишь к аккуратному домику. На окнах занавески в цветочек, крыльцо с резными перилами, приоткрытая дверь, откуда и слышна успокаивающая песня. Ты поднимаешься по скрипучим ступенькам, останавливаешься у двери, спрашиваешь, можно ли войти или стучишься. Песня обрывается. Тишина. Никто не отвечает, не выходит навстречу. Ты толкаешь дверь иходишь, попутно извиняясь, задавая вопросы, но в комнате никого нет. Ты видишь еще одну приоткрытую дверь, идешь к ней. Но стоит тронуть ее, как за спиной раздается такой дикий вой, что ты, обезумев от страха, выскакиваешь за дверь и бежишь прочь по узкой дорожке между кустами дивных роз. Они разрослись так сильно, что стебли загораживают тропинку, и тебя обязательно ранят шипы. Как только показывается первая капля крови, ты теряешь сознание, а розы красивой волной склоняются над тобой. Вскоре на тропинке остается лишь твоя одежда, а розы приобретают насыщенный кровавый цвет.

— Петр! Ужас какой! — Роуз закрыла рот руками. — Нет, теперь я не смогу есть.

Она замахала головой, отказываясь от протянутого Петром куска хлеба с домашней колбасой. Тот пожал плечами и с удовольствием откусил сам.

— А ты думала. Лабиринты — не шутка. Везде есть свои ловушки.

— А как же папа? Он же идет напролом. Не наткнется на одну из твоих ловушек?

— Если Руфф дошел до четвертого лабиринта, то и он сообразит. А там и мы навстречу выйдем. Поэтому медлить не будем. Пошли, малявка, раз есть не хочешь. А зря. Колбаса у тетушки знатная. С чесноком.

— Целоваться точно погодим, — кинула Роуз, подхватывая плащ, на котором сидела. Петр рассмеялся в ответ. Собрав мешок, он закинул его за спину.

— Впереди нас ждет Смеющийся мертвец.

— Боже! А это что за зверь?

— Скоро сама увидишь.

Роуз запуталась в поворотах и перестала их считать, полностью полагаясь на Петра. Его уверенное движение вперед немного успокаивало, несмотря на то, что тени в углах лабиринта, серая от малого присутствия солнца зелень, запахи гниения и тлена удручали все больше.

Осень в зеленый лабиринт пришла давно, а может и не уходила вовсе. Под ногами чавкала намокшая черная листва. Даже птицы, что стаями летали в полях, сюда не рисковали заглянуть, а потому слух тревожили только собственные торопливые шаги, плеск растревоженных луж, взявшихся в сухую погоду неведомо откуда, завывания ветра, блуждающего по закоулкам лабиринта, да шелест понурой листвы на лианах, облепивших высокие стены.

Приближение к ловушке поднимало волну тошноты, но не потому, что Роуз боялась загадочного Смеющегося мертвеца. Фарух — вот о ком она думала, когда почти бежала за стремительным шагом Петра. Что со стариком? В каком душевном и физическом состоянии они его найдут? Или, может быть, Солнце принесет дурную весть, обнаружив жреца мертвым?

Петр замедлил шаг.

— Немного отдохнем, — он сбросил на землю оба мешка. — Садись.

Роуз молча выполнила команду, бухнувшись на мягкое одеяло, прикрепленное к ее небольшому мешку.

— Что там? — пытаюсь отдышаться, она приложила руку груди. Под ладонью тревожно билось сердце.

Петр глянул в ее широко распахнутые глаза.

Ветер взметнул опавшую листву, и в нос ударил запах гниения человеческих останков.

— Не бойся, малявка, — как можно беспечнее сказал он, — если будешь делать все в точности, как я научу, останешься цела.

Роуз перестала дышать.

— Сейчас мы увидим проход, ничем не отличающийся от тех, которыми шли прежде, за исключением того, что стоит только ступить на него, как он обрушится. Но если мы пойдем вдоль стены, то не потревожим пускового механизма ловушки. Запомни: безопасное расстояние — около двух моих ладоней.

Петр сомкнул ладони и показал их Роуз.

— Если вдруг раздастся какой-нибудь резкий звук или ты оступишься, сразу хватайся за лианы. Я не смогу тебе помочь.

— Разве ты не пойдешь сзади, чтобы подать мне руку?

— Нет. Ловушка не сработает только в том случае, если вдоль стен пойдут одновременно два человека: с одной стороны прохода — ты, с другой — я.

— Я боюсь.

— Ничего не случится, если ты будешь осторожна. Не спеши, старайся двигаться вровень со мной.

Петр присел перед девушкой на корточки и взял ее холодные руки в свои, подышал на пальцы, согревая теплом.

— Не бойся, Роуз.

Принцесса порывисто его обняла и замерла, положив голову на плечо.

— Пора, милая.

— Поцелуй меня, Петушок.

— А как же чесночный дух?

Но Роуз не стала слушать, сама обхватила голову любимого ладонями и прижалась к его губам.

— Черт, зачем я сказал, что нас ждет всего две ловушки? Если бы знал, что перед каждой ты будешь меня горячо целовать, я бы их навывдумывал сотни.

— Что-то мне в голову закралось подозрение, что ты и до этого много чего навывдумывал, — Роуз подозрительно сощурила глаза. — Уж больно красочно расписывал домик с кровожадными розочками и муравьев в одно мгновение сжирающих человека.

Петр не ответил, но улыбка, которую ему не удалось скрыть, подточила веру в его честность.

— Пора. Все нежности потом, как пройдем ловушку. Помнишь, как она называется?

— Смеющийся мертвец?

— Да. Будь готова.

Роуз не успела спросить, к чему она должна быть готова, как Петр поднял ее на руки, зашел за поворот и поставил у стены. Сам вернулся за мешками и встал на противоположной стороне.

— Пошли! — скомандовал он и сделал первый шаг.

Роуз с тоской посмотрела вперед. Проход, вопреки ее ожиданиям, не был прямым, а шел дугой, а потому полностью рассмотреть его не удавалось. Но сделав несколько неуверенных шагов, цепляясь руками за шершавые стебли лиан, Роуз вздохнула с облегчением — конец дуги оказался близок.

— Не отставай, — поторопил ее Петр, завершая свой отрезок пути.

— Ты хочешь, чтобы я споткнулась и ухнула вниз, — тонким от страха голосом откликнулась Роуз. — У меня и так дрожат коленки!

Последние шаги она сделала бегом, и ее подхватил на руки Петр, оказавшийся на безопасном участке лабиринта раньше ее.

— Опять обманул? — с укором произнесла Роуз. — Говорил, что идти должны одновременно, иначе все рухнет.

За спиной тут же послышался закладывающий уши скрежет, отдаленно похожий на жуткий смех, и когда Петр поставил Роуз на ноги и развернул ее в сторону прохода, по которому они только что прошли, она увидела оскал мертвеца. Резкий трупный дух пахнул из его черного рта.

Сейчас дугообразный проход походил на разинутую пасть черепа. Упали не все камни, а только те, что были по центру, остальные торчали каменными зубами, прикрепленными к стенам-деснам.

Петр быстро подошел к краю, заглянул в дыру и с облегчением выдохнул.

— Нет, там не Фарух.

Роуз даже не приблизилась к краю, она оцепенела от страха. Как Петр мог рисковать ее жизнью? А если бы он ее не поймал, и камни обрушились сразу, как только он закончил свой отрезок пути?

Петр, обернувшись к Роуз, сразу оценил ее побледневшее лицо, подрагивающие уголки губ и сжатые кулаки.

— Ну, что ты, глупая? — он обнял ее, но Роуз дернулась, пытаясь освободиться. — Неужели ты думаешь, я стал бы рисковать тобой? Я точно знал, что обрушение произойдет на счет пять, а за это время я успел бы поймать тебя в любом случае. Прости, но другого способа привести ловушку в действие не существует.

— Но почему не предупредил?

— Зная о подвохе, ты могла сбиться с шага.

Опять раздался противный скрежет, и Роуз увидела, как с двух сторон медленно поднялись каменные плиты и сомкнулись на поверхности как створки двери, ведущей в погреб. Проход опять казался совершенно безопасным.

— Ужас! — выдохнула Роуз. По напряженной спине Петр понял, что принцесса продолжает дуться. Он выпустил из объятий.

— Надеяться на поцелуй не приходится? — на всякий случай уточнил он.

Роуз не ответила и решительно пошла вперед.

— Там Петля висельника.

Петр с удовольствием отметил, как Роуз замедлила шаг, а когда поравнялся с ней, сунула ладонь в его руку.

— Ну, так-то, детка, — самодовольная улыбка не сходила с его лица. Роуз немного отстала и стукнула носком башмака Петра по ноге. Услышав «ой», она позволила себе мстительно улыбнуться.

— Когда мы дойдем до Петли висельника? Подозреваю, что ты опять посмеялся надо мной.

— Мы уже давно идем по ней.

— Как?

— Эта ловушка потому так называется, что формой напоминает петлю, у которой нет ни начала, ни конца. Попасть в нее легко, и только знающий, где находится выход, сможет прекратить бесконечное кружение.

— И если мы здесь не встретим Фаруха...

— Значит, он погиб в двух других ловушках или вовсе не покидал замок.

Роуз от усталости смотрела только под ноги, поэтому сначала не поняла, почему Петр отпустил ее руку и побежал. Только поспешив следом, она заметила сидящего привалившегося к стене человека. Его голова свисала на грудь, грязная и мокрая одежда скорее напоминала рубище, чем богатые и изысканные туники, которые носил жрец.

— Фарух! — Роуз не сдержала крика, увидев, в каком бедственном состоянии он находится. В глаза бросились грязные с кровавыми подтеками руки, безвольно лежащие по обеим сторонам от тела. Старик с трудом распрямился и поднял голову.

Петр расшнуровал мешок и вытащил флягу с какой-то жидкостью. Опустившись на колени рядом со стариком, он осторожно влил немного в рот Фаруху, придерживая того за затылок. Резкий аромат трав перебил запах пота и крови, исходящий от Бахримана.

Старик вцепился во флягу рукой и жадно глотал. Жидкость тонкими струйками лилась из уголков рта и попадала на грудь, добавляя темные пятна к уже существующим на его одежде.

— Я сам рыл могилу для своего мальчика, — первое, что произнес Фарух, когда Петр отнял фляжку от его рта. — Руками. Я похоронил его где-то здесь, но когда вернулся после безуспешных поисков воды, не нашел могильный холм, — слезы проложили кривые дорожки по грязным щекам старика. — Я лакал из луж, словно зверь.

— Мы поищем могилу Анвера.

— Не надо. Лабиринт ее надежно спрятал. Пусть все останется как есть. Иначе я не смогу уйти от моего мальчика. А я хочу перед смертью увидеть Катарину.

Петр поднес к потрескавшимся губам старика флакон с красной жидкостью. Когда старик осушил его, то поморщился.

— Горько.

— Сейчас к вам вернутся силы. Не настолько, чтобы вы смогли идти, но хотя бы будете держаться за мою шею. Доберемся до мельницы, обмоемся в реке. Тетушка Катарина передала вам чистую одежду.

— Тебе будет тяжело...

— Ничего, я сильный, — Петр присел перед стариком и, повернувшись к нему спиной, потянул за руки.

— Роуз захвати мешки.

Петр шел медленно. Ему пришлось самому придерживать старика, потому что тот потерял сознание, как только взобрался на спину своего воспитанника.

Роуз тоже мучилась: она не смогла поднять тяжелый мешок Петра, а потому волоком тащила его за собой. Ее собственный, с одеялом тетушки Катарины, все время норовил сползти с плеч. Роуз из-за этого часто останавливалась и поправляла лямки.

— Еще немного, держись, милая, — Петр повернул голову, и девушка заметила, что его лоб покрылся испариной, а мокрые пряди волос лезут в глаза. Она выпустила мешок из рук и, достав платок из кармана штанов, обтерла лицо любимого, сдвинув кудри в сторону. Петр благодарно улыбнулся и подбодрил: — Мельница за той стеной.

За поворотом открылось просторное место — такое не часто встретишь в лабиринте. Полуразрушенная мельница просела на один бок, ее покривившееся колесо уже не могло вращаться и грозило обрушиться в воды реки, берущей свое начало где-то в недрах скал, высящихся за дощатым домиком, притулившимся к мельнице. Роуз догадалась, что эти строения гораздо старше, чем окружающие их стены. Творцы лабиринта, застраивая пшеничные поля, не стали сносить некогда крепкое жилище мельника.

Рассматривая освещенную солнцем поляну, Роуз не заметила, как отстала от Петра. Только радостные крики Соргоса и принцессы драконов, бегущих к ним навстречу, вернули девушку к действительности. Она выпустила из рук лямки тяжелого мешка и улыбнулась. Последняя мысль Роуз была о том, что река, унося свои воды под стену, где-то там, в шахтах, обрушивается водопадом, возле которого они с Петром провели свои самые счастливые часы.

Вдруг что-то огромное, внезапной тенью загородив солнце и подняв в воздух сухие листья и комья глины, больно схватило Роуз поперек груди и потащило вверх. На ее вскрик резко обернулся Петр, выпуская руки старика, которого успел подхватить Соргос.

— Не-е-ет! — услышала Роуз голос любимого и потеряла от боли и страха сознание.

ГЛАВА 16

Мы неразлучные с тобой, Как два цветка в веночке, Мы связаны одной судьбой И дивной страстной ночью.

Песня повторялась и повторялась. Ее глупые слова и простой мотив назойливо крутились в голове и раздражали, как жужжание слепня по весне.

Роуз вздохнула. Пронзившая тело боль заставила стонать.

— А, милая, просыпаешься? — произнес тот же голос, что пел незамысловатую песню.

С трудом разлепив глаза, Роуз увидела яркое небо, и ей на мгновение показалось, что она лежит в гамаке, который раскачивается из стороны в сторону, но жесткая поверхность мало походила на качели.

Принцесса попробовала распрямить ноги, затекшие от неудобной позы, но башмаки уткнулись во что-то твердое. От ледяного воздуха и такого же холодного пола начался озноб. Он колючей волной прошелся до самых плеч, заставив Роуз обхватить себя руками, чтобы хоть как-то согреться. Но даже это простое движение болью отозвалось в спине.

Перед глазами появилось улыбающееся лицо Руффа — не наследного брейжского принца, ее бывшего жениха. Его волосы, некогда тщательно завитые, сейчас выглядели не лучшим образом, а сильный ветер добавлял неопрятности облику в целом. Светлая щетина, черные круги под глазами, впалые щеки и искусанные в кровь губы вызвали в памяти другое лицо — Анвера. Хотя умершего сына Фаруха трудно было сравнить со светловолосым принцем, но некая одержимость в глазах делала мужчин похожими.

И опять зазвучала надоевшая песня:

— Мы неразлучные с тобой...

— Прекрати, — Роуз, сжав зубы, старалась сесть, но что-то больно впилося в ее плечи. Она протянула руку и нащупала ляжки мешка, который так и остался на ней.

— Роуз-Роуз, посмотри на кого ты стала похожа. Валяешься у меня под ногами в мужской одежде, в грубых башмаках, с мешком за спиной. Нет, не на такой девушке я хотел жениться. Та, которую я знал, была утонченным цветком с золотыми лепестками, а ту, которую вижу сейчас, можно сравнить лишь с пыльной придорожной травой.

— Прекрати болтать и дай мне руку.

— О, и манеры утрачены. Что творят с людьми лабиринты!

Тем не менее, Руфф ухватил ее за руку и резко дернул на себя. У Роуз в глазах потемнело от боли.

— Осторожно, ты сейчас вывалишься, — Руфф усадил ничего не видящую от слез девушку рядом с собой. Сиденье неожиданно оказалось мягким и удобным. — И сними, наконец, этот ужасный мешок!

— Отчего у меня так болят ребра? — выдохнула она, когда мешок упал к ногам.

— Шотс пытался схватить тебя как можно нежнее, но драконьи когти такие большие и грубые!

Роуз вспомнила, как во время побега из замка Лолибон, Соргос скинул ее на пшеничное поле. Нет, не от когтей зависит, причинишь ты сильную боль человеку или нет. Шотс и не хотел быть осторожным с ней.

— Куда они направляются? — Роуз разглядела тысячи драконов, летящих по небу красной лавиной. Некоторые из них на спинах несли люльки, похожие на ту, в которой сидели они с Руффом. От мерного взмаха крыльев рождались пронизывающие потоки холодного воздуха, выдувающие последние крупы тепла, и Роуз опять обхватила себя руками. Видя, как трясет девушку, Руфф сжалился и накинул ей на плечи мягкий мех драгоценного пушного зверя.

— Куда-то на север.

— Почему я з-з-десь? З-з-ачем я тебе? — зубы Роуз стучали, она никак не могла согреться.

— Мне? Мне ты точно не нужна. Но ты являешься условием сделки Лолибон с принцессой драконов. Королева согласилась оставить Тонг-Зитт только в обмен на эрийскую принцессу. Ты важная птица, Роуз. Шотс долго кружил над мельницей, прежде чем сцапал тебя. Твое похищение

послужило подтверждением удачно свершившейся сделки, и все драконы тут же покинули королевский замок. Посмотри вниз и ты не найдешь там лабиринты.

Роуз схватилась за край люльки и, наклонившись, увидела, что драконы летят над бескрайним морем.

Ветер сдувал слезы, оставляя ледяные дорожки на ее лице. До обидного быстро подтвердились слова Петра о том, что Солнце и Соргос хищники. В договоре с королевой их звериная натура проявилась в полной мере: они избавились от Роуз и получили власть над Тонг-Зиттом. А ее бедный Петр даже не догадывается, кто виновник их разлуки. Солнце победила — она получила трон, горячие камни (в том, что Петр выполнит обещание и сделает королевство богатым, Роуз не сомневалась), и самого Петра.

Востоит ли он? Одно дело выйти к Эдуарду Эрийскому с дочерью, которую Петр хоть и похитил, но сам и спас, и совсем другое, признаться, что потерял ее, потащив в лабиринты искать едва живого Бахримана, вместо того, чтобы сразу же отправиться навстречу армии Союза пяти королевств.

Нет, Роуз не верила, что Петр струсит предстать перед Эдуардом Эрийским, но слишком много появилось препятствий для благополучного исхода этой встречи.

— Снижаемся! — отвлек от раздумий голос Руффа.

Драконы плавно развернулись, и Роуз открылся берег с набегавшей на него пенной полосой волн, а впереди, насколько хватало глаз, простирались желтые пески без единого деревца, с высоты полета напоминающие море с горбящимися по нему волнами-барханами.

Дракон приземлился, подняв в воздух мелкую пыль, которая моментально забила в нос и рот не ожидавшей такого пикирующего спуска Роуз. Она закашлялась, и Руфф протянул ей флягу, в которой оказалось кислое вино.

Держась за больные ребра, Роуз сошла по расправленному крылу дракона. На берегу уже суетились люди, которые совсем недавно были ящерами и рассекали небо красными крыльями. Мужчины работали слаженно и быстро сняли люльку с уставшего дракона, бросив Роуз под ноги ее мешок. Она прижала его к груди, боясь потерять дорогие ей вещи. Принцессе не отпускала надежда, что ее опять спасет одеяло-оберег тетушки Катарины.

— Иди за мной! — кинул ей Руфф и направился в сторону шатра, который ловкие драконы поднимали прямо на глазах. Принц нес подмышкой шкуры, греющие их в полете, и чертыхался, когда ноги проваливались в песок.

Опыт походной жизни и магия сделали свое дело, и вскоре все побережье было усеяно палатками и шатрами, надежно укрывавшими людей от длинных, но все еще жарких лучей заходящего солнца. Одно из сооружений выделялось богатством тканей — шатер Лолибон, куда и привел принцессу Руфф.

— Я вся в песке, — услышала Роуз капризный голос королевы. — Этих драконов как ни учи, все равно бухаются на брюхо так, что в воздух взлетает всякая дрянь. Вот откуда у меня в волосах морские ракушки?

Руфф, бросив меха на расстеленные в шатре ковры, подошел к Лолибон, сидящей спиной к входу, и запустил пальцы в ее волосы.

— Ах! — длинно выдохнула королева, когда руки принца спустились к ее плечам. Она скинула с себя тонкие одежды, оставшись полностью обнаженной. — У меня ломит спину, — пожаловалась она Руффу и перекинула волосы вперед.

— Я не один, — тихо шепнул он королеве.

— О, Роуз! — оживилась Лолибон. Из ее голоса исчезли хныкающие нотки. — Проходи сюда.

Роуз, не выпуская из рук мешок, подошла ближе. Королева повернула голову и не смогла скрыть удивления. Перед ней стояло нечто, отдаленно напоминающее ту нежную принцессу, которую она ревновала к Петру. Обветренные губы, грязное лицо с подтеками от слез, потерявшие блеск волосы, которые растрепал в полете ветер.

Но и Роуз не смогла отвести взгляда от лица Лолибон. Когда она видела ее в последний раз, королева казалась, если не ровесницей, то не сильно старше самой принцессы. Сейчас же перед ней сидела женщина с ощутимой разницей в возрасте. Морщинки, пока еще слабо заметные, легли тонкими лучиками у глаз и на лбу, контур лица потерял четкость, уголки рта слегка опустились, делая выражение лица капризным. Лолибон оставалась красивой, но не настолько пленительной как прежде.

— Шотс! — громко крикнула она. Капитан тут же появился в шатре, словно только ждал, когда его позовут. Он стоял на широко расставленных ногах, сжимая руки в кулаки. Роуз поймала взгляд Руффа, когда он обернулся на вошедшего. В нем сквозило превосходство. Дракон же ответил на него кривой ухмылкой.

— Сооруди палатку, чтобы наша гостя могла помыться.

Не произнеся ни слова, Шотс скрылся за пологом.

— Ну, чего стоишь? — королева закрыла глаза, отдаваясь блаженству, которое ей дарили сильные пальцы Руффа, разминающие ее шею и плечи. — Иди следом. Ах, да. Возьми халат в сундуке у двери, а свои страшные обноски выброси. Мешок здесь оставь, глупая. Его никто не тронет.

Открыв сундук, Роуз нашла лежащие в беспорядке вещи, которые скорее всего собирали в спешке. Выхватив халат из более плотной и непрозрачной ткани, чем остальные, Роуз вышла наружу и поискала глазами палатку, приготовленную для купания.

Она никак не ожидала, что палаткой называются четыре шеста, обтянутые куском ткани и установленные прямо в воде.

Роуз обернулась. За ее спиной столпились тихо переговаривающиеся мужчины, явно ожидая начала волнующего зрелища — вхождения в воду нагой принцессы. Их капитан стоял в десятке метров от берега и обмывал свое жилистое тело, нисколько не обращая внимания на смущенную Роуз.

Принцесса не стала доставлять драконам удовольствие и из всей одежды скинула на берегу лишь теплую курточку и башмаки.

Море казалось спокойным, но небольшие волны так и норовили сбить Роуз с ног. Она шла, прижимая к груди халат, напрасно надеясь, что он не намокнет. Первая же волна попыталась его отнять. Зайдя в палатку, где благодаря драконьей магии волны присмирели, Роуз перекинула намокший халат через тряпичное ограждение, трясущееся под ударами моря, и начала разоблачаться.

С берега слышались сальные шутки и смех, которые прекратились только после грозного окрика капитана Шотса.

Теплое море позволило выполоскать волосы, но быстро унесло одежду, которую Роуз не решилась повесить на палатку, боясь, что та не выдержит и рухнет. Закусив губы, чтобы не стонать, принцесса обмыла кровоподтеки, опоясывающие тело. Морская вода, попадая в раны, оставленные острыми драконьими когтями, причиняла боль, но Роуз знала, что ничто так не помогает избежать нагноения, как соль.

На берег девушка вышла сгорая от стыда — мокрый халат облепил тело и не оставил ни одной тайны, начиная от величины груди и заканчивая размером ягодич. Но на счастье принцессы, на берегу стоял лишь капитан и терпеливо ее ждал, сложив руки на груди.

В воздухе витал запах дыма и жареного мяса. Драконы, отделившиеся от стаи еще в пути, принесли богатую добычу. Их возбужденные голоса, рассказывающие братьям, как славно они ограбили деревеньку недалеко от Форша, смешивались с шумом моря и ветра.

Принцесса сглотнула слюну и сильно пожалела, что отказалась от чесночной колбасы, которую с таким аппетитом совсем недавно уплетал Петр. Боль и тоска по любимому резанула по сердцу. Роуз ругала себя, что не обняла и не поцеловала Петра перед тем, как они попали в Петлю мертвеца, снедаемая обидами, которые сейчас казались мелкими и незначительными.

— Заходи! — отвлек голос Шотса. Капитан придерживал полог в полутемный шатер. Войдя, он потянул носом воздух и исподлобья глянул на Руффа, торопливо надевающего рубашку. Королева, нисколько не стыдясь своего обнаженного тела, на котором блестела испарина, лежала на скомканных простынях. Бреужец сам набросил на нее покрывало и поцеловал в белое плечо, когда она повернулась на бок и устало закрыла глаза.

Роуз, догадавшись, чем только что занимались эти двое, сделала шаг назад, но наткнулась на капитана, который, наклонившись к самому уху, шепнул:

— Ты спишь в этом шатре или идешь к драконам. Не всем хватило женщин, которых они притащили с собой из последнего набега.

Прислушавшись, Роуз различила женский плач, едва пробивающийся через громкие голоса и хохот драконов.

Бреужец, посмеиваясь над угрозами капитана, рылся в сундуке, бесцеремонно сбрасывая на пол

разноцветные тряпки. Найдя нужные вещи, он объявил, что идет плавать и, откидывая полог, подмигнул Шотсу.

Роуз напряглась. Она поспешно схватила свой мешок, который так и лежал у порога, и, вытащив из него тетушкино одеяло, укуталась в него, веря в силу оберега. Другой защиты от драконов у нее не было.

Сработала ли магия, вплетенная в вышивку Катариной, или принцесса не интересовала Шотса, но он даже не взглянул на нее. Спокойный и собранный, он прошел в угол шатра и, развязав большой узел с одеялами, соорудил что-то вроде лежа.

— Можешь спать здесь, — буркнул он, проходя мимо девушки. — Если конечно не надумала идти к драконам.

Выйдя из шатра, он подобно Руффу растворился в темноте, рассеиваемой лишь горящими кострами. Роуз немного сдвинула полог и выглянула наружу. Солнце уже скрылось, и ветер, усилившись, перестал быть теплым, заставляя драконов разжечь костры не только для того, чтобы приготовить мясо.

Даже незначительное движение полога привлекло внимание воинов, во множестве своем расположившихся на ночлег под открытым небом неподалеку от королевского шатра.

О побеге не стоило и помышлять.

Пока Роуз расчесывала волосы гребнем, найденным в шкатулке Лолибон, принесли мясо, и принцесса, не решаясь будить королеву, поужинала одна.

Усталость валила с ног и притупляла чувство страха. Роуз подхватила свое одеяло и перебралась на подготовленное капитаном ложе. Прислушиваясь к мерному дыханию королевы, Роуз не заметила, как провалилась в сон.

Ночью ее разбудили стоны. Гулко бьющееся сердце готово было выпрыгнуть от страха, но, прислушавшись, Роуз поняла, что стоны полны сладострастия. Не желая становиться свидетельницей творящегося на ложе королевы, Роуз замерла, зажав уши руками. Даже укрывшись с головой, она слышала звуки соития Лолибон и мужчин, делящих ее тело на двоих. Они нисколько не стеснялись присутствия постороннего, переговаривались и смеялись, стонали и рычали, произносили сальности и кричали от страсти. Роуз узнала голоса Шотса и Руффа. И только страх оказаться вовлеченной в действо возбужденных людей заставил ее затаиться, а не бежать вон из шатра. Тошнота подкатывала к горлу даже после того, как любовники затихли.

Роуз едва дождалась, когда забрезжит рассвет. Полог на ночь откинули, и в шатер врвался свежий утренний ветер.

Порывшись в своем мешке, Роуз нашла смену белья и еще одни штаны сына Катарины, которые немедленно натянула, мысленно произнося слова благодарности заботливой женщине. Отыскав курточку и башмаки, она выбралась наружу и вдохнула соленый воздух полной грудью.

Красота утреннего моря и сверкающих под солнцем песчинок не могла не радовать глаз, хотя сердце Роуз сжимали страх за свое будущее и тоска по любимому мужчине.

Пролежав без сна остаток ночи, Роуз дала себе слово, что при первой же возможности поговорит с королевой. Ее убивала неопределенность, и мучили вопросы, на которые хотелось как можно быстрее получить ответы. С какой целью ее похитили? Куда летят драконы, оставившие свою страну? Что задумала Лолибон?

Начавшиеся сборы не позволили Роуз поговорить с королевой. Ее, завернув в меха, унес Шотс, и дракон, на спине которого крепилась красивая ладья, взлетел первым.

На любые вопросы выпавшийся и довольный Руфф отвечал словами глупой песни, которую Роуз успела возненавидеть.

Драконы, свернув шатры и палатки, быстро распределили груз и взлетели, торопясь нагнать дракона королевы. Они нисколько не заботились о десятке женщин, оставшихся на пустынном берегу.

Роуз закрыла рот руками, гася крик ужаса, когда поняла, что некоторые из них мертвы. Но и остальных ждала неминуемая смерть в песках, если только родные вовремя их не обнаружат.

— Почему драконы так жестоки? — не выдержала она, когда берег исчез, сменившись морским простором.

Руфф равнодушно махнул рукой.

— Они хищники. Зачем беречь и таскать за собой женщин, если в следующем селении они легко найдут свеженьких?

— Я не думала, что они такие звери.

— О, они умеют притворяться друзьями, когда им выгодно. Соргос и Солнце легко продали тебя за корону Тонг-Зитта, не забывай об этом. Королева пыталась выторговать Петра, но Солнце уперлась.

— Так они встречались?

— Да, недалеко от четвертого уровня, куда обеих принесли драконы. Королеву сопровождал Шотс, а Солнце — душка Соргос. Там же они условились, где тебя можно найти. Солнце сказала, что приведет тебя в зеленый лабиринт.

— Лолибон так легко отдала власть?

— Королеве больше нечего делать в Тонг-Зитте. Пускай Солнце разбирается с Союзом пяти королевств. Любимая Лоли всегда найдет место под солнцем. О, как смешно получилось! Бежим от Солнца, чтобы найти место под солнцем.

— Тебе не противно? Ты делишь любимую женщину с другим мужчиной.

— Что ты об этом знаешь? — от напускного веселья ничего не осталось, когда Руфф вцепился в горло Роуз жесткими пальцами. — Ты, заманившая меня в лабиринты, бросившая на произвол судьбы, упрекаешь в желании выжить? Я бы простил тебе потерю девственности и женился, но ты рассудила по-другому, отдав себя насильнику. Думаешь, я не выведал, каким образом Петр тебя похитил?

— Но ты быстро успокоился в постели королевы, — Роуз сдернула руки брежжца со своей шеи и, поморщившись, потеряла красные следы. — Я сама видела вас, совокупляющихся словно звери, на следующий день после того, как ты признавался в любви к невесте.

— О какой любви ты можешь говорить? Я — младший сын короля Бреужа, не наследный принц, не имею права влюбляться, иначе уже нянчил бы пару рыжих сорванцов от одной горожанки, полностью удовлетворяющей меня в постели. Ни ты, ни королева в своей худобе не в моем вкусе. Мое дело — трахать каждую девку, что может принести корону. Я и тебя бы трахал, если бы все сложилось иначе той ночью в трактире, а теперь я делю Лоли с драконом, потому что она никогда не станет простой горожанкой, она всегда будет королевой. Она захватит любое государство с такой армией драконов.

— Мы летим на север, там находятся королевства, вошедшие в союз пяти. Неужели ты не предполагал, что одно из государств, на которое она может положить глаз — твой родной Бреуж?

— Плевать. Произойдет смена власти и только. Одни хищники скинут с трона других. Разве ты до сих пор не поняла, что коронами владеют хищники? Чем руководствовались мои родители, когда договаривались о нашем брачном союзе? Соединить двух любящих голубков? Не смей меня! Они знали, что Северная Лория станет их королевством наряду с Бреужем, а, значит, их мощь усилится вдвое, и бреужцы смогут диктовать условия остальным королевствам.

— А я? Куда денусь я? Ведь я взойшла бы на трон Северной Лории?

— Ты женщина. Родила бы наследника, и на этом закончила свою роль. Удел королей принимать мужей только для зачатия наследника, а в остальное время каждый король спешит в спальню любимой горожанки.

— Я не о постели, я о власти.

— Роуз, ты опять смешишь своей наивностью? Когда вопрос касается власти, королевы, мешающие ей, как правило, погибают.

— Мой отец стер бы тебя с лица земли.

— А кто сказал, что смерть была бы насильственной? Роды — такая непредсказуемая штука.

— Да ты ничем не лучше Бахриманов!

— А я о чем говорю? Каждый правитель — хищник. Правит ли он графством или государством, разницы нет. Вот и задумайся, устоит ли твой Петр? Захочет ли быть мужем королевы или сам станет правителем? Даже бывший Бахриман полон сюрпризов. А вдруг в нем взыграют традиции предков? Много ли ты дашь за свою жизнь? Бахриману должна противостоять сильная хищница.

Такая как Солнце. Уж она не упустит своего. Пока ты здесь льешь по нему слезы, хищница действует.

Роуз смахнула предательские слезы рукой. Она злилась прежде всего на себя. Кем она себя увидела, слушая Руффа? Хищницей? Нет. Она оказалась покорной овцой, привязанной веревочкой к колышку. Как бы не любил ее пастух, налетевший орел в одно мгновение разорвал бы бессловесную тварь. Правильно говорила тетушка Катарина, надо было там, у реки, дать бой Солнцу.

Но тут же Роуз устыдилась своих мыслей. Подерись она с Солнцем, кем она показала бы себя? Такой же хищницей? Значит, прав Руфф, что только хищники могут править государствами? Но разве ее мама, Свон Эрийская, хищница?

Окончательно запутавшись, Роуз закрыла глаза, лишь бы не видеть издевательской улыбки Руффа. Уж он точно не хищник. Скорее падальщик. Нет, она не будет слушать его. Лучше она представит лицо Петра, его дивные глаза с лучиками морщинок, когда он ей улыбается, его красиво очерченные губы, произносящие бесившее ее прежде слово «малявка».

— Петушок, миленький, найди свою малявку, — прошептала она, отчаянно веря, что когда-нибудь увидит любимого.

Руфф, насладившись слезами бросившей его невесты, опять затянул свою песню:

Мы неразлучные с тобой, Как два цветка в веночке. Мы связаны одной судьбой И дивно страстной ночью.

Светило клонилось к горизонту, когда Роуз заметила, что от летящей стаи отделилась огромная масса драконов, широкой волной ринувшаяся к показавшемуся вдали острову.

— О, полетели разбойничать. Значит, скоро нас ждет привал, — обрадовался Руфф. — Так хочется размяться.

Он полулежал на небольшом диванчике, отчего Роуз пришлось пересесть ближе к краю люльки. В море все чаще встречались корабли, казавшиеся с такой высоты игрушечными.

— Это водный путь в торговый порт Форш. На западе находятся Иберские острова, на северо-западе королевство Андаут, где правит твой дядя Уильям, — делился знаниями Руфф, тыча пальцем в указанные направления. — Хочешь посетить аборигенов на трясущихся в диком танце островах? Нет?

Роуз когда-то читала, что вулканы Иберских островов дали название Огненному морю — постоянно извергающиеся, они выбрасывали так много лавы, что даже под водой огненная река не сразу остывала, заставляя подниматься вверх облака обжигающего пара.

Дракон начал снижаться, и Роуз заметила, как на одном из кораблей запаниковали люди — матросы и пассажиры бегали по палубе, отвязывая лодки, в надежде спастись, если дракон спалит их судно.

Приближающийся клочок суши казался шкатулкой, сделанной из кусочков разноцветного бархата. Осень уже тронула своими красками деревья и кустарники, в обилии растущие на холмах, поэтому густо-зеленый цвет часто соседствовал с великолепным золотым и багряным, создавая приятную глазу мозаику. Но самым искусным украшением служила белокаменная крепость, стоящая в центре острова, и именно к ней неслась лавина драконов, кровавыми мазками нарушая природную красоту.

— В этой части Огненного моря может быть только одна крепость, — спокойный голос Руффа резанул слух. — На острове Пигеон. Смотри, Роуз, это родина твоего Петра, его родовой замок.

Никогда Роуз не забыть столь ужасающего по жестокости зрелища, что ей пришлось наблюдать на закате второго дня пути. Драконы плотным кольцом окружили крепость и поливали огнем все, что движется. Застигнутые врасплох люди были обречены — они метались в поисках убежища, но находили лишь страшную смерть. Опьяненные кровью драконы поднимали в воздух целые повозки, всадников вместе с лошадьми, вспарывали когтями крыши домов, выхватывали визжащих от страха людей и сбрасывали в овраг, созданный для защиты замка. Враги превратили его в братскую могилу.

Разве могли прилетевшие на помощь черные ящеры с наездниками на спинах противостоять умным хищникам? Не отягощенные люльками красные драконы подныривали под неповоротливых собратьев и обжигали их пламенем. Те, пытаясь избавиться от боли, взвизгивали вертикально вверх, забывая о седоках, теряя тех, кто не смог удержаться.

— Они уже не вернутся, — хмыкнул Руфф, наблюдая, как черные драконы скрываются в холмах.

Роуз злилась на бреужца, хотя понимала, что он прав: черные драконы никогда не взлетят, если не услышат команды «Арроу!», но мало какой раненный дракон подпустит к себе незнакомого человека.

Замок пал.

Дракон, на котором летела Роуз, прежде чем приземлиться, сделал круг над крепостью. Она встретила непрошенных гостей дымом пожарищ — догорали загоны для скота, хозяйственные постройки и дома, в которых жила прислуга. Не тронутый пожаром графский замок с высоты походил на белую чайку, раскинувшую крылья над морем огня.

Спустившись с дракона, Роуз остановилась перед входом в главное здание.

— Ну, чего замерла? — обернулся Руфф, не понимая волнения попутчицы. Она во все глаза смотрела на лестницу и виднеющуюся через широко открытые двери анфиладу, по которой когда-то бежала ее мама с новорожденным Петром на руках, а за поворотом их ждал верный Гри.

— Роуз, иди прямо, там для тебя приготовлена комната, — из темноты бокового крыла на мгновение появился капитан Шотс.

Обняв мешок, Роуз двинулась вперед, забыв о Руффе, который что-то кричал ей вслед.

— Госпожа, проходите сюда, — навстречу ей вышла женщина с заплаканными глазами. Стоило Роуз войти в комнату, как на пороге появился страж, пикой загородив путь служанке.

— Пошла прочь! — рявкнул он ей и закрыл дверь на ключ.

Роуз оказалась в просторной комнате с большой кроватью посередине. Распахнув окно, она подергала решетку и с горечью убедилась, что та сидит прочно, надежно отрезая путь к свободе. Еще подлетая к замку, принцесса позволила себе помечтать, что, если бы ей удалось найти черного дракона, то она могла бы повторить путь Свон.

Зеркало, столик со склянками и коробочками, кресло с высокой спинкой, несколько пуфов и большой гардероб — все было выполнено из белого дерева и отделано золотой инкрустацией. Открыв шкаф, Роуз поразились большому количеству нарядных платьев и обуви. Вытащив одно, принцесса с горечью заметила, что его фасон давно устарел, хотя качество шитья и отделки поражали великолепием. В коробочке на одной из полок лежали носовые платки с монограммой «Л.П.», наводя на мысль, что комната и наряды в шкафу принадлежали Леоль Пигеон — матери Петра.

Вскоре Роуз получила подтверждение: в небольшом отделении хранился узелок с новыми вещами для младенца.

Принцесса разложила их на кровати и расплакалась. Ей стало жалко женщину, с такой любовью вышивавшую каждую вещичку для ребенка, которого даже не успела приложить к груди. Роуз вытряхнула свой мешок и уложила туда чудесные детские вещички. Она не могла знать, что ее ждет впереди, но ей очень хотелось, чтобы их с Петром ребенок когда-нибудь надел рубашечки, вышитые руками его бабушки.

Порывшись в вещах, она нашла удобные туфли на низком каблуке, теплую накидку и чулки, которые отложила в сторону, занявшись примеркой платьев, что вопреки ожиданиям принесло одни огорчения: хотя Роуз не была пампушкой, ей подошли лишь те наряды, что Леоль носила, будучи беременной.

«Где прежняя утонченность принцессы? — спрашивала себя Роуз. — Где изящность и грация? В лабиринтах я превратилась в крестьянку, с легкостью отмахивающую большие расстояния. Крепкие ноги тому подтверждение».

Она посмотрела вниз на стоптанные башмаки и чуть не расплакалась.

«Что уж говорить об утонченности, если всего полгода назад я не замечала ни качества ткани, ни искусности кроя, а теперь прикасаюсь к работе мастериц как дикарка с Иберских островов, впервые увидевшая одежду».

Выбрав самое красивое платье, в котором она с радостью отправилась бы под венец, Роуз приложила его к груди. Голубой цвет тончайшего шелка, блеск россыпи бриллиантов, пышность юбок манили вновь почувствовать себя принцессой.

Протиснувшись в громоздкое платье, Роуз тщательно расправила юбки. Не сумев затянуть лиф, она, придерживая его рукой, подошла зеркалу. Повернулась одним боком, другим, дрожащими от волнения пальцами поправила волосы, с удовольствием отметив, что разгумнявшееся лицо

выглядит особенно хорошеньким. Наклонилась ближе к серебристой поверхности, покусала губы, отчего они стали влажными и яркими, улыбнулась сама себе и ... встретила взглядом с капитаном Шотсом, застывшим за ее спиной.

ГЛАВА 17

Сердце ухнуло вниз, когда в зеркале отражение Шотса скривилось в улыбке, а в глазах зажегся похотливый огонь.

Роуз с тоской посмотрела на закрытую дверь и вздрогнула, когда горячие ладони мужчины прошлись по ее обнаженным плечам и настойчиво потянули ткань вниз. Роуз вцепилась в лиф обеими руками, но не смогла противостоять силе дракона.

— Капитан, отпустите меня...

— Меня остановила бы ваша девственность, — шепнул он, прерывая поцелуй в шею. — Но вы ее, принцесса, давно потеряли.

Его руки накрыли обнажившиеся груди девушки и больно сжали.

— Гладкая, нежная, — выдохнул Шотс и провел щетинистым подбородком по плечу, заставив жертву сжаться.

— Давай снимем эти тряпки, — дракон прикусил кожу на шее пленницы. Его руки спустились ниже и, сминая шелк юбки, прижали бедра девушки к напряженному мужскому телу.

Когда его язык, оставляя мокрую дорожку на коже, коснулся уха, Роуз не выдержала и, вырвавшись, кинулась к открытому окну.

— Помогите! Кто-нибудь помогите! — закричала она, надеясь на чудо.

Но сильные руки подняли ее в воздух и швырнули на кровать, по которой она, путаясь в юбках и простынях, попыталась отползти как можно дальше от монстра, стоящего спиной к окну и с улыбкой наблюдающего за ее потугами спастись.

— Хочешь быть изнасилованной на полу? Давай. Хоть стоя, но я все равно получу свое. Сбежав накануне свадьбы, ты сделала из меня посмешище. Я этого никому не прощаю.

Дракон ни на мгновение не отводил замораживающего душу взгляда, и Роуз чувствовала себя зверьком, умирающим от страха перед огромной змеей.

Капитан раздевался не спеша, смакуя каждое движение.

— Мне нравится, когда женщина убегает. Давай, порадуй меня. И я начну обрывать твои пышные юбки по одной, как лепестки с цветущей розы.

Он расстегнул на черном камзоле одну пуговицу, другую, потянулся к третьей.

— А когда я доберусь до центра твоего естества, ворвусь в него, как клинок входит в тело врага.

Шотс небрежно скинул камзол на пол, оставшись в нижней рубахе — камизе.

— Я буду терзать твоё тело долго, и никто, даже королева, не сможет мне помешать.

Ослабив завязки на вороте, он вытянул рубаху из пояса штанов.

— Ты же видела Лолибон. Она только спит и трахается — это все, что позволяет мое зелье, которое я подливаю ей в вино.

— Зачем вы это делаете? — Роуз не удержалась от вопроса.

— Драконы слишком долго были марионетками в ее руках. Я не могу убить королеву, которую признало Драконье око, но сделаю так, что она сама сдохнет от истощения. И тогда Око достанется мне.

Он поднял руки, снимая рубаху, и его страшные глаза на мгновение исчезли за белой тканью.

А Роуз заворуженно смотрела, как кто-то просунул руку с той стороны окна и, схватив запутавшегося в камизе дракона, притянул его к решетке. Одновременно с этим из мускулистого живота Шотса трижды появилось и исчезло острое жало кинжала, и тонкие струйки крови потекли вниз, окрашивая бурым цветом его штаны.

Рука убийцы исчезла, и дракон с грохотом упал вперед, так и не сняв нижнюю рубаху.

Роуз подняла глаза от корчившегося в предсмертных судорогах тела, но за окном никого не оказалось.

Шло время, а она так и стояла, не решаясь ни подойти к дракону, ни позвать стражу.

Вдруг у окна со стороны двора выросла фигура Руффа, запыхавшегося от бега. Он вцепился руками в решетку, и Роуз невольно отметила, как горят драгоценные камни на массивных кольцах, унизывающих пальцы принца.

— Это ты кричала?

Роуз только и смогла кивнуть головой.

— Кто-то убил капитана, — прошептала она. — Шотс хотел изнасиловать меня, а кто-то его убил.

Роуз закрыла ладонью рот, давя рвущиеся рыдания.

Руфф приник лицом к решетке, но мало что рассмотрел.

— Что с его головой?

— Он снимал рубаху, когда на него напали, — голос Роуз дрожал. — Руфф, капитан говорил такие страшные вещи о королеве.

— Успокойся, возьми себя в руки, — бреужец видел, что Роуз вот-вот забьется в истерике. — Вспомни, что рассказывал дракон?

— Он подливал яд в вино, чтобы королева все время спала, забывая поесть.

Смущаясь, Роуз добавила:

— И хотела мужчин. Похоть и голод постепенно убили бы ее. Шотс мечтал завладеть Драконьим оком.

— Понятно, — пальцы бреужца отбивали дробь по подоконнику. Взглянув на девушку, он вдруг улыбнулся. — Одевайся, Роуз. Я не капитан Шотс, чтобы трясти передо мной грудью. Меня трудно соблазнить, когда на кону корона.

Принцесса ахнула и закрыла грудь руками, потом стянула с кровати простыню и укуталась в нее.

— Как ты объяснишь Лолибон смерть ее любовника? — спросила она, прикладывая холодные пальцы к горящим от стыда щекам.

— Для начала дам выпить вина некоторым особо ретивым драконам. Если все так, как ты говоришь, дальше ничего объяснять не придется. Знать бы, кому капитан перешел дорогу. Вот же, гад ползучий, а я-то думаю, почему меня то в сон клонит, то на женщину тянет, — Руфф сплюнул и, прежде чем исчезнуть, добавил: — Никуда не выходи. Я сам приду за тобой.

Роуз быстро переоделась и только потом подошла к мертвому дракону.

«Что за день такой? — думала она, накрывая тело простыней, на которой тут же проступили красные пятна. — В этой же комнате моя мама стояла на коленях перед кроватью с умирающей Леоль, не замечая, что платье пропиталось кровью людей, убитых отцом Петра. Неужели я должна пройти те же круги ада, что и она много лет назад?»

Уже поздней ночью открылась дверь, и в комнату со свечой в руке вошел Руфф. Хотя Роуз не раз сталкивалась со смертью с тех пор как попала в лабиринты, находиться в темноте один на один с мертвым Шотсом, было жутко. Страху добавляло то, что драконы могли начать искать своего капитана, и что бы они с ней сделали, Роуз старалась не представлять. Убийца тоже занимал ее ум, заставляя крутить в памяти произошедшее. Она успела заметить смуглую кожу мужской руки, прижавшей капитана к решетке, и блеснувшее на пальце тонкое, ничем не примечательное кольцо.

— Пойдем, королева ждет.

— Как она?

— Отпоил и дал немного поесть. Не сказать, что совсем хорошо, но силы возвращаются.

Темная анфилада освещалась единственным факелом, который держал в руках стражник. Роуз обернулась на щелчок замка — Руфф закрыл дверь, за которой остался труп капитана, а ключ опустил в карман камзола.

Все трое молча двинулись вперед. Их тени плясали по стенам или бросались под ноги, если огонь факела тревожил сквозняк. Проходя мимо закрытых дверей, Роуз слышала голоса пирующих драконов. Они смеялись, пели нестройным хором, развлекались с женщинами. Одна из них

вырвалась из комнаты и побежала на свет факела, но Руфф даже не взглянул на цепляющуюся за его руки несчастную, лишь брезгливо поджал губы. Ее крик о помощи эхом оттолкнулся от потолка, но потонул в хохоте возбужденных мужчин, потащивших свою жертву назад.

Роуз ладонями зажала уши. Она бы и глаза закрыла, лишь бы не видеть нагое тело сопротивляющейся женщины, которую дракон взвалил на плечо.

— Руфф, — позвала Роуз. Она не знала, чем помочь кричащей девушке, но не могла просто пройти мимо.

— Молчи, если не хочешь оказаться на плече другого дракона, — принц смотрел прямо, на его лице не дрогнул ни один мускул. После такого предупреждения Роуз ничего не оставалось, как идти следом, стараясь не смотреть по сторонам.

Покои, где разместились королева, находились на втором этаже западного крыла. Стражник остался за дверью, а Роуз прошла следом за Руффом в комнату, оказавшуюся кабинетом с массивным столом, заваленным бумагами, парой добротных кресел, стоящих друг против друга и широким диваном с множеством валиков и подушечек, украшенных кистями, тускло поблескивающими золотой канителью.

Стеллажи с книгами сплошь закрывали стены, оставляя свободным пространство только над несколькими окнами и дверью, ведущей в соседнюю комнату. Над этими проемами висели портреты предков Петра. На них и сосредоточила взгляд Роуз, пытаясь отыскать в чопорных лицах сходство с любимым.

Руфф прижал палец к губам, давая знать, что нужно вести себя тихо.

— Садись на диван, — шепнул он. — Прежде чем ты увидишься с королевой, нам следует немного поговорить. И оставь свой мешок. Что ты носишься с ним, как простая крестьянка?

Он зажег еще несколько свечей, ярко осветивших дорогое тиснение на корешках книг.

— Но ты мне сказал, что Лолибон уже ждет нас? — забеспокоилась Роуз, присаживаясь на край дивана. Ее напряженная поза, беспокойство в глазах не оставляли сомнений, что принцесса готова соскочить с места в любую минуту. После нападения Шотса она опасалась оставаться с мужчиной наедине.

— Давай сразу условимся: как бы ни сложились наши судьбы, мы не превратимся во врагов, — Руфф сел рядом с девушкой на диван, вытянул из ее рук и отбросил в сторону мешок, за который Роуз цеплялась, словно он являлся последним бастионом между ней и всем миром. Принцесса тут же отодвинулась от брезжца, незаметно вытирая вспотевшие ладони о платье.

Попытка изнасилования, бесконечно тянувшееся время рядом с трупом, бесчинства встретившихся по пути драконов сделали свое дело: девушка физически не могла находиться близко от кого-либо противоположного пола, ей хотелось, чтобы их разделяла, по крайней мере, дверь с множеством запоров. Только Петр или отец смогли бы подойти ближе, только им Роуз позволила бы прикоснуться к себе, иначе смерть или того хуже — помутнение сознания. Взяв в руки подушку и прижав ее к груди, таким незамысловатым образом отгородившись от бывшего жениха, Роуз почувствовала себялучше.

Руфф грустно улыбнулся.

— Не надо меня бояться. Сегодня драконы научили меня одному простому правилу: если уж и быть с кем заодно, то только со своими. Вспомни душку Соргоса и змею Солнце. Зная о вашей с Петром великой любви, — принц шутливо закатил глаза, — о близкой свободе, они все равно поступили так, как им было выгодно. Я никогда не скрывал, что моя основная цель — выжить, женитьба на королеве всего лишь бонус. Но лабиринты не то место, где мне хотелось бы остаться навсегда. Я ошибался, делая ставку на капитана и его преданность королеве. Даже находясь во власти Драконьего ока, Шотс сумел причинить Лолибон зло. Я надеялся на королеву, считая ее всемогущей, думая, что ей слепо подчиняются краснокрылые хищники, но вдруг осознал, что они всегда будут искать способ освободиться от чужачки, и рано или поздно убьют Лолибон. А что делают с фаворитами после смерти его защитницы, тебе известно. В лучшем случае забудут, как ненужную вещь. О худшем и думать не хочу.

— Что ты предлагаешь? — Роуз взяла себя в руки, сумев погасить разгорающуюся панику.

— Заключим договор. Станем помогать друг другу. Я понимаю, что после всего случившегося в Лабиринтах мысль о нашем браке абсурдна, но мы, так или иначе, станем правителями стран: ты — Северной Лории, я какой-нибудь другой, не входящей в Союз пяти. Разве тебе, как стратегу, не захочется получить еще одного союзника? Самое время подумать о будущем.

Роуз не удержалась от смешка.

— Чему ты смеешься? Когда я вернусь домой, забуду путешествие в Тонг-Зитт как страшный сон. Я завью свои прекрасные волосы в локоны, надену красивую бархатную одежду, начищу до блеска оружие и вновь превращусь в веселого и беззаботного принца. Поверь мне, на свете много невест с королевской кровью, кому я смогу составить выгодную партию.

— Знаешь, Лабиринты тоже сильно подействовали на меня, — Роуз выпрямилась и вскинула голову. — Я перестала быть наивной. Еще утром твои речи были не столь разумны. И я не верю, что правда о Шотсе могла так быстро вправить тебе мозги. Явно что-то еще произошло. И пока ты не откроешь мне все карты, я не стану протягивать тебе руку.

Руфф опять улыбнулся одними уголками губ.

— Хорошо, — он хлопнул ладонью по дивану. Роуз от неожиданности вздрогнула, отчего улыбка Руффа расплылась шире. — Ты права. Я кое-кого видел и понял, что сейчас нам лучше держаться вместе.

— Кого? — насторожилась Роуз. От волнения у нее засосало под ложечкой.

— Убийцу Шотса, — понизив голос, произнес брежуец и многозначительно подвигал бровями.

— О, боже, Руфф, не тяни.

— Давай по порядку, — он посмотрел в сторону открытой двери, ведущий из кабинета в другую комнату. Там горела одинокая свеча, и не доносилось ни звука. — Когда Шотс сказал, что тебе подготовили отдельную комнату, я удивился. Лолибон отдала четкий приказ — во время привалов Роуз Эрийская должна находиться при ней, а тут капитан тебя отсылает. Подозрение подкрепилось, когда Шотс заторопился уходить, хотя Лоли позвала его в постель. Обычно капитана не нужно уговаривать, он как бык-производитель всегда был готов осеменить нашу корову.

Роуз поморщилась. Заметив это, Руфф тут же поправился.

— Я образно. Лоли красивая женщина и весьма хороша в постели.

Роуз опять поморщилась.

— Ну ладно, ладно. Продолжаю, — принц сел удобнее и закинул руку на спинку дивана. От этого простого жеста Роуз отшатнулась так, словно увидела подползающую к ней змею. Отодвинувшись в самый угол дивана, она кивнула головой, понукая Руффа говорить.

— Я не сразу смог освободиться из объятий королевы, ведь мне пришлось отдуваться одному...

— Руфф, меня сейчас стошнит.

— Прости, я не со зла.

— Продолжай.

— Когда я выскочил из опочивальни Лолибон, то сразу кинулся к тебе. Я хотел постучаться и спросить, все ли в порядке, но на проходе стоял огромный дракон, который пригрозил проткнуть меня пикой, если я только дотронусь до двери. Мне пришлось отступить. Но вспомнив, что окна твоей комнаты выходят в сад, я решил подслушать, о чем вы с Шотсом говорите. Как только я завернул за угол здания, услышал твой крик о помощи. Я заметался, не зная, что делать: бежать к Лолибон было бессмысленно, как, впрочем, и звать драконов на помощь, поэтому я крадучись пошел вперед, скрываясь в тени деревьев, и чуть не столкнулся с человеком, вытирающим окровавленный кинжал о траву. Куст надежно скрывал меня, но я чуть не выдал себя, когда убийца, засунув кинжал в высокий сапог, распрямился. Я узнал его!

Руфф сделал паузу и с удовольствием посмотрел в широко открытые глаза Роуз, замершей перед открытием имени убийцы.

— Это был Александр, граф Де-Бромон.

— Алекс? Дядюшка Алекс, друг и наставник моей мамы? Как я сразу не догадалась? — Роуз выглядела растерянной, но в то же время в ней поднималась такая волна радости, какая может нахлынуть при встрече с родным человеком. Она выдохнула, как будто сбросила с плеч огромную тяжесть. Ее короткий смех разбавил тишину комнаты. — Он же отцом назначен управляющим землями графа Пигеон! Так он здесь? Отведи меня к нему!

— Тише, Роуз. Не следует так кричать. Я не знаю, где он прячется. Но если граф сумел прийти тебе на помощь, он сам найдет тебя. Алекс следит за тобой.

— Ох, Руфф. Теперь мне понятно, что отрезвило тебя. Алекс один из лучших друзей моего отца, он найдет способ связаться с ним.

— Теперь ты понимаешь, почему нам следует заключить договор? — ничуть не смутившись, продолжил бреужец. — Я постараюсь убедить Лоли задержаться на острове, а ты замолвишь слово перед Алексом, что я на вашей стороне. Мы не пустим драконов на север, где могут пострадать страны нашего Союза. Ну что, Роуз, по рукам? — Руфф протянул ладонь и замер в ожидании.

— Может, наоборот, драконов следует увести с острова? — Роуз недоверчиво покосилась на мужскую руку.

— Когда они доберутся до континента, их не остановишь, они будут крушить все на своем пути. Пока пострадал только замок графа Пигеон, а впереди замки Плюссе, Гаранди, Флоар, где жителей гораздо больше. Подумай о них, Роуз. А потом, лучше ждать спасения в знакомом месте, чем болтаться на спине дракона, боясь, что он где-нибудь скинет тебя. Я не знаю, что на уме у Лолибон. Подумай сама, почему тебя взяли в заложники? Уж не для того ли, чтобы пал королевский замок в Эрии? Разве твоя мама не уговорит Артура Пятого сдаться в обмен на твою жизнь? А вдруг Лоли направит армию в Северную Лорию? Эта страна после смерти Беатрис Шестой вообще осталась без королевы. Неужели бабушкины царедворцы не откроют ворота тебе, своей будущей правительнице?

Эрия? Северная Лория? Сколько замков падет под натиском красных драконов, сколько жизней прервется? Роуз протянула руку Руффу, и тот тут же крепко сжал ее.

— Забываем о наших распрях и действуем заодно?

— Никакой подлости и предательства, — добавила Роуз.

— Это не в моих интересах, — согласился Руфф. — А теперь, пошли к Лолибон. Пора действовать.

Принц легко поднялся с дивана, взял со стола подсвечник с оплывшими свечами и направился к открытой двери.

— Да, хочу предупредить, — Руфф дождался, когда его догонит Роуз. — Я сказал Лоли, что сам убил Шотса, подслушав ваш разговор. Я не хотел, чтобы она беспокоилась и начала следствие. Лишняя шумиха нам ни к чему. Алекс и его люди должны остаться в тени. Мы теперь на одной стороне.

Королева тихо спала, когда Руфф, поставив подсвечник на низкий столик, забрался в постель и потерялся щекой о голое плечо любовницы. Ее ресницы дрогнули, и она, вздохнув, повернулась в сторону бреужца. Тот потянулся, чтобы поцеловать просыпающуюся женщину в губы, но из-под покрывала появилась рука Лоли, которая резко толкнула Руффа в грудь.

— Оставь меня, — услышала Роуз злой шепот королевы и попятилась к двери, опасаясь быть свидетельницей ссоры любовников.

— Нет, ты должна встать и поесть.

Руфф перехватил руку Лолибон и поцеловал в открытую ладонь.

— Я привел Роуз, она составит нам компанию.

— Хватит компаний.

— Я говорю об ужине. Его, наверное, уже принесли. Нужно перейти в другую комнату.

Бреужец слез с кровати и легко подхватил женщину на руки. Она потянула за собой простыни, и Роуз со смущением заметила, что Лолибон нага.

Поставив королеву у большого шкафа с зеркалом, Руфф достал темный, явно мужской халат и накинул его на плечи любовнице. Та, освободившись от простыней, просунула руки в широкие рукава и завязала пояс.

Роуз не хотела подсматривать, но от ее взора не скрылось, как сильно похудела королева.

Когда она запахивала ворот, на ее груди хищно сверкнуло Драконье око.

Женщина остается женщиной, даже если все плывет перед глазами: Лолибон, пошатываясь, приблизилась к зеркалу, тронула руками лицо и попыталась пригладить растрепавшиеся волосы.

— Чуть позже я отыщу служанок, которые вернут тебе королевский вид, — успокоил Лолибон бреужец, мягко положив руки ей на плечи. — Пойдем, еда стынет.

Еще одна дверь вела в ярко освещенный каминный зал с сервированным столом. В суетящейся

прислуге Роуз узнала женщину, которую она встретила у своей комнаты. Глаза пожилой служанки сохранили следы слез, но, когда она украдкой бросила взгляд на Роуз, там мелькнула теплота.

Королева села в глубокое кресло во главе длинного стола, по левую руку от нее пристроился Руфф, по правую — Роуз. Служанка поднесла блюдо, намереваясь предложить яство королеве, но Лолибон покачала головой:

— Сначала ей, — и показала на кухарку, стоящую в ожидании приказов у дверей.

Тут же в руках Руффа появилась небольшая тарелка, куда он собственноручно положил по ложке всякой еды, что дразнила своими вкусными запахами. Королева, не отрываясь, смотрела, как служанка ест. Только после того, как та отведала все яства, и с ней ничего не случилось, Лоли приступила к трапезе.

— Теперь приходится быть осторожной, — заметила она. Потянувшись к кубку с вином, она опустила в него снятое с пальца кольцо и замерла, ожидая о реакции. Убедившись, что вино не отравлено, она пригубила его. Закрыла глаза, смакуя вкус рубинового напитка. Сделала еще несколько глотков и удовлетворенно улыбнулась. — Местное вино отличается особым ароматом. Оно словно наполнено солнцем. Я скучала в Лабиринтах по хорошему вину, даже успела забыть его вкус.

Дальше трапеза проходила в полной тишине. Королева пила много, больше, чем ела.

Когда служанка в очередной раз хотела подлить ей вина, то нечаянно опрокинула кубок.

— Пошла вон, дура! — королева зло выхватила у побледневшей женщины графин и, зыркнув на кухарку, подлетевшую к столу, чтобы помочь служанке, суетливо вытирающей винное пятно, добавила:

— Обе уходите!

Потом перевела черный взгляд на Руффа.

— Сладко ли тебе было, мой принц? — ее нарочито ласковый голос не предвещал ничего хорошего. — Насытился ли ты?

Бреужец растерянно кивнул головой, не понимая, к чему клонит Лолибон.

— Ступай следом, — королева махнула рукой в сторону двери, за которой поспешно скрывались обе служанки. — Тебе есть чем заняться. После смерти капитана ты должен позаботиться о безопасности своей королевы.

Руфф нарочито медленно дожевал, вытер губы и, поклонившись дамам, покинул комнату.

Королева проводила его глазами.

— Ты ему веришь? — вдруг спросила она. Роуз, отложив вилку, поднесла салфетку ко рту. Она растерялась, не зная, что сказать, поэтому тянула время. Но Лолибон не ждала ответа. — Запомни, девочка: не доверяй мужчинам. Никому. Даже тем, с кем делишь постель. В моей жизни не было ни одного, кто не предал бы. Я уверена, и Руфф предаст.

Она сама налила себе вино. Покрутила кубок в руках, любуясь рубиновыми бликами.

— Я забыла это правило и доверилась Шотсу. Запомнала, что драконы коварны. Сколько бы ты не гладила их по голове, все равно откусят руку. Звери.

Глотнув вина, Лолибон откинулась на спинку кресла, положив руку с кубком на подлокотник.

— Люди не лучше. Особенно те, кого любишь. От них больше всего принять предательство.

Королева замолчала надолго, совершенно забыв о присутствии Роуз, которая, рассматривая Лолибон, замечала, как тени воспоминаний меняют ее лицо. Лицо то темнело, и между бровями пролегал морщинка, то уголки губ взлетали вверх, и улыбка мгновенно преображала женщину, делая ее моложе. Но вдруг воспоминания стали неприятными, и на глазах королевы появились слезы, а губы сжались в тонкую линию.

Кубок выпал из ее рук и разлетелся на мелкие осколки. Звук разбившегося стекла заставил женщин вздрогнуть. Роуз на мгновение почудилось, что вовсе не вино забрызгало подол ее платья, а кровь, поэтому она порывисто встала и попятилась от ползущих к ее туфлям красных шупалец растекающегося вина.

Королева поднесла ладонь к лицу и смахнула слезы. Подхватив со стола графин и пустой кубок

Руффа, она осторожно перешагнула осколки и направилась в спальню.

— Чего стоишь? — Лоли обернулась у двери. — Следуй за мной. Мы еще не закончили наши девичьи посиделки.

Видя нерешительность Роуз, добавила:

— Хочешь к драконам?

Устроившись на кровати, Лоли отхлебнула вина.

— Так и будешь стоять всю ночь на пороге? Где твой кубок?

— Я не люблю вино.

— Хорошо. Мне больше достанется. Иди сюда, — королева похлопала ладонью по простыням. — Да не бойся. Не трону.

Роуз села с другой стороны кровати, чтобы быть к королеве лицом. По полу дул стылый воздух, а камин еще не разожгли, поэтому принцесса сунула холодные ноги под покрывало.

Лолибон отсалютовала ей кубком и опустошила его за раз. Небрежно откинула его в сторону, не заботясь о том, что пачкает простыни.

— Знаешь, а я скучаю по сукиному сыну Анверу, — она хмыкнула и подняла глаза к потолку, боясь пролить пьяные слезы. — Никогда не думала, что произнесу это: я убила единственного мужчину, который любил меня бескорыстно!

Роуз молчала, ей не нравились полуночные беседы с особой, которая в пылу ярости может отнять жизнь, но выбирать не приходилось.

— Ты знаешь, за что я его убила? Нет, я бы пережила унижение, какое испытала из-за того, что он опоил меня любовным зельем и подложил под дракона. Хотя я поклялась много лет назад, что ни один из них не дотронется до меня. Сколько раз мне приходилось проходить через унижение, и ничего, я выжила. Я убила Анвера за то, что он лишил меня будущего. У меня в руках было три мага, с которыми я могла перевернуть мир, а наглый мальчишка все разрушил. Я оказалась в мышеловке, без возможности гулять, где пожелаю, незаметно появляться там, где меня не ждут. А поганец смотрел, как я бешусь от бессилия что-либо изменить, и смеялся. И мне нестерпимо захотелось оборвать этот смех. Я знаю, как одним движением ломать шею, и моя рука вцепилась в нее. Мне не забыть глаза Анвера, полные удивления, когда он понял, что живет последнюю секунду.

Королева опустила голову и уставилась в одну точку. Демоны прошлого рисовали ей картину смерти Анвера, как он падал, широко раскинув руки, как его черные волосы, вьющиеся крупными кольцами, вздрогнули, когда тело уже мертвого любовника ударились об пол.

— Когда я впервые пригласила его к себе в спальню, он был таким милым, таким неопытным. Мальчик прикасался ко мне так осторожно, словно я была фарфоровой куклой. Смешной.

Лолибон потянулась к графину, и разочарованно потрясла им — вино плескалось на дне.

— Черт! Позови служанку, пусть еще принесет. Я выпалась, а нам с тобой есть о чем поговорить.

ГЛАВА 18

— Эх, Анвер, Анвер...

Королева поставила пустой кубок рядом с кувшином и легла на кровать так, чтобы видеть пляшущие языки пламени в камине. Это Роуз попросила служанку разжечь огонь в стильной комнате.

Остров Пигеон располагался севернее лабиринтов, и осень сюда пришла в одночасье. Поднялся тревожный ветер, тронул сердитым порывом листву уставших деревьев, заставил кружиться в воздухе золу, назло людям, прячущимся по домам, метнул ее в окна, а напоследок пригнал стадо тяжелых туч, пролившихся на землю холодными слезами. С упорством ратного барабанщика стучал дождь по жестяным крышам, тонкими ручейками разрисовывал стекло, заставляя кутаться и желать живого тепла.

Если бы Роуз оказалась дома, она порадовалась бы тихому вечеру у камина, но рядом с Лолибон... Хотя и лежала та в расслабленной позе сытой кошки, но немигающий взгляд и жуткая задумчивая улыбка настораживали. Приходило на ум сравнение, что должно быть с такой улыбкой палач смотрит на хорошо проделанную им работу, испытывая профессиональную гордость убийцы.

— Эх, Анвер, Анвер, — еще раз повторила Лолибон и потянулась всем телом, нежась в тепле каминного огня. — Глупый и нежный мальчик. А ты помнишь свой первый раз? — вдруг спросила она, поднявшись на локте и с интересом уставившись на Роуз.

— Нет, не помню, — ответила покрасневшая от неловкости девушка.

— Стесняешься? Ни за что не поверю, что можно забыть ночь превращения в женщину. Ну, или день, — над чем-то засмеялась Лолибон. — Ты была пьяна? Нет? А хочешь, я тебе про свой первый раз расскажу?

И, не дожидаясь ответа, придя в заметное волнение, она перебралась на сторону Роуз.

— Открою тебе страшную тайну! — обдав винным духом, зашептала рассказчица, театрально распахнув и без того большие глаза. — Я не всегда была королевой, и голубой крови во мне ни капли. А течет по этим венам, — Лолибон вытянула вперед тонкие руки, — кровь моего отца Рыжего Брыска да матери Гульхерьи-домоседки. И относились мы к высокородным господам весьма условно — папенька обучал богатых сынков ратному искусству. Помахать двуручным мечом, пострелять из лука, сойтись в схватке на пиках или ножах — вот чем он был рад заниматься круглые сутки, забывая о родном доме, вечно хворающей жене и малом дитяти, появившемся на свет пару годочков назад. Но подвели мы с мамкой его: сначала я, потому как родилась не мальчиком, а потом матушка, потому как устала бороться с одиночеством и болезнями и, не простившись ни с кем, отдала богу душу.

Пришлось Рыжему Брыску таскать меня за собой по всяким поместьям, куда звали его как знаменитого учителя воинского дела. Во время уроков сидела я в углу тихой мышкой, поскольку однажды папенька, раздраженный плачем дочки, ударил меня так крепко, что я враз позабыла все слова и звуки.

Роуз смотрела на Лолибон, открыв рот. Только что перед ней полулежала изнеженная королева, а сейчас она слушала человека со свойственным простым людям говором. Эта разительная перемена удивила принцессу, и она невольно прониклась симпатией к той маленькой девочке, рано потерявшей мать.

— Шли года, я росла, а вместе со мной росло желание доказать отцу, что и дочерям под силу стать сильными, быстрыми и умелыми воинами. Чтобы однажды он увидел, как я могу противостоять любому из его учеников, и гордился мною. Чтобы не смотрел, как на обузу, перестал говорить при всяком удобном случае: «Эх, был бы у меня сын...»

— Получилось? — не удержалась Роуз. Лолибон рассказывала о своем детстве с затаенной болью, и в душе слушательницы зародилось сочувствие.

— Получилось, — глаза Лоли, до этого горевшие азартным огнем, погрустнели. — Увидев, как я ловко орудую кинжалом и пикой, отец сделал из меня мальчика для битья, и с тех пор дворянские сынки отрабатывали на мне удары. Но я только крепче сжимала зубы. Ничего, что я не могла уснуть от ноющих ран и ушибов, ничего, что меня коротко стригли, а мое тело забыло, что такое платье и девичьи туфли, зато я прошла такую боевую школу, что к тринадцати годам стала непобедимой среди сверстников. Мало какому папиному ученику удавалось положить меня на лопатки, я неизменно оказывалась сверху, хотя ростом была меньше любого из них.

Но однажды все изменилось.

Нас пригласили в весьма богатый дом, где учениками отца стали два брата. Дард и Виль с самого начала показались мне не по годам взрослыми, хотя один из них был моим ровесником, а другой — на пару лет старше. Я не говорю об их стати. Тут все как обычно для юнцов — длинноногие и нескладные. Я говорю о железном костяке, который с первого момента заметен у сильных духом: серьезных, знающих, что хотят получить от жизни, и упорно добивающихся своего.

Только много лет спустя, когда нас троих накрыла первая любовь, я поняла, какие братья на самом деле ранимые и трепетные.

Королева говорила, а у Роуз щемило сердце. Она знала, что у этой истории нет счастливого конца, иначе Лоли не сидела бы сейчас в жарко натопленной комнате и не изливала душу своей пленнице.

— В этом замке мы с отцом задержались надолго. Братья прилежно изучали приемы боя, оттачивали мастерство и, что особо радовало, ни разу не позволили отцу прикрикнуть на меня или как-нибудь унизить.

Рыжий Брыск присмирел, не заставлял коротко стричь волосы, даже сходил со мной на ярмарку, где расщедрился и купил два нарядных платья и узконосые туфли.

В лавке, где швея сноровисто подгоняла по моей фигуре новую одежду, хозяйка невзначай заметила, что пора бы мне носить подобающее для девушки белье. И только тогда я осознала, что перестала быть плоскогрудой, а мои соски болят вовсе не из-за того, что в учебном бою часто падаю на пол.

Вскоре появились и другие ежемесячные доказательства моей зрелости. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Братья тоже заметили перемены во мне. Если до этого мы могли кувыркаться, не обращая внимания, где и как переплелись руки-ноги, то теперь я все чаще ловила на себе их внимательные, а порой и удивленные взгляды, словно мы не были знакомы почти год, а повстречались только вчера.

Прошел год, другой, братья все чаще отказывались вступать со мной в бой, но я настаивала, сама лезла на рожон, даже насмеялась, чтобы разозлить «кавалеров». Младший, Виль, вздыхал, смущался и краснел, перед тем, как пойти в атаку и загнать меня в угол, где я отбивалась со знанием дела, по-прежнему не собираясь сдаваться. Старший же, наоборот, все чаще отступал, отвечал вполсилы, боялся ненароком задеть, будто я какая-нибудь стеклянная статуэтка, вздумавшая напасть на человека. Это злило меня невероятно.

— Ты просто боишься, что я побью тебя! — выкрикнула я однажды, тщетно пытаюсь заставить его сойтись со мной в драке. Мы давно разделили занятия: в четные дни я отрабатывала приемы рукопашного боя с Дардом, в это же время отец давал Виллю уроки на стрельбище, а в нечетные мы менялись, и я мучилась с робеющим младшим братом, а Дард яростно лупил по мишеням.

— Ты делаешь вид, что отступаешь, а на самом деле, не можешь позволить себе, чтобы женщина оказалась сверху! — бросала я Дарду в лицо. А ведь действительно, до сих пор я ни разу не побеждала его, всегда находился какой-нибудь счастливый финт, опрокидывающий меня на спину.

Но в этот раз Дард стоял, не шелохнувшись, скрестив на широкой груди руки, демонстрируя, что не собирается драться, а я прыгала вокруг него как блоха, пытающаяся покусать коня в панцире.

Как я была слепа! Беспокоясь о том, что у меня появилась грудь, и теперь она, проклятая, мешает вести тренировочные бои с братьями, я совсем не замечала, что и они изменились! Выросли, возмужали, стали похожи на богов, изображениями которых щедро разукрашены стены древних храмов. Устав размахивать руками перед носом каменного исполина, я внезапно разглядела, что Дард стал таким... таким...

Королева не могла подобрать слова, чтобы описать мужчину. Ее глаза опять горели, она наклонилась к Роуз, ища у нее подсказки. Казалось, ткни в нее пальцем или произнеси неожиданное «у-у-у», и Лолибон подпрыгнет.

— Привлекательным! Вот то слово, что я искала. Он стал невероятно привлекательным и ... желанным. Только для того, чтобы не показать всю глубину ошеломившего меня открытия, я выдала то, что никогда нельзя говорить мужчине, который тебе дорог:

— Да ты просто трус!

Он кинулся на меня, как разъяренный бык на брехливую собаку, а я впервые спасовала. Я бежала от него с такой скоростью, будто спасаюсь от молнии, бьющей по пятам. Но он поймал меня и, не щадя, отмутузил. Обессиленная лежала я на полу и хватала ртом воздух, пытаюсь вспомнить свое имя. Но когда Дард подал руку, чтобы помочь подняться, я дернула его на себя, и, извернувшись,

села таки верхом, жестко пригвоздив ладонями к полу.

Я не сразу поняла, что наделала.

Мы перестали дышать, и весь мир вокруг нас замер. Наши глаза встретились. Его карие обожгли расплавленным медом, а мои черные, я уверена, светились дьявольским огнем. Когда мы поняли, какое чувство нас настигло, наши сердца пропустили удар.

Сильные руки Дарда притянули мое лицо ближе, и его рот впился в мои губы в первом, самом неожиданном и волнующем поцелуе.

Там же, лежа на деревянном полу, в зале, где проходили занятия, я потеряла девственность. Дарда невозможно было остановить. А я и не пыталась.

Мы пришли в себя, когда нас окликнул смущенный Виль, так не вовремя заявившийся в зал. Рядом с ним стоял Рыжий Брыск. Дард прикрыл мою наготу своим телом. Поймав брошенное братом полотенце, он удалился вместе с мужчинами, а я осталась сидеть среди разбросанных вещей, не понимая, что только что натворила.

Увидев пятна крови, я заплакала.

Мне стало страшно. Что сделает отец? Что скажут родители Дарда? Они никогда не позволят сыну, наследнику, жениться на безродной девице.

Но как-то все устроилось. Мой отец получил высокий воинский чин, ему даровали титул баронета, а моим постоянным местом ночлега стала кровать Дарда. О женитьбе речь не шла. Ну и пусть. Тогда меня все устраивало. Я жила опьяненная любовью.

Прошло еще два года, Дард все чаще уезжал по поручениям своего отца, а я коротала ночи в одиночестве, кусая подушку, мокрую от слез. Я все также горела от любви, а Дард, занятый важными делами, всего лишь позволял себя любить.

Я изводила себя поиском ответов. Куда ушла его любовь? Что я сделала не так? Почему его искра, вспыхнувшая так ярко, угасла?

Я пыталась возродить утраченную страсть, но ничего не получалось. Он был нежен, но без особого проявления чувств. Окажись у него на коленях кошка, она получила бы больше ласки, чем я, лежа в его кровати. Тогда я многое отдала бы, чтобы увидеть загоревшийся взгляд, направленный на меня, а не на скаковую лошадь, подаренную Дарду королем Бреужа.

— Королем Бреужа? Вы сказали — королем Бреужа? — Роуз резко подалась вперед, вглядываясь в испуганные глаза королевы. Куда ушло сонное состояние и чувство покоя? — Кем был ваш Дард? Отчего ему делали подарки короли?

Лолибон закусила губу. Она проговорила и лихорадочно искала выход. И нашла его.

— Теперь твоя очередь рассказывать, как ты потеряла девственность, — голос королевы звучал требовательно. Она раскидала подушки, слезая с кровати. Повернувшись к принцессе спиной, торопливо налила вина, расплескав по столешнице рубиновые пятна.

Как Лолибон не желала казаться невозмутимой, трясущиеся пальцы выдали волнение.

Смятение королевы, ее нежелание отвечать на вопросы натолкнули Роуз на мысль, от которой ее бросило в жар.

— Нет, это не совпадение... Братья... Дард и Виль. Так похоже на имена Эдуард и Уильям... Сколько вам лет, Лолибон? — и как озарение, заставившее задохнуться: — Вы были любовницей моего отца?!

Королева со стуком поставила кубок на стол. Выдохнула и резко повернулась к Роуз. Сощурилась, произнесла, словно плюнула ядом.

— Да. Была. Долгие годы. Даже когда Свон носила под сердцем первенца, я еще принимала ласки Эдуарда.

Потрясенная признаниями королевы Роуз зажала уши руками.

— Нет-нет-нет, — шептала она, лишь бы не слышать голос Лолибон, который пронзительным звуком разрывал полотно тишины. — Нет-нет-нет. Все неправда...

— Ты такая же наивная, как и твоя мать! Я и Эдуард...

Роуз отказывалась верить, но злые слова иглами впивались в сознание, пробивая защиту. Чтобы

прекратить пытку принцесса громко запела, забыв, что совсем недавно ненавидела глупую песню:

— Мы неразлучные с тобой, Как два цветка в веночке...

Сильная пощечина опрокинула Роуз.

Королева стояла на коленях на кровати и часто дышала. Глядя на Лолибон, принцесса поверила, что глаза могут светиться дьявольским огнем.

— Я любила его! — выкрикнула разъяренная женщина. — А он выкинул меня как безродную тварь за дверь!

Лолибон забилась в рыданиях, согнувшись пополам.

— Тридцать лет! Тридцать загубленных лет! Кто за них ответит? Лучше бы я с ним вообще никогда не встречалась!

Ее черные волосы нечесаными прядями упали на лицо, и она стала похожа на злую ведьму, которой Роуз пугали в детстве.

— Если бы ты только знала, что твой отец сделал со мной! — она подняла полные ненависти глаза на Роуз. — Он обрек меня на рабство! Слышишь! Он предал меня! Меня, что любила его больше жизни!

— Нет. Нет. Отец не мог, — Роуз тоже плакала, держась за щеку, которая горела огнем. Принцесса слезла с кровати и теперь искала свои туфли, но никак не могла нащупать их ногой.

— Только попробуй, выйди за порог, — услышала Роуз срывающийся голос королевы, когда, плюнув на туфли, босиком направилась к двери.

Роуз схватилась за ручку, осталось только повернуть, но спиной почувствовала прожигающий взгляд бывшей любовницы отца.

— Я отдам тебя драконам, — тихо, но четко произнесла Лолибон, сумев успокоиться в одно мгновение. — А потом мы отправимся в Эрию, где я отдам драконам твою мать. Только выйди за дверь.

Роуз обернулась на королеву, которая уже слезла с кровати и застыла в позе готовящегося к прыжку хищника.

— Вернись. Иначе ты почувствуешь на своей шкуре весь тот ад, через который пришлось пройти мне, — угроза в голосе звучала осязаемо. Каждое произнесенное слово резало по живому.

Роуз убрала пальцы с ручки двери, но осталась стоять на месте.

Победа мелькнула в глазах королевы. Она выпрямила спину и сложила ладони в замок. Ей недостаточно было видеть, как опустились плечи у жертвы. Ей хотелось крови.

— Хочешь, я расскажу тебе, что такое ад? Он начался с приходом одного близкого нам человека. Я никогда не думала, что стук в дверь может стать предвестником страшных и необратимых событий. Однажды ночью нас с Эдуардом разбудил его младший брат Уильям. По бледности лица и отчаянию, сквозящему во взоре, я поняла, что произошло что-то невероятное. Когда он выдохнул лишь одно слово «Ульрис», догадалась, что беда случилась с его любимой, которую мы между собой называли «Шоколадницей». Выражения «облизать шоколад», «вкусить шоколад», «объесться шоколадом» — давно стали обиходными в наших разговорах, когда нам хотелось поддеть Уильяма за любовную связь с хорошенькой горожанкой, держащей с отцом лавку на Сладкой улице.

Роуз не раз гуляла по улице, сплошь состоящей из пекарен и уютных кондитерских, где посетителям предлагались не только сладости столичных умельцев, но и диковинки, привезенные из-за Спокойного моря. Одни только лукумы, изготовленные на острове Каль-ти, чего стоили! И лишь в одной лавке варили шоколад, а ее хозяйку действительно звали тетушка Ульрис. Улыбчивая и добродушная женщина в накрахмаленном фартуке, счастливая мать большого семейства, всегда выходила поприветствовать любителей горячего шоколада и конфет.

— Наверное, трудно представить, что когда-то эту толстушку любил принц?

— Мне многое трудно представить, — Роуз тошнило от пренебрежительного тона королевы, и она не удержалась, чтобы не кинуть ей в лицо:

— Особенно, когда врут, что папа мог изменить горячо любимой женщине. Вы просто отвратительны в своей ненависти и желании досадить мне, потому что отец быстро бы надел на вас Кольцо правды.

Лолибон скривилась, словно съела ложку дегтя.

Женщины стояли друг против друга, разделенные широкой кроватью, обе с прямыми спинами и сосредоточенными взглядами.

— Если позволишь, я продолжу, — после напряженной паузы заговорила королева. — Тридцать лет назад в Форше процветала работоторговля. Она и сейчас никуда не делась, но тогда поставщики живого товара не знали границ, и один из них среди бела дня выкрал хорошенькую Шоколадницу. Принцы охотились на работоторговцев. Желая покончить с их бесчинствами, они безжалостно сжигали их корабли, но боязнь за жизнь Ульрис заставляла действовать осторожно.

— Я буду той, кто спасет ее, — вызвалась я, услышав, что братья ищут человека, способного выследить разбойника. — Я сумею подобраться к Одноглазому Бахату так близко, как никто из мужчин.

— Нет, — возразил Эдуард. — Я не стану подвергать тебя такой опасности.

Я увидела беспокойство в глазах любимого, что вдохновило выступить в роли героини. Мечты, что разлука и переживания всколыхнут угасающие чувства принца, подтолкнули к бесшабашным действиям.

— Вы же знаете, как я владею оружием?

— Я против, — Эдуард стоял на своем, но я сумела его убедить:

— Я стану приманкой и под видом одной из похищенных девушек попаду к Одноглазому Бахату. Так мы выведаем, где они прячут Ульрис. Вы же не упустите меня из вида?

Через день я появилась в одном из трактиров, стоящих на дороге в тот самый порт, где болтался корабль Бахата «Медуза», якобы пришедший для небольшого ремонта. Шпионам Эдуарда удалось выяснить, что припасы для длительного плавания на борт еще не доставляли, а значит, невольниц держат где-то в другом месте. Я притворилась сиротой, сбежавшей от злой мачехи, надеясь, что на мою плаксивую историю, рассказанную в нескольких трактирах, клюнут помощники Бахата.

Они клюнули, но все пошло не так. Повозка, в которой я лежала с кляпом во рту, двигалась в противоположную от порта сторону, а ее сестра-близнец, не торопясь, следовала в правильном направлении, увлекая за собой королевских сыщиков.

Одноглазый Бахат перехитрил людей принца, он пригнал в Эрию два корабля. Первый — «Медуза», болтался в порту, отвлекая внимание на себя, второй — «Вольный ветер», стоял у входа в Проклятую бухту, в которую он рискнул бы сунуться ни один здравомыслящий мореплаватель. Даже самая маленькая лодка не добралась бы до суши — ее брюхо раскололи бы береговые скалы.

Но Бахату скалы, натканые чаще, чем зубы в пасти акулы, были нипочем: всех рабынь, в том числе и меня, прибывшую последней, перенес на борт «Вольного ветра» черный дракон, легко поднимающий в воздух клетку с пятью людьми. Погонщик, получив тяжелый мешочек со звонкой монетой, отсалютовал довольному капитану и отбыл в неизвестном направлении, а судно, не отметившееся ни в одном порту Эрии, взяло курс на Форш.

Конечно, когда я поняла, что Эдуард потерял мой след, запаниковала, но уверенность, что наследник перевернет весь Форш, но вытащит меня из передрыги, обнадеживала. Если уж произошла ошибка, и сыщики напрасно караулили «Медузу», что помешает принцам выкупить своих женщин в Форше? Главное, вести себя тихо, чтобы добраться до берега живой и невредимой. Я нашла Шоколадницу и вселила в ее душу надежду, которую через месяц утратила сама: конечной целью путешествия оказался вовсе не Форш.

Я слишком поздно узнала, что опасный поход за живым товаром был для Одноглазого Бахата последним. Нет, он не пошел на дно к рыбам. Он решил отойти от дел. Седобородый разбойник достаточно заработал на живом товаре, чтобы провести оставшееся время в покое и неге.

Он отобрал несколько особенно красивых пленниц для себя, а остальных выставил на торги в Форше лишь месяц спустя — к тому времени след каравана, увозящего женщин для личного гарема Бахата, затерялся среди песков бескрайней пустыни. На одном из верблюдов, умирая от жары, стирая с лица едкий пот, сидела я.

Королева прервала повествование. Она отпила глоток вина и устало опустилась на кровать. Воспоминания, обрушившиеся лавиной, лишили ее сил.

Роуз тоже села. Ком в горле и ожидание страшной развязки делали ее больной. Зная историю мамы, которой удалось спастись от рабства, Роуз сочувствовала той восемнадцатилетней девушке,

оказавшейся в руках разбойника.

Лолибон закрыла лицо руками.

— Не дай бог никому узнать, что значит оказаться в постели с похотливым уродливым стариком.

Она немного помолчала.

— Шоколаднице повезло, в Форше ее выкупил граф Алекс Де-Бромон — друг и помощник Эдуарда по щекотливым делам. А я оказалась в логове Одноглазого Бахата в горах на границе с Сулейхом. Гарем охраняла сама природа. Даже если бы беглянка сумела преодолеть неприступные горы, ее убила бы пустыня.

Тряхнув головой, отгоняя от себя страшные видения прошлого, Лолибон продолжила, глядя в окно, за которым бесновался ветер:

— Только через два долгих года меня отправили на торги с эпитетами «любимая рабыня Одноглазого Бахата». Стоя на высоком помосте, я с волнением выискивала знакомые лица, ведь по всему Форшу развесили объявления, что распродается гарем почившего старца. Но твой отец забыл о своей опостылевшей любовнице, и меня отдал другому господину, заплатившему слишком высокую цену.

— Я уверена, всему есть объяснение, — Роуз не сдавалась. Не мог ее отец бросить женщину в беде.

— Объяснения... Да, можно переложить вину на злой рок. Можно. Но когда я вернулась, убив своего последнего хозяина, оказавшегося не таким осторожным, как Бахат, то не увидела любви в глазах Эдуарда. Только жалость и сочувствие. Он откупился от меня замком с множеством слуг. Я купалась в роскоши, но не знала, как заполнить душевную пустоту. Как забыть, что ребенок, сын Эдуарда, родился слишком рано, а потому не прожил и дня, а я сама едва не истекла кровью, избитая жестоким стариком? Бахат заподозрил, что я понесла от одного из его стражников, и никакие доказательства не смогли его переубедить. Он в ярости отсек бедняге голову.

Пускаясь в опасную авантюру по спасению Шоколадницы, я не знала, что носила под сердцем ребенка, иначе не стала бы рисковать. Тошноту, мучившую меня на корабле, приняла за морскую болезнь. Тогда многих выворачивало от качки. А когда догадалась, молила бога, чтобы меня как можно быстрее спасли. А потом молилась, чтобы не убили.

Цвет кожи моего мальчика однозначно доказывал, что чернокожий Бахат не может быть его отцом. После избиения я едва выжила, но с тех пор ни разу не забеременела, хотя тогда, живя в гареме, я этому даже радовалась.

Вернувшись в Эрию, я надеялась вновь стать Эдуарду верной подругой и любовницей. Подругой стала, но в свою постель он меня больше не пустил. Ты права, не мог твой отец изменить любимой женщине.

Я билась в истерике, когда открылось, почему Алекс Де-Бромон не рыскал по Форшу в поисках пропавшей шпионки. Оказывается, он в это время был занят более ответственным делом — по велению Эдуарда пас белокурую овечку Свон на жирных пастбищах графа Шовеллер.

Лолибон зажгла новую свечу, наполнила кубок вином и, шумно глотая, осушила его. За окном брезжил серый рассвет. Ветер продолжал гнуть мокрые ветви деревьев, обрывая с них жухлую листву, наводя уныние и тоску. Огонь в очаге погас, и в комнате стало зябко. Босые ступни Роуз окоченели, и она, осмелев, потянула на себя теплое покрывало.

Королева подошла к окну, положила ладони на холодное стекло.

— Ты думаешь, я закрылась в замке-келье и мучилась в страданиях? О, нет! Не в моем характере. Я сделала вид, что с головой ушла в работу, ставшую смыслом жизни — вылавливала по всей стране работяг. Но на самом деле я выжидала, вынюхивала, высматривала, чтобы ударить Эдуарда по самому больному.

Как ты думаешь, откуда в родовом замке графа Шовеллер среди гостей, приехавших на помолвку его дочери Силинды, появился Камиль? Я знала, что Бахриман не пройдет мимо той, которая стала интересна наследному принцу. Моя догадка подтвердилась, и сын Верховного жреца вскоре отблагодарил меня за стоящую находку. Еще сама Свон не знала, что она королевских кровей, а мы с Камилем строили планы ее похищения.

Не сразу, но у нас получилось, и жрец даже успел жениться на Свон.

А я была рядом с наследным принцем, утешала, сочувствовала, жалела, проявляла сестринскую любовь. И пила мед.

Думаешь, мне в голову не приходили сравнения, какие силы наследный принц задействовал, чтобы найти бедняжку Свон, когда ее украли люди Аделаиды? Он даже отправился на торги в Форш, лишь бы быть рядом и контролировать ситуацию. Я остро почувствовала, чем отличаюсь от твоей матери. Ее он любил, а меня — нет.

Последний удар твоего отца был особенно болезненным. Мне пришлось изображать из себя беременную Свон, чтобы заманить Камиля. Да, был риск, что жрец меня узнает и невольно выдаст, поэтому я приготовилась убить его. Благо наследник поспешил и сам расправился с Бахриманом.

Как ты думаешь, что сказал твой бесчувственный отец, когда я вынимала подушку из-под платья для беременных, которое никогда не смогу надеть?

«Готовься к свадьбе, Шиншилла. Твой принц женится!»

Мой принц женится...

— Вы — Шиншилла? — не удержала вскрика Роуз. — Лучшая шпионка отца, пропавшая без вести в песках Форша?

— Что? Отец горевал? — злая усмешка исказила черты королевы.

— Вспоминал. И всегда ставил в пример.

— Великая честь. Посмотрим, что он скажет при личной встрече.

— Вы собираетесь с ним встретиться?

— Да, я приму его склоненным и сломленным, когда буду сидеть на троне Эрии. Завтра же мы покинем остров Пигеон. Ты возвращаешься домой, детка. А Эдуард получит весьма своеобразный привет из прошлого. Пусть Рыжий Брыск порадуется на небесах — его дочка станет королевой Эрии. Драконы возведут меня на престол. Кому из них не захочется поселиться в красивейшем и богатейшем королевстве?

— Королевский дворец не сдастся. Вы должны помнить, что его стены неприступны, а на службе у короля Артура Пятого столько драконов и магов, что вам не пробиться. Эрия — это не замок Пигеон.

— Храбрая девочка, — похвалила Шиншилла, — но глупая. Стены падут без осады, стоит только предложить твоей маме выбор: корона или жизнь маленькой Роуз.

— Вас остановят на полете к Эрии! — запальчиво ответила принцесса, в порыве гнева соскочив с кровати.

— Я говорила, что ты глупая? Где сейчас находится армия Союза пяти королевств? Правильно. У стен Лабиринтов. А что может старый король с небольшим отрядом защитников, и рвущей на себе волосы снохой? Ни-че-го. Им не выстоять, красные драконы лавиной обрушатся на них. И кто встретит разгромленного Эдуарда в тронной зале? Я — с короной Эрии на голове, и ты — сидящая у трона на цепи.

— Я... Я... — Роуз не находила слов, но перспектива оказаться рабыней при злой королеве поднимала в ней волну возмущения. — Я никогда не стану невольницей! Лучше смерть.

— Я тоже так думала, когда попала к Орраху Могучему, — королева обхватила свои плечи руками. — Холодно.

Она вернулась в постель и закуталась в свободный край покрывала.

— Скоро встанет солнце, у нас еще есть немного времени, прежде чем мы покинем замок Петра, — на лице Лолибон появилась грустная улыбка. — Вот еще один мальчик, которого я полюбила всем сердцем. Тоже Бахриман, но совсем другой, не такой как Анвер. Гордый, независимый, умный. Он напоминает мне Камиля. Петр — последний Верховный жрец, и я знала, что его ждет великое будущее. А теперь, кто он без магии? Потерянная душа. Род Верховных жрецов прервался. Его дети уже никогда не станут магами. Печально.

ГЛАВА 19

Королева вздохнула, и Роуз увидела в предрассветной серости уставшую одинокую женщину, и, если бы не ночные откровения, принцесса, скорее всего, пожалела бы королеву. Лолибон легла и положила сложенные ладони под щеку — так обычно засыпают маленькие дети. Но она, хоть и закрыла глаза, вновь заговорила:

— Ты вот боишься превратиться в рабыню, а я двадцать лет назад добровольно решила надеть на себя цепи. Другого способа узнать, что происходит во враждебном королевстве, не оставалось. Мы не смогли незаметно пробраться в Тонг-Зитт. Боха — белого дракона, вызвавшегося забросить меня в неизвестную страну, ранили еще на подлете к Лабиринтам. Его не спасла способность оставаться в полете невидимым, обмануть стражей не удалось. Они применили магию, поражающую любого, кто захочет пересечь их границу по воздуху. Даже птица не прошмыгнула бы.

Ослепленный магией, страшно изувеченный бох, спас меня, повернув к Форшу, но не долетел. Мы упали камнем вниз, и я пришла в себя на закате. Мой друг лежал на песке и истекал кровью. Из жалости, видя его мучения, я добила умирающего ящера.

Я сидела у трупа огромного дракона и думала-думала-думала. Как поступить? Вернуться с неудачей и с тоской наблюдать, как Эдуард уходит в опочивальню вместе со Свон? Или добиться успеха и предстать перед наследным принцем победительницей? Увидеть в его глазах восхищение? Признаюсь, тогда у меня еще были надежды вернуть любовь Эдуарда. Пусть я не стала бы его единственной женщиной, роль фаворитки меня бы устроила. Да, я — женщина, и не скрою, весьма противоречивое создание: желание отомстить и любовь к мужчине постоянно боролись во мне.

Роуз тошнило от слов Лолибон, которая либо забыла, что перед ней сидит дочь Эдуарда, либо намеренно травила ее душу. Воспоминания утянули королеву в прошлое и ни бессонная ночь, ни выпитое вино не могли их остановить. Она нашла слушателя впервые за долгие годы и, не стесняясь, выкладывала подробности своей жизни.

— Представляешь, какой сюрприз ждал мир? Никто не догадывался, что Тонг-Зиттом правят драконы, умеющие превращаться в людей. Много позже, когда жизнь в Лабиринтах стала привычной, я поняла, как драконы сумели скрыть свой секрет. Они следовали простому правилу — не оставлять за собой живых. Только мальчишка Петр нарушил их тайну, послав через Руффа письмо Эдуарду, и о людях-оборотнях узнал Союз пяти королевств.

— А как древние драконы торговали камнями? Им же приходилось показываться?

Лолибон поправила покрывало, сползшее с плеча. К утру комната совсем выстыла.

— Драконы появлялись вне королевского замка только в человеческом облике.

— А как вам все же удалось проникнуть в Лабиринты?

— Я действовала хитростью. После гибели боха, мне ничего не оставалось, как пойти проторенными дорожками — продать себя правителю Тонг-Зитта. Я вернулась в Форш и нашла знакомого работаровца. Хайдар отправил послание Орраку, что в его руки попала удивительно красивая рабыня, и получил двойное вознаграждение: и от меня, и от Орраха Могучего. Короля заинтересовало предложение, и он прибыл на торги лично. Когда он увидел меня, его не остановила заломленная торговцем цена.

Стоило отряду удалиться от Форша на значительное расстояние, на меня накинули покрывало, а когда сняли, я закричала от ужаса, впервые увидев красных драконов, что Орраха весьма развеселило.

— Привыкай, красавица! — крикнул он, помогая подняться в ладью.

И только тогда я поняла, как просчиталась, надеясь разнюхать устройство Тонг-Зитта и сбежать.

Королева вздохнула, вспоминая минувшее.

— Да, двадцать лет назад я не сумела выбраться из Лабиринтов, хотя все годы жизни надежда не оставляла меня. Но после смерти Орраха, когда все пути открылись, я уже не захотела покидать Тонг-Зитт. Став королевой, получив Драконье око, а через него власть над драконами, я достигла таких высот, что возвращаться в Эрию в качестве шпионки было бы глупо. Я стала равной Эдуарду.

Как бы ни трудно жилось в гареме у Одноглазого Бахата, оттуда я вынесла то, что сейчас помогло выжить в Тонг-Зитте — искусство обольщения. Развратный старик научил доставлять удовольствие всеми возможными способами, поэтому я пришлось Орраку по душе. После случайной гибели жены и сына, он видел в женщине лишь сосуд для наслаждения, и, как всякий мужчина, получивший

новую игрушку, проводил с ней дни и ночи, но стоило ей наскучить — безжалостно расставался.

Я не хотела на своей шкуре испытать судьбу опостылевших женщин. В лучшем случае они переходили к драконам невысокого положения, в худшем — их ждала смерть в ловушках. Бывших любовниц драконы специально запугивали и подстрекали сбежать, а потом делали ставки, как долго несчастные продержатся в лабиринте.

Благодаря тому, что я с тринадцати лет росла в королевском дворце, где меня многому научили, я выгодно отличалась от рабынь, могущих удержать мужчину только красотой тела, и долгое время я оставалась единственной королевской наложницей. Искры летели от нас в разные стороны! Если король в любовных играх казался скалой, даже скорее камнепадом, все сносящем на своем пути, то я — вулканической лавой: обжигающей, напористой и не боящейся мощи противника. Ему нравилось, что я не изнеженная дева.

Правда, на первых порах мне помогало то самое любовное зелье, которое использовал против меня мальчишка Анвер, а потом и капитан Шотс. Жаль на Эдуарда оно не действовало — наследник слишком часто носил Кольцо жизни, да и Петр, благодаря бахримановской магии, сразу почуял бы афродизиак в воде.

— Как вы из наложницы превратились в королеву?

— Хочешь знать все мои женские тайны, Роуз? — хмыкнула Лолибон. — Мало слыть умелой в постели, нужно удивить мужчину, заинтересовать его. Будучи шпионкой при Эдуарде, я негласно сопровождала принца, бывала с ним в разных странах, знакомилась со многими королевскими дворами, говорила на нескольких языках. Я стала для правителя Тонг-Зитта полезной и незаменимой. И я обещала родить Орраха сына. Я сыграла на его главном желании — получить наследника.

Но не одна я оказалась озабоченной деторождением. Я и предположить не могла, что неприметная с виду служанка ложилась на нашу неостывшую постель и раздвигала ноги перед королем. Я слишком поздно узнала, что где-то во дворце растет принцесса Солнце. Но лживая служанка от меня не ушла. Она получила свое, умерев в муках. Яд яйца птицы Турух действует безотказно.

Королева надолго замолчала. Тень от длинных ресниц легла на подернутую сетью морщинок кожу.

— На что только не пойдешь, лишь бы выжить, — вздохнула королева и открыла глаза. Ее взгляд сделался напряженным. — Став женой Орраха я вернулась к попытке забеременеть. Наслышанная о поселившемся в Лабиринтах маге, я нашла Фаруха и пригласила его во дворец, где представила мужу как целителя, умеющего продлевать жизнь. Я возлагала большие надежды на Бахримана, умеющего варить магические зелья, но, увы, чуда не произошло. Даже эликсир из желтка драгоценной птицы Турух, что сохранял молодость и здоровье, не мог вернуть то, что давно утеряно.

В моей душе надолго поселился страх: а если одна из наложниц родит Орраха сына, что будет со мной? Вдруг он захочет сделать счастливую соперницу королевой, и рожденный наложницей бастард обретет статус принца? Где тогда я окажусь?

Печальный опыт с матерью Солнца заставил меня действовать. Я щедро заплатила Фаруху — он перевел свою семью в четвертый лабиринт, приобрел дорогой дом, а сам получил должность королевского лекаря, но с тех пор Оррах не мог оплодотворить ни одну самку.

Что-то сломалось в короле, когда много лет спустя он понял, что наследников больше не будет. Ни одна из женщин, что он приблизил к себе, не забеременела.

Кто-то пускается в пьянство, кто-то замыкается, Оррах же перестал сдерживать ярость и похоть. В нем все чаще просыпался зверь. Он, словно чуя, что все его несчастья кроются во мне, на мне же начал вымещать всю свою злобу.

О, я увидела его зверя во всей красе! Короля и раньше возбуждали болезненные крики, но теперь ему хотелось крови. Мы сталкивались в постели как на поле боя. Хищникам нравится охотиться, и я для Орраха раз за разом становилась желанным трофеем. Иногда я лежала вся в крови, не в силах пошевелиться, и думала, что настал мой последний час, а он вызывал Фаруха, и на следующий раз все опять повторялось.

— Оррах! Мне больно, — кричала я, но видя безумные глаза дракона, понимала, что однажды он меня убьет. Я уже сама подыскивала ему наложниц, боясь войти в спальню, но те выдерживали лишь ночь-две и пропадали.

— Он убивал их?

— Не знаю. Наверное. Фарух первый заметил, что не только Оррах меняется. Глядя на своего короля и остальные драконы стали более раздраженными, между ними постоянно вспыхивали

ссоры, какая-то злая сила переполняла их. После набегов на соседние селения они возвращались опьяненные кровью, но дикой сытости хватало ненадолго.

Однажды, когда после очередного истязания я едва не отдала богу душу, Оррах признался, что зверем его делает Драконье око. Чем дольше он им владеет, тем пагубнее на него воздействует камень. Он вспоминал, как его отец с облегчением произнес, находясь на смертном одре: «Наконец-то я отдохну от проклятого Ока!». Магический камень дает власть, но в то же время меняет своего носителя, пробуждая в нем все самые темные стороны. Не зря отец Орраха Могучего носил прозвище «Живодер». В его правление все драконы отличались страшной жестокостью.

Я давно знала, что драконы не убьют носителя Ока, каким бы он ни был и куда бы их не вел. Странно, что Оррах никогда не задумывался, что может погибнуть от моей руки. Скорее всего он верил, что я побояюсь возмездия — так или иначе после его смерти меня ждала бы незавидная участь: быть растерзанной драконами, мстящими за своего короля, или умереть где-нибудь в лабиринте, не найдя выхода.

Но вскоре в моей жизни забрезжил свет. В полном смысле этого слова. Я находилась в комнате у Фаруха и наблюдала, как он извлекает желток из яйца птицы Турух, но тут прямо в стене открылся портал и из него вышел юноша.

— Анвер! — сварливо произнес Фарух. — Я просил тебя без спроса ко мне не приходить!

И в этот момент меня осенило: Анвер подрос и может вывести меня на свободу! Осталось дело за малым — соблазнить молодого Бахримана.

Но несчастный случай дал мне шанс остаться королевой без мужа-изверга.

Знаешь, как страшно умирать от нехватки воздуха, когда кровь хлещет из сломанного носа, а жадные губы мужчины впились в твой рот в поцелуе? В помутненном сознании я нащупала подсвечник и со всей силы ударила дракона по голове. Крепкий удар не убил Орраха, а только разъярил. Отползая от зверя, я с ужасом обнаружила в его руках нож. Я не стала ждать, когда он искромсает меня на куски, а вспомнила один из уроков Рыжего Брыска и неожиданно для Орраха вывернула его руку так, что он сам навалился на острие.

Оррах всегда отличался могучим телосложением, и, падая, он придавил меня так сильно, что я едва выбралась. Я прижала ладонь к сломанному носу, безуспешно пытаясь остановить кровь, и тупо смотрела на разбитую голову мертвого короля. Крупная цепь, удерживающая Драконье око, впилась в шею Орраха, и я, не понимая зачем, наклонилась и, с трудом просунув под нее палец, потянула. Рубиновый камень, испачканный в крови короля, тускло блеснул. Я потеряла его пальцами, но еще больше испачкала в крови.

Я так и направилась к двери — голая и с цепью в руках, на которой болталось Драконье око. Но оставив кровавый след на дверной ручке, я пришла в себя. До Фаруха — единственного человека, который сумел бы меня спрятать, в таком виде не добежать, драконы сразу сообразили бы, что произошло что-то неладное. Бросив у двери Око, я поплелась туда, где могла смыть кровь.

Личные покои Орраха состояли из нескольких комнат, и в одной из них находился небольшой бассейн. Вода оказалась ледяной, но я даже не вспомнила о горячих камнях, могущих согреть ее.

Трясаясь от холода, я быстро обтиралась, наблюдая, как кровавая вода исчезает в воронке слива. Неожиданно я услышала, что за стеной кто-то тихо ходит. От страха, что дверь вот-вот откроется, я метнулась к противоположному выходу и нечаянно задела чашу с горячими камнями. Она с грохотом опрокинулась, и ковры тут же вспыхнули ярким пламенем. Когда я добежала до комнаты с мертвым Оррахом, за спиной уже бушевало море огня.

Схватив простыню, я обмоталась ею, и, не зная, где спрятаться, лихорадочно огляделась. Надежда выбраться через окно не оправдалась — огонь быстро пожирал тяжелые занавеси. Оставалась только дверь, за которой меня тоже ждала смерть. Я слышала крики, шум, топот множества ног.

Тут мой взгляд остановился на брошенном мною Драконьем око. Как утопающий цепляется за соломинку, я схватилась за цепь магического амулета. Сотня мыслей успела мелькнуть в моей голове, пока я открывала дверь. Как использовать Око, чтобы отвлечь драконов? Успею ли я выторговать жизнь или меня разорвут сразу?

Я не ожидала увидеть сотни, а может и тысячи драконов. Они стояли сплошной стеной не только в коридоре, но и высовывали головы из ближайших комнат, маячили за окнами. С тоской я смотрела на них, отсчитывая последние мгновения жизни: сзади меня обжигало пламя, впереди — горящие злобой глаза.

Еще на что-то надеясь, я медленно подняла руку с Драконьим Оком вверх.

И вздрогнула от грохота. Это обрушились потолочные балки в покоях Орраха, подняв в воздух сноп искр. Но еще больше меня поразила иная картина — сотни драконов в едином порыве рухнули на колени и низко склонили головы.

Подгоняемая рвущимся наружу пламенем, я выкрикнула дрожащим голосом:

— Дорогу королеве!

И мужчины молча расступились, освобождая мне проход. На трясущихся ногах шла я вперед, задрав высоко над головой Драконье око, словно я армейский знаменосец, несущий королевский штандарт.

Осознав, что на драконов действует Око, я уверено приказала:

— Чего вы ждете? Ваш король гибнет в пламени!

На следующий день мне доложили, что в покоях Орраха нашли два тела, и я уверовала, что избавилась и от падчерицы. Но Солнце спаслась и затаила против меня злобу. Достоянная дочь своего отца.

В себя я пришла в комнате мага, куда добралась из последних сил.

— Я думаю, все дело в крови, — услышала я обрывок разговора Фаруха с Анвером. Я лежала на кровати, укрытая теплым одеялом. В комнате пахло травами и настойками. В окно, противно жужжа, билась муха.

— Уже утро? — спросила я, преодолевая боль в горле. Дышалось тяжело, но нос, разбитый Оррахом уже не болел.

— Ваше Высочество, вы наглотались дыма, поэтому прошу вас не покидать постель. Возможны тошнота и головокружение, — Фарух низко поклонился, чего никогда не делал прежде, если мы оставались вдвоем.

— Что с тобой, жрец? К чему это подобоострастие?

— Теперь вы не просто королева, вы — Лолибон Великая, первая женщина, сумевшая подчинить драконов, — с испугом в голосе произнес Анвер. Милый мальчик, это была самая длинная его фраза, обычно он запинаясь и краснел, когда видел меня.

— И как мне это удалось? Я ничего не понимаю, — я была в растерянности. Оррах рассказывал, что Око переходит от одного дракона к другому по кровному родству и никогда не может оказаться в руках у чужого, тем более у женщины. Фарух предположил, что в нашей смертельной схватке с Оррахом смешались его и моя кровь, и магический камень обманулся и стал подчиняться мне.

— А зачем вы открываете мне тайну Драконьего Ока? — голос Роуз сорвался. — Только в одном случае перед пленником открываются секреты — его ждет смерть до того, как он сможет их кому-либо рассказать.

— Это всего лишь предположение, — королева поняла, что сказала лишнее. — Мало ли, почему на самом деле Око выбрало меня? Может, почувствовало мою исключительность? Только твой отец всю жизнь пренебрегал мною, а драконья магия сделала избранницей. Вот скажи, почему он дважды предал меня?

— Папа не знает, что вы выжили. Его люди нашли останки белого дракона и вашу окровавленную одежду.

— Мне уже все равно. Настало время мести, и я лишу Эдуарда всего, что он любит. У него не останется ни королевства, ни жены, ни детей.

— На вас тоже действует Око, как когда-то на Орраха Могучего. Я не верю, что вы были такой всегда. Мой отец не мог бы влюбиться в злую женщину.

Взгляд королевы обжигал.

— Ты права, носить Око тяжело, оно разрушает. Но ненависть во мне кипела еще до смерти Орраха. Мечь особенно сладка, если жертва до последнего не догадывается, кто стоит за всеми несчастьями.

Петр должен был стать главным моим оружием против Эдуарда и Свон. С его помощью я столкнула бы лбами Союз пяти королевств, убив на брачном ложе тебя, Роуз Эрийскую, а молодой муж Руфф Бреужский, обвиненный в кровавом убийстве, никогда не смог бы оправдаться. Потом дошла бы очередь до Генриха. Твои родители планируют женить сына на Лунной принцессе? О, твою семью

ждет сильное разочарование! Малышка Эльза не так проста, как кажется. Не хочу тебя пугать, но смерть твоего брата предопределена.

Как жаль, что мальчишка Петр спутал все мои планы, притащив тебя в Лабиринты! Но, как видишь, я продолжаю двигаться к намеченной цели. Я рассорю Союз пяти королевств. Руффа ждет смерть, и король Бреужа никогда не простит Эрию. Ведь это ты в сговоре с Петром заманила жениха в Лабиринты. Свон и Артур Пятый откроют ворота столицы, надеясь спасти тебя, и тоже сложат свои головы.

Королева длинно зевнула.

— Если пошла ночь откровений, — решила Роуз, — мне было бы интересно узнать, как вы решились заключить сделку с Солнцем? Вы добровольно отдали принцессе свою власть в Тонг-Зитте?

— Она сама предложила такой вариант. Я нашла записку от нее на своей подушке. Это было предупреждением, что меня окружают враги не только по периметру девятого лабиринта, но и находятся в самом сердце королевского замка.

Я явилась в назначенное мною же место и согласилась выполнить все условия Солнца, потребовав отдать Петра, но Солнце заартачилась и предложила замену. Тебя.

— Соргос присутствовал при этом разговоре?

— О, да! Скажу прямо, для дракона стало неожиданностью ее желание отдать тебя. Если бы не его вспышка гнева, я не узнала бы лучшего воина капитана Шотса, я редко видела его в человеческом облике. Во всяком случае, не выделяла из толпы. Его присутствие в свите принцессы навело на мысль, сколько же еще драконов служит одновременно мне и Солнцу? Я не наивная девочка, чтобы поверить, что Солнце так просто отпустила королеву с армией драконов. Наверняка она отправила со мной шпионов, которые попытаются завладеть Драконьим Оком. Знала бы ты, как легко отдавать приказы, имея на шее магическую вещь! Стоило только захотеть, и драконы, готовые переметнуться, сложили крылья и камнем рухнули с небесной высоты в море. Остальным воинам гибель собратьев послужила уроком.

— А как же Шотс? Он ведь тоже хотел завладеть Оком?

— Милая, Оком хочет завладеть каждый дракон. Я не могла себе позволить остаться без армии. У меня планы, ты же помнишь? — Лолибон опять зевнула и прикрыла глаза. — И, пожалуйста, не вздумай что-нибудь замышлять против меня. Я отдала приказ драконам убить тебя сразу, как только они почувствуют, что их королева в опасности. Неважно, ты мне будешь угрожать или кто-то другой.

Ровное дыхание доказало, что Лолибон все-таки уснула, хотя за окном уже рассвело. За дверью слышались голоса, доносился торопливый топот ног. Обнаружив, что все двери, ведущие в коридор, заперты, Роуз остановилась у окна и с тревогой наблюдала, как драконы складывают вещи в ладьи, готовясь покинуть замок.

— Где же ты, Руфф? — прошептала Роуз, не представляя, как принц сумеет остановить продвижение армии Лолибон на север. — Мне так много нужно рассказать тебе и дядюшке Алексу.

В том, что они встретились, Роуз не сомневалась.

Через какое-то время этажом выше с грохотом распахнулось окно, и на землю полетели осколки стекла, а следом упало что-то большое, заставившее Роуз вздрогнуть от неожиданности. Высунувшись в окно, она увидела, что на каменных плитах лежит тело капитана Шотса. Роуз узнала его белую рубашу и неестественно задранные руки. Кто-то из драконов присел и сдернул камизу, чтобы открыть лицо погибшего. Потом, как по команде, драконы подняли головы вверх и уставились на Роуз, с ужасом глядящую на них.

— Все туда! — крикнул воин, сидящий на корточках у трупа Шотса, и вытянул руку в сторону Роуз. — Королева в опасности!

— Ой, мамочка! — воскликнула Роуз, отшатываясь от окна и резко захлопывая его. Слова Лолибон, что принцессу убьют сразу, как признают, что королева в опасности, свершались слишком быстро, и только носительница Ока могла отменить свой приказ. Роуз обернулась, чтобы разбудить королеву и предотвратить свою гибель, как вдруг еще более жуткая картина предстала перед ней.

У кровати стоял Руфф, а из груди Лолибон торчал кинжал.

— Что ты наделал?! — Роуз не верила, что происходящее не страшный сон.

— Я слышал конец вашего разговора. Меня ждала смерть, но я опередил Лоли, — на бледном лице Руффа лихорадочно блестели глаза, на лбу выступили мелкие капли пота. Но больше всего Роуз поразила его улыбка: странная, неуместная, страшная. Бывшая невеста бреужца вдруг увидела его истинную сущность: трус, способный ударить в спину.

Рука принца, еще давящая на рукоятку кинжала, крупно дрожала.

— Ты подписал мне смертный приговор! Сейчас сюда ворвутся драконы!

— Сначала им придется вышибить двери. Я их закрыл, а ключи у меня, — Руфф потрогал карман камзола, словно сам хотел убедиться, что ключ на месте.

В подтверждение его слов в двери начали колотиться, но крепкие запоры и доброе дерево не поддавались.

Роуз сглотнула. Волнами подкатывалась тошнота, кружилась голова, мешая трезво мыслить.

— Это ты сбросил Шотса вниз? — онемевшие от страха губы не слушались.

— Нет, — противно хихикнул Руфф. — Алекс. Сейчас за ним должно быть гонится целая армия, но он знает все потайные ходы.

— Зачем вы взбудоражили драконов? — Роуз понимала, что теряет драгоценное время, но оцепенение не позволяло сдвинуться с места. Она, не отрываясь, смотрела, как краски покидают лицо Лолибон.

— Таков план: смерть капитана вызовет недовольство и растерянность драконов, они потребуют возмездия. Королева выйдет к ним, чтобы успокоить (ведь не в ее интересах открывать истинную причину смерти Шотса), а когда вернется, тебя уже в комнате не будет, — свистящий торопливый шепот бреужца резал слух.

Руфф мотнул головой в сторону кабинета. Длинные пряди его волос качнулись, часть из них прилипла к вспотевшему лицу. Принц нервно убрал их, заправив за ухо.

— В кабинете отодвигается один из шкафов. Как иначе я услышал бы о грозящей мне смерти? О чем еще вы говорили с Лоли? Королева открыла тайну Ока?

Не умея лгать, Роуз только отрицательно покачала головой, отчего Руфф сразу потерял к разговору интерес. За дверями бесновались, и он обеспокоенно оглянулся на ближайшую — она уже трещала под ударами.

— Пора уходить.

Принцесса едва удержала позыв рвоты, когда бреужец, крепче обхватив кинжал, рывком выдернул его из груди королевы, отчего тело дернулось, и Драконье око съехало набок, потонув в хлынувшей из раны крови.

Руфф брезгливо поморщился и потянулся к Оку, но тут же отдернул руку.

— Ой, жжется.

— Нужно забрать его! — возбужденно прошептала Роуз. — Дай кинжал! Быстро!

— Роуз, если тебя застанут с оружием в руках...

— Мне, так или иначе, грозит смерть. Они не оставят камня на камне, но выполнят волю Лолибон. Я попробую выторговать свою жизнь на Око, — и, не дожидаясь пока бреужец протянет оружие, схватилась за него, нечаянно скользнув ладонью по лезвию. Острая боль прошла руку, но Роуз не обратила на нее внимания. Она кинулась к телу королевы и кончиком кинжала подцепила ушко амулета, вытянув его из крови.

— Помогите мне.

Бреужец понял и, подняв голову королевы, сдернул тяжелую цепь вместе с запутавшимися в ней черными волосами погибшей.

В это же время удары в дверь прекратились.

Вдруг черная тень закрыла свет.

Роуз, медленно обернувшись к окну, задохнулась от ужаса, встретившись взглядом с красным драконом.

На мгновение его вертикальные зрачки хищно сузились — он увидел кинжал, на острие которого болталось Драконье око.

Дрожащим голосом Роуз позвала брежжца, но он не откликнулся.

Где-то в кабинете посыпались книги.

Роуз не могла пошевелиться, ее завораживала мощь хищника, черными когтями крошащего камень подоконника.

Вот его огромная красная голова легко ткнулась в окно, и стекла градом острых осколков обрушились вниз. Режущий ухо звук вывел Роуз из оцепенения, и она начала пятиться в сторону кабинета, моля бога, чтобы дракон не дыхнул пламенем.

Неожиданно стукнувшись плечом о косяк, Роуз едва не выронила кинжал, но амулет, качнувшись, все-таки сорвался с острия и полетел вниз. Не думая ни о чем, страстно желая поймать вещь, которая может спасти жизнь, Роуз схватила Око и закричала от боли.

Ее тело будто бы прошло молнией, но когда девушка, отбросив кинжал, вцепилась в амулет второй рукой, где из пореза еще текла кровь, боль резко прекратилась.

Показалось или так случилось на самом деле, но Роуз готова была поклясться, что рубиновый камень отозвался теплом и бликом света.

Дракон прекратил выламывать раму.

Роуз поймала болтающуюся цепь и быстро надела на шею.

Дракон моргнул и поднял морду.

Принцесса прижала Око окровавленной ладонью к груди.

Дракон фыркнул и заскрежетал когтями по каменной кладке.

Роуз не стала ждать, что дальше сделает дракон. Она кинулась в кабинет.

— Руфф! — позвала она, хотя видела, что комнате брежжца нет. На полу валялись книги и бумаги. Видимо принц, убегая, столкнул их со стола.

Роуз металась от шкафа к шкафу, дергала створки в попытке понять, как открывается потайной ход, но бросивший ее мужчина не оставил ни одной подсказки.

— Господи, ну помогите же кто-нибудь! — в отчаянии выкрикнула Роуз.

Резко распахнувшееся окно и звон осыпавшегося стекла заставили вздрогнуть и попятиться вглубь комнаты. На той стороне висел, хлопая крыльями, красный дракон и, не мигая, смотрел на принцессу. Он медленно приблизился и положил узкую часть головы, сверкнув острыми зубами, на подоконник. Роуз в страхе перебежала через спальню туда, где совсем недавно ужинала с Лолибон.

Ничто не нарушало напряженную тишину, кроме хлопанья крыльев дракона за окном. Даже пение ранних птах смолкло. От этого странного безмолвия Роуз охватила паника.

Но вот и крылья дракона перестали сотрясать воздух.

Немного выждав, принцесса решила отодвинуть занавеску на единственном уцелевшем окне и посмотреть, что происходит во дворе крепости.

Внизу черной массой неподвижно стояли люди и напряженно всматривались в окна. Заметив Роуз, они в едином порыве опустили на колени и склонили головы.

— Ну, детка, поздравляю! — за спиной раздался голос дядюшки Алекса, услышав который Роуз едва не упала в обморок, моментально растеряв все силы. — Выходит, теперь ты королева драконов?

ГЛАВА 20

Седой мужчина крепко обнял кинувшуюся к нему на грудь принцессу и долго не отпускал, ласково поглаживая ее по спине.

— Тише, тише. Не плачь. Все позади. Твоей жизни больше ничего не угрожает.

— Откуда вы знаете? — Роуз подняла заплаканные глаза на улыбающееся лицо наместника. Принцесса безумно была рада увидеть давнего друга отца. Уж он-то не предаст.

— Мне сами драконы разъяснили. Парочка из них сидит на цепях в подземелье. Чтобы понять, что происходит в моей крепости, пришлось их изловить и разговорить. Ты с королевой беседовала, я с ними. Поспать бы, — вздохнул он, убирая растрепавшиеся волосы с лица дочери Эдуарда.

Поцеловав принцессу в лоб, он улыбнулся ей и озорно подмигнул.

— Ну, малявка, рассказывай, как тебе удалось стать королевой драконов? Они сильно удивились, когда почувствовали смену власти. «Опять женщина! — простонал один из них. — И опять чужачка!».

Роуз, услышав «малявка», опять всхлипнула.

— Я расскажу, — пообещала она, вытирая нос рукавом платья, чего не позволяла себе даже в детстве. — Но сейчас я хочу понять лишь одно: что делать дальше? И где носится этот болван Руфф?

— Демон его знает! — хмыкнул Алекс. — Не удивлюсь, если он уже бежит к пристани, чтобы нанять корабль до Бреужа. Я столкнулся с ним в одном из подземных переходов, и он, крикнув, что ты отказалась с ним идти, кинулся прочь, словно за ним волки гонятся. Шустрый малый, лишь раз увидел чертежи подземелья, а ориентируется лучше меня.

— Руфф чуть не погубил меня, — пожаловалась Роуз. — Если бы я не схватилась окровавленной рукой за Драконье око, сейчас мое тело лежало бы на мостовой рядом с трупом капитана Шотса.

— Ну и черт с ним. Крысеныш и не догадывается, что власть в нашу пользу сменилась. Ну, пойдем, родная.

— Двери закрыты, а ключи у Руффа.

— Ох, шельмец.

Нырнув в узкий проход, открывшийся за сдвинутой в сторону книжной полкой, Роуз и Алекс оказались в темном тоннеле, по которому они шли пригнувшись — так низко висел каменный свод. Проход скупо освещался единственной свечой в руке Алекса, пламя которой трепетало от сквозняка, поэтому приходилось прикрывать его ладонью.

Наместник уверенно шел вперед, безошибочно сворачивая в нужную сторону, если коридор разветвлялся. Наконец он вывел Роуз к темному тупику.

— Где мы? — не увидев и признака двери, спросила принцесса. В ответ на ее голос тени по углам вдруг ожили и завертелись в бешеном танце.

— Не бойся, это летучие мыши, — запоздало успокоил Алекс присевшую от страха девушку.

Проведя рукой по каменной кладке, он нажал на один из неприметных выступов и уперся плечом в стену, которая медленно стронулась с места, открывая проход в помещение, больше напоминающее колодец.

Роуз шагнула в комнату без окон. Соломенный тюфяк лежал прямо на каменном полу, рядом с ним стоял небольшой сундук с остатками чьего-то ужина на крышке.

— Моя берлога, — ничуть не стесняясь убогости обстановки, наместник прошел к сундуку и смахнул деревянную посуду на пол. — Тебе нужно переодеться. Нельзя чтобы хищники видели тебя в одежде заляпанной кровью.

Откинув тяжелую крышку, он с головой залез в сундук. Судя по звяканью, там хранились не только тряпки.

— Вот! — вынырнул он и вытер вспотевший лоб.

Роуз приуныла. В руках Алекса была мужская одежда.

— Ну, извини! — хмыкнул он, видя, как расстроилась принцесса. — Женского ничего не держим.

Представляю, что бы ты обо мне подумала, если бы я вытянул на свет женские панталоны вместо мужских портков. Там в углу бочонок с водой, пойдя, умойся, а я пока разведая обстановку.

— Нет! — вскрикнула Роуз так звонко, что сама испугалась. — Никуда не уходите! Я не останусь одна в этом каменном склепе.

— Но тебе придется полностью раздеться, — Алекс кашлянул и большим пальцем погладил небритый подбородок. — Я не хотел бы тебя смущать.

— Ничего, я потерплю ваше присутствие. Просто отвернитесь.

Наместник повиновался и уставился взглядом в пустую стену, прислушиваясь к шороху одежды, треску рвущейся ткани, плеску воды.

— Это Драконье око, — перед носом мужчины появился болтающийся на тяжелой цепи рубиновый камень. — Пока я моюсь, почистите его, пожалуйста, от крови. Вот мокрая тряпка.

— Ох, нет! — Алекс выронил Око. Он дул на обожженные пальцы.

— Простите, я забыла, что оно не дается в руки чужакам.

— Может, через перчатки не ужалит? — Алекс быстро натянул кожаные перчатки, что болтались за поясом, и поднял с пола Око. — Давай свою тряпочку.

Роуз долго не возилась. Жизнь в Лабиринтах научила ее быстро одеваться, быстро есть, быстро ходить.

— Все, я готова, — произнесла она, спешно заплетая волосы в косу. Она и не думала попросить гребень. Ей хотелось немедленно выбраться из каменного мешка, давившего массивными стенами. Рубиновое Око она спрятала под верхнюю куртку, в душе беспокоясь, не прекратило ли оно слушаться новую хозяйку. Большие переживания вызывали всплывающие в памяти слова Лолибон, что Драконий камень действует на владельца губительно.

Алекс открыл еще одну потайную дверь, ведущую в петляющий проход, заканчивающийся винтовой лестницей. По ней принцесса и ее сопровождающий попали в кладовку при господской кухне, а потом и в теплое помещение, где в подвешенном над огнем котле булькало мясное варево.

Кухарка, не ожидая появления незваных гостей, вскрикнула, и Роуз узнала в ней ту самую пожилую женщину, прислуживавшую им с королевой на вчерашнем ужине. С черпака, которым она до этого орудовала в котле, и который теперь держала как орудие защиты, капала сизая жижа.

Спохватившись, кухарка присела, приветствуя господина и его спутницу, неловко чиркнув половником по каменному полу.

— Гриди, дай чего-нибудь поесть. Я голоден как черт.

Та расплылась в улыбке и захлопотала у очага, где шумно закипел большой чайник.

— Милорд, я так счастлива, что вы живы! — с чувством произнесла Гриди. — Я боялась, что никогда больше вас не увижу.

— Ну-ну, милая, — Алекс ласково посмотрел на раздумывавшую женщину. Та ответила преданным взглядом, в котором плескалось море любви. — Скоро все закончится, и драконы улетят. Кстати, как они себя ведут?

— Странное дело, милорд. Они притихли. Стоят на площади, как молнией пришибленные. И такая растерянность в глазах у каждого, вроде как у дитя, потерявшего мамку в толпе на ярмарке.

— Отлично. Все, как я и предполагал. Сейчас поедем и пойдем, поговорим с летучими гадами по душам.

Перед принцессой, усевшейся на широкую скамью, поставили чашку с исходящей паром кашей, щедро посыпанную сахаром. Сверху медленно таял желтый кусок масла.

— Ешь, Роуз — коротко приказал Алекс. — Впереди трудные решения.

— Поэтому и не могу есть. Я не знаю, что делать.

— Гриди, последи, чтобы сюда никто не совался. Я должен напутствовать юную деву, иначе она помрет от голода.

Румяная кухарка поспешила к двери, раскачивая широкими бедрами, и Алекс проводил ее долгим

взглядом. Роуз скрыла улыбку.

— Моя голова сейчас лопнет, — начала она, когда дверь за Гриди закрылась. — Я беспрестанно думаю, как управиться с драконами. Нужно ли мне вслух отдавать приказы или достаточно подумать. И вообще, послушаются ли меня ящеры?

— Ну, это легко проверить. Ты прямо сейчас можешь попросить, чтобы в окно сунул морду какой-нибудь капитан драконов.

— О, только не это! Я боюсь, что они притащат к окну мертвого капитана Шотса! Лучше я как-нибудь иначе их проверю. Позже. Вот еще одна беда: нужно похоронить умерших. И прежде всего Лолибон Великую. Где и когда? Ведь она несколько лет правила Тонг-Зиттом. Наверное, нужно с почестями, как королеву.

— Я не знал Шиншиллу как Лолибон. Ее настоящее имя Мрыся, но она его не любила. Я присутствовал при ее первой встрече с принцем, мы тогда уже дружили с Эдуардом. «Мрыська — дочка Рыжего Брыска», — печально улыбнулся Алекс, вспомнив детскую дразнилку. — Поэтому она сменила имя на Шиншилла — прозвище, которое ей придумал наследник. Тогда она была похожа на чудесного зверька: небольшого роста, черноволосая, живая, могла в пылу драки укусить. Да.

Увидев тревожный взгляд Роуз, Алекс кашлянул.

— Прости. Воспоминания все чаще приходят не вовремя. Вернемся к нашему разговору. Куда со своей армией рвалась Лолибон?

— В Эрию. Она жаждала ее захватить, пока папа увяз в Лабиринтах.

— Значит, она хотела вернуться на родину? Вот туда и отправим ее тело. Похороним рядом с Рыжим Брыском, там, наконец, найдет покой ее душа. Сегодня же пошлю погонщика с черным драконом. Я думаю, жители Лабиринтов не будут против, — Алекс отодвинул от себя чашку, о которую грел пальцы. Тонкая пенка на молоке дрогнула.

— А как мне быть? — Роуз тронула ложкой озерцо растаявшего масла, и оно ручейками стекло вниз по горкой выложенной каше.

— Давай начнем с того, чего хочешь тебе? Полетишь ли ты к маме в Эрию или дождешься отца здесь, в замке Пигеон, я в любом случае буду рядом.

— Я вернусь в Лабиринты, — Роуз подняла глаза на Алекса, на лице которого сквозило недоверие к словам принцессы, только что вырвавшейся из страшной страны и опять стремящейся туда, где ее держали в неволе. — В Тонг-Зитте остался Петр. Граф Пигеон. Я люблю его.

— Вот это да! Ай да Петушок! — Алекс ударил ладонями по коленям. От столь бурного отзыва Роуз еще больше смутилась. — Будет твоим родителям сюрприз! Эдуард останавливался у меня, перед тем, как стянуть армию к Лабиринтам, и я знаю о роли Петра в твоём спасении. А теперь, стало быть, ты собираешься вернуться к нему?

— За ним, — поправила Алекс Роуз. — Я собираюсь вернуться за ним. И еще я выйду за него замуж. Пусть хоть весь мир ополчится против нас.

— Ну, не знаю. Прошло столько лет после его исчезновения. Петр мог сильно измениться, и тебе было бы опасно находиться рядом с Бахриманом.

— Если вы будете сопровождать свою принцессу, у нас еще будет время побеседовать, и я расскажу все, что случилось со мной в Лабиринтах. Тогда вы поймете, что нет никого лучше Петра. Он мой, а я его. И я сейчас же дам команду драконам собираться. Слышите, мы возвращаемся в Лабиринты! — решительно произнесла Роуз, и тут же стекла на окнах дрогнули от громкого «Ура!», раздавшегося за стенами дворца.

— Сначала, Ваше Высочество, съешьте кашу, — Алекс спрятал улыбку в усах.

— Может, нужно что-то с собой взять? — забеспокоилась Роуз, идя следом за Алексом. Они давно позавтракали, но еще не покидали здание, заполнившееся вернувшимися слугами, которые с рвением принялись наводить порядок.

Роуз впервые с тех пор, как покинула домик тетушки Катарины, искупалась в горячей воде. Служанки расчесали ей волосы, красиво заплели косы и перевили шелковыми лентами на местный манер. Роуз вспомнила из рассказов мамы о странной моде островитянок, поэтому попросила одну из них снять чепец. Как оказалось, они следуют капризу первого графа Пигеон уже несколько веков. Высоко выбритые лбы и туго переплетенные волосы — такое требование он выставил, выловив как-то из супа длинный волос. Сначала служанки стеснялись своих причесок, но позже за ними

принялись повторять те женщины, что не работали в замке, а вскоре высокие лбы стали отличительной особенностью островитянок, чем они весьма гордились.

Принцессе принесли одежду из комнаты Леоль и ладно подогнали по фигуре.

Роуз, отправляясь назад в Лабиринты, не забыла о мешке, где лежали одеяло-оберег и детские вещички, вышитые руками Леоль — ей не терпелось показать их Петру.

Роуз прикусила губу. Где бы ни был Петр, она его найдет. Теперь, зная, как важна для Солнца власть, она заставит принцессу драконов подчиниться и отступить от чужого жениха.

— Гриди собрала нам и еду, и теплую одежду, не переживай. Я уверен, назад драконы полетят гораздо быстрее. Сколько дней вы сюда добирались? Два-три с остановкой на ночь?

— Алекс, спасибо, что сопровождаете меня. Око Оком, но мне не забыть, как Шотс хотел убить свою королеву. Вдруг драконы скинут меня в море? Честно, мне немного страшно.

— Роуз, ты подарила им надежду вернуться домой, а Лолибон гнала их в чужие страны. Не переживай, я верю в силу Драконьего камня.

Произнося эти слова, Алекс подошел к той двери, что вела на замковую площадь, и толкнул тяжелые створки. Они распахнулись и явили взору красных драконов. Те встречали свою повелительницу, приняв облик ящеров. Груженные скарбом и люльками склонили свои огромные головы, а парящие в небе приветствовали новую госпожу протяжным ревом. Ближайший дракон простер кожистое крыло, приглашая Роуз подняться в королевскую ладью, что размерами и богатством убранства превосходила ту, в которой принцесса путешествовала вместе с Руффом.

Вспомнив о бреужце, Роуз обернулась к Алексу.

— Нет известий о Руффе?

— Его видели. Как я и предполагал, он сел на корабль, следующий на Иберские острова, оттуда ближе до Андаута, а твой дядя Уильям поможет попавшему в беду принцу добраться до Бреужа.

— Союзник бежал, — заключила Роуз, кладя ладонь в протянутую руку Алекса.

— Ему с тобой не по пути. Лабиринты не то место, где можно блистать завитыми локонами и белозубой улыбкой.

— Где же вы были раньше, дядюшка, когда наши родители нас с бреужцем едва не поженили?

— Политика, милая. А потом, ты вроде была в него влюблена?

Роуз села на широкий диван, Алекс накинул ей на плечи подбитый мехом плащ.

— Командуй! — подсказал он и на прощание обернулся к стоящей на парадной лестнице кухарке Гриди, которая подушечками пальцев смахивала слезы. Стараясь сделать это незаметно, он послал ей воздушный поцелуй, на что женщина широко заулыбалась.

— Боже, я не знаю, что нужно говорить, — Роуз взяла в ладонь Драконье Око. Оно ответило ей рубиновой искоркой и потеплело.

— Поехали? — предположил Алекс.

— Поехали.

Дракон, на котором они сидели, трубно закричал, и все остальные ему радостно ответили, после чего стая ящеров кровавой волной поднялась в небо.

— Я не верю, что добровольно возвращаюсь в Лабиринты, — прошептала сама себе Роуз, но Алекс откликнулся.

— Тобой движет любовь. Прекрасное чувство, — вздохнув, он посмотрел вниз, откуда ему махала снятым с головы чепцом кухарка.

Роуз вспомнила Амали, которая жила вместе с Бертой в их дворце в Эрии. Мамушками называла их Свон, а Роуз относилась к ним, как к самым родным людям, и теперь ей подумалось о том, что Амали, в пору ее романа с Алексом, тоже была кухаркой у графа Шовеллер. Наверное, у Алекса какая-то особая любовь к кухаркам. Или к вкусной еде?

Алекс оказался прав, драконы не стали останавливаться на ночь. Они без усталости летели уже второй день, приземляясь на короткое время для того, чтобы напиться и дать своей госпоже размяться. В

ладье королевы было просторно и удобно, поэтому Роуз старалась не задерживать рвущихся домой ящеров.

Наблюдая, принцесса заметила, что драконы ведут себя иначе, чем при Лолибон. Лица утратили жесткость воинов. Тонг-зиттцы начали улыбаться. А на стоянках обменивались шутками, громко смеялись. Царило какое-то праздничное настроение. Радовались, что возвращаются домой или?..

Роуз поделилась своими впечатлениями с Алексом:

— Лолибон рассказывала, что камень, сливаясь со своим носителем, губит его, поднимая из уголков души все самое злое, а через него и драконы становятся такими же злыми и агрессивными. Я вот подумала, если носитель Ока окажется добрым человеком, то и драконам, наверное, не грозит впасть в пучину ненависти? Вот скажите, я плохой человек? Я могу повлиять на драконов так, чтобы они кинулись грабить и бесчинствовать?

— Нет, милая. Ты очень светлый человек. И логика в твоих словах есть. Я, допрашивая пленных драконов, тоже задумывался по этому поводу. И вот что я выяснил: по крайней мере, три последних правителя, носивших Око, были отвратительными людьми. Живодер — папочка Орраха, сам Оррах — еще тот изверг, развратная и мстительная Лоли — чего хорошего они могли передать своим вассалам?

— Пусть я покажусь дурочкой, но я стараюсь думать только о добром: о своей любви к Петру, о родителях, по которым безумно соскучилась, о тетушке Катарине, даже о старике Фарухе.

Роуз в первый же день полета рассказала Алексу о своей жизни в Лабиринтах, о встреченных ею людях, и теперь дядюшка представлял, о ком она говорит, и какие чувства испытывает.

— Ты надолго задержишься в Тонг-Зитте? — любопытствовал он на очередном привале.

— Как только найду Петра, мы присоединимся к отцу, а там все вместе решим, что делать с Оком и красными драконами. Я не стану править Лабиринтами, меня ждет Северная Лория. Союзу пяти королевств придется поломать голову, как превратить Тонг-Зитт из захватчика в мирного соседа. Я знаю один из вариантов решения, но должна кое-что проверить. И пожалуйста, никому не говорите, как можно завладеть Оком, не будучи драконом. Иначе начнется война. Жаждающие власти начнут убивать носителей.

— Малышка, ты могла бы не напоминать.

— Я рассказывала вам о принцессе драконов Солнце — она первая метит в правители драконов. У нее сильная рука и жесткий характер, но я боюсь, что с ней ящеры не изменятся в лучшую сторону. Она очень похожа на Лолибон. Обе коварны и жестоки.

— Соргос? Ты думаешь, он тот, кто нужен драконам?

— Я в сомнениях. Мне он показался искренним, добрым и веселым, но я не знаю, какой он на самом деле. Назови меня пристрастной, и, скорее всего, ты не ошибешься, но если придется выбирать между ним и Солнцем, я выберу Соргоса, хотя больше прав на трон у дочери Орраха. Но опять-таки, я хочу кое в чем убедиться.

— Ты думаешь, она специально избежала от тебя, чтобы Петр достался ей?

— Да, я так думаю. И теперь переживаю за Петра. Не потому, что он сдастся и останется с принцессой драконов. Нельзя заставить любить себя насильно. Я думаю, что Солнце из тех, кто лучше убьет, чем позволит торжествовать сопернице. А мы соперницы. Я в этом не сомневаюсь. Только никак не могу понять, почему она с таким упорством цепляется за Петра?

— Она ревнует. И ты права, они с Лолибон похожи. Солнце, как и Шиншила, несчастна, потому что ее не любят. Но месть и коварство не способ заполучить любовь и доверие человека. Только посмотри, куда привела эта кривая дорожка королеву.

Дракон, на котором они летели, неожиданно начал набирать высоту, а остальные ящеры огромной воронкой закужились вокруг него.

— Что происходит? — спросила Роуз, заметно волнуясь.

— Смотри туда, — Алекс показал рукой в небо. На них надвигалась черная гора, вершина которой, как показалось Роуз, была украшена снежной шапкой.

— Что это?

Часть драконов перестроились и кинулись широкой волной навстречу летящей горе, мгновенно загородив обзор. Рев воинственно настроенных ящеров оглушил, но и гора ответила не менее

яростным воем.

— Это драконы Союза! — закричал Алекс в ухо Роуз. Оба уже стояли у края ладьи, вцепившись в ее борт. — Милая, скомандуй своим, чтобы не ввязывались в драку. Впереди твой отец.

— Папа?!

Принцесса так и не поняла, как отвечает на ее желание Око, но строй драконов, летящих впереди, вдруг расступился, освобождая дорогу ящерице Роуз.

— Папа! — выкрикнула она, даже не надеясь, что Эдуард услышит ее. Радость и любовь к отцу переполняли ее.

И вдруг все красные драконы в едином порыве заревели:

— Па-а-а-па-а-а!

Роуз счастливо засмеялась. Она никогда не слышала, чтобы драконы, находясь в зверином облике, говорили, но ее желание быть услышанной родным человеком они выполнили.

От летящей навстречу горы отделился черный дракон с седоком на спине. Рядом с ним летел белый, и Роуз безошибочно узнала в нем Гри.

— Гри! — радостно выкрикнула она, и ее драконы эхом повторили зов.

— Гри-и-и-и!

Если бы не Алекс, вовремя обхвативший ее за талию, Роуз, наверное, и не вспомнила бы, что не умеет летать, так велико было ее желание быстрее увидеться с отцом.

Они встретились в небе, и их драконы закружились в едином танце.

Остальные ящеры, видя, как радуются два человека, возглавляющих две армии, разрушили свой четкий строй. Красное смешалось с черным, образуя огромное кольцо, вертящееся в сияющей голубизне небес.

В центре живого кольца смеялась золотоволосая дева и тянула руки к мужчине, который грозил ей пальцем и, не стесняясь тысячи свидетелей, кричал:

— Роуз, держись! Ты сейчас вывалишься! Ну что за непослушная девчонка! Алекс, сделай хоть что-нибудь!

— Что? — громко вопрошал Алекс, хватая Роуз за руки, но та отбивалась, не прекращая смеяться.

— Папа! Я люблю тебя!

Отец, не выдержав, заставил своего дракона лететь над красным и, встав на край кресла погонщика, приготовился перепрыгнуть в люльку к дочери.

— Нет, Эдуард! — только и успел выкрикнуть Алекс.

— Не дай ему упасть, — прошептала Роуз, хватаясь за Драконье око, и в этот же миг Эдуард сиганул вниз. Красный дракон немного изменил угол полета и поймал человека, как если бы ловил рыбу сачком. Правда, два других человека едва удержались, чтобы не вылететь наружу. Все трое, вцепившись друг в друга, повалились на дно люльки.

Ничто не могло удержать отца от порыва обнять дочь, как и дочь — не кинуться в объятия родного человека. Верный друг, едва выкарабкавшись из сплетения тел, добрался до дивана на трясущихся ногах и нервно вытер выступивший на лбу пот. Алекс пребывал в уверенности, что благодаря бесшабашным эрийским властителям, в его поредевшей шевелюре прибавилось немало седых волос.

Отсмеявшись, наплакавшись, наобнимавшись до легкого удушья, отец с дочерью, наконец, уселись на диван.

— Ну что, милая, домой? — глаза Эдуарда сияли. Конечно, он заметил и впалые щеки дочери, и ее обветренные губы, и загар, больше свойственный крестьянке, чем принцессе, но счастьем его не было предела, ведь она была рядом. Все остальное можно исправить. Забота Свон и привычная обстановка быстро вернут лоск его Роуз.

Но как же Эдуарда удивил ее ответ!

— Нет, папа, я возвращаюсь в Лабиринты.

Роуз уже догадалась, что Петра среди воинов отца нет, иначе он присоединился бы к ней, не медля ни минуты.

— Я понимаю, что ты и твои люди устали, что поход окончен, мама мучается от неизвестности, но я не могу вернуться в Эрию, не узнав, что происходит с Петром. Он там, в Лабиринтах, и у него осталось мое сердце.

— Ох! — только и сумел сказать Эдуард, враз все понимая. Его девочка влюблена. Роуз всем своим видом излучала такую решимость, что только самоубийца мог бы ей возразить.

— И еще я должна красных драконов вернуть на родину. Я за них в ответе, — поставила окончательную точку Роуз.

Эдуарду на раздумья понадобилось немного времени. Он обнял дочь и поцеловал в светлую головку, совсем так, как делал это в детстве.

— Я тебя не оставляю. Куда ты, туда и я. Полетели!

Поднявшись, он сделал знак рукой Гри, который болтался чуть поодаль. И вскоре вся многотысячная драконья рать, растянувшись на полнеба цветным лоскутным одеялом, держала путь в Лабиринты.

— И вот так я стала повелительницей драконов! — эту часть истории Роуз шептала отцу на ухо, боясь, что ее услышит везущий их красный дракон, хотя и Алекс, и Эдуард заверили ее, что это невозможно — бьющий в лицо ветер уносит все звуки проч. — А теперь я в раздумьях: кому передать Драконье око? Вроде бы Солнце прямая наследница Орраха Могучего, но, как уверяют драконы, даже если принцесса наденет на себя магический камень, чуда не произойдет. Конечно, я могла бы открыть ей секрет Лолибон, которым и сама воспользовалась, но меня гложут сильные сомнения в правильности такого решения. Почему в природе Ока заложена передача правления по мужской линии? Не нарушаем ли мы, а я говорю не только о Лолибон, но и о себе, установленные издревле порядки? Нам трудно предугадать, как сложится история Тонг-Зитта, как изменятся драконы, если Око окажется в руках женщины. Сколько лет Лолибон владела камнем? Шесть-семь лет? Слишком маленький срок, чтобы однозначно заявить, что пагубных последствий от насильственного изменения магии Ока нет.

— Милая, ты рассуждаешь не как женщина, — Эдуард посмотрел в горящие от возбуждения глаза дочери. — Я думал, только мужчинам свойственно принижать роль слабого пола в управлении государством.

— Нет, папа. Вспомни мою бабушку Беатрис Шестую. Она крепкой рукой правила во благо Северной Лории, и я сама ни за что не откажусь от ее трона. Но я говорю о том, что невозможно предугадать все последствия нашего вмешательства в магию Ока. Вдруг она станет непредсказуемой? Что тогда случится с драконами и Тонг-Зиттом?

Эдуард улыбнулся. Горячность дочери не удивила его. Он прекрасно понимал, что Роуз ищет оправдание своему решению не отдавать Око наследнице Орраха. И последующее заявление подтвердило его догадки — его дочью правила ревность.

— Да и потом, у меня есть личные причины для сомнений. Если вспомнить все то, что происходило со мной в Лабиринтах, то именно Солнце всячески старалась выставить меня в плохом свете перед Петром, а в самом конце так и вовсе отдала меня в руки Шиншилле.

Эдуард опустил голову. Упоминание имени забытой любовницы всякий раз било под дых. Его сразил наповал рассказ дочери о королевской шпионке. Он чувствовал себя виноватым и теперь мучительно переживал, что был настолько невнимателен к проявлениям болезненной любви бывшей подруги, что допустил катастрофическое развитие событий. Он и представить себе не мог, что Шиншилла затаила обиду. С первого дня, как она вернулась из рабского плена, он оказывал ей знаки внимания, как человеку, пережившему страшные испытания по его вине. Теперь Эдуард понимал, что стоило один раз серьезно с ней поговорить, рассказать о том, что происходило на самом деле, сколько сил он отдал, чтобы вытащить ее из плена Одноглазого Бахата. И тогда можно было бы избежать всех тех несчастий, что испытала его семья. Он кругом виноват. Петр, Роуз, Свон — самые близкие и любимые люди оказались втянуты в омут ненависти и мести.

ГЛАВА 21

Слушая рассуждения Роуз, Эдуард мысленно вернулся к событиям, произошедшим более четверти века назад.

— Эдуард! Мы нашли Шиншиллу! — в кабинет ворвался возбужденный граф Александр Де-Бромон. Только ему разрешалось входить к наследнику без доклада.

Вот уже более двух лет люди эрийских принцев прочесывали Форш, надеясь отыскать хоть какой-то след Одноглазого Бахата, увезшего с собой Шиншиллу. Но старый разбойник надежно укрылся в своем тайном логове и никогда больше не появлялся на побережье Спокойного моря. — Ее держали в горах на границе с Сулейхом! А теперь весь Форш гудит — наследники почившего Бахата распродают его гарем и имущество. Я сразу понял, что «Лучшая наложница и звезда гарема» — это она.

Алекс протянул принцу в несколько раз сложенную бумагу. Тот, боясь повредить, осторожно расправил цветной лист. На нем была нарисована дева с черными волосами до пят и большой грудью, едва прикрытой тонкой тканью.

Эдуард впился взглядом в знакомые черты.

— Хороший художник, — подтвердил Алекс. — Немного преувеличил, но ...

— Когда назначены торги? — перебил его Эдуард. Он не понимал фарузский язык, на котором говорило большинство жителей южного побережья Спокойного моря, поэтому не мог прочесть текст и узнать дату проведения торгов.

Алекс, считая, загибал пальцы. Лицо его мрачнело прямо на глазах.

— Получается, через пятнадцать дней. Мы не успеем.

— Черт, — Эдуард потер переносицу. — Даже если полетим на драконах, это займет минимум три недели.

Он сложил руки за спиной и прошествовал к окну. Бугрящие кожу желваки выдавали его волнение.

В королевском саду цвели яблони, пчелы деловито сновали от цветка к цветку. Птицы, растревоженные садовником, галдящей стайкой взмыли в небо.

Запахи весны, пение пичуг, басистое гудение шмеля — Эдуард кожей ощущал, сколь резко отличается жизнь в благополучном дворце от жизни на враждебном юге. Он видел эти бескрайние пустыни, по пескам которых жаркий ветер гонит сухие колючки. Человек там чужеродное существо. Только змеи, пауки да вараны могут выжить в адовом пекле.

Какой вернется Шиншилла? Сломленной? Обозленной? В любом случае, она не будет прежней. Сумеет ли он получить ее прощение?

Все два года Эдуард жалел, что не существует магии, поворачивающей время вспять. Он многое бы отдал, чтобы выстоять в тот роковой день, не поддастся на уговоры Мрыси, вызвавшей помочь Шоколаднице.

— Отправь в Форш почтового дракона. Лучше двух или даже трех. Самых выносливых. Они долетят дней за десять.

— К кому отправить?

— К Дарияру.

— Это же наш секретный осведомитель в Гильдии торговцев Форша! Мы не можем подвергнуть его смертельному риску. Как только купец покажет свой интерес к эрийке, все сразу поймут, на кого он работает. Слишком шумно и долго мы искали Шиншиллу.

— Я понимаю. Но только он обладает достаточными средствами, чтобы выкупить дорогую рабыню. Мы больше не можем ошибаться. Разве ты не догадываешься, какую за нее заломят цену? Купцы Форша быстро смекнут, что к ним в руки попала золотая рыбка.

Шиншилла прибыла во дворец, как Эдуард и ожидал, месяц спустя. Без Дарияра. Она, не подозревая, что купец работает на принцев, убила его и сбежала с корабля, который, сделав крюк, чтобы ввести в заблуждение Гильдию торговцев Форша, доставил бы ее в Эрию.

Теперь Эдуард понимал, что не надо было скрывать от Шиншиллы правду, следовало сразу же

рассказать ей, что она ошиблась, перерезав горло своему спасителю. А он пожалел, не стал вешать на измученную женщину чувство вины.

Но самую страшную ошибку он допустил тогда, когда отправил Шиншиллу в Тонг-Зитт. Он ни на минуту не сомневался, что шпионка погибла вместе с белым драконом. Да, он не нашел ее тело, но и от огромного боха почти ничего не осталось. Пустыня и падальщики быстро разделяются с теми, кто оказывается в их власти.

Поэтому для Эдуарда стало большой неожиданностью, что Лолибон Великая — его враг, держащий в заточении дочь, выкравший приемного сына Петра и планирующий убить Свон и отца — та самая Шиншилла. Его Мрыся, его первая любовь.

— Папа, ты меня слышишь? — Роуз потеряла его за рукав.

— Да, родная, — стряхнув тяжелые мысли, откликнулся Эдуард. — Так что же ты решила? Отдашь Око Соргосу?

— Да, скорее всего так. Он тоже королевских кровей, о чем скорее всего принцесса драконов и не догадывается. Мне бы только разобраться в роли Соргоса в моем похищении. И понять, почему Петр не появился на границе, хотя Солнце сумела отправить к тебе посыльного с сообщением. Как хитро она извратила правду! «Лолибон похитила вашу дочь и направляется с армией драконов на север!» Ведь она верила, что я не выживу!

— Солнце — коварная девица. Она все продумала. Как видишь, она избавилась и от Лолибон, и от армии Союза пяти королевств, что стояла под стенами Лабиринтов. А теперь ее драконы летят назад присмирившими, и Солнце спокойно сможет начать торговлю горячими камнями, вернув благоденствие своей стране.

— Я тоже коварная девица. Пусть зря не облизывается на Око. Не быть ей правительницей драконов, — Роуз театрально сощурила глаза.

— Я тебя уверяю, как только Солнце поймет, что Око уплывает к Соргосу, она сразу проявит к нему великую любовь. И принцесса драконов не остановится, пока не докопается до секрета Лолибон. Бедняге Соргосу рано или поздно пустят кровь.

— Я молю бога, чтобы Петр оказался жив и здоров. У меня сердце заходится от страшных предположений, что могла с ним сотворить Солнце. Вдруг опоит его какой-нибудь гадостью и силой женит на себе?

— Пока Око не вернется в Тонг-Зитт, она навряд ли сделает такую глупость. Мало ли как все обернется?

Эдуард видел волнение дочери, когда она говорила о Петре. Ему нравилось, что Роуз не твердила о своей любви к графу, что частенько случалось, когда она была невестой Руффа. Его дочь повзрослела за эти полгода.

Эдуард притянул к себе Роуз и крепко обнял.

— Все будет хорошо, милая! — он поцеловал ее в лоб. — Ничего не случится с твоим Петром. Он сильный мальчик.

— Нашим Петром, папа. Нашим.

— Я рад, что он вернулся к нам.

Эдуард пока не давал оценки отношениям дочери с приемным сыном. Он хотел сам убедиться, что Петр и его любовь не фантазия девочки, долгое время находящейся в плену у графа Пигеон. Ведь известно, что иногда жертва влюбляется в своего мучителя.

Да, Эдуард понимал, что Петр не мог поступить иначе. Он похитил Роуз, боясь за ее жизнь. Но не ошибается ли дочь, принимая заботу за любовь?

И опять Эдуард невольно вспомнил Шиншиллу.

Его юношеская влюбленность быстро закончилась, но он не нашел в себе силы признаться в этом. Он оставил Мрысю рядом с собой из-за какого-то чувства неловкости, нежелания обижать.

Впервые Эдуард честно признался самому себе — ему было удобно держать под боком любовницу, которая ничего не требовала, подходила ему в постели, понимала его с полуслова. И если бы не тот случай с похищением Шоколадницы, все могло бы сложиться иначе. У него был бы еще один сын. Без права наследования, бастард. Но он признал бы мальчика.

Эдуард закрыл глаза и подставил пылающее лицо ветру. Он не испытывал злости по отношению к Шиншилле. Он ее жалел. Как тогда, когда она вернулась из гарема Одноглазого Бахата. Он видел ее вопрошающий взгляд, на который не ответил, отвернувшись к окну. Эдуард помнил, как Мрыся ночами стучала в его дверь, а он делал вид, что спит.

— Что с тобой, папа? — на него смотрели ясные глаза дочери, в которых плескалось беспокойство. — Ты стонал. У тебя что-то болит?

— Нет, все в порядке. Тебе показалось.

Что он мог ей сказать? Что ему стыдно за свои давние поступки? Что это он довел женщину до желания мстить? Что не нашел ничего лучшего, как завести еще одну любовницу, чтобы Мрыся, наконец, перестала стучаться к нему? Сколько их было после нее? Влюблялся и остывал. Кто может поручиться, что еще одна брошенная им женщина не затаила злобу?

— Нет, у тебя все-таки что-то болит! — настаивала Роуз. — Ты стонешь!

— Да, дочка. Болит. У меня болит душа.

Скорее бы увидеть Свон. Она — его лекарство, его сердце, его жизнь. Она научила его любить.

К концу дня вдали показались темные оборонительные стены королевства Тонг-Зитт. С приходом войск Союза пяти королевств жизнь покинула девятый лабиринт: рабы разбежались, строительство прекратилось, красные драконы отступили.

— Прикажи начать снижение, — Эдуард поднялся и подал кому-то из своих воинов условный сигнал. — Облетим лабиринты стороной.

— Зачем? — удивилась Роуз. — Давай направимся сразу к королевскому замку.

— Нет, милая. Только красные драконы могут пересечь небесные границы Тонг-Зитта. Вспомни рассказ Лолибон о том, как погиб ее белый дракон. Какая-то магия защищает королевство с воздуха, иначе нам не пришлось бы идти напролом, разрушая стены.

Драконы, послушные Роуз, начали снижение и, плавно описав полукруг, приземлились в песках у восточных стен девятого лабиринта, где стояла армия Эдуарда. Развернутые шатры, люди в доспехах, механизмы для разрушения стен, огороженные участки для скота, лошадей и черных драконов, горящие костры, на которых готовилась пища — все говорило о том, что войско не собиралось оставлять Лабиринты.

— Я тоже не верю драконьей принцессе, — коротко пояснил Эдуард. — Поэтому не посчитал нужным сниматься с места.

Роуз не ожидала увидеть действующий военный лагерь. Надежды Солнца на то, что вражеская армия оставит Лабиринты, как только узнает, что королева и ее заложница улетели, не оправдались.

— Конечно, моей основной целью было вызволить тебя из плена, — отец помог Роуз сойти по крылу дракона вниз. — Ты знаешь свою маму. Она не пустила бы меня на порог, если бы не увидела свою любимую дочь. Но цели Союза не ограничиваются спасением эрийской принцессы и ее бреужского жениха, все гораздо серьезнее. Кстати, нам придется отчитаться перед отцом Руффа. Он тоже здесь, в лагере.

— Позвольте мне встретиться с Карлом и рассказать о его младшем сыне? — подал голос Алекс, идущий следом. — Я был свидетелем его бегства с острова Пигеон.

— Не нужно говорить отцу о неблагоприятных поступках принца, — Роуз поймала Алекса за руку. — На войне всякое случается. Мы сами поняли цену Руффу и этого достаточно.

Эдуард кивнул, и Алекс поспешил к огромному синему шатру, у входа в который развевался стяг с изображением льва, готовящегося к прыжку.

Белый шатер Эдуарда отличался небольшим размером и скромностью обстановки: ни гобеленов, ни ковров, ни дорогой мебели. Походная кровать за небольшой ширмой, бочка с водой для купания и стол с разложенными на нем бумагами и рисунками лабиринтов.

— Твоих драконов накормят, а утром мы отправимся в королевскую крепость. Посмотрим, что там происходит, — он пододвинул кресло, но Роуз сесть отказалась.

— Нет, папа, я не могу ждать. Мне надо попасть в четвертый лабиринт к тетушке Катарине. Вдруг Петр там? Я не смогу ни есть, ни пить, пока не узнаю, что с ним случилось.

— Я против. Никто в Тонг-Зитте не догадывается, что красные драконы вернулись. Наш визит во дворец должен стать полной неожиданностью для Солнца. Сейчас принесут еду. Не жди меня, ешь и ложись спать. Я задержусь на совете королей.

— Что? И Уильям здесь?

— Как на войне без короля Андаута? Только Лорию представлять некому. Кстати, Шиншилла сильно просчиталась, когда думала застать твою матушку в Эрии. Сwon сейчас улаживает дела после смерти бабушки.

— Так она в Северной Лории?

— Там, милая. Генрих остался с дедом. Старик совсем начал сдавать.

Люди, застывшие в дверях с блюдами, на которых исходила вкусными запахами еда, пропустили наследника, склонив в приветствии головы. Как только Эдуард покинул шатер, слуги, отодвинув бумаги, быстро сервировали стол.

Серебряная чаша с водой для омовения рук, мягкое белоснежное полотенце, блеск хрустальной посуды, неизвестно откуда появившаяся служанка, которая молча хлопотала, перестила свежие простыни, пахнущие лавандой — все напоминало о прежней беззаботной жизни в Эрии. Но мысли Роуз были далеко. Она ела, не чувствуя вкуса еды.

Ее сердце билось беспокойной птицей. Как она может лечь спать, когда Петр где-то рядом? Если бы не отец, приказавший дожидаться утра, она уже летела бы на красном драконе над Лабиринтами.

Следующая мысль обожгла: а почему бы и не полететь? Кто может остановить ее? Черные или белые драконы? Они не преодолеют магическую защиту. Да никто и не заметит ее отсутствия! Она сядет на одного из красных драконов и, сделав крюк над пустыней, влетит где-нибудь севернее под охранный купол Тонг-Зитта. Тайно проберется в дом тетушки Катарины, где только поговорит с гостеприимной хозяйкой, и тут же вернется назад.

Роуз вспомнила, что оставшиеся в Лабиринтах драконы, дав присягу верности Солнцу, лишились возможности летать, а значит, в воздухе ей ничего не угрожает.

Ее нетерпение было столь велико, что Роуз поспешно закончила ужин, так и не поняв, что ела, и с трудом дождалась, когда слуги уберут со стола и покинут шатер.

Неторопливая служанка, закончив взбивать подушки, расстелила на постели ночную рубашку и, взяв в руки гребень, дожидалась, когда Роуз изволит пройти за ширму, чтобы снять дорожную одежду.

Глупо было гнать из шатра Агату (так представилась крестьянского вида девушка), которая могла заподозрить, что принцесса что-то задумала, поэтому Роуз позволила себя раздеть, протереть влажным полотенцем тело, расчесать и вновь заплести волосы, уложить в мягкую кровать и укрыть пуховым одеялом.

— Его Высочество не любит спать на мягкой перине, — поправляя края одеяла, Агата продемонстрировала, сколь она сведуща в привычках принца Эдуарда. — Пришлось за ней идти к королю Уильяму, а он такой баловник!

— Довольно! — прервала Роуз болтовню необученной прислуги.

— Ой, божечки! Язык мой! — запричитала Агата, прикрывая рот пухлой ладонью.

— Я сказала — довольно! И не гаси свечу! — предупредила принцесса, видя, как напуганная строгим окриком Агата склонилась над мерцающим огоньком.

— Спокойной ночи, Ваше Высочество, — служанка, беспрестанно кланяясь, попятилась к выходу.

Роуз лежала, прислушиваясь к звукам за пределами шатра. Она ясно различала женский смех. Ей тут же вспомнилась ночь в шатре Лолибон, когда драконы предавались распутству с несчастными невольницами. Тогда тоже слышались смех и разговоры, но к ним примешивались женские крики, полные боли. Роуз закрыла лицо ладонями, не сумев справиться с всплывшей в памяти картинкой — мертвые женские тела на берегу моря и сбившиеся в кучку оставшиеся в живых. Этими драконами она сейчас повелевает! Насильники находятся рядом! Неужели они не ответят за свои поступки? Звериная сущность не может быть оправданием жестокости. Как и то, что ими управляла через Око злая и распутная женщина. Насильники должны понести равноценное наказание!

Стоило Роуз подумать об этом, как над военным лагерем пронесся звук, похожий на многоголосый стон. Словно сотни людей одновременно горестно вздохнули.

Что это?

Быстро поднявшись с постели, Роуз искала глазами свою одежду. Поняв, что Агата унесла ее с собой, чтобы выстирать, принцесса кинулась к сундуку, стоящему у кровати. В нем оказались мужские вещи, среди которых Роуз нашла стеганный халат. Отец был гораздо выше дочери, но она, испуганная странным звуком, не обращала внимания на путающиеся под ногами полы длинной одежды.

С трудом справившись с тяжелым пологом, принцесса выбралась из шатра, и тут же забыла о расстегнутом халате и о виднеющейся из-под него тонкой рубашке. Тела десятков людей-драконов неподвижно лежали на песке головами в сторону шатра. Казалось, всех их развернула лицом к Роуз неведомая сила, а потом ударила, заставив упасть ниц. Вокруг мертвецов ширилась волнующаяся толпа воинов противоборствующих некогда сторон.

Роуз, еще не веря, что драконы умерли по ее воле, застыла, гася крик отчаяния руками, плотно прижатыми ко рту.

Люди и драконы подняли глаза на принцессу, но их внимание привлекли не ее глаза полные слез, они смотрели на хищно поблескивающий в лучах заходящего солнца рубиновый камень.

Тишина опустилась на военный лагерь. Стало слышно, как потрескивают дрова в костре, как привлеченные запахом жаренного мяса тявкают пустынные шакалы, как осыпается на барханах песок, потревоженный ветром.

— Роуз! — отец бежал, перепрыгивая через тела, расталкивая людей.

— Папа! — Роуз опустила руки. Все вокруг поплыло, и только силуэт отца ярко вырисовывался на фоне красного солнца, заходящего за стены далекого лабиринта.

— Я не хотела их убивать! Не хотела! — шептала она, уткнувшись в грудь отца. Под ее ладонью тревожно стучало его сердце. — Я только подумала, что их следует наказать, а Око исполнило...

— Тише, родная, тише, — Эдуард гладил дочь по голове. — Может, его нужно убрать подальше?

Роуз не успела предупредить, как отец потянулся к рубиновому камню и схватил его, намереваясь снять магическую вещь с груди дочери, но тут же отдернул руку.

— Ох! — вскрикнул он. На ладони пузырился кровавый ожег.

— Не поможет, — Роуз хлюпала носом. — Где бы камень не находился, он слышит повелителя драконов. Лоли не всегда носила его на груди, я это видела.

И опять в памяти всплыла жуткая картинка: стоящая на четвереньках нагая королева, предающаяся любви с Руффом и Шотсом, и возвышающийся над ними Анвер, захлебывающийся от хохота.

— Папа! — Роуз заткнула уши, лишь бы не слышать этот ужасный смех, но он продолжался и продолжался. — Папа! Я схожу с ума!

— Роуз, милая, успокойся! Ты не виновата!

— Око убивает меня! Папа, сделай что-нибудь!

— Милая! — Эдуард тряс за плечи Роуз, пытаясь привести ее в чувство. — Милая, послушай меня! Алекс! — он обернулся, понимая, что не справится со слезами дочери.

Алекс тут же откликнулся.

— Лекаря!

Эдуард сидел у кровати, где спала его дочь. Она все еще всхлипывала, хотя лекарь заверил, что это всего лишь последствия истерики. Отец всматривался в бледное лицо девушки в обрамлении спутавшихся волос. Он готов был взять ее боль на себя, но впервые в жизни не мог помочь любимому дитя, хотя оно находилось на расстоянии вытянутой руки. Его кровь камень не принял.

— Нам надо избавиться от проклятого Ока, — обратился он к находящимся в шатре мужчинам.

Уильям и Алекс не отходили от его дочери ни на шаг, боясь, что она что-нибудь сотворит с собой, лишь бы не слышать «мерзкий смех мертвеца». Так она кричала, пока лекарь готовил сильнейшее снотворное. Другие целебные отвары возымели обратное действие, введя принцессу в еще большее исступление.

— Как только Роуз проснется, сразу отправимся в Лабиринты, я уже отдал приказ, — Уильям, располневший и потерявший былую привлекательность, вытирал льющийся со лба пот белым платком с королевскими вензелями. Его некогда выющиеся локоны поределели и обильно серебрились на висках.

Эдуард, хотя и был старше брата на два года, выглядел не в пример лучше. Подтянутое тело человека, безуданно находящегося в движении, и горящие азартом глаза выгодно отличали Эдуарда от сверстников. Лишь седые нити в темных волосах выдавали его далеко не юношеский возраст.

— Летим на красных драконах? — уточнил Алекс.

— Пока не выясним, как снимается магический купол, будем передвигаться на них.

— Погибших драконов берем с собой?

— Т-ш-ш-ш! — осуждающий взгляд Эдуарда заставил Алекса прикусить язык. — Сначала моя дочь, остальное потом.

Никто из мужчин, находящихся у постели спящей беспокойным сном Роуз, в эту ночь не сомкнул глаз. Они все знали Шиншиллу и теперь видели, какой тяжкий груз вместе с властью над драконами пришлось ей нести.

Восемнадцатилетней принцессе жуткий дар камня оказался не по силам.

— Может быть, Роуз права, — Эдуард встал и прошелся от стенки до стенки, разминая ноги. — Магия Ока не для женщин. И не для человека вообще. Я думаю, колдун, сотворивший Драконию камень, наделил его мощью, которую способен выдержать лишь дракон королевских кровей.

— Такой есть? Я слышал только о принцессе Солнце, — Уильям шумно отхлебнул вина, посмаковал его вкус, посмотрел через хрустальный фужер на свечу. Он только что доел оленью ногу, которую принесли на ужин. Ни Эдуард, ни Алекс не притронулись к еде.

— Солнце сама не знает, что рядом с ней находится соперник. Это Соргос, — Алекс не отрываясь смотрел, как дергается кадык на шее короля Андаута, а струйки красного вина затекают за воротник, густо пачкая его белизну.

— Нужно будет разыграть передачу Ока по нашим правилам, — Эдуард, откинув полог, за которым стояла темень, рассеиваемая лишь звездами и искрами гаснущих костров, впустил в шатер свежий ветер. — Взять бы обет с нового короля.

— Хорошо бы набросить на него уздечку, — Уильям вытер испачканные жиром пальцы о скатерть. — Чтобы в случае неповиновения как следует одернуть.

Эдуард помнил слова дочери о том, что Петр жил среди драконов и многое о них знает. Он мог бы подсказать, как «накинуть уздечку» на Соргоса.

— И найти Петра. Его любовь главное лекарство для моей девочки.

Немного помолчав, Эдуард добавил, и друзья поняли, что говорил он прежде всего о себе:

— Нас всех лечит любовь.

Утром Роуз разбудил свежий ветер. Он резво поднимал край тяжелого полога, опрокидывал высокую посуду, оставшуюся после ночной трапезы на столе, веером разбрасывал бумаги с рисунками лабиринтов. Один из листов приземлился Роуз на грудь и готовился взлететь, понукаемый порывом ветра, но принцесса, высвободив руку из-под одеяла, ухватила рисунок за краешек.

На нем был изображен четвертый лабиринт, где художник жирным крестом отметил трактир «Пьяный дракон» — давнюю резиденцию Солнца. Туда попала Роуз после первого побега из королевского замка.

И тут же в памяти всплыла картинка, как она лежит раздетая под Руффом, а из портала появляется Петр и противный женский голос шепчет: «Я же тебе говорила, что ей хорошо».

«Хорошо-хорошо-хорошо!» — уже не шептал, а кричал голос, и Роуз увидела, как она шагает в темное окно, а утопанная земля неумолимо приближается, суля кратковременную боль и забвение.

— Хватит! — крикнула Роуз и взялась рукой за Око, которое ощутимо нагрелось. Если вчера принцесса была ослаблена чередой событий, включая бессонную ночь, которую она провела в беседах с Лолибон, гибель королевы, не менее тяжелый перелет в Лабиринты, встречу с отцом, что

опять-таки явилось эмоциональной встряской, то сегодня Роуз выпалась и могла мыслить трезво.

— Прекрати мучить меня!

Камень, зажатый в кулаке, ощутимо дрогнул.

— Запомни: я управляю тобой, а не ты мной! — ясно и четко произнесла Роуз, спуская ноги с кровати и откидывая в сторону одеяло.

Камень мелко затрясся.

Откуда-то Роуз знала, что Око трясется не от страха, а от ненависти.

В сознании принцессы всплыл образ маленького, почти прозрачного человечка, закованного в глыбе из застывшей крови. Она видела его глаза, блеснувшие злобой, оскаленный рот с сотней мелких острых зубов. Несмотря на кажущуюся некрасивость непонятного существа, сердце Роуз заняло от жалости к нему. Она видела, что человек замерз, устал, а камень не только удерживает его в плену, но даже не позволяет подняться в полный рост.

— Милый, сколько же веков ты сидишь скрючившись? — ее голос заставил полупрозрачное существо поднять голову. Оно уставилось злыми глазами в душу Роуз, отчего по спине девушки прошел мороз.

— Кто пленил тебя? И за что?

Злость в глазах человечка померкла, теперь там плескалось отчаяние. Он плотно сжал безгубый рот, втянул голову в плечи и медленно, задевая то локтями, то коленями стенки удерживающего его сосуда, развернулся к Роуз спиной.

— Ты не хочешь со мной говорить?

Никакого ответа.

— Или не можешь?

Лысая голова еще больше спряталась в плечи. Спина человечка сгорбилась. Сквозь тонкую кожу ясно просвечивала гусеница позвонков, а острые лопатки, выпирая под неестественным углом, походили на горб.

Приглядевшись, Роуз не удержала вскрика: то, что она приняла за лопатки, было остатками крыльев, которые кто-то неведомый грубо выломал, не щадя несчастное существо. Два облезлых пера венчали торчащую кость, со временем загрубевшую и обветренную.

— Что за сила изувечила тебя?

Она только представила, какую боль испытал человечек, и невольная слеза скатилась вниз тяжелой каплей. А стоило ей начать переживать за судьбу несчастного человечка, и слезный поток было уже не остановить.

— Как можно обречь живое существо на такие муки? — всхлипы мешали ей говорить. — Сколько веков ты стоишь на коленях?

Роуз помнила рассказы и Соргоса, и Лолибон, что не одно поколение драконов владело рубиновым камнем, а значит заточение произошло очень давно.

Она плакала и плакала, вытирая слезы и потекший нос свободной рукой — в другой Роуз держала камень, где спиной к ней сидел человечек, плечи которого мелко вздрагивали.

— Ты тоже плачешь, милый?

Роуз слизнула слезу, которая повисла на губе, но другая, тут же занявшая ее место, упала вниз, стукнувшись о поверхность Драконьего ока.

Человечек резко обернулся.

Роуз вздрогнула от неожиданности, что спровоцировало падение еще двух слезинок, которые кляксами растеклись на помутневшем рубине, и человечка стало не разглядеть. Испугавшись, что навредила камню, Роуз схватила край простыни и начала тереть Око, но оно неумолимо менялось, теряя свой прежний блеск.

Как катаракта наползает на глаз, так белесая муть растекалась по камню.

Тогда она поднесла его к губам. Принцесса помнила, как бабушка Беатрис дышала на увеличительное стекло и протирала его тряпочкой до чистоты, и решила повторить, надеясь, что рубин станет прежним. Но сколько бы она не дышала, сколько не терла, рубин все больше становился похожим на обыкновенный камень-голыш, каких полно в горных речках или на морском побережье.

— Что же я наделала? — закричала Роуз от ужаса.

Заточенный в камень человек больше не мог смотреть на мир через прозрачную поверхность, она лишила его и этой малости. Теперь его существование станет и вовсе печальным.

Она держала поблекший камень в лодочке из ладоней и, низко склонив голову, шептала, прося прощения у маленького человечка, которому навредила. Но камень не подавал признаков жизни. Как бы Роуз хотела, чтобы он хотя бы вздрогнул, подал сигнал, что слышит.

— Прости меня, — шепнула она, прежде чем поцеловать мертвый камень.

ГЛАВА 22

— Милая, проснись! — голос отца заставил открыть глаза.

Роуз лежала в кровати, укрывшись одеялом до самого носа — ночь в пустыне была холодна.

Повернув голову, принцесса увидела Алекса и Уильяма, которые дремали в креслах, укутавшись в теплые пледы. Отец казался бодрым и свежим, но темные круги под глазами выдавали и волнение за дочь, и бессонную ночь.

— Ты плакала? — с беспокойством спросил он, стерев с щеки дочери кончиком мизинца прозрачную слезу.

— Наверное, что-то приснилось, — не вынимая рук из-под одеяла, Роуз нащупала Драконье око. Пальцы провели по его гладкой теплой поверхности. Трудно было понять, ее тело нагрело камень или он был теплым сам по себе.

Дождавшись, когда отец отойдет от кровати и выставит ширму, принцесса вытащила руку с зажатым рубином, села и лишь после этого медленно раскрыла ладонь.

Роуз волновалась.

Если Око окажется белым, значит, она обрекла маленького человечка на вечную слепоту и будет чувствовать себя виноватой до скончания века.

Если камень красного цвета, то полупрозрачное существо, заточенное в Оке — всего лишь странный, волнительный сон, и можно будет вздохнуть с облегчением.

Камень был, как и прежде, прозрачным, и в лучах утреннего солнца, пробивающегося через прорехи шатра, ярко блестел рубиновым цветом.

Сон. Всего лишь сон.

Роуз вздохнула. Она не знала, радоваться этому открытию или нет. Отчего-то приснившийся человечек стал ей до странности близок. Она предпочла бы верить, что он существует на самом деле. Ведь тогда можно было бы порыться в архивах королевской библиотеки, которая наверняка есть в замке, и открыть тайну Ока, а через это знание помочь узнику обрести свободу.

Роуз перевернула камень. Она никогда не рассматривала его обратную сторону, а ведь и здесь рубин был искусно огранен. Только сейчас она обратила внимание, что по форме он напоминает сердце. Поднеся его ближе, Роуз разглядела трещину, тонким волоском делящую сердце на две половины.

Кто-то пытался разбить камень?

Или разбить сердце?

Романтичная часть ее натуры сразу представила, что этот камень мог действительно быть символом чьего-то разбитого сердца.

«Не чьего-то, — поправила себя Роуз, — а того самого человечка, у которого отняли не только способность летать, но и любовь».

Фантазия это была или нет, но принцесса твердо решила, что поищет документы о камне. Око должно оставить свой след.

Когда Роуз вышла под руку с отцом из шатра, она увидела своих подчиненных. Их хмурые лица напомнили о вчерашней трагедии. Принцесса невольно попятилась в попытке спрятаться за широкой спиной отца, но Эдуард не позволил.

— Держи голову выше, — шепнул он. — Нельзя показывать, что ты их боишься.

Роуз кашлянула и вышла вперед:

— Мы возвращаемся в Лабиринты. Только двое из вас полетят со мной во дворец, остальные могут отправиться к своим семьям.

Произнося короткую речь, принцесса крутила на пальце Кольцо жизни, которое принадлежало Уильяму. Король Андаута оставался в лагере на случай возобновления войны.

Свое кольцо Эдуард отдал Свон, боясь без магической поддержки отпускать ее в Северную Лорию, оставшуюся без правителя.

Вперед выступил мужчина, затянутый в черную кожу. Роуз узнала его — именно он в обличие дракона перевозил Лолибон.

— Я не могу доставить вас во дворец, — заявил Шиви без должного почтения. Ни поклона, ни положенного обращения к царствующим особам.

Краем глаза принцесса заметила, как воины отца вытаскивают оружие. Бунт? Как такое возможно? Роуз схватилося за Око, но мужчина криво усмехнулся.

— Сегодня утром мы перестали его слышать. Око больше не повелевает нами. Мы свободны.

Масса стоящих перед Роуз людей заволновалась, пришла в движение, послышались одиночные выкрики. Кто-то потрясал кулаками, кто-то истерично смеялся.

Но принцесса не слышала радости в голосах.

Смятение, даже паника.

Шиви обреченно махнул рукой и вернулся в толпу.

— Стоять! — рявкнул Эдуард. — Доложить обстановку четко! Что произошло?

И опять вперед вышел Шиви, его подталкивали стоящие рядом драконы.

— Мы разучились летать. И больше не можем обернуться в драконов. Это должно быть кара за многовековые преступления. Око бросило своих детей.

Обе армии застыли в напряжении.

Что ответит Эдуард?

Перед ним стояло войско, которое разучилось воевать в человеческом облике.

Растерянное. Убитое произошедшими изменениями.

— Возвращайтесь к своим семьям. Там сейчас вы нужнее, — Роуз оглянулась на отца. Тот одобрительно кивнул. — Если Око вернет власть, вы почувствуете. Нет — привыкайте жить как обычные люди.

Когда тонг-зитты разношерстной толпой почти бегом направились в сторону Лабиринтов, Роуз выдохнула.

— А теперь ты расскажешь мне, что произошло ночью, — встал перед ней Эдуард.

— Но это лишь сон...

— Это магия, дочь.

— Эй, люди! — голос Гри заставил всех задрать головы. Он кружил над шатром, поднимая в воздух песчинки. — Я сейчас такое расскажу, вы упадете!

— Только этого не хватало, — Уильям закрыл ладонью глаза, пряча их от пыли и солнца.

— Роуз, привет! — Гри улыбнулся, низко свесив голову.

— Говори уже, — устало произнес Эдуард.

— Над Лабиринтами больше нет защитного купола! Он исчез!

В поход на королевский замок оправился небольшой отряд Союза пяти королевств и несколько бохов во главе с Гри.

— Мы наблюдаем за замком сверху, пока вы будете вести переговоры. От самозванки всякого можно ожидать, — резонно заметил белый дракон, сунув голову в шатер, в котором проходил совет.

Две дюжины воинов в одинаковых длинных плащах сели на ездовых драконов. Из-за глубоко надвинутых на их лица капюшонов невозможно было понять, кто из ездовых Эдуард, а кто его дочь. Конечно, Роуз отличалась от мужчин меньшим ростом, но армейская одежда и сапоги сделали ее одной из многих.

Нахождение принцессы в отряде было решено скрыть от жителей королевского замка — Эдуард не хотел рисковать жизнью дочери. Алекс даже предложил передать Око ему для того, чтобы разыграть перед Солнцем спектакль, будто бы он стал следующим правителем Тонг-Зитта, но Роуз

запротестовала. Да, рубин не действовал, купол над Лабиринтами разрушился, драконы потеряли способность летать, но кто может быть до конца уверенным, что Драконий камень навсегда утратил магические свойства? Вдруг все вернется назад?

Роуз сидела на месте погонщика рядом с отцом. Она впервые видела девятое кольцо как на ладони и не могла не поразиться открывшимся видом. Поистине, Лабиринты являлись уникальным и грандиозным строением. Страшно даже представить, сколько сил и жизней было положено на их возведение.

Когда ящер подлетел ближе, принцесса заметила внизу бегущих людей, которые темной рекой вливались в проход, пробитый воинами Союза пяти королевств. Роуз вслух предположила, что исконные тонг-зиттцы быстро доберутся до своих семей. Кому как не бывшим драконам знать все пути и лазейки?

— А может они как раз и не знают? — Эдуард поднял бровь. — Драконы только перелетали от лабиринта к лабиринту. Им придется лично познакомиться со смертельными ловушками и запутанными проходами. Теперь они испытают на своей шкуре все прелести наземной жизни.

— Это послужит им уроком?

— Пусть привыкают быть простыми людьми.

Ветер трепал длинные волосы Эдуарда. За время похода они сильно отросли, и Роуз с теплотой в душе вспомнила, как мама ругала отца за его пренебрежение к своему виду.

— Какой пример вы, будущий король, подаете своим подданным? Вчера я встретила вашего оруженосца, так у него волосы отросли до пояса. Я даже остановилась, думая, что вы взяли в услужение деву.

— Милая, чтобы не возбуждать твою ревность, я велю оруженосцу побриться наголо и ходить с обнаженным торсом. Это наверняка исключит даже намек, что в мое окружение может затесаться какая-то женщина.

Подумав о женщинах, Роуз тут же вспомнила Мрысю-Шиншиллу. Как отец расскажет о бывшей любовнице и ее роли в несчастьях, постигших эрийский двор? Шесть лет мама страдала, безуспешно разыскивая Петушка, полгода не догадывалась, где находится дочь, перенесла скоропостижную смерть бабушки. А если она узнает, что роковая встреча с Камилем тоже дело рук хваленной шпионки?

Нет, нужно поговорить с отцом. Нельзя маме открывать все подробности, иначе ее сердце не выдержит.

Роуз еще раз посмотрела на Эдуарда: взгляд, устремленный вперед, и глубокая складка между бровями. Похоже она навечно заняла там свое место.

В порыве нежности Роуз протянула руку, переплетая свои пальцы с пальцами отца, и прислонила голову к его плечу.

Улыбка смягчила напряженное лицо мужчины.

— Малявка, — шепнул он. — Ничего не бойся. Я с тобой.

Как и было условлено, драконы приземлились в четвертом лабиринте у реки. Роуз почти бежала, стремясь как можно быстрее попасть к тетушке Катарине.

С облегчением в сердце она заметила, что из трубы знакомого дома вьется дымок. Значит, тетушка колдует у печи. Подойдя ближе, Роуз потянула носом.

— Ватрушки.

— Что? — переспросил Эдуард, внимательно осматривающий окрестности.

На совете было решено, что к тетушке Катарине отправится небольшая группа: наследник с дочерью и верный Алекс. Не стоило еще больше пугать жителей лабиринта, и без того возбужденных слухами о пришедших драконах.

— Я говорю — ватрушки, — Роуз засунула руку в щель штакетника и сняла крючок с калитки. — Тетушка Катарина печет вкуснейшие во всех лабиринтах плюшки-ватрушки. Скоро ты сам убедишься.

Неожиданно дверь отворилась, и на крыльцо спиной вперед вышла соседка.

— Да чтоб язык у меня раздвоился как у гадюки, если я вру! И черного, и белого дракона видела! Вот этими самыми глазоньками!

Следом за ней на крыльце появилась тетушка Катарина.

— Малгоша, не тараторь. С чего ты решила, что наши драконы Лабиринты покинули?

— А давно ты их видела? Вот то-то и оно! Давеча в трактире проводник рассказывал, что Лабиринты были сверху магией прикрытые, вроде как кастрюля крышкой, а раз чужие драконы по небу шастают, стало быть эту крышку кто-то сдернул. А еще поговаривают, что Лолибонка сбежала, а на ее троне теперь дочь Орраха Могучего сидит. Сонцем зовут.

— Солнце. Ее имя Солнце. Принцесса драконов.

— Солнце — оно вот оно! — Малгоша ткнула пальцем в небо, где бледное осеннее светило стыдливо пряталось за облаками. — А эта — Сонце. Прынцесса. Только без драконов кто она? Никто. Всякий может попросить подвинуться, место тронное уступить. Говорят, злющая она. Чуть что не так — грозит голову отсечь. Вся в папу пошла. Что будет-то, соседushка, а? Ты у своего муженька спроси, он ведь во дворец вхож.

— Болен он. Не до тебя сейчас, Малгоша.

— Эх, жаль, хотела чего новенького разузнать, — Малгоша вытерла вспотевшие ладони о фартук, который так и не сняла перед тем, как выйти на улицу. — Так я дальше побегу? Еще Ставрoнixa и Утятя не знают, что в Лабиринтах творится. Надо бы предупредить. Пусть едой запасаются. А вдруг война?

Тетушка Катарина сунула Малгоше в руки корзиночку, накрытую полотенцем. В воздухе густо пахло сдобой.

— Угости соседushек, — она ласково улыбнулась и перевела глаза на тех, кто вошел в распахнутую калитку. — Батюшки! — всплеснула Катарина руками. — Гости дорогие пожаловали!

Малгоша задержалась у плетня, с интересом рассматривая мужчин, сопровождающих Роуз. Принцесса нарочно скинула капюшон, чтобы тетушка ее узнала.

— Ну вот, а говорила новенького ничего нет, — пробормотала Малгоша и тут же зычным голосом закричала на всю округу:

— Ставрoнixa. Утятя! Бегите сюды. Роуз вернулась!

А сама виновница соседских пересудов бросилась на шею любимой тетушке.

— Деточка, как ты здесь оказалась? Мне сказали, что тебя похитил дракон. Ох, что же я вас на пороге держу! — спохватилась добрая женщина, отвесив мужчинам поклон. — Проходите в дом, гости дорогие!

Гости засиделись. Опустошили не один бокал вкусного брусничного отвара, а разговор только перевалил за середину.

— Уж не знаю, что думать, — Катарина вытерла скомканным платочком глаза, и Роуз заметила, как сильно трясутся у тетушки руки. — Когда вы ушли в зеленый лабиринт, я с надеждой ждала день, два, три. Но вышли все сроки, а никто так и не вернулся. Я уже и свечу в храме зажгла, молясь, чтобы с вами лихо какое не приключилось, но новостей так и не было. А две ночи назад в дверь постучались. В такую темень по лабиринтам только пьяницы шастают, вот я и подумала, что кто-то дом перепутал. На всякий случай взяла кочергу, в другую руку лампу, открываю, а там человек лежит и тяжело дышит.

Посветила я ему в лицо, а это оказался Соргос. Здоровый бугай. Я еле его заволокла. Прямо тут, на половичке, раздела. Думала, раненный, но нет, ничего не нашла. Только вижу — парень за сердце держится и лицо кривит. Волосы к потному лбу прилипли, а губы трещинами пошли, словно он их от боли покусал. Я дала попить, парень вроде как в себя пришел, но только пожаловался, что змея его в сердце укусила. Я решила, что на него в зеленом лабиринте гадина какая напала, а он теперь мучается. Побежала к склянкам, что в подвале Фарух с Анвером от постороннего взгляда прятали, нашла зелье, которое всяким ядам противодействуют, и влила Соргосу в рот ровно три ложечки, как муж учил. Немного беднягу отпустило, даже на ноги встал. Дотащились мы с ним до кровати, но стоило Соргосу голову на подушку положить, как он тут же в сон провалился. А наутро поведал страшную историю. Эх, не зря я Солнце с самого начала невзлюбила. Такую подлость учинить!

— Что случилось с Соргосом, и где он сейчас?

— Так в комнате он, спит еще. Слабый после яда. Это я соседку нарочно обманула, что Фарух там лежит. Малгоше только дай повод посудачить. Она, глазастая, видела, как я мужика ночью в дом затаскивала, пришлось выдумывать, что муж вернулся.

— А что Соргос о Петре говорит?

— Сейчас ему срок пришел бахримановское зелье против яда принять, после него он час-другой себя хорошо чувствует. Пусть сам обо всем расскажет.

Катарина поспешила в комнату, прихватив с печи глиняную бутылку, а через некоторое время на пороге появился Соргос. Он держался за косяк двери.

— Гордость ему не позволяет лежать именитых гостей принимать, — пожаловалась тетушка Катарина. — И на меня опереться не желает.

Эдуард с Алексом выскочили из-за стола и, подхватив Соргоса, помогли ему сесть на скамью.

— Вы уж извините, Ваши величества, я без должных расшаркиваний.

Тетушка Катарина подсунула больному под спину подушку, и он поморщился, словно сердобольная женщина задела живую рану.

— Ничего, в следующий раз с двойным усердием расшаркаетесь, — успокоил его Эдуард. — Расскажите, что случилось с вами в зеленом лабиринте? И где сейчас Петр?

Роуз смотрела на Соргоса во все глаза и не узнавала. Потухший взгляд, землистого цвета кожа, худоба такая, что ключицы острыми скобками торчат. Их Роуз рассмотрела в съехавший набок ворот рубахи. Но когда Соргос сел и положил ладони на стол, принцессу поразила синева ногтей — явный признак болезни сердца, Роуз знала об этом от матушки Берты.

Поймав взгляд девушки, Соргос сжал руки в кулаки.

— Мне казалось, что я любил ее, — Соргос не стал уточнять, но все поняли, что он говорит о Солнце. — Сирота, выросшая без матери. Равнодушный отец, злая мачеха. Ее хотелось защитить. Многим из нас, кто отказался ради нее летать, хотелось ее защитить. Кто-то мечтал о свержении Лолибон, поэтому дал клятву верности Солнцу, кто-то искал выгоды, уверенный, что других наследников нет, и поэтому Око признает принцессу — единственного отпрыска Орраха. Я же был влюблен и искал ответных чувств. Я скрыл от нее, что имею преимущество в наследовании Драконьего камня. Я не собирался действовать тайно и в нужный момент перехватить Око, которое признает меня лишь потому, что я мужчина.

Соргос замолчал. Тетушка подошла к нему и положила руки на плечи. Он обернулся. В его глазах светилась благодарность.

— Напрасно я надеялся, что разбужу любовь Солнца. Ее сердце оказалось занято, — Соргос взглянул на Роуз, и ее сердце упало. — Я понял это слишком поздно. В то утро, когда мы искупались с тобой в реке, и ты ушла с Петром, Солнце постучалась в мою комнату.

«Пойдем, мне нужна твоя помощь» — сказала она. Я как раз снимал мокрую одежду. Быстро переодевшись, я выскочил во двор трактира, где нас ждал дракон королевы.

Непривычно летать на спине собрата, которого ты хорошо знаешь по службе. В небе я особенно остро почувствовал свою ущербность, ведь у нас на драконах летают только женщины.

Мы приземлились у арки четвертого лабиринта, где нас уже ждала Лолибон. Она сама выбрала место встречи, опасаясь предательства. Королева казалась измученной и больной. Видно было, что ей все надоело и она хотела поскорее убраться из страны, где стало слишком горячо для чужеземки. Лолибон потребовала голову Петра, и только тут я понял, что Бахриман значит для Солнца. Она едва не сорвала переговоры. Принцесса пришла в ярость. Если бы на шее королевы не висело Око, Солнце бросилась бы на нее без раздумий. Я не узнавал ту девушку, которую любил.

«Я отдам вам голову Роуз» — нашла Солнце выход из положения. Лолибон сделала вид, что размышляет, но по ее лицу ясно читалось — ей понравилась идея заполучить эрийскую принцессу. Я понимал, что на кону стояло будущее моей страны, но не мог не вмешаться. «Охладите его пыл!» — прошипела Солнце. Дракон тут же поднял меня в воздух, зацепив когтями за шкуру, и сбросил в реку у трактира как нашкодившего щенка.

Через какое-то время после переговоров в мою комнату явилась Солнце.

«Будешь упрекать?» — с усмешкой на губах произнесла она. «Если бы ты не вмешался, то понял бы, что я хитрила. Никто не собирался отдавать безумной королеве ни Петра, ни Роуз. Можешь быть

спокоен. Дни Лолибон сочтены. Сам Шотс взялся известить ее. И за наших драконов не беспокойся. Как я могу позволить чужачке увести своих подданных?»

Солнце пыталась говорить убедительно, но я не поверил и решил не спускать с нее глаз. Я ожидал, что она пойдет отдыхать, ведь она провела бессонную ночь, но принцесса упрекнула меня, что я забыл о Фарухе.

«Ты же сам рассказал, как убивается его жена. Каждая минута промедления может стоить жизни жрецу». Солнце хотела идти в лабиринты с поваром Аристом, но я убедил ее, что как воин принесу больше пользы. Когда мы пришли к вашему дому, тетушка, я прямо спросил у Солнца, зачем нам Петр и Роуз, если мы можем справиться сами, на что она ответила, что Петр знает все ловушки как никто другой.

— Но ты мог бы предупредить Петра, что меня собираются похитить! Вы же выходили во двор? — Роуз злилась.

— Я не знал наверняка. Но на всякий случай попросил Петра быть осторожным и не отходить от тебя ни на шаг.

— Роуз, позволь Соргосу продолжить, — спокойный голос Эдуарда вмиг остудил пыл дочери. — Зачем бросаться обвинениями, когда непоправимое уже произошло? Сейчас нужно думать о будущем.

— Где Петр? — Роуз не могла больше слушать, как оправдывается Соргос. — Что произошло после того, как Шотс похитил меня?

— Я напал на Солнце. Ее подлость поразила меня. Если бы не Петр, я бы просто убил принцессу. Слепленный ненавистью, я совсем забыл о клятве верности, и змея, до поры спавшая у моего сердца, укусила меня. Обессиленный болью я лежал в высокой траве и не мог пошевелиться. Видел, как выскочили из разрушенной мельницы преданные Солнцу люди. Сначала удивился, откуда они здесь? Но потом вспомнил, что недалеко от дома тетушки нас поджидал мальчишка, и Солнце передала ему, что мы направляемся к Чертовой мельнице. «Чтобы наши знали, где искать, если мы не объявимся через три дня».

— Боже правый! Где же Петр? — щеки Роуз пылали.

— Его и Фаруха держат в замке. Я так думаю. Солнце даже не обернулась, когда уходила из зеленого лабиринта.

— Для чего ей Фарух? — Эдуард наклонился ближе к Соргосу, который уронил на грудь голову, вновь переживая предательство.

— Вот и я спрашиваю: для чего? — вмешалась тетушка Катарина. — Он болен и сохранил лишь крупицы магии. Для чего немощного, убитого горем старика тащить с собой? Раз гадюка не бросила Фаруха там, в лабиринте, значит, он ей нужен зачем-то? О Петре я вовсе молчу. Тут все понятно.

— А мне не понятно, — взвилась Роуз. — Что Солнце будет делать с мужчиной, который ее не любит?

— Деточка, я говорю не о любви. Он ведь знает тайну горячих камней.

— Я думаю, очень даже хорошо, что Солнце любит Петра, — Эдуард притянул к себе посмотревшую на него с изумлением дочь и успокаивающе погладил ее по голове. — Что делают с человеком, который знает, где находится богатство? Его сначала пытаются, а потом убивают, чтобы он не выдал тайну кому-то еще. Но любимого мужчину она вряд ли тронет, — Эдуард поднялся. — Пора бы и нам встретиться с этой интересной девицей.

— Папа, — Роуз придержала отца за руку. — Надо бы Соргоса взять с собой. Он знает замок, с ним будет проще найти Петра.

— Нет, — покачал головой Соргос. — Я не смогу. Просто не выдержу боли. Даже если опустошу всю бутылку противоядия, надолго моих сил не хватит.

— У Петра тоже змея у сердца, — забеспокоилась Роуз. — Может, поэтому он не в силах противостоять принцессе драконов? Соргос, мне Петр рассказывал, что это ты провел над ним обряд. Неужели нет способа избавиться от клятвы?

— Только тот человек, в верности к которому вы клянетесь, способен отозвать магическую змейку.

— То есть Солнце? — уточнила Роуз.

— Да. Считайте, что я уже мертвец.

— Ну уж нет. Будем торговаться, — Роуз вытащила из-под ворота цепь с Оком. Ни от кого не укрылось, как сильно Соргос побледнел. — Теперь я повелительница драконов.

Еще до полета в Лабиринты Эдуард обсудил с Роуз, как им следует действовать. Солнце и ее сторонники не должны догадываться, что Око утратило магию.

— Хотел бы я посмотреть на лицо Солнца, — Соргос поднялся из-за стола, но пошатнулся, и тетушка Катарина тут же подставила ему свое плечо. — Я с вами. Хоть ползком. Ни за что не пропущу этот момент.

— Я тоже с вами, — Катарина, не отпуская Соргоса, быстро развязала ленты фартука и стащила его с себя. — Я больше не буду сидеть дома и ждать, когда вы приведете моего Фаруха.

— Но... — начал Эдуард.

— Никаких «но», — отрезала тетушка и пошла мелкими шажками к двери, поддерживая Соргоса.

— Я закрою глаза на то, что передо мной не только не расшаркиваются, но и не обращаются должным образом, — вслед Катарине произнес Эдуард. — Чего не сделаешь ради счастья дочери. Но как только все встанет на свои места, я жду извинений...

Тетушка обернулась и открыла рот, чтобы ответить, но наследник вдруг широко улыбнулся.

— Ватрушками. Извинения будут приниматься только ватрушками.

Все разом заулыбались.

— Пап, мы так далеко не уйдем, — произнесла Роуз, наблюдая, как тетушка сняла с крючка два теплых плаща и помогла одеться своему подопечному.

Поддерживая друг друга, странная парочка переступила порог.

— Подождите! — окликнула принцесса Соргоса и Катарину.

Те остановились на крыльце.

— «Вручаю от всего сердца», — торопливо произнесла Роуз, сняла с себя Кольцо жизни и надела его на палец Соргоса. — Не знаю, поможет или нет, но попытаться стоит. — Роуз подняла глаза на отца, который недовольно покачал головой. — Иначе он умрет по дороге во дворец.

Все уставились на Соргоса.

— Ну как, легче? — Роуз искала признаки улучшения.

Соргос вдохнул полной грудью. Распрямился. Убрал с пояса руку тетушки Катарины и шумно выдохнул.

— Фух! — не веря ощущениям, он потер грудь. — Боль отпустила.

— Теперь произнеси: «Вручаю от души» и снимай кольцо. Так надо.

Соргос повторил. Кольцо жизни вернулось к Роуз.

Как вскоре выяснилось, кольцо не могло полностью избавить Соргоса от заклятия. Магическая змейка просто засыпала на какое-то время, поэтому, пока отряд во главе с Эдуардом добирался до реки, где их ждали драконы, переход кольца с пальца на палец повторился еще несколько раз. Но Соргос хотя бы выглядел лучше и мог передвигаться самостоятельно.

ГЛАВА 23

— Смотри, папа, это зеленый лабиринт, а за полем на холме стоит королевский замок. Во-о-он в той башне я жила с Петром, — указала Роуз.

Соргос, летящий впереди на другом драконе, махнул рукой в сторону соседней башни, и Эдуард направил своего ящера туда.

Сверху крепость выглядела более грандиозной, в ней запросто могла разместиться не одна тысяча жителей. Колючий лабиринт голубой лентой опоясывал толстые стены, и, глядя на него, Роуз вспомнился ночной побег и первая встреча с драконом. Если бы не Петр, открывший портал прямо в кустарнике и спасший свою пленницу, она, скорее всего, умерла бы от страха, настолько близко от ее лица щелкнули страшные зубы.

— Мы над крепостью летаем! — крикнул наследнику Гри, когда увидел, что дракон Соргоса нырнул куда-то вниз. Эдуарда повторил маневр, и черный ящер влетел в широкий проход, ведущий под землю.

— Нас заметили! — крикнула Роуз отцу. — На крепостной стене забегали люди!

— У Солнца будет время подумать над своим положением. Она наверняка не ожидала появления драконов армии Союза пяти королевств в самом сердце Тонг-Зитта.

Кружась по подземному лабиринту, драконы достигли огромной пещеры.

— Тронный зал прямо над нами! — задыхаясь, произнес Соргос. Его опять скручивала боль. Роуз передала ему кольцо, которое вернуло мужчине силы.

Оставив с драконами часть воинов, Эдуард приказал двум из них поменяться плащами с Соргосом и Катариной, чтобы они не выделялись из сопровождающих.

Ведущая вверх лестница закончилась запертой дверью.

— Есть другая дорога? — Роуз растерянно посмотрела на Соргоса. Тот покачал головой.

— Значит, снесем ее с петель. Ну-ка, тетушка Катарина, посторонитесь. Не зря же вы нас плюшками кормили, — наследник с Алексом налегли на дверь, которая под их богатырским напором дрогнула. Но не открылась.

— Папа! — Роуз остановила отца и его друга от дальнейшей попытки таранить дверь.

Воины из отряда, поспешившие на подмогу военачальнику, лишь раз жახнули по двери и разнесли ее в щепы. Представители армии Союза пяти вступили в длинный коридор с многочисленными дверями.

— Сюда, — подсказал Соргос, толкая одну из дверей. За ней взорам людей открылся двойник первого коридора.

— И здесь проклятые лабиринты, — сплюнул кто-то из воинов.

Еще пара сложных переходов и компания оказалась в тронной зале, знакомой Роуз со дня неудачного сватовства Шотса. Девушка следовала за отцом и его воинами по гулкому просторному помещению, а местная знать, выстроившись вдоль стен, в полном молчании провожала их взглядами. Рядом с Роуз шли настороженный Соргос и непрестанно вздыхающая тетушка Катарина, комкающая от волнения носовой платочек — единственную вещь, которая выделялась своей белизной на фоне черной ткани плащей.

Мало что изменилось в зале: все та же пугающая полумгла, гобелены с изображениями битв драконов и огромный золотой трон. Только в этот раз на нем сидела Солнце.

— По какому праву вы врываетесь во дворец правительницы Тонг-Зитта? — с вызовом и без должного обращения произнесла принцесса драконов, «забыв», что перед ней стоит командующий армии Союза пяти королевств и наследный принц Эрии. Она решила избрать тактику нападения, чтобы заставить непрошенных гостей оправдываться — так Солнце пыталась скрыть страх, легко угадывающийся по напряженной ее позе и бледности лица. «Правительница», с того момента, как ей доложили о чужих драконах, безуданно задавалась вопросом, как ящеры армии неприятеля сумели проникнуть в королевство, которое испокон веков охранялось магическим куполом?

— Разве я не доказала свое миролюбие, послав сообщение о низвержении прежней власти и отсутствии причин армии Союза находиться у стен Лабиринтов? — продолжила наседать принцесса.

— У меня к вам встречный вопрос: по какому праву вы называете себя правительницей Тонг-Зитта и диктуете, что я должен делать? — не так громко как Солнце произнес Эдуард, но каждый в зале его услышал. По рядам придворных прошелестел шепот. — Пока вы не предъявите доказательств, я буду считать вас самозванкой.

— Я — дочь Орраха Могучего. Я принцесса драконов! — девушка вцепилась в подлокотники трона так, что побелели костяшки пальцев.

— Покажите мне ваших драконов, — спокойно продолжил Эдуард. — Заставьте хоть одного пролететь мимо этих окон, чтобы мы убедились, что они вам послушны. Не можете? О какой тогда власти вы говорите? Вы — самозванка.

Солнце зло кусала губы.

— Да как вы смеете! — взвизгнула она, услышав ненавистное слово «самозванка».

— Разве власть над драконами не передается вместе с Рубиновым оком? Предъявите мне этот магический атрибут, и я отнесусь к вам с должным почтением.

— Чего вы хотите от меня? — сдалась Солнце, понимая, что без камня она проиграла. — Мои драконы больше не представляют для вас опасности, поэтому Союзу нет нужды пребывать в Лабиринтах. И позвольте нам самим разбираться, кто достоин власти в Тонг-Зитте.

— Не позволю, — спокойно произнес Эдуард. — Я не могу допустить, чтобы на троне сидела девица, купившая себе власть предательством. Я мог бы посмотреть на эту подлость сквозь пальцы, не коснись вы моих детей.

— Разве я не написала вам, что не имею никакого отношения к похищению вашей дочери, принцессы Роуз Эрийской? Ее увезла сбежавшая узурпаторша Лолибон, которая сейчас держит путь в Эрию. Не пора ли вам отправиться в погоню за ней?

— Нет. Не пора. И я пришел не за дочерью. Я пришел за сыном, которого вы удерживаете силой.

Лицо Солнца скривилось от ярости.

— Я никого не удерживаю силой. И если вы намекаете на графа Пигеона, то он не желает видеть кого-либо из прежней жизни. Мой жених вычеркнул вас из своей памяти.

При этих словах земля ушла из-под ног Роуз, и если бы не Соргос, принцесса упала бы на колени.

— Пусть он сам скажет об этом, — твердо ответил Эдуард. — Если вы сейчас же не покажете мне сына, то через час армия Союза пяти королевств займет все покои замка. В том числе королевские.

Эдуард был спокоен, в отличие от Солнца, которая едва сдерживалась.

Она сделала нервное движение рукой, и стоявший у трона человек поспешно удалился.

— Хорошо. Вы увидите его. Но боюсь, Ваше Высочество, вас ждет разочарование.

— Ничего, — усмехнулся Эдуард. — Я справлюсь.

— Соргос, посмотри внимательно, ты нигде не видишь моего Фаруха? — зашептала Катарина, и Роуз устыдилась, ведь она думала только о себе и своих переживаниях, а рядом с ней находился человек, который тоже страдал.

— Нет, его нет в зале, — Соргос незаметно осмотрелся. — Но я обещаю, мы не уйдем отсюда, пока не разознаем, где ваш муж.

— Спасибо, голубчик.

Эти простые человеческие слова так отличались от языка, на котором говорили Солнце и Эдуард, что Роуз почувствовала невероятную нежность к доброй женщине. Ей захотелось обнять ее и приободрить, но, боясь привлечь внимание Солнца, Роуз только погладила руку Катарины.

Минуты ожидания показались вечностью. Солнце сидела на троне с непроницаемым лицом, по обе стороны от нее стояли вооруженные люди, готовые в любой момент отреагировать на действия незваных гостей. Черные плащи и капюшоны, которые никто, кроме Эдуарда, не снял, заставляли воинов «правительницы» нервничать.

Распахнулись двери, противоположные тем, через которые прошли Эдуард со своей «свитой», и в зале появился Петр.

Роуз, забыв о том, где она находится, едва не кинулась к любимому, но Соргос удержал ее, больно схватив за плечо.

Спокойный, уверенный, облаченный в ладно сидящую одежду, Петр с грацией хищника приблизился к трону. Солнце с улыбкой протянула мужчине руку. Петр тут же припал к ней с поцелуем, но и после приветствия их ладони не разомкнулись. Роуз ревниво заметила, как большой палец графа нежно гладит ладошку Солнца в тайне от всех.

Принцесса Эрийская даже застонала от досады, когда Петр, осматривая присутствующих в зале, безразлично скользнул взглядом по фигуре отца, стоящего впереди отряда. Ладно, Петр не мог разглядеть ее саму, но приемного отца он должен был узнать! И еще один укол ревности прошел ее сердце: нельзя было не признать, что Петр и Солнце выглядели настоящей влюбленной парой.

— Тише, тише, деточка! — услышала Роуз шепот Катарини. — Еще не время отчаиваться. Здесь что-то неладно.

— Здравствуй, сын, — произнес Эдуард. Роуз почувствовала, как дрогнул голос отца на последнем слове.

— Петр, наш эрийский гость утверждает, что он твой отец, — громко произнесла Солнце. — Так ли это?

— Наш гость должно быть обознался, — Петр едва заметно улыбнулся Эдуарду, с нескрываемым любопытством рассматривая его лицо. — Единственный человек, которого я считаю своим отцом, скоро придет сюда. Милая, пошли за ним, пусть поторопится.

— Любимый, не стоит его беспокоить. Ты же знаешь, как плохо он чувствует себя в последнее время.

— Вовсе нет. Я попросил отца присоединиться к нам, когда узнал, что в нашем замке гости. Это поможет развеять его хандру.

За дверями послышался шум, и в зал внесли кресло, на котором, сгорбившись, сидел Фарух.

— Пустите меня! — раздался на весь зал крик полный боли.

Жрец вздрогнул, услышав знакомый голос. А сидящая на троне девушка заволновалась, даже вырвала ладонь из рук Петра, выискивая глазами того, кто посмел нарушить тишину.

Тетушку Катарину не смогли удержать ни Соргос, ни стоящие рядом воины. Она, расталкивая всех локтями, пробивалась вперед. Капюшон сполз и открыл ее лицо, на котором светилась решимость.

По знаку Эдуарда люди расступились, и Катарина поспешила к креслу, установленному у подножия лестницы, ведущей к трону. Она упала на колени, подняла руки к лицу Фаруха и обхватила его ладонями.

— Фарух, милый, что с тобой? Почему ты так странно смотришь на свою Катеньку? — слезы лились по ее лицу. Каждая слезинка, падающая на руки старика, лежащие на коленях, и каждое произнесенное тетушкой слово меняли его облик — так долгожданная влага поит иссушенную почву. Безразличный взгляд наполнялся жизнью. — Разве Петр твой сын? Зачем тебе эта ложь?

— Ты жива, моя Катенька? А как же?.. — голос Фаруха был едва слышен. Он стер сморщенными пальцами со щек жены слезы и растерянно обернулся на трон, где Солнце подалась вперед, словно хищница, готовая кинуться на добычу.

— Старик, не смей! — окрик принцессы драконов резанул слух.

— Я не могу лгать, — ответил жрец. — Только не ей. Прости меня, Катенька, мне сказали, что ты погибла. И я очень хотел, чтобы Петр стал моим сыном. Я думал, что больше у меня никого не осталось, поэтому внушил мальчику, что я его отец.

Он смотрел на жену с такой нежностью, что Роуз невольно сравнила эту пожилую пару с той молодой, у трона: теперь было легко определить, где цвели истинные чувства, а где сквозила неправда, шитая белыми нитками.

Да, неожиданный визит принес свои плоды. Солнце проигрывала и понимала это. Все шло не так, как ей хотелось.

— Старик, замолчи! — принцесса поднялась с трона и требовательно топнула ногой. — Больше ни слова. Иначе...

— Что иначе? — поднял бровь Эдуард. — Продолжайте. Нам всем интересно.

— Вам не уйти отсюда живыми, — произнесла Солнце. В зале послышался звон вынимаемого из ножен оружия.

Эдуард обернулся. На его лице царила легкая усмешка.

— Хотите погибнуть? Посмотрите в окна.

Цветные мозаичные стекла не мешали разглядеть десяток стоящих под окнами белых драконов, только и ждущих команды, чтобы кинуться в атаку. Многие из присутствующих уже слышали о белом смертельном вихре, сметающем все на своем пути, поэтому оружие придворных быстро заняло привычные места.

— Верните мне сына, — твердо произнес Эдуард.

— Простите, я сильно виноват перед вами и Роуз, — голос Фарух дрожал, когда он, мягко отодвигая жену, поднялся с кресла. — Я поддался уговорам и опоил Петра зельем, стирающем последние воспоминания. Но я могу исправить зло. Я сейчас пойду и приготовлю мальчику живительный настой.

— Я с тобой, — подставила ему плечо Катарина. Фарух молча принял ее поддержку. Если в зал занесли немощного старика, то сейчас к выходу направлялся, пусть и шаркающей походкой, но решительно настроенный мужчина.

Эдуард коротко кивнул головой, и часть воинов отделилась от отряда, чтобы сопровождать стариков.

— Не смей! — крик отчаяния Солнца не остановил Фаруха.

— Что происходит? Объясни же мне наконец! — подал голос Петр, и, видя, что принцесса трясется от бессильной злобы, положил ей руку на плечо.

— Ничего, милый! — опомнилась Солнце. Она повернулась к Петру и крепко обняла его. — Ты же не разлюбишь свое Солнышко? Помнишь, я говорила тебе, что мы никогда не расстанемся? Помнишь? Мы умрем только вместе, в один день и один час. Твое Солнышко никогда не отпустит тебя.

Роуз поднесла руку ко рту, сдерживая рвущиеся всхлипы. Ей хотелось бежать к Петру, оттолкнуть самозванку, опоившую его настоем забвения, а теперь виснущую на нем и вымаливающую его любовь. Но когда она заметила в руках Солнца нож, приставленный к животу Петра, Роуз не выдержала.

— Санти, стой! — крикнула она, выбегая вперед, и все увидели в вытянутой руке женщины в черном плаще Драконье око. — Власть в обмен на жизнь графа Пигеона.

Солнце хищно обернулась, но нож не опустила. Истерический смех напал на нее, когда она узнала Роуз.

Петр потрянул Солнце за плечи.

— Кто эта женщина? — произнес он. В его взгляде царило смятение, он ничего не понимал.

— Никто, — ответила Солнце и надавила на нож.

Роуз отчаянно закричала, видя, как лезвие входит в тело Петра, а любимый удивленно смотрит на Солнце.

Роуз казалось, что все происходит в кошмарном сне.

Она будто со стороны наблюдала, как к трону, оголив кинжал, кинулся отец.

Как пришли в движение воины, из-за черных плащей похожие на воронью стаю.

Как испуганные придворные разбежались в разные стороны.

Как в окна осыпались цветные стекла под натиском белых драконов, разрывающих когтями каменные стены и выпускающих из своих пастей струи огня.

Как Соргос побежал к трону, на ходу снимая Кольцо жизни.

И вдруг все остановилось.

Роуз видела, как замерли у дверей оглянувшиеся на шум Фарух и Катарина.

Принцесса в подробностях могла рассмотреть застывшего на ступенях отца, его взметнувшиеся

длинные волосы, безумную гримасу Солнца и капельки испарины, выступившие на ее лбу, искаженное неверием и первыми признаками смертельной боли лицо Петушка.

Роуз и сама не могла пошевелиться, только Око продолжало маятником болтаться на цепи в ее высоко поднятой руке.

«Что происходит?»

Все смешалось в голове Роуз: любовь, боль, отчаяние, страшное желание отмотать жизнь назад, когда еще жива была надежда.

«Я умерла вместе Петром?»

— Не-е-е-т, — раздался незнакомый гулкий голос, и в этот же момент драконий камень осыпался красным песком. Но мелкие песчинки не долетали до пола, они вовлекались неведомой силой в вихревую воронку, которая быстро росла и вскоре приобрела очертания невероятно большой мужской фигуры, поднимающейся с колен.

— А-х-х-х! — пронеслось по тронной зале, и исполин, раскинув руки и выпятив грудь, рывком расправил за спиной красные крылья. Ветер шевелил длинные перья, и по тому, как гигант, чья голова была украшена рогами, шевелил плечами и улыбался, было件нятно, что эти воздушные прикосновения доставляют ему невероятно удовольствие. И хотя его тело, сотканное из воздуха и частиц рубинового камня, выглядело прозрачным, чувствовалось, что существо обладает недюжинной силой.

— А-х-х-х! — исполин вдохнул полной грудью и взмахнул крыльями. Огни десятков факелов, скупю освещающих тронную залу, моментально погасли, но света меньше не стало. Фигура неожиданного гостя осветилась мягким огнем — таким золотисто-розовым цветом окрашиваются небеса на утренней заре.

Еще один взмах мощных крыльев — и все в зале пришло в оживление, но движения были какими-то странными, словно неправильными.

Вот драконы рывком высунули свои головы назад, втянув в смыкаемые пасти струи огня. Разбитые стекла блестящим потоком поднялись в воздух и сложились в окна разноцветной мозаикой.

Фарух и Катарина все теми же неспешными шагами вернулись к креслу, но шли они до него спинами вперед, а когда жрец сел, его жена вновь опустилаь перед ним на колени.

Эдуард, так же спиной, прыжками спустился с лестницы и засунул кинжал в свои ножны.

Петр медленно поднял голову и улыбнулся, а Солнце вытащила нож из его живота, и на его лезвии не было ни капельки крови.

Соргос встал рядом с Роуз и вернул Кольцо жизни на палец, а принцесса опустила руку с цепью, но на ней больше не болтался Драконий камень.

— Краснокрылый Гаюрд! — мертвую тишину нарушил изумленный голос Фаруха. — Я думал это легенда!

— Кто это? — тетушка медленно повернулась, посмотрев на неподвижно стоящее существо. Движения ей давались с трудом, как, впрочем, и всем находящимся в зале.

— Проклятый Бог Тонг-Зитта. Я читал о нем. Невероятно!

«Вот кого прятало Око! — мысленно ужаснулась Роуз. — Какая сила могла запретить божество?»

Крылатый исполин улыбнулся, и его улыбка была прекрасна и страшна одновременно: лик светился необыкновенной красотой, но глаза оставались холодными и равнодушными.

Каждый почувствовал себя тленом под ногами божества.

— Смотри туда-а-а, — не открывая рта, произнес проклятый бог и указал рукой на гобелены. На них вытканые картинки чудесным образом начали оживать. Вышитые красным шелком драконы изогнули длинные шеи, громко протрубили и замахали кожистыми крыльями. Взлетев в нарисованное небо, они скрылись в облаках. На их месте появился старинный замок.

Картинки на гобеленах то исчезали, то появлялись, рассказывая невероятную историю, произошедшую так давно, что пески времени успели похоронить не только ее участников, но и древние государства, в которых когда-то бок о бок с людьми жили боги.

ГЛАВА 24

Тысячелетие назад страной Сидерги правил могучий вождь Аклай. Так случилось, что и жена, от которой он уже не чаял иметь детей, и любимая наложница, родили ему в один и тот же день, в один и тот же час по сыну. Вождь устроил большой праздник и при гостях провозгласил Гаюрда равным законному сыну Ягейро, чем сильно раздосадовал жену. Два наследника на один престол? Не миновать смуты.

Пока был жив отец, стояли сыновья по обе стороны от него, а как умер, каждый из них стал доказывать свое первенство. Множились сторонники за спиной каждого, страна, не имея единого правителя, роптала.

— Гаюрд, твой брат кичится тем, что родился не от рабыни? Глупец. Скажи ему, что я, не в пример его матери-степнячке, из королевского рода и в жилах моих течет кровь богов. А также передай этой курице и ее сыну, что я оставалась рядом с Аклаем не по принуждению, а только из-за любви, иначе давно нашла бы способ вернуться в родные края.

Гаюрд шел к брату и его матери, и они опять поднимали его на смех.

— В сыне рабыни божественная кровь? Что еще сочинит обезумевшая женщина? Я тоже могу похвастаться, что состою в родстве с пустынными богами и мой сын — Варран!

— Варран? — смеялась мать Гаюрда. — Видела я его изображение. Ящер с раздвоенным языком, плешивой головой и толстым хвостом. Хорошо же родство!

Слишком рано покинул мир Аклай, не успел вырастить из юнцов воинов. Вот и жались они к матерям, которые через сыновей хотели доказать свою значимость и право стоять у трона.

— Ничего сынок, — утешала мать Гаюрда, — наступит день, и тогда все поймут, кто должен стать правителем Сидерги!

— Эй, не вешай нос, сын, — подбадривала мать Ягейро, — очень скоро ты всему народу Сидерги покажешь, кто истинный вождь.

Пока в стране царило безвластие, братья и их матери жили в замке вождя, разделив его на две половины. Даже свой шестнадцатый день рождения отмечали дети Аклая в одном тронном зале, установив там два длинных стола: во главе одного сидел Гаюрд, другого — Ягейро.

В нешироком проходе между ними выступали приглашенные на праздник музыканты, певцы и танцоры.

Оба юноши дули от важности щеки, бахвалились дорогими одеждами и драгоценностями, забывая, что хорошее украшение для мужчины — это оружие. Матери тоже косо поглядывали друг на друга, не скрывая ехидных улыбок: каждая ожидала звездного часа своего сына — пробуждения крови богов. Мальчики родились на закате, поэтому женщины в нетерпении поглядывали на катящееся к горизонту солнце.

Но вот слуги ввели в зал старика, держащего в руках странный музыкальный инструмент: череп горного козла с натянутыми между изогнутыми рогами струнами.

— Смотрите, смотрите, сам Кадур-га пожаловал! — понеслось по залу. Многие слышали о слепом певце, чей дивный голос и неповторимое умение играть на инструменте вызывали неподдельное восхищение.

Певец сел на принесенную для него лавочку, зажал между ногами череп, а длинные узловатые пальцы положил на струны. Стало так тихо, что слышалось гудение ос, привлеченных ароматом сладкого вина — никто не хотел пропустить чарующее пение.

Кадур-га поднял голову вверх, словно собирался петь для небесных жителей, пошевелил губами, едва различимыми в обрамлении усов и бороды, наполнил грудь воздухом и запел. Певец был сед, его лицо бороздили глубокие морщины, суставы пальцев распухли, а острые колени казалось вот-вот проткнут ткань штанов. Поэтому для всех стало полной неожиданностью услышать высокий чистый голос, более подходящий мальчику, чем старику.

Песня лилась, сопровождаемая виртуозно исполняемой на рогатом черепе музыкой, и не было в зале человека, кто не поддался бы ее волшебству. Спроси, о чем пел Кадур-га, и каждый гость рассказал бы свое. Гаюрд видел скалы, над которыми парил он орлом. Ветер шевелил перья на его могучих крыльях, а сердце замирало от красоты гор. Ягейро видел бескрайнюю пустыню, по которой барханы катились словно волны, а он был Варраном и нежился в песке, время от времени разгребая его могучими лапами, чтобы добраться до прохладного слоя. Его мать видела мужа

живым, улыбающимся ей и зовущим спуститься в хрустально-чистые озерные воды, а ее сопернице виделось, как Аклай несет ее на руках в белый шатер, где ожидает их ночь страстной любви...

Но вот Кадур-га перестал петь, и видения тут же исчезли. По залу пронесся стон разочарования. Всем хотелось вернуться туда, где они только что находились.

— Я хочу знать, как ты это делаешь! — резанул слух Кадур-га капризный голос Ягейро.

— Пусть этот певец пройдет в мои покои и расскажет! — тут же отозвался Гаюрд, поднимаясь с места.

Ягейро тоже встал и, показывая насколько велика его ненависть к брату, отшвырнул кресло.

— Кто ты такой, чтобы распоряжаться?

Братья впились злыми взглядами друг в друга, и не заметили, как певец поднялся, оставив странный инструмент на лавочке.

— Тише, тише, — старик протянул руки вперед, привлекая внимание к себе. — Я расскажу, вернее, спою только для вас двоих, и вы сами поймете, что произошло со мной, когда я был немногим старше вас.

Старик запел, и на первых же нотах все люди, находящиеся в зале, заснули, только два брата внимали голосу Кадур-га, рисуящему красочные картины.

Они увидели пир, на котором соревновались в пении юноши, и один из них победил, получив в награду красавца коня и мешок злата. Проигравший же затаил злобу и отправился к вещунье, которая поведала ему о волшебном зеркале, спрятанном в скалах Тонг-Зитта. Это зеркало исполняло любые желания, нужно было лишь напоить его своей кровью. «Капли достаточно», — услышали братья скрипучий голос старухи: «Но будь осторожен в своих желаниях!».

Извилист и тернист был путь проигравшего певца. Он пересек на утлой лодочке море, с трудом пробился через жаркие пески, изранил ноги об острые камни в горах, но сумел-таки найти таинственную пещеру. Зеркало оказалось таким огромным, что занимало всю стену. Пустив в ход нож, певец сделал надрез на ладони и приложил ее к зеркалу. «Хочу, чтобы мое пение зачаровывало людей, хочу, чтобы мой инструмент удивлял необычностью и красотой мелодии, хочу, чтобы мой дар стал настолько ярок, что ослепил бы даже меня!»

Стоило произнести заветное желание, как по серебристой поверхности пошла рябь, отражение исказилось, и юноша отдернул руку в испуге. В этот же миг сноп яркого света брызнул из глубин зеркала, ослепляя певца. Бедняга закричал от боли. Но до чего дивен был тот голос!

Зеркало дословно исполнило все, о чем попросил человек: он стал обладателем чарующего голоса, искусно играл на неповторимом инструменте и был ослеплен своим же даром. «Будь осторожен в своих желаниях!» — эхом оттолкнулся от стен пещеры смех ведьмы.

Песнь отзвучала, видение исчезло, гости проснулись.

Уставшее солнце, прежде чем скрыться, окрасило горизонт красным закатом.

Никто не заметил, куда делся певец, потому что взгляды людей устремились на братьев, которые вдруг закричали и повалились на каменный пол, где стали извиваться ужами, сдирая с себя одежду и драгоценности. Лица братьев кривились от боли, которая скручивала их тела. У Гаюрда рос горб, а у Ягейро — покрытый чешуей хвост.

— Вот доказательство божественной крови моего сына! — звонко выкрикнула на весь зал мать Гаюрда. И поднялся сын рабыни на ноги, тряхнул тяжелой головой, украшенной крутыми рогами, повел крепкими плечами и раскинулись за его спиной два алых крыла. Ахнули гости, но тут же их восхищение волшебным превращением было прервано криком другой матери:

— Мой Ягейро тоже может доказать, что в его жилах течет божественная кровь!

И поднялся на мощные лапы Ягейро, ставший похожим на пустынное божество Варран, стукнул толстым хвостом так, что подскочила на столах посуда, а кубки с вином опрокинулись. Медленно повел он плоской головой из стороны в сторону, показывая замершему в страхе люду раздвоенный язык.

Не успели гости выдохнуть, как сцепились братья смертным боем: краснокрылый бил ящера острыми рогами, а тот отвечал ударами сильных лап. Ломались столы, билась посуда, срывались со стен гобелены, люди в страхе бежали, а братья никак не могли остановиться: то один одерживал верх, то другой.

Наконец Ягейро так стегнул Гаюрда хвостом, что тот отлетел к стене и ударился головой о зеркало, которое тут же осыпалось мелкими осколками. Свет от факела отразился в серебристой россыпи, приковав к себе взгляды обоих братьев.

— Зеркало! — в один голос проревели чудовища и ринулись к выходу, грозя растоптать насмерть любого, кто встретится на пути.

Гаюрд поднялся в воздух и, рассмеявшись, выкрикнул:

— Я первым найду зеркало и загадаю желание! Я буду вождем!

Ягейро даже ухом не повел. Ловко орудуя мощными лапами, он стрелой понесся к берегу, где на воде качалась ладья Аклая.

Долетев до скал Тонг-Зитта, путь к которым так ясно показал слепой певец, Гаюрд рухнул возле пещеры в изнеможении и заснул. Он спал три дня и три ночи, а за это время его брат Ягейро, переплыв море, обернулся Варраном и быстро преодолел жаркую пустыню. Поднимаясь к пещере, он издалека заметил спящего брата.

— Я первым найду зеркало и загадаю желание! Я буду вождем! — прошипел он, подбираясь к зияющему проходу. Но нечаянно тронув хвостом камешек, Ягейро разбудил краснокрылого брата.

Увидел тот, как ящер заползает в пещеру, кинулся следом, но лаз оказался настолько узким, что расправить крылья Гаюрд не сумел. Страшно закричал он, боясь, что брат опередит его, но когда все же догнал Ягейро, застал того в полной растерянности. Все в найденной пещере было так, как показывал Кадур-га: и гулкий свод, и ровные стены из гладкого камня, но волшебного зеркала не оказалось.

Засмеялся Гаюрд, поняв, что они в пылу перепутали ход, хотел вернуться, но был сбит с ног ударом хвоста.

Закружились противники, не отрывая друг от друга злых взглядов, используя любую оплошность, чтобы пролить вражескую кровь. Когда удар достигал своей цели, братья обменивались проклятиями.

— Только дай мне добраться до зеркала, и я поставлю тебя на колени! — рычал Ягейро, неудачно увертываясь от рогов Гаюрда. Кровь тонкой струйкой текла по его щеке вниз, орошая песок и мелкие камни, устилающие пол. — Не-е-е-т, я не буду тебя убивать, ты станешь таким же рабом, как и твоя мать!

— И не надейся. Я стану повелителем, а ты и твои люди будете страшиться моих приказов! — Гаюрд увернулся от удара, взлетев к своду пещеры.

— Твоих приказов? Приказы будут моими, а ты будешь лишь их исполнителем! — Ягейро слизнул капельки крови раздвоенным языком. — И мы еще посмотрим, кто будет летать, а кто оплакивать выломанные крылья!

— Крылья? Ты хочешь крылья? — зло рассмеялся Гаюрд. — Если они у тебя будут, то не лучше, чем у летучей мыши!

— Да я изуродую тебя так, что только полная дура захочет тебя поцеловать!

— Значит, у нее будет доброе сердце! — сплюнул кровавый сгусток Гаюрд. — А такую мерзкую тварь как ты не полюбит ни одна женщина. Ни умная, ни дура. Силой придется брать!

— Да я тебя сейчас живьем замурую!

Обменявшись очередными ударами, оба брата рухнули на пол, пытаясь отдышаться и стереть пот и кровь со своих лиц.

— А я пожелаю себе бессмертия, — Гаюрд лег на спину, раскинув руки. — И мне будет наплевать на твои угрозы.

— Бессмертия в заточении? Ну что же. Пусть будет так! — Ягейро вернул себе человеческий облик, уже не боясь обессиленного брата. — И лишь слезы той самой девы с добрым сердцем откроют печать забвения.

— Богу будет все нипочем! — собрав камни и песок в горсть, Гаюрд кинул их в сторону брата. — А твой век окажется краток.

— Угу, осталось только найти волшебное зеркало.

Молчание Гаюрга насторожило Ягейро. Он повернул голову и увидел, что тот быстро расчищает пол от песка и камней.

— Брат, мы лежим на зеркале, — растерянно произнес Гаюрд.

— Что же теперь будет? — Ягейро поднял на него испуганные глаза. — Мы залили кровью весь пол...

— И наговорили всяких глупостей...

Пол мелко затрясся, его поверхность пошла волнами.

— Прости, брат! — успел выкрикнуть Ягейро.

— И ты прости...

«Будьте осторожны в своих желаниях!» — эхом оттолкнулся от стен пещеры смех Кадур-га.

— Будьте осторожны в своих желаниях, — медленно повторил проклятый бог слова слепого музыканта, и, хотя его голос звучал громко, губы по-прежнему не шевелились. Он уже сложил свои крылья, ставшие похожими на длинную красную мантию с волочащимися по полу концами.

Обедя взглядом окружающих его людей, он остановился на Роуз. От испытываемого трепета перед могущественным богом она попятилась, но, столкнувшись с Соргосом, остановилась. Тот крепко обнял ее за талию, пытаясь поддержать и успокоить, хотя и его тело сотрясала мелкая дрожь.

— Дева с добрым сердцем, назови свое желание, — Гаюрд наклонился к Роуз, и она увидела, что его зрачки вытянуты вертикально, как у хищного зверя.

Принцесса растерялась. Она посмотрела на замершего в тревоге отца, готового кинуться на помощь по первому зову, потом перевела взор на Петра, пребывающего в крайнем смятении: его рука то ложилась на оружие, то поднималась ко лбу, словно он силился что-то вспомнить, но не мог, то тянулась к душащему его вороту.

Сердце Роуз сжалось. Как бы она хотела вновь увидеть в глазах Петушка любовь, услышать его ласковое «малявка», вместе вспомнить дни счастливого детства и не менее счастливые часы, проведенные бок о бок в Лабиринтах. Фарух обещал вернуть ему память, но Роуз боялась, что на ее беду появятся какие-нибудь непреодолимые препятствия, и Петр никогда снова не будет прежним. Нет, она не могла рисковать.

— Я хочу, чтобы граф Петр Пигеон стал прежним. Таким, каким я его знаю и люблю.

— Да будет так! — взмах красных крыльев — и порожденный им ветер растрепал волосы Роуз, кинув тонкие пряди ей на лицо. Поспешно убирая их ладонями, она все равно упустила момент, когда рядом оказался Петр.

— Прости, но я давно мечтал об этом! — услышала она родной голос, который обращался вовсе не к ней. Соргос, не успев вступить в диалог, вдруг отлетел на пару метров, держась за разбитый нос, а Роуз, подхваченная графом на руки, закружилась с ним по зале.

— Малявка. Как же я по тебе соскучился!

После долгого поцелуя краска стыда залила лицо Роуз, когда проклятый бог склонился над ними. В его глазах светилась усмешка.

— Теперь говори ты, любимый Малявки.

Не выпуская Роуз из объятий, Петр, ничуть не тушуясь, произнес:

— Я хочу, чтобы наша любовь приносила только счастье.

Принцесса удивилась такому странному желанию, ведь иначе и быть не могло, но новый взмах крыльев отвлек ее.

— Да будет так!

— Можно и мне пожелать? — поднимаясь с колен, робко спросила тетушка Катарина. Проклятый бог посмотрел на Роуз, и та кивнула.

— Говори, женщина.

— Я хочу здоровья своему Фаруху и чтобы век его был долог.

Стоило ей закончить, как жрец тут же отозвался:

— И я хочу пожелать долголетия своей жене.

Бог хмыкнул и дважды взмахнул крыльями.

— Теперь говори ты, друг Малявки!

Он указал пальцем на Соргоса. Краснокрылый Гаюрд развлекался. Кто еще допустит промашку в своем желании?

— Я хочу, чтобы в Тонг-Зитт пришел мир, чтобы красные драконы перестали быть кровожадными животными и жили с соседями в ладу.

Проклятый бог раскатисто рассмеялся.

— Ты опоздал со своим желанием. Драконы УЖЕ перестали быть животными, и теперь им ПРИДЕТСЯ жить с соседями в ладу. А ты поможешь им в этом, король.

— Король? Я?!

— Мне понравилась твоя забота о Тонг-Зитте. Ты совсем не думал о себе.

— Не смей отдавать безродному мой трон! — не выдержала «несправедливости» Солнце. Ее мир разваливался на части. — Это во мне течет божественная кровь Варрана Ягейро!

Проклятый бог резко развернулся в ее сторону.

— Скажи с-с-свое желание, жен-щ-щ-щина, — медленно произнес он, смакуя шипящие звуки. Исполин навис над Солнцем, но та сидела, выпрямив спину и гордо вскинув подбородок.

— Я должна быть выше всех! — гордыня говорила за нее.

— Да будет так! — улыбнулся Гаюрд, обнажив сотню острых зубов.

Резко хлопнули крылья. В залу тут же вбежали воины и, подхватив изумленную принцессу под руки, поволокли ее прочь. Она завизжала, не понимая, что происходит.

— Я исполнил твое желание, женщина, — глаза Гаюрда были холодны. — Отныне и навсегда твое место в самой высокой башне королевского замка. Там ты будешь выше всех.

И опять его взор вернулся к Соргосу, который в очередной раз схватился за сердце.

— Я освобождаю всех людей от клятв верности женщине Что Сидит Выше Всех, — торжественно произнес бог. И добавил чуть тише: — Ей сейчас не до вас.

— Я не понимаю! — Соргос обескураженно залез пятерней в волосы, когда краснокрылый бог взмахнул крыльями и растворился в воздухе. — Я ничего не понимаю!

— Удачи, Ваше Величество, — Эдуард собрал свой отряд, готовый покинуть замок. — Мы без расшаркиваний, — улыбнулся он. — Так уж повелось. А с вас, милая тетушка Катарина, гора ватрушек!

— Роуз. Петр! — Соргос окликнул парочку влюбленных. — Спасибо за все. Может, останетесь погостить? Я больше не притронусь к Роуз, обещаю.

— Нет, Ваше Величество, — ответил Петр за двоих, пока Роуз обнималась с тетушкой Катариной, рыдая от счастья у той на плече. — Нам пора. Мама заждалась. А вот компенсация за причиненное неудобство, — он кивнул на распухший нос Соргоса и сунул ему в руки скрученную в тугую рулон полоску кожи. Молодой король развернул ее и, увидев подробную карту, просиял. Теперь он и без Солнца знал, где находится месторождение горючих камней.

Роуз в который раз прощалась с тетушкой Катариной.

— Приезжайте к нам на свадьбу, — уговаривала она добрую женщину. — Папа пришлет за вами драконов и корабль.

— Нет, деточка, слишком далеко ваше королевство. Мы уже не в том возрасте, чтобы месяцами в пути трястись. Как-нибудь в другой раз свидимся. Ты одеялко-то, мною вышитое, сохранила?

— Да, вместе с детскими вещичками Петра у папы в шатре лежит.

— Вот и хорошо. Оно сбережет ваших деток от напастей. Счастливая ты. Не сломили тебя

Лабиринты, не сделали черствой, потому ты вышла из них с достоинством.

— А где вы теперь будете жить: во дворце или в вашем уютном доме в четвертом лабиринте?

— Как Фарух решит. Я теперь без него и шагу не сделаю. Куда он, туда и я.

— Куда он, туда и я, — повторила Роуз и с нежностью посмотрела на Петра. Он прощался с Фарухом, который долгие шесть лет заменял ему отца. — Как он теперь без Анвера?

— Ничего деточка. Он себе занятие уже нашел, будет кого-то воспитывать, из здешних, дворцовых.

— Роуз, Петр! — Эдуард стоял в дверях. — Пора!

— А где Алекс? — Роуз не увидела верного друга отца среди тех, кто спускался к драконам по лестнице.

— Граф Александр Де-Бромон остался во дворце, — эти слова отец произнес, когда черные драконы присоединились к белым и взяли курс на восток — туда, где их ждала армия. — Граф получил новое назначение — теперь он посол Союза пяти королевств в Тонг-Зитте. Здесь предстоит много дел, опытный вояка поможет молодому королю.

Чуть помедлив, Эдуард добавил:

— Ну и пошпионит, конечно. Проклятый бог, которого ты выпустила из Ока, таинственное зеркало желаний, хранящееся где-то под замком в недрах скал — за всем этим нужно присмотреть.

Роуз сидела между двумя самыми любимыми мужчинами в ее жизни, и счастьем ее не было предела.

— Пап, а я выхожу замуж.

— Правда? — Эдуард понял бровь. — И за кого?

Он подмигнул напрягшемуся Петру.

— За Петушка. За любимого Петушка.

— Малявка, не называй его так. Он давно не ребенок. Мой сын стал орлом. И давайте побережем все приятные новости для ушей вашей мамы. Пусть порадуетесь за вас вместе с нами. Все равно, без нее я не смогу благословить вас. И вот что еще, Петр, — Эдуард шутливо сдвинул брови. — Спать будете раздельно. До самой свадьбы. И убери руку с плеча моей дочери, я еще не сказал свое «да».

Как только улыбающийся Петр освободил Роуз из своих объятий, на плечи принцессы легла рука отца.

— Вот то-то же, — проворчал довольный Эдуард.

ЭПИЛОГ

— Дорогая! Я вернул наших детей!

Эдуард бегал из комнаты в комнату по Эрийскому королевскому дворцу, распугивая бледнеющих при его появлении слуг, и уже в десятый раз выкрикивал имя жены, но Свон не откликалась.

— Ну где же ты, милая, — его терпению приходил конец. Он еще с Форша отправил в Северную Лорию почтовых драконов с сообщениями, что возвращается, и чтобы она ждала его в Эрии. Лететь еще несколько дней до родины Свон у него не хватило бы сил, так он мечтал поскорее ее увидеть.

— Ваше Высочество, Ее Высочество в комнате короля, — пискнула присевшая в поклоне служанка, попавшаяся ему навстречу. Она несла большую корзину с бельем. — Его Величество совсем плох.

— Отец! — Эдуард открыл дверь в покои короля Артура Пятого. Спертый воздух, пахнувший лечебными мазями и притирками, безошибочно подсказал, что на кровати лежит тяжелобольной. В памяти всплыла похожая комната, в которой умирал настоящий отец Эдуарда — Себастьян Шовеллер. Тогда, более двадцати лет назад, Эдуард не испытывал таких сильных чувств к умирающему, как сейчас. В то время его сердце не сжималось от предчувствия непоправимой беды. Он любил человека, воспитавшего его как родного сына, и не любил настоящего отца, привнесшего в его жизнь лишь раздор и сумятицу.

У изголовья стояло кресло, в котором дремала Свон, но скрип двери, торопливые шаги и тревожный вскрик заставили ее открыть покрасневшие от бессонных ночей глаза.

— О, Эдуард! — Свон поднялась навстречу мужу и крепко обняла его.

— Что с ним? — голос Эдуарда срывался. Он не ожидал, что его триумфальное возвращение с детьми совпадет со столь безрадостными событиями.

— Он стар и немощен. Я прибыла из Северной Лории сразу же, как только Генрих сообщил о болезни короля, но Кольцо жизни незначительно ослабило его страдания.

Эдуард подошел к кровати. Отец спал. Его грудь вздымалась редко и дыхание сопровождалось хрипами. Рука с Кольцом жизни, безжизненно лежащая поверх белой простыни, была холодна. Наследный принц припал к ней губами, и она слабо пошевелилась.

— Сын...

— Да, Ваше Величество.

— Я ждал тебя. Ты нашел моих внуков?

Эдуард посмотрел в тревожные глаза Свон и догадался, что ни отец, ни любимая не знают о том, что произошло в Лабиринтах, ведь почтовые драконы улетели в Северную Лорию. Сообщить сюда, в эрийский дворец, Эдуард не посчитал нужным, надеясь, что Свон сама расскажет отцу и сыну об итогах похода армии Союза пяти королевств в пески Форша.

— Да, отец, они здесь. Я лишь немного опередил их, загнав своего дракона.

— Позови. Я хочу их видеть.

Свон не стала никого звать, сама выскользнула за дверь. Ее дети во дворце!

Она бежала, распугивая слуг, по анфиладам двоца и длинным переходам, пока не попала на стоянку драконов. Взмолвленная женщина издали увидела, как ее дочь спускается с крыла черного ящера, поддерживаемая Петром.

— Роуз! Петр! — закричала Свон, не в силах ждать, когда дети ее заметят.

Смех, слезы, и вновь смех. Тесные объятия, поцелуи. Свон не верила своему счастью: ее дети снова здесь живые и здоровые. Роуз немного похудела, а Петра совсем не узнать. Почти такой же высокий, как Генрих, который вскоре тоже присоединился к их счастливым объятиям.

— Мам, я выхожу замуж! — Роуз не смогла дождаться удобного момента, чтобы объявить о своем счастье.

— И за кого? — тревога кольнула материнское сердце. Кто тот жених, который собирается опять отнять у нее дочь?

— За орла.

— За какого Орла? — Свон недоверчиво оглянулась на Генриха, который тоже застыл с удивленно открытым ртом.

Роуз радостно засмеялась и прижалась к плечу Петра.

— Это наш Петушок. Папа запретил мне его так называть, сказав, что Петр теперь стал настоящим орлом.

— Подожди, подожди! — Свон отступила на шаг, но счастливые глаза влюбленной пары убедили ее в том, что дети ее не разыгрывают. И опять смех сменялся слезами, радостные крики не менее радостными всхлипами.

— Женщины, — Петр кивнул головой в сторону Роуз и Свон, чувствуя, что они не скоро наговорятся.

— Да, — подтвердил Генрих и совсем как Эдуард многозначительно поднял бровь. — Рад снова видеть тебя, брат!

— А где Петр и Генрих? — наконец очнулась Роуз. Они с матерью так и стояли на заднем дворе. За их спинами черные драконы ссаживали наездников, складывая после этого свои огромные крылья. Один из ящеров привез короля Андаута Уильяма, и тот, широко раскинув руки, приближался к невестке.

— Свон, дорогая. А ты ничуть не изменилась! Все такая же красotka! Не надо никаких церемоний, милая. Дай-ка, я тебя расцелую!

Свон, увидев брата Эдуарда, тут же вспомнила об умирающем короле.

— Печальная новость, — шепнула она Уильяму, утонув в его объятиях, — Ваш отец умирает.

Когда Свон с дочерью и Уильямом пришли в покои короля, они были приятно удивлены. Артур Пятый полулежал на кровати и весело смеялся.

Рядом стояли Петр и Эдуард и наперебой рассказывали какую-то историю из жизни в Лабиринтах. Генрих сидел рядом в кресле и держал старика за руку.

— Роуз, милая! Иди поцелуй своего деда. О, Уильям, сынок! Я так счастлив, что вы все собрались вместе! — король замахал руками, подзывая любимых чад.

— Я ничего не понимаю, — Свон встала возле Эдуарда. — Он только сегодня ночью молил бога, чтобы тот его забрал, а теперь выглядит значительно лучше.

— Это Петр. Не забывай, дорогая, что наш сын — Бахриман. А они отличные целители. Правда, я узнал об этом чуть раньше тебя. Петр только подержал руки над грудью отца, и тот на глазах начал розоветь.

— Петр? — Роуз изумилась не меньше Свон, уступив место рядом с дедом Уильяму. Она услышала слова, произнесенные отцом. — Но он... Но как же?..

Ее взгляд встретился со взглядом загадочно улыбающегося Петра. «Потом» — шепнули его губы.

Роуз нахмурилась, решая обидеться на Петра или нет, но голос отца, произнесшего ее имя, заставил вынырнуть из мира переживаний.

— Наши дети решили пожениться! — громко произнес он, и ликование возобновилось.

— Я не поняла, так нас благословили или нет? — Роуз растерянно обернулась на отца с матерью, желая услышать слова подтверждения.

— Милая, все формальности потом, — дядя Уильям чуть не раздавил ее в своих объятиях.

— А когда свадьба? — решила она уточнить. Эдуард зорко следил за влюбленными весь путь домой, и им приходилось даже целоваться тайком.

— Месяца хватит? — Артур Пятый смотрел на Свон, как на самую трезвомыслящую из всей веселящейся компании.

— Маловато будет, Ваше Величество, — неуверенно начала она, но увидев, как задралась бровь короля, выдохнула:

— Месяц так месяц. Только попробуй и ты задрать бровь, — бросила она Петру, решительно шагнувшему к ней. — Ни дня меньше.

— Спасибо, мама, — сказал Петр, привлекая хрупкую женщину к себе. — Я скучал.

— Я тоже, — смахнула Свон слезу. — Я тоже, сынок.

В день свадьбы Роуз и Петра в Северной Лории выпал снег. Но невеста шла под венец босая, в расшитом нежнейшими шелковыми розами платье и с венком из живых цветов на голове. Все как она мечтала. Королевский зимний сад, заполненный гостями, равнодушно взирал на снежную пелену за запотевшим окном. Здесь всегда царило лето.

— Согласен ли ты, Петр, властитель земель Сулейха, граф Пигеон, взять в жены Роуз, королеву Северной Лории?

— Согласен, — легкая улыбка играла на губах жениха.

— Согласна ли ты, Роуз, королева Северной Лории, стать женой Петра, властителя земель Сулейха, графа Пигеон.

— Вы забыли добавить Верховного жреца и могущественного Бахримана, — уточнила Роуз.

Лишь месяц назад она узнала, что магия вернулась к Петру, как только она попросила проклятого бога, чтобы ее любимый снова стал прежним. Краснокрылый Гаюрд исполнил ее желание намного точнее, чем она загадала. Этим объяснялась и необычная просьба Петра о любви, дарящей лишь счастье. Он сразу почувствовал, что к нему вернулся дар Бахримана, а вместе с ним и пугающая зависимость от любимой женщины. Божественный исполин и здесь понял все верно. Путешествия дорогами Бахриманов больше не заставляли Петра страдать. Единственной опасностью оставались магические ловушки, могущие распылить жреца, но и здесь маги, нанятые Эдуардом, постарались: теперь в проход сначала бросался хрустальный шар, который, неизменно находил ловушку и впитывал ее магию, делая безопасной.

Услышав положенные Петру титулы, Роуз ответила согласием, и стекла королевского зимнего сада содрогнулись от громких радостных возгласов. И вместе со всеми радовались молодые. Высидев положенные часы за свадебным столом, они удалились в свои покои и, вопреки шуткам гостей, знающих о запрете Эдуарда на свидания в спальне, почти сразу уснули — слишком напряженным выдался последний месяц. Коронации, вхождения в права и подготовка к свадьбе вымотали обоих.

Во всей свадебной кутерьме молодожены не заметили несколько событий, которые в будущем повлияют на судьбу Союза пяти королевств.

Свон и Эдуард скрыли от счастливой пары непростое решение, принятое ими в отношении своего сына Генриха. Его помолвка с Эльзой — двенадцатилетней принцессой Лунного королевства была расторгнута, и он опять перешел в партию завидных женихов. Об истинных причинах такого тяжелого решения никому не сообщалось. Чуть позже в народе прошел слух, что принцесса Эльза больна и находится при смерти, но ее пытаются выводить в одном из далеких лесных монастырей. Правда, даже если смерть не приберет ее, то девочка все равно никогда не сможет составить кому-либо партию — она навсегда останется калек. Свон и Эдуард предпочли не опровергать и не поддерживать слухи.

Не заметили молодожены и завистливого взгляда девочки-сироты четырнадцати лет, прибывшей в королевский дворец вместе с тетушками Эдуарда — дряхлыми и в силу возраста полубезумными старушками, доживающими свой век в замке герцогства Винталь, что занимало всю Южную Лорию — родину погибшей Елизаветы Эрийской, матери Эдуарда и Уильяма, в девичестве Винталь.

На свадьбу Петра и Роуз не смог прибыть Руфф Бреужский, в силу того, что он находился в собственном свадебном путешествии, став мужем королевы небольшого государства Корп, славного своими белолшвейками. Жена Руффа была старше его на добрых двадцать лет и отличалась скверным характером, но молодой король не унывал. Его возвращения из путешествия с нетерпением ждала некая пухлотелая рыжая горожанка, перебравшаяся следом за венценосным любовником в Корп.

В Лабиринтах жизнь текла своим чередом, король Соргос налаживал отношения с соседями. Он намеренно ослабил рынок самого крупного торгового города, запретив своим подданным покупать рабов. А еще выставил на торги в Форше первую партию отменных горячих камней, чем переманил к себе большинство покупателей.

Его королевство потихоньку привыкало жить без драконов. Запутанные и опасные лабиринты было решено не разрушать — они остались единственной защитой от вторжения неприятеля, если такой вдруг объявится. Но тонг-зиттцы получили право свободного перемещения, отчего профессия проводника стала востребованной и хорошо оплачиваемой.

Девятый лабиринт достраивался общими силами, и теперь там размещались склады горячих камней и постоянные дворы для торговцев со всего света. Не обошлось без трактиров и приятных

сердцу магазинчиков. Пекарни «Плюшки тетушки Катарина» славились самыми вкусными пирогами и булочками, распространяя по лабиринтам запах сдобы, ставший символом мирной жизни.

Пересекая внутренний двор королевского замка, Соргос задрал голову вверх и всмотрелся в мрачные черты сторожевой башни. Сегодня ее вершина тонула в низких седых облаках, нагнанных дышащим зимой ветром. В ясную погоду на узком балконе, опоясывающем покои, можно было увидеть саму пленницу, которая медленно ходила по кругу. Украшенный зубцами выступ — единственное место, где она могла гулять.

Наказание краснокрылого Гаюрда оказалось более суровым, чем Соргос ожидал. Солнце пыталась выйти за порог своих покоев, но невидимая дверь не пускала ее, откидывая назад. И чем с большим усилием принцесса драконов пыталась пробиться, тем с большей силой противодействовала магическая граница. Но не только в отношении Солнца магия проявляла свой характер. Слуги высокого роста не отваживались ступить даже на лестницу — такой дикий страх их охватывал. Но стоило в башню зайти коротышкам, они вообще не чувствовали какого-либо сопротивления.

Хотела того Солнце или нет, но она всегда была выше всех. Даже выше короля.

Краснокрылый Гаюрд больше не появлялся, но Соргос ощущал его незримое присутствие. Король замечал, что если проклятый бог был доволен его решениями, то все получалось как нельзя лучше, но стоило задумать что-то, что незримый Гаюрд не одобрял, то хоть лоб расшиби, дело с места не сдвинется.

Конечно, королю приходило на ум, что где-то под замком в таинственной пещере все еще существует зеркало, исполняющее желания, но страж в лице своенравного бога мог отпугнуть любого, пытающегося найти туда лазейку.

Вместе с Фарухом Соргос разобрал старинные манускрипты, подтвердившие рассказанную Гаюрдом историю. Некоторые из документов были написаны рукой самого Ягейро — Варрана, возжелавшего обрести крылья. Зеркало в точности исполнило его страстную мечту, но всю свою недолгую жизнь он казнился, что ссора с братом сделала их обоих несчастными. Ягейро с тех пор всегда был осторожен в желаниях. Жаль, что потомки первого красного дракона с годами утратили знания и все больше превращались в животных.

Фарух, вопреки ожиданиям Соргоса, не оставил королевский дворец, хотя возраст позволял ему уйти на покой. Выпрошенное у бога здоровье и небольшой рост давали ему возможность посещать принцессу Солнце.

Король смотрел на эти визиты сквозь пальцы. Что может изменить старик, привязавшийся к бывшей принцессе драконов, и его воспитанница, взявшаяся неизвестно откуда, и которую он всюду таскал за собой? Жрец и тетушка Катарина прикипели к сироте всей душой. Она заполнила тот уголок в их сердцах, который опустел после смерти Анвера.

Соргос проводил взглядом Фаруха, спешащего к башне. Большие глаза малышки с любопытством уставились на короля. Соргос улыбнулся, и девочка махнула ему в ответ растопыренной ладошкой. Фарух оглянулся на короля и быстро спрятал оголившуюся ручку ребенка под теплую шаль, в которую была укутана воспитанница.

Воины, отрабатывающие боевые движения, отвлекли короля. Бывшие драконы с трудом привыкали быть людьми, но ничего другого им не оставалось.

— У нас все получится, — как молитву произнес молодой король и почувствовал, как ветер взметнул его волосы. Если бы он обернулся, то увидел бы взмывающего ввысь краснокрылого Гаюрда, прозрачного, как сам осенний воздух.

— Дай мне ее на руки, — потребовала Солнце, стоило жрецу ступить на последнюю ступень винтовой лестницы. Малышка сама потянулась к принцессе драконов. Ее пухлые руки обхватили шею женщины. Девочка, глядя Солнце в лицо, что-то радостно залопотала.

— Она все сильнее становится похожа на отца, рано или поздно это заметят, — произнес Фарух, потирая уставшие руки.

— Соскучилась, милая моя? Мама тоже тосковала без тебя, — улыбнулась принцесса малышке, вполуха слушая ворчание старика. — Ничего, мы что-нибудь придумаем. Правда, моя хорошая?

Прошел час, и утомленная играми девочка уснула. Солнце накрыла ее одеялом и, чтобы не тревожить сон дочери, вышла с Фарухом на балкон.

— Как она? — с тревогой в голосе спросила Солнце.

Ветер налетал порывами, поднимая полы одежды, бросая в лицо волосы, заставляя закрывать глаза, но двое, стоящие на вершине караульной башни, не обращали на него внимания.

— Еще рано говорить, — замялся старик. — Мне никогда не приходилось воспитывать девочек. И честно говоря, Ваше Высочество, мне боязно.

— Я не зря уговорила тебя остаться в Тонг-Зитте. Да, у тебя почти нет дара, но ты единственный, кто может быть наставником для маленького Бахримана. Вернее, Бахриманши.

— Мы не знаем причину, по которой жрецы оставляли себе только мальчиков. Но я уже сейчас вижу, как сильно она отличается от моего сына. У нее слишком рано проявились задатки сильного мага.

— Ну что же. Придет время, и мы устроим папе сюрприз, — Солнце обернулась на спящую дочь, чьи темные кудри и глаза были в точности как у Петра.